

Администрация Краснодарского края
Законодательное Собрание Краснодарского края
Российское общество «Знание»
Краснодарская региональная просветительская
общественная организация «Знание»
Филиал Санкт-Петербургского института внешне-экономических связей,
экономики и права в г. Краснодаре
Кубанский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: УРОКИ ИСТОРИИ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

К 100-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

31 АДЛЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ

**СБОРНИК СТАТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

26–30 МАЯ 2017 г.

Краснодар
Традиция
2017

УДК 327(470)
ББК 66.4(2Рос)
П78

Редакционная коллегия

- А. А. Зайцев** – доктор исторических наук, доцент
(ответственный редактор)
- А. В. Баранов** – доктор исторических наук,
доктор политических наук, профессор
- П. Е. Бойко** – доктор философских наук, профессор
- А. В. Ващенко** – кандидат исторических наук, доцент
- А. М. Виноградов** – доцент СПб ИВЭСЭП
(заместитель ответственного редактора)
- В. В. Касьянов** – доктор исторических наук,
доктор социологических наук, профессор

П 78 Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. К 100-летию Великой русской революции, сборник статей международной научно-просветительской конференции, 26-30 мая 2017 г. / отв. ред. А. А. Зайцев / Адм. Кр. кр., ЗСК, РОЗ, КРПОО «Знание», Филиал СПб ИВЭСЭП в г. Краснодаре, КубГУ. Краснодар: Традиция, 2017 – 000 с. – (31 Ад-лерские чтения).

ISBN 000-0-00000-000-0

УДК 327(470)
ББК 66.4(2Рос)

ISBN

© КРПОО «Знание», 2017
© Издательство «Традиция», 2017

Administration of Krasnodar Region
Legislative Assembly of Krasnodar Region
Russian society «Znanie»
Krasnodar Regional Division of «Znanie» Society
Krasnodar Branch of Saint-Petersburg Institute of External
Economic Relations, Economics and Law
Kuban State University

THE RUSSIAN NATIONAL SECURITY ISSUES: LESSONS OF HISTORY AND MODERN CHALLENGES

**TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE GREAT RUSSIAN
REVOLUTION**

31 ADLER READINGS

**THE DIGEST OF ARTICLES OF THE
INTERNATIONAL SCIENTIFIC & EDUCATIONAL CONFERENCE**

MAY 26–30, 2017

Krasnodar
Tradition
2017

EDITORIAL BOARD

A. A. Zaitsev

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
(Editor-in-Chief)

A. V. Baranov

Doctor of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor

P. E. Boyko

Doctor of Philosophy, Professor

A. V. Vaschenko

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

A. M. Vinogradov

Associate Professor
(Editor-in-chief Assistant)

V. V. Kasyanov

Doctor of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея проведения на базе пансионата «Знание» ежегодных конференций зародилась более двадцати лет назад – в мае 1995 г. на научно-практической конференции, посвящённой празднованию 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. Основой их тематики стали исторические, философские, политологические, правовые и экономические проблемы участия России в войнах XX в., а также традиции и современные аспекты российского патриотизма. Инициаторами проекта выступили Краснодарская региональная организация Общества «Знание», администрация Краснодарского края и исторический факультет Кубанского государственного университета.

Начиная с 2006 г. благодаря целевым программам и грантам администрации Краснодарского края, направленным на поддержку некоммерческих организаций, включая региональное отделение Общества «Знание», стало возможным проведение двух ежегодных сессий конференций под традиционным названием Адлерских чтений. За последнее десятилетие определились новые приоритетные направления конференций, ставших научно-просветительскими вследствие существенного расширения круга участников и авторов, а также читательской аудитории и рассматриваемой проблематики. Среди традиционных тем Адлерских чтений вопросы развития и взаимодействия личности, общества и государства, а также проблемы национальной безопасности России. Столь актуальная тематика привлекла внимание не только российских, но и зарубежных учёных, вследствие чего весенняя сессия конференции приобрела статус международной.

Всего в 31-й сессии приняли участие более пяти тысяч человек не только из Российской Федерации, но и из 26 зарубежных государств, представляющих Республики Абхазия, Азербайджан, Австрия, Армения, Беларусь, Болгария, Венгрия, Италия, Казахстан, Мали, Молдова, Польша, Португалия, Сербия, Словакия, Таджикистан, Турция, Украина, Франция, Чехия, а также Федеративную Республику Германия, Канаду, Социалистическую Республику Вьетнам, Палестинскую автономию, Соединённые Штаты Бразилии и Соединённые Штаты Америки.

По итогам конференций было издано 34 тома сборников статей, в которых опубликованы работы почти 1450 авторов. Наиболее активными городами-участниками цикла конференций стали Краснодар, Москва, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Ставрополь, Самара, Новосибирск.

Настоящая сессия Адлерских чтений, приуроченная к 100-летию Великой русской революции, посвящена её историческим урокам в свете проблем национальной безопасности России и вызовов современности, а также вопросам философского, исторического, политологического, социологического, правового их осмысления.

Президент России Владимир Путин в Послании Федеральному собранию РФ напомнил российскому обществу о приближающемся юбилее Великой русской революции: «Наступающий 2017 год – год столетия Февральской и Октябрьской революций. Это весомый повод ещё раз обратиться к причинам и самой природе революций в России. Не только для историков и учёных – российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий».

Оживлённую дискуссию среди участников Адлерских чтений вызвала тема межсекционного круглого стола «Высшее образование сегодня: востребованность государством и обществом, качество и доступность, права и обязанности участников образовательного процесса». Обсуждение этой актуальной для современной России темы продолжилось в ходе выездного заседания комиссии по развитию науки и образования Общественной палаты Российской Федерации.

Научный потенциал авторов представленного сборника статей традиционно высок. Конференция привлекла внимание не только российских учёных из 29 городов 24 субъектов 7 федеральных округов Российской Федерации, но и их зарубежных коллег из 5 государств – Республик Армения, Абхазия, Беларусь, Болгария, Сербия.

Всего же на участие в конференции историками, политологами, социологами, философами, юристами и экономистами, среди которых более 35 докторов наук и 45 кандидатов наук, было подано свыше 120 заявок. В настоящий сборник включены отобранные оргкомитетом и редакционной коллегией 59 статей 65 авторов.

С электронными версиями этого и предыдущих сборников статей Адлерских чтений можно ознакомиться на портале E-library.ru.

Редакционная коллегия настоящего сборника статей будет признательна его авторам и читателям за предложения и замечания, адресованные в оргкомитет Адлерских чтений:

350002, г. Краснодар, ул. Леваневского, 82, каб. №5
или e-mail: VAM9999@gmail.com

INTRODUCTION

The idea of annual conferences held by “Znanie” Society was born more than twenty years ago, in may of 1995 at the scientific-practical conference in Adler, devoted to the 50-th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. The major problems of the conferences were the historical, philosophical, political and legal issues of Russia’s participation in the XXth century wars, and also the traditional and modern aspects of Russian patriotism. The Krasnodar Regional Organization of “Znanie” Society, the Administration of Krasnodar Region and the Historical Department of Kuban State University were the originators and sponsors of the project.

Thanks to special-purpose programmes and grants given by the Krasnodar region administration for supporting non-profit organizations, including the “Znanie” Society, two annual sessions of the conferences under the traditional title of “Adler Readings” have been held since 2006.

The new priorities of the conferences have been defined in the recent decade due to the fact that “Adler readings” has acquired the scientific and educational status thanks to the significant expansion of the range of participants and sponsors as well as readership and considered problems. Among the “Adler readings” traditional discussion areas are the issues of individuals, society and the State development and interactions as well as the problems of Russia’s national security. These actual questions attracted the attention not only Russian but also foreign scholars, and as a result a spring session of the Conference has gained the international status.

A total of 31 sessions have been held. They have been attended by over five thousand people not only from Russia but also from 26 foreign countries, namely the Republic of Abkhazia, Azerbaijan, Austria, Armenia, Belarus, Bulgaria, Hungary, Italy, Kazakhstan, Mali, Moldova, Poland, Portugal, Serbia, Slovakia, Tajikistan, Turkey, Ukraine, France, the Czech Republic, as well as the Federal Republic of Germany, Canada, the Socialist Republic of Viet Nam, the Palestinian Autonomy, Brazil and the United States of America.

Follow-up to conferences 34 volumes of the printed materials have been published, the works of more than 1450 authors have been published there. Krasnodar, Moscow, Rostov-on-Don, Saint Petersburg, Stavropol, Samara, Novosibirsk have been the largest cities-participants of the conferences.

This session of the Adler Readings, timed to the 100th anniversary of the Great Russian Revolution, is devoted to its historical lessons in the light of the problems of Russia's national security and the challenges of the present, as well as philosophical, historical, political, sociological, legal interpretation of them.

Russian President Vladimir Putin in his message to the Federal Assembly of the Russian Federation reminded the Russian society of the imminent anniversary of the Great Russian Revolution: "The coming 2017 is the year of the century of the February and October revolutions. This is a good reason to turn once again to the causes and nature of the revolutions in Russia. Not only for historians and scientists – Russian society needs an objective, honest, in-depth analysis of these events."

The animated discussion among the participants of the Adler Readings was caused by the theme of the inter-section round table "Higher Education Today: Demand for the State and Society, Quality and Accessibility, Rights and Obligations of Participants in the Educational Process". Discussion of this topic, topical for modern Russia, continued during the visiting session of the Commission for the Development of Science and Education of the Public Chamber of the Russian Federation.

The scientific potential of the conference participants is traditionally very high. The conference has attracted attention of Russian scholars from 29 cities, 24 constitutional territories from 7 federal districts of the Russia Federation as well as foreign experts from 5 states: the Republics of Armenia, Abkhazia, Belarus, Bulgaria, Serbia.

The total number of applicants for the Conference participation was more than 120 specialists in the field of history, political science, sociology, philosophy, law and economy, among them there were more than 36 doctors and 50 candidates of Science and PhDs. The present volume includes 59 articles by 65 authors selected by the Conference.

With electronic versions of this and the previous collections of articles Adler readings can be found on the portal E-library.ru.

The editorial board of this collection of articles will be grateful to its authors and readers for suggestions and comments addressed to the Organizing Committee of the Adler Readings:

350002, Krasnodar, ul. Levanevsky, 82, №5
e-mail: VAM9999@gmail.com

Авксентьев В. А. (Ростов-на-Дону)

Политика идентичности в современной России и манипулятивные практики деконструкции

Доклад и публикация подготовлены в рамках исследовательского проекта «Технологии противодействия укреплению общероссийской идентичности как фактор рисков национальной безопасности», реализуемого при финансовой поддержке РФФИ, грант №16-03-00038.

Аннотация. Анализируются манипулятивные практики деконструкции российской идентичности, направленные на четыре мишени: государственность, армия, православная церковь и большой спорт. Делается вывод, что России нужна политика идентичности, включающая противодействие практикам, направленным на деконструкцию общероссийской идентичности.

Ключевые слова: идентичность, манипулятивные практики деконструкции, медийная индоктринация.

The identity policy in modern Russia and the manipulative practices of deconstruction

Abstract. Manipulative practices of deconstruction of Russian identity, aimed at four targets: statehood, the army, the Orthodox Church and great sport, are analyzed. It is concluded that Russia needs an identity policy, which includes counteraction to practices aimed at deconstructing the all-Russian identity.

Keywords: identity, manipulative practices of deconstruction, media indoctrination.

Проблемы идентичности стали одними из ключевых как в отечественном, так и в мировом социальном знании. Такой интерес к проблематике неслучаен. В информационных и гибридных конфликтах XXI века идентичности выступают в качестве важнейших мишеней, на которые направлена так называемая «мягкая сила». Проблемы идентичности являются одними из наиболее рискогенных для полиэтничных государств. Проведённые и готовящиеся в ряде стран референдумы показали, что сепаратизм, ирредентизм и энозис стали заметными элементами политики в современном мире. Важнейшей частью идентичностей XXI века, формирующихся под воздействием глобальных процессов, стал цивилизационный выбор, цивилизационная идентичность народов, стран и континентов.

В противоречивых условиях глобализации и деглобализации возникают и целенаправленно «взрачиваются» региональные идентичности.

В российских исследованиях последних лет много внимания уделяется формированию российской идентичности, приняты документы, ориентированные на укрепление общероссийской идентичности. О том, насколько общество вовлечено в социально-политический дискурс по проблемам идентичности, свидетельствует всплеск экспертной и публичной активности вокруг предложения принять закон о российской нации.

В России за последние годы достигнуты успехи в формировании общероссийской гражданской идентичности, ещё в начале нынешнего десятилетия сделан вывод о сформированности общероссийской идентичности [1, с. 72–85]. Продвигается идея российской цивилизационной идентичности [2, с. 23–30]. Однако российская идентичность всё ещё остаётся недостаточно устойчивым образованием и поэтому является удобным объектом манипулирования.

На основе проведённого в 2016 году в рамках исследовательского проекта «Технологии противодействия укреплению общероссийской идентичности как фактор рисков национальной безопасности» экспертного опроса сделан вывод, что политика идентичности как сознательно проводимый курс государства в современной России не сформировалась, но текущие политические практики свидетельствуют, что проблемы идентичности находятся в поле зрения государства.

Понятие «политика идентичности» относительно недавно вошло в российский научный оборот и почти не присутствует в общественно-политическом дискурсе страны. В зарубежной литературе и политическом лексиконе этот концепт используется несколько десятилетий. За рубежом политика идентичности включает в себя многие направления: это не только общегражданская идентичность, чему уделяется значительное внимание в большинстве полиэтничных стран, но и политика идентичности в отношении различных меньшинств, не только этнических, но, например, сексуальных. Однако ядром современной политики идентичности является формирование интегрированного общества в этнокультурном и этноконфессиональном плане с учётом специфики страны.

В российском политическом дискурсе проблемы формирования идентичности прочно увязаны с этнокультурным и этноконфессиональным многообразием страны и формированием

единого консолидированного именно в этом аспекте общества (например, концепт российской нации).

Политика идентичности должна включать систему мер, направленных на утверждение комплекса ценностей: идентичность с российской полиэтничной культурой и российскими ландшафтами; приверженность ценности патриотизма; вера в единство народа несмотря на все этнокультурные различия; отношение к государству как к Отечеству (а не только как к правовому пространству и правовым институтам); доверие к вооружённым силам; уверенность в силе и мужестве российского характера, который проявляется в кризисных исторических ситуациях (войнах), спортивных достижениях, покорении космоса, трудных природных пространств (тайги, Арктики) и др.; уверенность в статусе России как субъекте мировой истории, активно участвующей в конструировании мирового порядка.

Наряду с этим политика идентичности должна включать в себя технологии, направленные на противодействия практикам манипуляции общественным сознанием россиян, что представлено в политических практиках значительно слабее.

Технологии противодействия формированию общероссийской идентичности концентрируются вокруг нескольких идеологем, которые периодически «вбрасываются» в общественное сознание, а некоторые обрели широкую популярность. В своём большинстве такие технологии имеют «облагороженный» характер, облачены во вполне грамотно разработанные идеи и концепции, что делает их трудно идентифицируемыми и даже привлекательными.

Ярким примером тому является концепт толерантности, настолько прочно усвоенный отечественной гуманитарной наукой, что сама постановка вопроса о том, что идея толерантности, акцентирующая различия, является препятствием для формирования идентичности, т. е. тождества, встречает неприятие в профессиональной среде. Между тем западные психологи отмечают, что толерантность помещает «другого» в негативный спектр восприятия (эффект через-себя-переступания).

Другим механизмом противодействия идентичности является формирование т. н. негативной идентичности, когда образы России формируются исключительно в негативном ключе. Основными «мишенями» в российской идентичности в 2016 году стали российская государственность, армия, православная церковь. В последнее время инструментом, направленным против российской идентичности, стал «большой спорт». В то же время

почти сошло на нет манипулирование таким событием, как воссоединение Крыма с Россией.

Средства массовой информации, публицистика, нередко и научные изыскания наполнены, как правило, мрачными прогнозами. Современная российская идентичность связана с такими понятиями, как кризис, стагнация, с такими образами, как «Россия в состоянии вечного развала», «Россия – безнадёжное болото», «Россия умерла, но этого никто не заметил», «Катастрофическая история» и т. д. Понятие «кризис» было одним из самых употребляемых в массовой коммуникации даже тогда, когда объективно Россия была на подъёме. В течение всего постсоветского периода культивируется тезис о необходимости стать «нормальной страной». Эта идеологема стала одной из базисных в эпоху ранних либеральных реформ 1990-х гг. и, казалось бы, исчерпала потенциал. Однако её активно пытаются возродить в условиях современных геополитических и цивилизационных трансформаций. В концентрированном виде эта идеологема сформулирована С. Белковским: в этой стране ни при каких обстоятельствах не будет ничего хорошего; здесь нет будущего, жалко себя, но ещё больше – детей и внуков (если есть, если нет – особенно жалко); пора валить [Подробнее см.: 3].

Мощным инструментом влияния на социокультурные идентичности является медийная индоктринация. Контент-анализ электронных СМИ (мониторинг интернет-сервиса «Рамблер-новости» в ежедневном режиме) позволил составить базу данных по деструктивным в отношении российской идентичности анонсам новостей, размещённым на главной странице интернет-сервиса. Только за IV квартал 2016 г. выявлено не менее десяти таких анонсов. В качестве типичных примеров можно привести: «Япония и Китай делят российский Транссиб»; «Сергей Безруков увёз дочку из России»; «Эксперт ОНФ о Крыме: ситуация близка к катастрофической». Наиболее вызывающим явился анонс «Патриарх Кирилл назвал Христа и апостолов «неудачниками». Формируется негативная идентичность россиян, фактически навязывается негативное восприятие России и «российскости». При этом содержание материалов, для знакомства с которыми необходимо перейти по ссылке, не имеет отношения к российской идентичности и не соответствует пафосу анонса.

Аналогичные анонсы присутствуют и в других интернет-сервисах. Нет оснований заподозрить журналистов или редакцию в целенаправленных «атаках» на российскую идентичность или рассматривать интернет-сервис «Рамблер» как оппозиционный;

в погоне за сенсационной презентацией материалов обращение к деструктивным для российской идентичности средствам стало частью журналистской рутины.

В общественно-политическом дискурсе происходит замена понятия «россиянин» на формулу «граждане Российской Федерации», что понижает идентификационный уровень российской идентичности с содержательного (идентификация с народом) до формального (фиксация гражданства).

Сложился кризисный модус поведения, когда на основе устойчивого восприятия состояния окружающего социума как кризисного формируется соответствующее мировоззрение и стереотипы поведения, связанные с фрустрацией, негативистским и агрессивным отношением к действительности, эскейпизмом и т. д.

Для многонационального государства, каким является Россия, большую опасность представляют националистические идентичности, являющиеся, по сути, негативными идентичностями. Украинский кризис даёт в этом плане хороший урок для России: националистическая идентичность – источник внутреннего раскола в полиэтничном обществе. В качестве примеров идеологом в российском националистическом дискурсе можно привести противопоставление русского и российского, например демонстративное использование понятия «россиянский» вместо «российский», причём обязательно в уничижительном контексте. К этому арсеналу относятся такие понятия, как «ЭРЭФия» и «эрефянский».

Российская идентичность имеет сегодня преимущественно государственный (а не цивилизационный, или социокультурный) характер. Идея крепкого, надёжного, справедливого государства составляет идеологическую основу российскости. В таком идеологическом конструкте, формировавшемся веками, есть свои плюсы и минусы, но этот образ не может быть заменён другим в качестве идентификационной основы россиян.

В этом плане трудно переоценить роль украинского фактора в развитии российской идентичности [4, с. 47–55]. Вся конструкция Русского мира при любой интерпретации этого концепта неминуемо рухнет при изъятии из данной конструкции Украины, поэтому деконструкция Русского мира на Украине является важным направлением противодействия российской идентичности. Возросла значимость интерпретации исторического периода Киевской Руси. Предпринимаемые на Украине попытки присвоения целых пластов единой

истории двух народов ставит под вопрос культурно-исторические основы российской цивилизационной идентичности. В результате подобной деконструкции появляется некая «украинская цивилизация» с тысячелетней историей, более древняя, чем российская, а сама российская цивилизация оказывается сомнительной исторической субстанцией с неясными и даже «порочными» азиатскими корнями.

Таким образом, современной России нужна концептуализированная артикулированная политика идентичности с внятыми и воспринимаемыми обществом целями, включающая задачи противодействия манипулятивным практикам, направленным на деконструкцию общероссийской идентичности.

Список источников и литературы

1. *Дробижева Л. М.* Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет // Россия реформирующаяся. 2011. № 10. С. 72–85.
2. *Аксюмов Б. В.* Российская цивилизационная идентичность: теоретические контуры и практические возможности // Научная мысль Кавказа. 2015. № 3 (83). С. 23–30.
3. С. Белковский. Как выжить в эпоху Путина // Сноб, 07.06.2016. Электронный ресурс. <https://snob.ru/selected/entry/109346>. Дата обращения 20.06.2016.
4. *Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В.* Технологии деконструкции Русского мира в постмайданной уkraine // Научная мысль Кавказа. 2016. № 3 (87). С. 47–55.

Алмазов И. Г. (г. Назрань)

Особенности национально-государственной политики Добровольческой армии Юга России в Ингушетии в 1919–1920 гг.

Аннотация. В статье анализируются военно-политические аспекты и институциональное государственное строительство на занятой Добровольческой армией Юга России территории Ингушетии в 1919–1920 гг. с целью освещения специфики национально-государственной политики командования Добровольческой армии Юга России и его правительств в регионах Северного Кавказа.

Ключевые слова: Ингушетия, горцы, Добровольческая армия Юга России, Гражданская война, ингуши, терские казаки, Терская область, автономия.

Features of the national-state policy of the Volunteer Army of the South of Russia in Ingushetia in 1919–1920

Abstract. This article analyzes the political and military aspects and institutional nation-building on a busy Volunteer army in Ingushetia in Southern Russia in 1919–1920 gg. to highlight the specificity of national public policy Volunteer army command in Southern Russia and its government in the regions of the North Caucasus

Keywords: Ingushetia, highlanders, Volunteer army in Southern Russia, the civil war, ingush, Terek cossacks, Terek oblast, autonomy.

Государственный переворот осени 1917 года в Петрограде положил начало окончательному распаду Российской империи и оказал существенное воздействие на ход и характер дальнейшего исторического развития народов Северного Кавказа, в т. ч. Ингушетии. Последовавшая вслед за смутой осени 1917 года Гражданская война способствовала изменению дальнейшего исторического развития Российского государства. Своеобразную идентичность она имела и в Терской области, всегда выделявшейся из иных регионов России своей полинациональностью и поликонфессиональностью состава населения, в частности, Ингушетии.

Добровольческая армия Юга России под командованием генерала А. И. Деникина – основная ударная сила Белого движения в южных регионах России – в результате успешных боевых наступательных действий летом–осенью 1918 года, заняв большие территории на Северном Кавказе, приступила к национально-государственному строительству на занятых ею территориях со смешанным горско-казачьим населением, стремясь внедрить здесь институциональную новую модель, альтернативную прежней большевистской.

В начале февраля 1919 года, продолжая успешные наступательные действия на Северном Кавказе и преследуя отступавшие в беспорядке части 11-й РККА, передовые дивизии Вооружённых сил Юга России (новое наименование Добровольческой армии Юга России в 1919 г.), овладев в ходе упорных боёв Нальчиком и Владикавказом, подошли к границам Ингушетии.

Ингушетия подготовилась к предстоящим оборонительным боям с сильным противником и замерла в ожидании. Командование ВСЮР, понимая, что ингуши не питают особых симпатий

к Белому движению, предъявило им ультиматум, включавший около десятка требований, именно: признать власть ВСЮР, пропустить белогвардейские части через свою территорию далее в Чечню к Грозному, возместить терским казакам все причинённые ими экономические убытки, выдать всех большевиков и красноармейцев, укрывшихся в ингушских селениях, а также провести мобилизацию мужчин в возрасте от 18 до 40 лет в ряды ВСЮР и др. [1].

Экстренно состоявшийся 4 февраля 1919 года съезд ингушского народа в селе Базоркино отверг эти требования [2, с. 355]. Началось вооружённое противостояние с ожесточёнными боями на всей равнинной части Ингушетии. Ингушские ополченцы и вооружённые отряды, большей частью состоявшие из вчерашних офицеров и всадников Ингушского конного полка Дикой дивизии, оказали белогвардейцам ожесточённое сопротивление. Каждый из ингушских всадников, прошедших боевой опыт Великой войны 1914–1917 гг., стоил в бою десяти белогвардейских солдат. Однако противостоять численно превосходящей и хорошо вооружённой армии ингушские вооружённые отряды и ополченцы долго не смогли. 11 февраля, потерпев ряд серьёзных поражений на равнине, ингуши вынуждены были отступить в горы и пересмотреть своё прежнее решение, согласившись номинально признать власть ВСЮР и пропустить войска далее на Грозный.

Ингушетия (составлявшая тогда Назрановский округ Терской области) была включена в состав обширного Терско-Дагестанского края – новой административно-территориальной единицы, созданной в январе 1919 года на Северо-Восточном Кавказе лидерами Белого движения. Командованием ВСЮР управление краем было возложено на генерал-лейтенанта В. П. Ляхова, впредь именовавшегося на новой должности – Главноначальствующим [3].

Стремясь приобрести симпатии и привлечь на свою сторону в качестве союзников воинственных горцев Северного Кавказа, в т. ч. ингушей, командование ВСЮР, впервые в истории России, приняло решение предоставить им широкую внутреннюю автономию. Эта, безусловно, важная и значимая инициатива нашла отражение в разработанном управляющим делами Главноначальствующего Терско-Дагестанского края сенатором Н. Л. Петерсоном проекте «Временных правил об управлении на Северном Кавказе». Основная суть данного проекта заключалась в том, что согласно его пунктам горцам предоставлялись

широкие права для местного самоуправления во всех его проявлениях. Устанавливали принципы добровольности и выборности. Так, например, глава администрации округа избирался на съезде ингушского народа представителями всех обществ Ингушетии. Он получал установленную командованием ВСЮР должность «*Правителя Ингушетии*». В его руках сосредоточивались местное самоуправление и хозяйственные дела, также он командовал «*войсками, сформированными из местных горских народов*» и расположенными на территории округа, в связи с чем этот пост мог занимать офицер в звании не ниже полковника. В то же время власть правителя была не единоличной. При нём состояли помощники по военной и гражданской части, а также выборный Совет из «*представителей народа*» [4]. На все должности в местной администрации должны были назначаться только этнические ингуши.

Согласно пунктам «*Временных правил...*» в Ингушетии не менее одного раза в год должен был собираться съезд ингушского народа для обсуждения накопившихся вопросов и принятия наиболее важных для региона и народа решений. Депутаты на съезд выбирались и делегировались от аульных сходов [5, с. 185]. Что касается аулов, то вся полнота власти в них находилась в руках общего аульного схода и выбираемых ими сельских старшин. Что же касается органов судебной власти, то здесь предполагалось восстановить полномочия прежних горских словесных и народных словесных, а равно и шариатских судов, упразднённых ранее большевиками.

Учитывая прогрессивность для того сложного времени и значимость данного законопроекта в глазах горских народов Северного Кавказа, Главнокомандующий ВСЮР генерал А. И. Деникин утвердил его. Однако вскоре в законопроект пришлось вносить определённые коррективы, обусловленные всё ещё продолжавшимися на Северном Кавказе боевыми действиями с остатками Красной армии, а именно, генерал счёл нужным лично назначить правителя Ингушетии. Выбор Главнокомандующего остановился на боевом офицере генерал-майоре Российской Императорской армии С. Т. Мальсагове, ингуше. С первых дней своей деятельности первый правитель Ингушетии направил все свои усилия для консолидации ингушского общества и установления устойчивого внутреннего мира. Пожалуй, одним из важнейших первых шагов его деятельности на новом посту можно считать решение аграрного (земельного) вопроса в Ингушетии. Несмотря на оказываемое на него определённое давление

Штабом Главнокомандующего ВСЮР, генерал С. Т. Мальсагов категорически отказался пересмотреть итоги земельной реформы, проведённой большевиками в Ингушетии осенью 1918 года, признав т.о. за ингушами полученные ими наделные земли, ранее принадлежавшие терским казакам; исходя из исторических фактов – до того как они были переданы самодержавием терским казакам после окончания Кавказской войны 1817–1864 гг., земли эти веками принадлежали ингушам. По инициативе генерала С. Т. Мальсагова для поддержания внутреннего порядка в Ингушетии был сформирован Шариатский полк из 1200 всадников во главе с известным в Ингушетии улемом и муллой Торко-хаджи Гардановым, успешно выполнявшим возложенные на него задачи [6].

Историк С. А. Орешин утверждает, что «вскоре стало очевидным, что полномочия правителя Ингушетии и его администрации были очень ограниченными. Реальная власть на Северном Кавказе принадлежала белогвардейским генералам, которые были заинтересованы лишь в том, чтобы получить с подконтрольных территорий как можно больше людских и материальных средств в своё распоряжение на нужды продолжавшейся войны. Кроме того, в конфликте горцев с терскими казаками деникинцы предпочитали держать сторону последних, что объяснялось тем, что казачьи вооружённые формирования составляли большой процент в рядах ВСЮР. Поэтому, едва заняв Ингушетию, белые поспешили вернуть казакам их земли, которые большевики передали ингушам несколько месяцев ранее» [7, с. 60].

Естественно, что данное несправедливое распоряжение Командования ВСЮР было встречено ингушским населением без всякого восторга, и правитель Ингушетии генерал С. Т. Мальсагов, несмотря на его протесты, вынужден был не только с этим соглашаться, но и участвовать (пусть и косвенно) в претворении этого распоряжения в практику, становясь т.о. в глазах своего народа соучастником и проводником белогвардейской земельно-аграрной политики [8, с. 257].

Последней каплей, переполнившей терпение ингушей, стало решение Командования ВСЮР о проведении мобилизации в армию мужского населения Терско-Дагестанского края, в т.ч. ингушей. Генералам ВСЮР не давала покоя мысль, что половина прекрасного горского воинского контингента, многие из которых имели боевой опыт Великой войны 1914 года, «сидела без дела» или могла примкнуть к большевикам. Как известно,

до 1917 года воинская повинность в России не распространялась на народы Средней Азии, Сибири, Севера и Дальнего Востока, а также на горцев-мусульман Северного Кавказа. Поэтому ингуши приказ этот встретили с явной неприязнью. Он был расценён как прямое покушение на их свободу и принципы добровольности вступления в армию. Немаловажным фактором здесь являлось и то, что большая часть ингушей не желало в ущерб своему хозяйству воевать вдали от дома за непонятные им интересы Белого движения. Здесь сказалась и жёстко претворяемая в жизнь их земельно-аграрная политика в ущерб экономическим интересам горцев. Генерал С. Т. Мальсагов понимал, что при претворении в жизнь мобилизационного приказа в Ингушетии возможны возмущения и различного рода эксцессы, и единственное, чего он смог добиться от Командования ВСЮР, так это сокращения вдвое числа лиц, подпадавших под мобилизационную планку (вместо четырёх конных полков Ингушетия должна была выставить два полка).

22 июня 1919 года по инициативе генерала С. Т. Мальсагова в с. Гамурзиево состоялся съезд ингушского народа, на котором он пытался убедить горцев принять распоряжение Командования ВСЮР, указывая на то, что сил для противостояния белым, после зимних боёв 1919 года, у народа не хватит. Во время заседания съезда пронеслись слухи (как потом выяснилось, ложные), что в Назрани белые начали насильственную мобилизацию ингушской молодёжи. Это стало поводом к началу стихийного антибелогвардейского восстания в Назрановском округе, подавленного спустя несколько дней [9, с. 168–169]. Итогом июньского восстания стал закат политической карьеры первого правителя Ингушетии генерала С. Т. Мальсагова, который был снят со своего поста и переведён в Екатеринодар – представителем Ингушетии при Штабе ВСЮР.

Новым правителем Ингушетии Главкомандующий ВСЮР генерал А. И. Деникин назначил генерал-майора С. С. Бекбузарова, который занялся прежде всего созданием властных институтов, функционировавших в соответствии с «Временным положением об управлении на Северном Кавказе» [10, с. 61].

24 сентября 1919 года под председательством генерала С. С. Бекбузарова состоялся очередной съезд ингушского народа в Назрани, на котором присутствовал Главномачальствующий Терско-Дагестанским краем генерал И. Г. Эрдели. Делегаты съезда вынесли на обсуждение резолюцию о признании верховной власти генерала А. И. Деникина, исправно платить

налоги и выставить от Ингушетии кавалерийский полк в ряды ВСЮР. По инициативе С.С. Бекбузарова был сформирован Ингушский Национальный комитет по борьбе с большевиками под председательством полковника К. Гойгова (члены – инженеры Б. Кодзоев, Б. Льянов, капитан А.-М. Шахмурзиев и др.), на который возлагалось ведение агитационно-пропагандистской работы в массах и общее руководство контрпартизанской борьбой в горах [11, с. 343].

В свою очередь, стремясь преодолеть возникшую напряжённость и продемонстрировать ингушам своё расположение, генерал А.И. Деникин распорядился выделить Ингушетии финансовую сумму в размере 2 миллионов рублей сроком на три года на восстановление разрушенных войной хозяйств ингушских крестьян. В начале 1920 года им же была одобрена и утверждена довольно прогрессивная система налогообложения [12, с. 344].

Эти шаги военно-гражданской администрации ВСЮР, безусловно, позволили несколько стабилизировать положение в Ингушетии. Оперативные сводки командования ВСЮР с мест свидетельствовали о том, что большая часть горцев (в особенности проживавших на равнине) начала проявлять лояльность по отношению к властям ВСЮР. Хотя часть населения всё ещё проявляла недовольство и неприязнь – это были лишь проживавшие в горах ингуши и жители аулов, наиболее пострадавших в результате подавления июньского восстания 1919 года. Однако масштабных восстаний против белых, в отличие от соседних Чечни и Дагестана, в Ингушетии не наблюдалось, что свидетельствовало о том, что военно-гражданской администрации генерала С.С. Бекбузарова удалось на какое-то время достичь в обществе определённой социальной стабильности.

Согласно общепринятому на сентябрьском съезде решению Ингушетия выставила в ряды ВСЮР добровольческую кавалерийскую часть – Ингушский конный полк под командованием полковника А.Б. Котиева, бывшего командира Ингушского конного полка Дикой дивизии. Ингушские всадники вошли в состав Сводно-Горской конной дивизии, успешно воевавшей против частей РККА на белогвардейском Царицынском фронте, на Волге и Кубани.

Необходимо отметить, что, несмотря на значительные экономические и политические уступки, оказанные Командованием ВСЮР ингушам, всё же положение белых в Ингушетии нельзя было назвать прочным и устойчивым. Заручиться масштабной действенной поддержкой большей части населения им так и не

удалось. Основная причина, как и следовало ожидать, заключалась в нежелании разрешения ими извечно большого вопроса – земельного. Дело в том что белые наотрез отказались даже рассматривать вопрос о возможности передачи безземельным и малоземельным ингушам части казачьей земли. Не прибавляли популярности белым и жёстко проводимые ими реквизиции на нужды действующей армии.

Неприязнь к Белому движению, крепнувшая среди большей части ингушей по мере неудач белых в начале 1920 года, к тому же начала отражаться и на личности правителя Ингушетии и его администрации, в которых народ стал видеть всего лишь послушных марионеток белогвардейских генералов. В начале весны 1920 года, когда положение большевиков немного окрепло, они приступили к созданию параллельных органов власти, сформировав 5 марта 1920 года Ингушский революционный комитет. Тем не менее сил для того, чтобы освободить Ингушетию от белых, у большевиков не было. Большая часть ингушей вела себя пассивно, предпочитая признать сторону победителя.

Весной 1920 года военно-политическая ситуация на Северном Кавказе, в т. ч. в Ингушетии, резко изменилась. Добившись серьёзных успехов в ряде наступательных боевых операции на юге России, части Красной армии в середине марта пересекли границу Терской области и вступили в Ингушетию. Армия ВСЮР с боями начала отступление по направлению на Кубань и Дон. Правитель Ингушетии генерал С.С. Бекбузаров, поняв, что дальнейшее сопротивление бесполезно, принял решение отказаться от продолжения борьбы, не желая подвергать свой народ новым страданиям. Во второй половине марта территория Ингушетии была практически без кровопролития занята отрядами ингушских красных партизан и частями РККА. В начале лета 1920 года в Ингушетии окончательно установилась советская власть.

Подытоживая сказанное, необходимо отметить, что первоначально политика Белого движения в Ингушетии в 1919-м – начале 1920 г. носила противоречивый характер. Безусловно, с одной стороны, она носила прогрессивный характер и продемонстрировала намерение предоставить ингушам широкую внутреннюю национальную автономию (включая право иметь даже собственные вооружённые силы). С другой стороны, рассматривая Ингушетию в качестве тыловой базы действующей армии, белые обложили разорённое войной ингушское население податями и налогами, проводили продовольственные реквизиции.

Наконец, в самом важнейшем для горцев аграрном вопросе представители Белого движения всецело встали на сторону терских казаков, что вызвало недовольство значительной части ингушского общества (прежде всего, крестьянства) и настроило его против них.

Однако после июньского восстания 1919 года белые существенно улучшили ситуацию в Ингушетии путём внесения серьёзных изменений в свою национальную политику. Во многом этого удалось достичь за счёт широкого вовлечения в местные органы самоуправления этнических ингушей и значительных экономических уступок разорённому войной населению.

Отсутствие стойкого сопротивления частям РККА со стороны лояльных по отношению к вооружённым силам Белого движения ингушей указывает на недостаточную заинтересованность последних в сохранении той государственно-политической модели национальной автономии, которую им навязали. Показательным являлся и тот факт, что, признавая на словах власть Белого движения, ингуши не вели активную борьбу с красными партизанами, укрепившимися в горах Ингушетии, не желая пролития крови. Среди ряда мотивов этого явления здесь, безусловно, присутствует и фактор внутриэтнический, т. е. широкие родственные связи. В марте 1920 года ингуши фактически пошли на компромисс с большевиками, передав им (генерал С. С. Бекбузаров) без сопротивления власть в Ингушетии.

Все вышеизложенные факты позволяют нам констатировать, что национальная политика Белого движения на Северном Кавказе (генерал А. И. Деникин), в т. ч. на территории Ингушетии в 1919-м – начале 1920 г., несмотря на свою прогрессивную и положительную сторону, представляла собой недостаточно эффективное явление, особенно в вопросе превращения большой территории Северного Кавказа в прочный антибольшевистский военный лагерь.

Список источников и литературы

1. ЦГА РСФСР. Ф. Р-9, оп. 1, д. 12, л. 13.
2. История Ингушетии. Магас–Нальчик, 2011. С. 355.
3. ГАРФ. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.
4. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 31. Л. 31.
5. *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1919 (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. С. 185.
6. ГАРФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

7. *Орешин С.А.* Ингушетия под «Белой властью»: особенности государственного строительства в 1919 – начале 1920 г.». М., 2002. С. 60.
8. *Мартирозиан Г.К.* История Ингушии. Материалы. Орджоникидзе, 1933. С. 257.
9. *Абазатов М.А.* Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. 1917–1920 гг. Грозный, 1969. С. 168–169.
10. *Орешин С.А.* Ингушетия под «Белой властью»... С. 61.
11. История Ингушетии. С. 343.
12. Там же. С. 344.

Аничкин Е. С. (г. Барнаул)

Оценка правовых последствий нормативных правовых актов в Российской Федерации (на примере сферы образования)

*Материал подготовлен в рамках гранта РГНФ №16-03-00065/16
«Оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов
и государственных программ в сфере профессионального
образования России»*

Аннотация. Рассмотрена оценка регулирующего воздействия нормативных актов в сфере образования в аспекте правовых последствий их принятия. Выявлены дефекты образовательного законодательства, общие и специальные виды правовых последствий нормативных актов в сфере образования, а также перечень позитивных показателей реализуемости нормативных актов.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия, правовые последствия, дефект законодательства, показатель реализуемости.

Assessment of legal effects of laws and regulations in the Russian Federation (through the example of the sphere of education)

Abstract. The article considers the regulatory impact assessment of laws and regulations in the sphere of education from the point of view of their legal effects. The author points out defects in educational legislation, general and special kinds of legal effects of laws and regulations in the sphere of education and draws a list of positive indicators of laws and regulations' feasibility.

Keywords: regulatory impact assessment, legal effects, defect in legislation, feasibility indicator.

Важнейшим фактором обеспечения национальной безопасности любого государства является качественное и эффективно действующее законодательство. Однако зачастую правовая основа национальной безопасности далека от совершенства. Не является исключением Российская Федерация, законодательство которой обладает существенными резервами для совершенствования. В качестве одной из наиболее сложных и динамично развивающихся отраслей российского законодательства выступает образовательное законодательство. Вместе с тем оно имеет ряд серьёзных дефектов, обуславливающих необходимость его мониторинга и дальнейшего развития. К числу такого рода дефектов, как представляется, относятся следующие.

Во-первых, частая изменчивость и вызванная этим нестабильность основного Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и иных федеральных законов, регулирующих образовательные отношения. Во-вторых, неоправданно высокая динамика подзаконного правового регулирования образовательных отношений. В-третьих, коллизийность нормативных правовых актов федерального, регионального и местного уровней в соотношении между собой и в рамках соответствующего уровня правового регулирования. В-четвёртых, несбалансированность объёма правового регулирования образовательных отношений, то есть пробельность законодательства при регулировании одного вида образовательных отношений при избыточно подробной регламентации другого вида отношений. В-пятых, широко распространённая практика дублирования норм федерального образовательного законодательства на региональном уровне при немногочисленности самостоятельных норм по вопросам, отнесённым к сфере ведения субъектов РФ. В-шестых, неопределённость содержания, расплывчатость и декларативность некоторых норм и правовых понятий. В-седьмых, ужесточение правового регулирования образовательных отношений, усиление его императивности и директивности, установление чрезмерных запретов и ограничений в отношении субъектов образовательной деятельности.

Каждый из указанных дефектов может быть проиллюстрирован конкретными примерами. В частности, более года сохранялись противоречия между вступившим в силу с 1 сентября 2013 года Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» и региональными законами об образовании. Из 83 субъектов РФ только 38 регионов воспользовались рекомендацией о приведении своих актов в соответствие с Федеральным

законом «Об образовании в Российской Федерации» до 1 сентября 2013 года. При этом все законы данной группы субъектов РФ были приняты в период с 3 июня по 30 августа 2013 г. 18 субъектов РФ завершили работу по приведению регионального законодательства об образовании в соответствие с названным федеральным законом в период с 1 сентября по 31 декабря 2013 г. Более 10 субъектов РФ приняли законы об образовании в период с 1 января по 1 июля 2014 г., а остальные вплоть до окончания 2014 года. Как видно, темпы по приведению региональных законов об образовании в соответствие с федеральным законом заметно различались [1, с. 36].

Состояние образовательного законодательства предопределяет необходимость повышения качества его содержания и эффективности действия. В этих целях используются различные правовые инструменты, одним из которых является оценка регулирующего воздействия (ОРВ). Под ОРВ следует понимать систематический процесс выявления и оценки возможных последствий (экономических, политических, социальных, правовых) введения, изменения и отмены тех или иных норм правового регулирования. В более широком смысле ОРВ иногда дефинируют как «процесс, в рамках которого определяются основные проблемы и цели регулирования, идентифицируются основные опции достижения цели, а также анализируются преимущества и недостатки каждой опции» [2, с. 158]. Объектом ОРВ нормативные правовые акты, регулирующие образовательные отношения, стали только в последнее время, и практика её использования пока незначительна. Вместе с тем эта практика позволяет сосредоточить внимание на оценке последствий нормативных правовых актов в сфере образования, а юридическая направленность данной публикации обязывает обратиться к анализу правовых последствий.

Как известно, типичными правовыми последствиями могут стать: 1) недопустимость принятия нормативного правового акта при отрицательном заключении об ОРВ; 2) необходимость внесения поправок в иные нормативные правовые акты, регулирующие образовательные отношения; 3) принятие новых нормативных правовых актов; 4) отмена действующего (действующих) нормативного правового акта (актов); 5) корректировка практики применения норм права; 6) подготовка конкретизирующих и дополняющих актов нижестоящего по юридической силе уровня и др. Например, в первый год после вступления в силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»

Федерации» в целях его реализации было отменено 440 нормативных актов, принятых в разные годы федеральным органом управления образованием, и принято порядка 400 приказов Министерства образования и науки России.

Существуют и более масштабные правовые последствия реализации нормативных правовых актов, которые, по мнению Ю.А. Тихомирова, могут выражаться в оценках гражданами и их объединениями положений нормативных правовых актов; в изменениях типов правомерного и неправомерного поведения; в степени реализации актов; в динамике правонарушений; в изменениях уровня законности в регионах, в отраслях экономики и социальной сферы [3, с. 147].

Вместе с тем в рамках проведения ОРВ внимание концентрируется на особом роде последствий, установленных в Правилах проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, которые утверждены Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. №1318. Согласно п. 27 Правил в заключении об ОРВ делаются выводы о наличии либо отсутствии положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности или способствующих их введению, а также положений, приводящих к возникновению необоснованных расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации, о наличии либо отсутствии достаточного обоснования решения проблемы предложенным способом регулирования [4].

Соответственно, правовыми критериями допустимости или недопустимости действия соответствующего нормативного правового акта, в том числе регулирующего образовательные отношения, являются: а) положения, вводящие избыточные обязанности, запреты и ограничения для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; б) положения, способствующие введению таких избыточных обязанностей, запретов и ограничений; в) положения, приводящие к возникновению необоснованных расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

г) положения, приводящие к возникновению необоснованных расходов бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ; д) наличие либо отсутствие достаточного обоснования решения проблемы предложенным способом регулирования. Немногочисленные примеры проведения ОРВ в отношении нормативных правовых актов в области образования свидетельствуют о действенности вышеуказанных критериев определения правовых последствий соответствующих нормативных правовых актов [5].

Кроме того, соблюдение данных критериев является залогом эффективного действия нормативного правового акта в сфере образования, и, напротив, их игнорирование порождает негативную реализацию нормативного правового акта. Представляется, что позитивными показателями реализуемости выступают, в частности, адекватная конкретизация положений нормативного правового акта в нижестоящих по юридической силе актах, то есть их соответствие вышестоящему, низкие количественные индикаторы правоприменительных актов, входящих в противоречие с нормами правового акта, отсутствие актов прокурорского реагирования с требованиями отмены нормативного правового акта, или внесения в него изменений и дополнений, отсутствие прецедентов оспаривания акта в суде, отсутствие фактов признания отдельных норм акта неконституционными. Противоположные ситуации свидетельствуют о негативной реализации нормативных правовых актов, что обусловлено в том числе отсутствием проведения в отношении их процедуры ОРВ. Наиболее показательны в этом плане решения Верховного суда РФ о признании недействующими отдельных положений нормативных правовых актов в области образования [6].

Таким образом, оценка правовых последствий должна стать обязательной компонентой как в процессе принятия нормативного правового акта, регулирующего образовательные отношения, так и при мониторинге применения уже действующих нормативных актов в области образования. Систематическое использование ОРВ в отношении нормативных правовых актов образовательной сферы позволит снизить их дефективность и обеспечить эффективную реализацию. В свою очередь это будет способствовать более качественному правовому регулированию общественных отношений и созданию прочной основы национальной безопасности Российского государства.

Список источников и литературы

1. Образовательное законодательство России. Новая веха развития: монография / Л. В. Андриченко, В. Л. Баранков, Б. А. Булаевский и др.; отв. ред. Н. В. Путило, Н. С. Волкова. М.: ИД Юриспруденция, 2015.
2. Контрольно-надзорная деятельность в Российской Федерации: Аналитический доклад – 2013 / Плаксин С. М., Бакаев В. В., Зуев А. Г. и др. М.: МАКС Пресс, 2014.
3. *Тихомиров Ю. А.* Последствия правовых актов: оценка и коррекция // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 3. С. 140–148.
4. Заключение об оценке регулирующего воздействия на проект постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в Положение о лицензировании образовательной деятельности» // <http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=47101>; Заключение об оценке регулирующего воздействия на проект постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в Положение о государственной аккредитации образовательной деятельности» // <http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=19566>
5. Решение Верховного суда РФ от 21.01.2015 № АКПИ14-1367 «О признании частично недействующим подпункта «е» пункта 68 Порядка приёма на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/16 учебный год, утв. Приказом Минобрнауки России от 28.07.2014 № 839» // Официальные документы в образовании. 2015, март, № 7.

Анчев С. И. (Республика Болгария, г. Велико Тырново)

Политика Запада на Балканах и против России в войне за ресурсы

Аннотация. Политика западных великих сил по отношению к балканским народам и их государствам ещё с XIX в. отличалась подчёркнутой антиславянской и антиправославной позицией. Они не только использовали территорию региона в качестве опытного политического и военного полигона, но и рассматривали в своей пропаганде православное христианское население там как виновника в спровоцированных и разыгранных самими великими силами войнах.

Ключевые слова: Россия, Запад, ЕС, США, пропаганда.

Western policy in the Balkans and against Russia in the war for resources

Abstract. Politics of Great West powers, against Balkan' people and their countries, more from the nineteenth century is characterizing with anti-Slavonic and anti-Orthodox standpoint. They are not just using the territory in the region, as politically and militarily polygon, but they are describing in their propaganda, the Orthodox Christian population as culprit in provoked and led by themselves wars.

Keywords: Russia, West, EK, USA, propaganda.

В истории человечества военные конфликты, а позднее войны в начале представляли собой способ физического сохранения людей (ещё в первобытном обществе), а уже после этого они стали способом получения материальных богатств и власти. С XIX века войны стали средством получения ресурсов путём захвата чужих территорий. Проповедуемая идеология, будучи основным мотивом реализации этих целей, использовалась в качестве психологической мотивации для оправдания любого преступления.

Балканы, сначала как часть Османской империи, а позднее как регион с восстановленной государственностью, всегда были объектом в политике великих сил. Не было ни одного международного форума в XIX и XX вв., на котором не обсуждались бы проблемы, связанные с каким-нибудь балканским народом или балканским государством. Балканы являются одной из причин того, что Россия для Запада превратилась в основного врага. Славянское происхождение, принадлежность к православию и стремление балканских народов к восстановлению государственности – стали важным фактором в российской балканской политике. Запад, со своей стороны, сделал ставку на ошибки в российской внешней политике. Ни один российско-турецкий договор (начиная с Кючук Кайнарджи и до 1878 г.), заключённый после победы русского оружия, не остался в неизменном виде. Изменения всегда делались во вред одному или другому народу региона и имели своей целью дипломатически уязвить Россию и скомпрометировать её в качестве покровителя православия и христианства. Следует также иметь в виду, что ни один балканский народ не получил сразу свою независимость и обязательно прошёл через период зависимой широкой автономии. В качестве монархов балканских государств были поставлены представители Запада, исповедующие отличную от православия

веру. Чтобы уменьшить возможность сильного русского влияния в регионе, рассматривалась возможность (идея Миттерниха 30-х годов XIX века) создания множества маленьких балканских государств. Целью этих действий было стремление лишить Россию сильного и надёжного балканского союзника. Наличие маленьких государств в этом многонациональном регионе, каждое из которых уже создало и использовало в политике свои доктрины, предполагало постоянное противопоставление между ними, а России отводилась роль арбитра. Это не только уменьшало её возможности проводить более активную политику по отношению к Проливам, но и приводило к потере её авторитета среди этих народов, где почти всегда находился народ, который чувствовал какой-то ущерб от её балканской политики.

Присутствуя на Балканах, Россия дважды лишалась своей активной роли: после Крымской войны и после Первой мировой войны. Победа во Второй мировой войне не только восстановила авторитет России (СССР) в регионе, но и расширила её влияние до пределов Центральной Европы. Запад потерял значительную часть своих приоритетов на Балканах. В конце XX века политика Горбачёва, а также целый ряд политических ошибок по отношению к союзникам по Восточному блоку и уступчивость перед натиском и риторикой США привели к распаду социалистической системы. Запад снова вернулся на Балканы. Более того, он проводит политику, которая не позволяет в будущем восстановление российского влияния там. Балканы превратились в самый отсталый в экономическом отношении район по сравнению с католическим и протестантским Западом. Этот фактор вместе с ухудшением социального положения населения стимулирует эмиграцию, религиозное и межнациональное противопоставление. Количество балканских государств «выросло» с шести до десяти. После экономического и политического кризиса, который сопровождался антироссийской и антиправославной пропагандой, Запад «взорвал» многонациональный «балканский погреб». Из истории известно, что на Балканах не могут произойти крупные политические изменения без вмешательства западных великих сил и России. В отличие от времён после двух мировых войн сейчас в конструирование новой «балканской шарady» включились и США. Расчерченные новые границы настолько беспринципны, что их можно сравнить с границами после Берлинского договора 1878 г. и после окончания Первой мировой войны. Место, которое занимают Балканские государства в европейской политике и экономике, ясно обозначено – одна

часть из них просто марионетки или американские протектораты с европейским участием. Демократические свободы, так сильно разрекламированные как западный товар, привели к нарушению суверенитета. Они ставят в зависимость народы и их правительства от новых внешних сил, под какой бы формой это ни осуществлялось. Если исключить эйфорию по поводу свержения тоталитаризма, новополученная свобода бывших социалистических стран сводилась лишь к «разрешению» самим принимать решение по поводу «раскрытия своей политической, экономической и военной независимости в Европейском союзе и НАТО». [В оригинальном тексте написано «Европейский рынок», но актуальные события требуют употребление новейшей формы объединения – «Европейский союз». – *Прим. авт.* – 1, с. 87–88.] Политические, а позднее и социальные изменения были произведены преданными борьбе за демократию лидерами, поддержанными США. Эти лидеры, несмотря на свою некомпетентность и меркантильность, использовали хорошо манипулированное недовольство в обществе для разрушения не только тоталитарной системы, но и государства.

Вместе с экономической и политической зависимостью в Болгарии и в других балканских государствах всё более активной становилась антирусская пропаганда. В годы управления М. Горбачёва и Б. Ельцина эта тенденция была не такой отчётливой. Вероятно, ввиду распада СССР в 90-х годах пропаганда носила скорее антисоветский, чем антирусский характер. Параллельно с ней в бывших социалистических государствах под формой критики тоталитаризма и борьбы за демократические и нелиберальные ценности проводилась и антикоммунистическая кампания. Спустя 27 лет оказалось, что все это сценарий придуманных надежд. В реальности существовало социалистическое общество, а не коммунизм, а демократические и либеральные ценности привели к бедности и обезлюдению целых регионов Балканских государств. Такие поражения обычно наблюдаются после проигрыша в «горячей» войне и последующей оккупации. Сохраняемые и поддерживаемые в предыдущие годы национальные культурные ценности методично и последовательно уничтожались, заменялись американской субкультурой. В заокеанских экшен-сериалах очень часто можно услышать обвинения к русским, которые всегда в таких фильмах являются крайне отрицательными персонажами. В документальном и даже в художественном кино доминирующее положение заняли фильмы, искажающие истину о Первой

и Второй мировых войнах. Всё это подкреплялось риторикой в политических дебатах, а также в других видах публицистических передач. Отношение к современной политике России крайне негативное, а аргументы для этого – откровенная неистина, показывающая отсутствие исторической и политической компетентности «новых русофобов». [Данные примеры относятся к обстановке в Болгарии. – *Прим. авт.*]

В сущности славянский и православный фактор на Балканах совсем основательно является угрозой Западу. Одна из причин этого положения кроется в том, что он присутствует в политических замыслах Сталина в первые годы после окончания Второй мировой войны. Сталин отлично понимал, что идеология как объединяющий фактор кратковременна, поэтому он поставил на славянскую идею, которая могла стать объединительной в послевоенном противопоставлении возможному германскому реваншизму. Со своими собеседниками из Балканских государств, где было советское влияние, он использовал и соответствующий подход для «нового славянофильства». Во время встречи с болгарской и югославской делегациями 28 января 1945 г. он дал высокую оценку «перспективам оборонительного союза славянских народов», разделяя «старое» русофильство – царской России – от «нового» – СССР [2, с. 464]. Позднее, в апреле того же года, встречаясь с югославской делегацией, Сталин говорил Тито, насколько опасно для мира быстрое – около 12–15 лет – восстановление Германии. По его мнению, это требовало создания в кратчайшие сроки славянского единства, которое противопоставило бы себя германской агрессии и превратилось бы в основу мира в Европе [3, с. 31].

Тенденции и цели западной пропаганды после 1989 г. были восприняты большей частью научной общественности в Болгарии как «новое прочтение истории». В действительности как не расформировалось НАТО наподобие Варшавского договора, так и не изменилась западная пропаганда, за исключением её формулировок – от антисоветских к антирусским. Как бы отсутствие в этой пропаганде идеологической основы показывает, что холодная война не столько идеологическая, сколько война за ресурсы, а параллельно с этим и война против балканского и русского православия и против славянства как культурной общности.

Согласно З. Бжезинскому, конец холодной войны (или как его ещё с чувством удовлетворения называют на Западе

«капитуляция СССР») зафиксирован в 1990 г. в Париже. Он считает, что подписанный 19 ноября 22 государствами Договор о конвенциональном оружии есть окончательная победа одних стран и поражение других. Для одного из „отцов” западной пропаганды мирное взаимопонимание превращается в победу одних и капитуляцию других, а расхваленный перестройщик М. Горбачёв как бы подписывает условия победителей. В последующие годы „конец холодной войны” был объявлен ещё несколько раз в зависимости от значения (согласно западной оценке) соответствующего актуального события. В сущности среди победителей не наблюдается доброжелательного отношения к последнему советскому руководителю, который внёс определённый вклад в политический распад Восточного блока. В качестве наиболее общего мнения о нём можно указать на заключение Питера Суайцера в конце его книги, посвящённой «разбитию СССР»: «...Иронично, что современная история приписывает Михаилу Горбачёву главную заслугу в окончании периода холодной войны. Очень любопытное развитие – побеждённые получают большее признание, чем победители» [4, с. 266]. Следующим шагом победителей (согласно сенатору Д. Уорана) является замена «железного занавеса» «железным кольцом около шеи России» [5].

Распад государственности на Балканах после 1989 г. сопровождался антикоммунистической риторикой. Существует, однако, одна немаловажная особенность, которую не учли политические аналитики. Если речь идёт о социальном строе в государствах – союзниках СССР, то он являлся социалистическим. С началом «перемен» и до наших дней никто не атакует социалистическое управление, всегда объявляя его коммунистическим. Распад государственности, экономики, системы безопасности непременно и везде сопровождался межнациональным и межрелигиозным противопоставлением. В действительности одним из оружия Запада в деле разрушения государства и его безопасности является национализм. Свержение социалистических правительств в Болгарии и Румынии, изменение предыдущих территориальных границ в Чехословакии, ГДР, ФРГ и Югославии было основано на противопоставлении. В те времена в Москве у власти находились «западники», которые делали то, что нравится Западу. Особенно отчётливо это видно на примере кризиса в Югославии. Решения о позиции российской политики на

Балканах тогда принимал министр иностранных дел А. Козырев. Демонстративная верность «демократическим ценностям» в российской политике нравилась тем, кто считал, что Балканы не должны быть характерной составной частью внешней политики России. Противоречивой была позиция России и в связи с напряжением в Сараево в феврале 1994 г. Со своей стороны западные страны, которые поддерживали боснийцев и хорватов, использовали русские колебания, чтобы принудить сербов к уступкам. В результате всего этого дело дошло до противоречий между сербами Боснии и Герцеговины и сербами в Республике Сербии. Запад же получил возможность для голословного обвинения сербов в том, что они обостряют отношения в сербском руководстве. В конце концов Россия теряла свой авторитет на Балканах [6]. Сребреница и Рачак превратились в нарицательные имена и как бы стали символом «сербской жестокости». Эти события стали поводом для введения санкций и для открытой войны с СРЮ. Ряд действующих политиков и политических аналитиков считают агрессию против Югославии не только демонстрацией американского оружия, но и экспериментом в геополитических планах Вашингтона по территориальному расчленению России по подобному сценарию [7]. В войну против Югославии в июне 1995 г. включилась и католическая церковь. Пример в этом отношении показал сам папа Йоан-Павел II, который направлял Клинтона к бомбардировке сербов. Другой известный в католической среде французский священник отец Пьер молился Господу, чтобы «упал огонь с неба на сербов». Как считает Жак Ширак, у этого балканского народа «нет законов, нет христианской веры, а сербская нация состоит из бандитов и террористов» [7].

После уничтожения Югославии тот же сценарий с небольшой разницей в нюансах был использован и по отношению к событиям на Украине. И здесь есть прозападно настроенные политические лидеры, которые зовут на помощь сильные факторы в лице ЕС и НАТО, выполняя послушно и прилежно их сценарии. Здесь отчётливо видны двойные стандарты, которые совсем не смущают тех, кто их использует. Для них военные формирования АОК в Косово борются за независимость, а территориальное отторжение Южной Сербии при военной и дипломатической поддержке НАТО является актом справедливости. Совсем иное отношение западной пропаганды к русскому сопротивлению на Восточной Украине. Для неё русские

там являются сепаратистами, а Крым, который воссоединился с Россией в результате референдума, оккупирован Москвой. В сущности западные «свободные» СМИ следуют в форватере официальной политики своих правительств, описывая то, что от них ждут и что востребовано на медийном рынке.

В последние годы США постепенно увеличивают свои расходы для пропаганды против России. Например, в 2016 г. средства, необходимые для поддержки гражданских обществ и СМИ в Юго-Восточной Европе и в Евразии, куда включена и Россия, увеличились на 26 %, что составляет 83 млн долларов [8]. Постоянное продолжение санкций против известных граждан России есть не только подтверждение этого, но и даёт постоянный повод медийной пропаганде для интерпретации этих событий.

Очевидно, Западу нужен враг, который должен отвлечь внимание общественности от внутренних противоречий в ЕС, а также от противоречий между ведущими европейскими государствами и США. Наступающие перемены связаны с появлением новых личностей на вершинах власти по обе стороны океана. Это, вероятно, приведёт и к новой позиции в противопоставлении по линии Восток–Запад. Мир снова разделён в геополитическом, военном и социальном отношении.

Список источников и литературы

1. *Бауман З.* Глобализацията. Последиците за човека. С., 1999. С. 87–88.
2. *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 – 6 февруари 1949 г. С., 1997. С. 464.
3. *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа 1949–1953. М.: РОССПЭН, 2002. С. 31.
4. *Суайцър П.* Победа. Тайната стратегия на Рейгън за разбиване на СССР. Труд, 1999. С. 266.
5. Правда, 28 мая 1998 г.
6. *Гуськова, Е.* Балканский кризис и позиция России / *Обозреватель*, 13, 1995 / http://www.rau.suwww.rau.su/observer/№13_95/13_06.htm) Антисербская пропаганда продолжилась в связи с инсценированными событиями в Сребренице (в Боснии и Герцеговине) и в Рачаке (Косово).
7. *Качалин К.* США начали войну против России и Сербии / <http://obkon.ucoz.com/forum/59-2227-1>
8. Информационная война против России / <http://kot-1983.livejournal.com/162151.html>

Астапов С. Н. (г. Ростов-на-Дону)

Значение религиоведческой экспертизы для обеспечения межконфессионального мира

Аннотация. Религиоведческая экспертиза рассматривается как инструмент в государственно-конфессиональных отношениях для обеспечения межконфессионального мира. Эффективность её использования заметно повышается, что связано с увеличением обращений к религиоведам в судебных экспертизах по вопросам экстремизма и оскорбления чувств верующих.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, религиоведческая экспертиза, религиозные чувства, религия, экстремизм.

The value of religious studies for ensuring interfaith peace

Abstract. Expert operations of scholars of religious study considered as the means of state-religion relations for ensuring peace among religions. Effect of its using raises; it connects with the increase of appellations to scholars of religious study in forensic situations for issues of extremism and criminal insult of believers' senses.

Keywords: extremism, religion, religious study expertise, senses of believers, state-religion relations.

В современном обществе межконфессиональные отношения нередко становятся фактором конфликтогенных и экстремистских настроений. В связи с этим можно отметить довольно частые претензии правоохранительных органов к тем или иным религиозным организациям, с одной стороны, а с другой (менее частые) – о судебных прецедентах о нарушении правоохранительными органами свободы совести и других свобод верующих граждан – разбирательствах, инициированных религиозными организациями в судах разной инстанции, включая Европейский суд по правам человека. В снижении конфликтности и профилактике конфликтов в сфере государственно-конфессиональных отношений, то есть в обеспечении межконфессионального мира, могло бы сыграть свою позитивную роль немногочисленное религиоведческое сообщество, если бы государство и религиозные организации видели в религиоведах экспертов, заключения которых принимаются в качестве квалифицированных рекомендаций по тем или иным социальным вопросам.

В настоящее время представители религиозных организаций, во-первых, видят в религиоведах либо продолжателей традиции научного атеизма, либо апологетов Русской православной церкви, считая, что она имеет протекцию со стороны государства. Во-вторых, не зная, чем занимаются религиоведы, кроме преподавательской деятельности, они не рассматривают обращение к религиоведам в качестве полезного для улучшения отношений с государством и другими конфессиями. Со стороны государственных структур обращение к исследователям-религиоведам происходит лишь в случаях необходимости проведения религиоведческой экспертизы. При этом год от года обращения становятся более частыми, что даёт основания рассматривать религиоведческую экспертизу как инструмент в государственно-конфессиональных отношениях, эффективность использования которого с каждым годом повышается.

В современной России на деятельность экспертов-религиоведов повлияли два нормативных документа: Федеральный закон РФ от 27 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Приказ Минюста РФ от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе». Первый в применении к деятельности религиозных организаций показал необходимость участия в экспертизах материалов с признаками экстремизма специалиста-религиоведа, второй – определил непременное участие учёных-религиоведов в деятельности экспертных советов по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ и его управлениях в субъектах РФ.

В Приложении 1 «Порядок проведения государственной религиоведческой экспертизы» к Приказу Минюста «О государственной религиоведческой экспертизе» установлены объекты и задачи экспертизы, субъекты и порядок экспертизы, требования к срокам и оформлению результатов экспертизы. У учёных-религиоведов, которые участвовали в подготовке экспертных заключений, объектная сторона дела и связанные с ней задачи исследования, определённые данным документом, вызвали методологические вопросы. Главным из них был тот, что представленная типология объектов является ненаучной, а значит, не позволяет проводить исследование системно и рационально [1]. А из трёх задач экспертизы в компетенцию религиоведа попадает только третья – «проверка соответствия заявленных при государственной регистрации форм и методов деятельности религиозной организации формам и методам её фактической

деятельности» [2]. Две другие: «определение религиозного характера организации на основании учредительных документов, сведений об основах её вероучения и соответствующей ему практики» и «проверка и оценка достоверности сведений, содержащихся в представленных религиозной организацией документах, относительно основ её вероучения» [2] могут быть решены и не религиоведами, однако неясно, что такие решения дадут. Ведь в учредительных документах можно написать что угодно (поэтому и введены ещё две другие задачи), а проверка достоверности сведений, содержащихся в представленных религиозной организацией документах, не может быть осуществлена методами религиоведения.

Поэтому в действительности религиоведы в экспертных советах Минюста прорабатывают только решение третьей задачи. Две другие решают государственные служащие, входящие в эти советы, и решают более компетентно, чем могли бы сделать религиоведы. Затем происходит содержательное сопоставление выполненных задач, в котором критерием выступают всё же данные религиоведов.

К настоящему времени Федеральный список экстремистских материалов Минюста насчитывает более трёх с половиной тысяч наименований. Большой объём этого списка занимают (если рассматривать литературу религиозного содержания) тексты исламских и нетрадиционных религиозных движений [3]. Судебные решения о признании материала экстремистским принимались на основании заключений экспертов и экспертных комиссий, чаще всего психолого-лингвистическо-религиоведческих. Обращение к религиоведу как к специалисту для вынесения экспертного заключения или его включение в комиссию по судебной экспертизе материалов с признаками экстремизма уже стало нормой. Но ряд судебных решений был обжалован на основании того, что религиоведческую экспертизу проводили некомпетентные специалисты.

В России пока не сложился институт судебных экспертов-религиоведов. К экспертизам привлекают тех специалистов, которых представители правоохранительных органов считают религиоведами. К тому же отсутствие методик судебных религиоведческих экспертиз ставит религиоведа перед двумя проблемами: как применить свои знания (и как следствие какими методами своей науки пользоваться) для решения конкретных задач, вытекающих из вопросов, поставленных перед экспертом, и как избежать оценочных суждений,

которые требует экспертиза, но запрещает научный этос исследователя религии.

Участие религиоведов в судебных экспертизах стало знакомым событием для религиоведческого сообщества. Во-первых, представители религиозных организаций проявили интерес к этому сообществу. Он выразился в том, что адвокаты религиозных организаций, литература которых признавалась экстремистской, стали находить в среде религиоведов таких экспертов, которые могли бы квалифицированно выступить на стороне защиты. Некоторые религиозные организации стали вести целенаправленную работу по установлению контактов с религиоведами. Они каталогизировали все религиоведческие кафедры и вузовские подразделения, где ведётся подготовка по направлению «религиоведение», с рядом из них установили переписку или стали регулярно отсылать им свои материалы.

Во-вторых, возник вопрос о том, является ли эксперт, которому поручена религиоведческая экспертиза, квалифицированным религиоведом: имеет ли он стаж работы по профессии, научные труды, относящиеся к предмету исследования, и т. д. В религиоведческом сообществе появилась критика религиоведческих экспертиз. Будучи в целом явлением положительным, поскольку позволяет видеть компетентность экспертов-религиоведов, эта критика обнаружила вместе с тем, что её авторами часто оказывались религиоведы, получающие гранты от религиозных организаций, нетрадиционных для России. Кроме того, критика часто была мимо профессиональной компетентности, вместе с анализом самого экспертного заключения под сомнение ставилась вся профессиональная деятельность автора заключения, что вызывало ещё большие подозрения в ангажированности такой критики.

Наиболее уязвимыми для критики становились заключения, в которых религиовед отмечал наличие у объекта экспертизы того или иного признака, заявляя о его общем для любой религии характере, в то время как юрист указывал на этот признак в качестве квалифицирующего экстремистский характер данного объекта. Речь идёт, прежде всего, о таком признаке, как пропаганда исключительности. Согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» пропаганда религиозной исключительности является признаком экстремизма [4]. А религиовед показывает, что любые религиозные тексты, направленные на распространение идей и норм социального поведения, характерных для определённой конфессии,

отличаются провозглашением и демонстрацией исключительности собственной конфессии, поскольку противопоставление своей религии всем прочим – одна из существенных характерных черт религии в целом. И, разумеется, религиовед находит в исследуемом тексте высказывания об исключительности данной конфессии.

Подобного рода коллизии привели к совершенствованию правоприменительной практики. Появилось Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», уточняющее значение понятий «пропаганда исключительности», «пропаганда превосходства» и т. п. В ответ на попытки (разумеется, не религиоведов) найти экстремистские высказывания в текстах Священных Писаний был принят закон, выводящий за рамки объектов экспертизы четырёх канонических религиозных текстов: Библии, Корана, Танаха и Ганджура [4]. Таким образом, религиоведческие экспертизы способствуют совершенствованию российского законодательства.

Однако более рациональным представляется не совершенствование нормативных актов в отношении деятельности религиозных объединений по следам возникающих в правоприменительной практике коллизий, а их предварительная экспертиза со стороны религиоведческого сообщества. Это относится и к названному выше закону. Является ли, например, «Священное Писание. Перевод Нового мира» Свидетелей Иеговы Библией, или Библией является только та книга, на обложке которой написано «Библия»? Какой перевод Корана считать Кораном? (Вопрос бессмысленный для мусульман, но значимый для экспертов, ведь было решение Октябрьского районного суда г. Новороссийска от 17 сентября 2013 г. о запрете на смысловой перевод Корана на русский язык, выполненный Э. Кулиевым). Эти и подобные вопросы будут возникать перед экспертами, если не принять тривиального с позиций религиоведения решения о том, что все тексты, признаваемые Священными Писаниями в религиозных организациях, зарегистрированных на территории России, выводятся за рамки объектов экспертизы материалов с признаками экстремизма. Это означает, что, во-первых, признание экстремистским какого-либо материала, содержащего цитаты из Священных Писаний, не делает эти цитаты или Писания экстремистскими, а во-вторых, использование в высказываниях таких цитат не

выводит сами высказывания за рамки экспертного анализа по установлению признаков экстремизма.

Также много вопросов у религиоведов порождает «оскорбление религиозных чувств верующих» – основной концепт Федерального закона от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [5]. Какие чувства верующих следует считать религиозными? Подпадает ли под действие закона оскорбление нерелигиозных чувств верующих? Если, например, неоязычники устроили капище, а православные его с негодованием разорили, то кто в этом случае чьи чувства оскорбил? Почему оскорблёнными оказываются исключительно представители традиционных и многочисленных религиозных объединений?

Религиоведческая экспертиза правовых норм, относящихся к деятельности религиозных объединений, – не единственная сфера государственно-конфессиональных отношений, где применение профессионального опыта религиоведов было бы полезно. Объектами религиоведческой экспертизы кроме проектов нормативно-правовых актов могли бы выступать предложения физических и юридических лиц по вопросам межконфессиональных отношений, содержащиеся в их обращениях в органы власти, а также данные опросов общественного мнения и других мониторинговых мероприятий, подборки материалов СМИ по тем же вопросам. Роль религиоведческой экспертизы подобного рода материалов состоит в прояснении их значимости, а в ряде случаев – в установлении состоятельности с позиций специфики религиозного дискурса, поликонфессиональной ситуации в обществе.

Индифферентные в отношении религий административная и правоохранительная системы начинают реагировать на культурные вызовы и интервенцию чуждых обществу ценностей даже не тогда, когда эти вызовы и ценности уже сформировали некоторую идеологию, а тогда, когда на основе этой идеологии возникли социально опасные сообщества и деяния. Противостояние религиям, отрицающим или значительно трансформирующим традиционные этнокультурные ценности общества, должно быть, прежде всего, идеологическим. В силу того что светское государство равно дистанцировано от любой религиозной идеологии, оно это противостояние ни оказать, ни организовать не может. Поэтому ведущая роль в этом деле – за общественными

организациями. Признание ведущей роли общественных организаций в обеспечении прав и свобод граждан является одним из признаков гражданского общества. В этом плане следует поощрять открытое обсуждение религиозно-нравственных ценностей общества, межконфессиональный диалог, просветительскую работу как представителей традиционных религий, так и светских учёных, расширение поля деятельности религиозно-правовой экспертизы.

Список источников и литературы

1. Элбакян Е. Религиоведческая экспертиза в свете общенаучных принципов [Электронный ресурс] URL: <http://www.sova-center.ru/religion/publications/2015/d33340> (Дата обращения: 08.08.2016)
2. Приказ Минюста РФ от 18 февраля 2009 г. № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/195078> (Дата обращения: 08.08.2016)
3. Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ [Электронный ресурс] URL: <http://minjust.ru/extremist-materials> (Дата обращения: 08.08.2016)
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/12127578> (Дата обращения: 08.08.2016)
5. Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/70403758> (Дата обращения: 08.08.2016)

Баранов А. В. (г. Краснодар)

Этнополитические процессы в Краснодарском крае: мониторинг и менеджмент

Исследование выполнено по проекту Распределённого научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем по теме № 16/27 т «Проведение мониторинга межнациональных отношений и религиозной ситуации, анализ участия органов государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики, миграционной и языковой политики Российской Федерации в регионах Южного федерального округа (Краснодарский край, Республика Адыгея и Волгоградская область)»

Аннотация. Раскрыты тенденции развития этнополитических процессов в Краснодарском крае. Внимание уделено изменениям этнической и демографической структуры, миграционным процессам, воздействию украинского кризиса на этнополитические процессы. Сформулированы рекомендации акторам этнополитических процессов.

Ключевые слова: этнополитические процессы, Краснодарский край, мониторинг, менеджмент.

Ethnopolitical processes in the Krasnodar Territory: monitoring and management

Abstract. The actual development' trends of ethnopolitical processes in the Krasnodar Territory are established. The attention is focused on the changes in the ethnic and demographic structures, migration processes, influence of the Ukrainian crisis on ethnopolitical processes. Recommendations for ethnopolitical processes' actors are made.

Keywords: ethnopolitical processes, Krasnodar region, monitoring, management.

Краснодарский край относится к числу наиболее стабильных субъектов Российской Федерации на Юге страны, что подтверждается статистикой конфликтов и экспертными опросами [1, с. 11–30]. Цель статьи – определить тенденции развития этнополитических процессов и их регулирования в Краснодарском крае.

За 2016 г. действовали долгосрочные факторы этнополитических процессов в крае: последствия миграции; конкуренция этнических элит в сфере социальной иерархии; «черкесский вопрос». Преобладающие текущие факторы, которые влияли на этнополитическую ситуацию, таковы: рост экономических затруднений, вызванных международными санкциями против РФ; политический кризис на Украине, прежде всего – гражданская война в Донбассе, вызвавшая приток беженцев на Юг России; гражданская война в Сирии, повысившая уровень угроз религиозного экстремизма.

Численность постоянного населения края, по данным Краснодарстата на 1 августа 2016 г., – 5548,8 тыс. чел., что на 446,7 тыс. чел. больше, чем по переписи 2010 г. [2]. В крае проживает более 124 этнических групп. По переписи населения 2010 г., этнический состав населения края таков: русские – 4523,0 тыс. чел. (86,5 %); армяне – 281,7 тыс. (5,4 %); украинцы – 83,7 тыс.

(1,6%), татары – 24,8 тыс., греки – 22,6 тыс., грузины – 17,8 тыс., белорусы – 16,9 тыс., адыгейцы – 13,8 тыс., цыгане – 12,9 тыс., немцы – 12,2 тыс., азербайджанцы – 10,2 тыс. и др. За 1989–2010 гг. удельный вес армян в населении края вырос с 3,7 до 5,4% [3]. Самая резкая убыль – среди немцев и евреев, умеренная – адыгейцев, греков, поволжских татар.

Исторический фактор сказывается в делении края на три субрегиона: степную Кубань, предгорное Закубанье, Черноморское побережье. Их этнический состав различается. К северу от рек Кубань и Лаба русские составляют свыше 90% жителей, а в г. Сочи – 67,1%, в Туапсинском районе – 69,5% [3]. Повышенный удельный вес армян на 2010 г. в г. Сочи (19,5% жителей), Туапсинском районе (13,7%), г. Армавире – 9,3%, г. Анапе – 9,0% [4, с. 20–71].

Население растёт за счёт миграционного прироста. За 2015 г. общий коэффициент миграционного прироста в крае остался на 3-м месте по России и составил 105,3 на 10000 чел. постоянного населения, что на 24,8% выше уровня 2014 г. Из прибывших мигрантов – 88,6% внутрироссийские [5].

Анкетный опрос, проведённый В. Н. Муха в декабре 2012 г. (выборка 1200 чел. всех возрастов старше 18 лет, квотная), доказал, что в системе идентичностей кубанцев лидирует национальная идентичность («Я – россиянин», 72,6%), на втором месте – региональная идентичность (66%), затем – этническая идентичность (45,5%). В сравнении субнациональных идентичностей преобладает локальная («единство с теми, кто живёт в том же населённом пункте») – 43%, далее следует региональная («я – житель Кубани») – 38% и на третьей позиции макро-региональная: «житель Юга России» – 19% [6, с. 155]. Итак, степень распространения российской национальной идентичности высока, что требует закрепления методами информационной политики.

По сведениям Министерства юстиции РФ, в крае на 7 сентября 2016 г. зарегистрировано 803 религиозные организации. Они представляют 32 конфессии. В том числе 370 православных организаций (доминирует РПЦ Московского патриархата), 220 – протестантских, 44 – «Свидетелей Иеговы», 12 – Армянской апостольской церкви, 9 – римско-католических, 9 – иудаистских, 5 – исламских и т. д. [7]. Количество религиозных организаций растёт.

Представление о религиозности населения даёт анкетный опрос о религиозной идентичности, проведённый социологами

Кубанского государственного технологического университета весной 2013 г. Выборочная совокупность – 1200 чел., репрезентативная квотная выборка с элементами случайного отбора населённых пунктов и респондентов. Состав респондентов соответствовал составу жителей старше 18 лет по полу, возрасту, уровню образования, урбанизации, этническому составу. 87,1 % отнесли себя к верующим «в той или иной степени», 9,8 % назвали себя «скорее неверующими» и 3,1 % не считали себя верующими. Большая часть верующих респондентов (81,8 %) определяли себя как православные. Мусульмане – 2,9 % опрошенных. 2,5 % исповедовали протестантизм. Приверженцы остальных конфессий вместе взятые составили 2%. Не отнесли себя ни к какой конфессии 11 % респондентов [8, с. 47–50]. Уровень религиозности поверхностен.

44,5 % опрошенных обеспокоены ростом численности иных религий. Причинами обеспокоенности они назвали:

- представители других религий придерживаются норм поведения, которые респонденты не могут одобрить (27,9 %);
- представители других религий вытесняют представителей традиционных религий (22,4 %);
- представители других религий поддерживают только своих, игнорируя чужих (21,3 %);
- множество религий способствует уменьшению уникальности нашей культуры (12,3 %);
- 14,8 % затруднились назвать причины тревоги [8, с. 47–50].

Большинство опрошенных терпимо по отношению к представителям других религий. Только 15,1 % респондентов предпочли бы не видеть представителей другой религии. Но большинство (45,2 % респондентов) не готово принять представителей других религий как близких родственников. Охотнее жители края готовы взаимодействовать с представителями других религий в качестве жителей своего города, станицы, села (41,6 %), граждан страны (39,4 %) и коллег по работе (42 %) [8, с. 47–50].

По данным Духовного управления Республики Адыгея и Краснодарского края, численность мусульман в крае составляет около 180 тыс. чел., действует 7 мечетей [9]. Кроме них на Кубани находится 160 тыс. трудовых мигрантов из Средней Азии (около 15 тыс., т.е. 9 % легализовались), по мнению координатора сочинской приёмной сети «Миграция и право» С. Симонова [10]. Среди мусульман преобладают татары, чеченцы, даргинцы, ингуши, представители дальнего зарубежья – студенческих диаспор.

Руководители религиозных организаций общаются под эгидой Общественной палаты края, Центра национальных культур. Постоянно проводятся встречи прокурора края с духовенством по вопросам законности, роли религиозных объединений в патриотическом и духовно-нравственном воспитании молодёжи.

Активизировалось влияние кубанского казачества на этнополитику в регионе. На протяжении длительного времени в казачьем движении края доминирует Кубанское казачье войско (ККВ) как реестровая общественная организация. Это выгодно отличает край от Ростовской области и Ставропольского края, где казачество расколото. Атаманом ККВ с 2007 г. является вице-губернатор края Н. А. Долуда.

Губернатор края В. А. Кондратьев предложил наделить атаманов районных обществ статусом заместителей глав муниципальных образований. Это будет способствовать патриотическому воспитанию и увеличит численность казачества [11]. Н. А. Долуда на заседании Совета атаманов реестровых казачьих войск России в мае 2016 г. сообщил, что члены казачьих обществ будут наделяться землёй без прохождения конкурсных торгов. Такое решение принято органами власти края. Атаман высказал мнение, что это необходимо сделать также руководству Адыгеи и Карачаево-Черкесии [12]. Н. А. Долуда предложил, чтобы казаки получили право служить в рядах Национальной гвардии коллективно в одних подразделениях. Почти 500 из 6000 призывников от края в Вооружённые силы РФ весной 2016 г. – казаки. Необходимо сделать более тесным взаимодействие ККВ с Федеральным агентством по делам национальностей [11; 13].

Органы государственной власти, этнокультурные общественные объединения стремятся обеспечивать межэтническое согласие. 21 мая 2016 г. казаки Майкопского отдела ККВ приняли участие вместе с представителями национально-культурных организаций Адыгеи в поминовении 152-й годовщины окончания Кавказской войны [14].

Украинский кризис стал поводом к попыткам зарубежных акторов стимулировать в Краснодарском крае сепаратистские настроения, координируя их из-за рубежа. Подрывная деятельность получила развитие в скоординированной информационной кампании, проводимой СМИ Украины с 2014 г. о мнимом «угнетении украинцев» на Кубани и их насильственной русификации [15]. Напротив, в пределах края не проявляются проукраинские сепаратистские настроения.

В крае за 2015 г. за попытку примкнуть к запрещённой в РФ террористической организации «Исламское государство» правоохранительные органы возбудили уголовные дела в отношении 22 лиц. 15 из них задержаны, а 7 находятся в международном розыске, по сообщению прокурора Краснодарского края [16]. Согласно справке прокуратуры Краснодарского края правоохранительные органы Кубани за 2015 г. выявили 29 преступлений экстремистской направленности, из них 25 – в сети Интернет, 19 – связанных с действиями международных террористических организаций. Пресечена противоправная деятельность 16 граждан РФ, намеревавшихся выехать в Сирию для участия в экстремистских группировках. Суды края за 2015 г. блокировали доступ к 172 сайтам экстремистской направленности, 32 чел. приговорены к административной ответственности за распространение экстремистских материалов [17].

Институциональная система этнополитики на Кубани такова. В Законодательном Собрании края взаимодействие с этническими и религиозными объединениями осуществляет Комитет по культуре, спорту, информационной политике и взаимодействию с общественными объединениями. В компетенцию первого заместителя главы краевой администрации входит взаимодействие с общественными, казачьими и религиозными организациями. В 2002 г. создано Управление по взаимодействию с политическими партиями и общественными объединениями администрации края. В структуре администрации края действуют: отдел по межнациональным отношениям и взаимодействию с национально-культурными объединениями, подчинённый Управлению по работе с политическими партиями, общественными объединениями и межнациональным отношениям департамента внутренней политики; Управление по взаимодействию с религиозными и социально ориентированными некоммерческими организациями; Департамент по делам казачества и работе с военнослужащими. При краевой администрации функционирует координационный совет по взаимодействию с религиозными организациями.

По информации Министерства юстиции РФ, на 7 сентября 2016 г. в крае зарегистрировано 6477 некоммерческих организаций, из них 803 религиозных объединения, 132 национально-культурных объединения, 24 национально-культурных автономии. Управление Минюста РФ по краю на 15 января 2016 г. зарегистрировало 495 казачьих обществ [7].

Национально-культурные объединения ведут диалог в рамках Центра национальных культур Кубани и центров в крупных городах, Общественной палаты края, Совета при главе администрации (губернаторе) края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. С начала 1990-х гг. работает Центр национальных культур Краснодарского края, где участвуют 35 общественных объединений [18]. В гг. Армавире, Краснодаре, Сочи, Новороссийске, Туапсинском районе также действуют центры национальных культур. Они объединяют 100 общественных организаций, являясь важным институтом диалога власти и общества [19].

19 сентября 2013 г. постановлением главы администрации Краснодарского края утверждён состав Общественной палаты Краснодарского края. В её составе создана комиссия по вопросам развития гражданского общества, межнациональных и межконфессиональных отношений, СМИ и обеспечения свободы слова под председательством О.И. Георгиева. Действуют и 8 общественных палат межмуниципального уровня [20].

Действует Долгосрочная краевая целевая программа «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае на 2013–2017 годы», принятая в 2012 г. Цели и задачи Программы – гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур; обеспечение взаимодействия исполнительных органов власти края и местного самоуправления с национально-культурными объединениями; профилактика экстремизма и терроризма; поддержка и распространение идей духовного единства и межэтнического согласия [21].

Работает долгосрочная краевая целевая программа «Сохранение и воссоздание объектов культурного наследия культурного назначения и поддержка социально ориентированных религиозных организаций в Краснодарском крае на 2012–2016 годы», утверждённая постановлением главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 30.06.2011 № 663.

Но набор мер по выполнению программ не в полной мере отвечает современным требованиям. Приоритет по-прежнему отдан фестивалям этнических культур, просветительным публикациям в СМИ, обучающим семинарам для государственных служащих.

Постановлением главы администрации Краснодарского края от 15.07.2014 г. № 694 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2014–2016 годах в Краснодарском крае Стратегии

государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» система мер этнополитики усовершенствована [22]. Реализация этнополитики впервые согласована с формированием российской идентичности и патриотизма.

Подведём итоги. Действуют долгосрочные факторы межэтнических отношений в регионе: последствия миграции; конкуренция этнических элит; «черкесский вопрос». Краткосрочные факторы: рост экономических затруднений, вызванных международными санкциями против РФ; гражданская война в Донбассе, вызвавшая приток беженцев в край; гражданская война в Сирии, повысившая уровень угроз религиозного экстремизма. Баланс национальных, этнических и конфессиональных идентичностей в Краснодарском крае устойчив, и уровень конфликта идентичностей низок. Проводится этнополитика на основе укрепления российской идентичности, создания диалоговых механизмов согласования и представительства этнических интересов.

Рекомендации таковы. Необходимо создать в структуре краевой и муниципальных администраций, представительных органов более влиятельные, чем сейчас, структурные подразделения, специализированные на этнополитике и сформированные из профессионалов. Следует ускорить создание территориального управления Федерального агентства по делам национальностей в Краснодарском крае, определив его функции, штаты и финансирование. Нуждается в развитии институт экстерриториальной национально-культурной автономии.

Интеграция этнических групп в российскую нацию во многом связана с миграционными процессами. Актуализируются задачи адаптации и интеграции мигрантов. Целесообразны такие меры, как соблюдение миграционной ёмкости территорий, проверка законопослушности, обеспечение российских социальных компетенций, культурно-языковая адаптация, пресечение дискриминации. Необходимо коренным образом улучшить финансирование и организацию изучения русского языка в полиэтничных и миграционно привлекательных местностях.

Укрепление единства российской нации невозможно без согласования тенденций развития народов в направлении их интеграции, без соответствующего концептуального пересмотра образовательной, информационной и символической политики. Особое значение это приобретает в Краснодарском крае. Полезно будет создание краевого экспертно-аналитического центра,

который бы на постоянной основе получал государственные заказы на мониторинг баланса идентичностей, межэтнических и межрелигиозных отношений, проявлений рисков и угроз конфликтов. Значительные ресурсы следует направить на поддержку интернет-сайтов, противодействующих пропаганде терроризма и радикализма.

Список источников и литературы

1. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Южном федеральном округе. Экспертный доклад (по состоянию на второе полугодие 2015 года) / под общ. ред. В. А. Тишкова, Г. С. Денисовой. – М.; Ростов н/Д, 2016. – 156 с.
2. Общая характеристика воспроизводства населения в крае. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/8c42e3804d365_619a52af54fc_772e0bb/%D0%95%D0%94%D0%9D.htm
3. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Перепись 2010. URL: www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/tab7.xls
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – М., 2013. – Т. 4.
5. Общие коэффициенты миграционного прироста населения (на 10000 человек населения). URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/d9cfbe004886e79db01ef0f7eaa5adf2/Миграция.htm
6. Муха В. Н. Русский этнос в полиэтничной среде: особенности самосознания и структура социальной идентичности. – Краснодар, 2014. – С. 155.
7. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx>
8. Сергиенко Н. Л., Круглик Н. В., Муха В. Н. Религиозная идентичность жителей Краснодарского края // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2013. – № 8. – С. 47–50.
9. Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края. URL: <http://islam.maykop.ru/work/index.html>
10. Туаев М. На Кубани действует негласный запрет на строительство мечетей, заявили представители мусульманской общины. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/249591/>
11. Триандофилова О. Важные вопросы надо решать сообща // Кубанские новости. – Краснодар, 2016. – 14 мая.
12. Щербакова А. Перемены нужны как воздух // Кубанские новости. – Краснодар, 2016. – 2 апр.

13. *Власенко А.* Больше полномочий атаманам // Кубанские новости. – 2016. – 6 мая.
14. *Ларина О.* Кавказская война – трагедия народа // Кубанские новости. – 2016. – 28 мая.
15. Губернатор Донецкой области пообещал «вернуть» Кубань в состав Украины. URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/06/07/gubernator-donecko-oblasi-roobeshhal-vernut-kuban-v-sostav-ukrainy.html>
16. *Исупова С.* На Кубани за попытку примкнуть к ИГ возбуждены дела против 22 человек. URL: <http://ria.ru/incidents/20151224/1348428035.html#ixzz3vNAk4Uud>
17. *Мочалова И.* Почему вербуют нашу молодёжь? // Вольная Кубань. – Краснодар, 2016. – 21 апр. – С. 9.
18. Национально-культурные объединения ЦНК. URL: http://kubanetnos.ru/?page_id=57
19. Ольга Ладыгина приняла участие в совещании полпреда Президента в ЮФО о предотвращении межэтнических конфликтов. URL: <http://www.ufmskrn.ru/site2/news/66896/>
20. Общественная палата Краснодарского края. URL: http://www.oprf.ru/about/interaction/region_chambers/1445/1438/newsitem/24053
21. Долгосрочная краевая целевая программа «Гармонизация межнациональных отношений и развитие национальных культур в Краснодарском крае на 2013–2017 годы» (в редакции Постановления главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 14.12.2012 № 1511). URL: [Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.document/view/29667633/30367059/](http://www.krasnodar.kubanetnos.ru/document/view/29667633/30367059/)
22. Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2014–2016 годах в Краснодарском крае Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 15.07.2014 г. № 694. URL: [Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.regnews.org/docs/sq/bw.htm](http://www.krasnodar.kubanetnos.ru/docs/sq/bw.htm)

Баранов Н. А. (г. Санкт-Петербург)

Информационная политика России в контексте секьюритизации

Аннотация. В информационной политике необходимо совмещать интересы государства и гражданского общества. Нарушение баланса интересов приводит к политике секьюритизации, связанной с принятием государством экстренных мер для снижения угрозы безопасности, что способствует ужесточению политического режима.

Ключевые слова: информационная политика, информационная сфера, информационная безопасность, информационное пространство, секьюритизация.

Information policy of Russia in the context of securitization

Abstract. In information policy it is necessary to combine interests of the state and civil society. Violation of balance of interests leads to policy of the securitization connected with acceptance of emergency measures by the state for decrease in threat to security that promotes toughening of a political regime.

Keywords: information policy, information sphere, information security, information space, securitization.

Современный мир стремительно становится информационным. «Сжатие мира» в условиях глобального распространения компьютерных технологий настолько стало реальным, что не подвергается критике ввиду своей очевидности. Вопрос заключается лишь в возможности приспособления к складывающейся ситуации и способности влиять на её протекание. Экономика в информационную эпоху в приоритетной степени базируется на производстве, хранении, передаче и использовании информации. Причём те, кто контролирует процессы производства и распространения информации, занимают лидирующие позиции в мире. Становление единого информационного пространства, с одной стороны, предоставляет возможности широкому кругу людей пользоваться современными технологиями, экономическими разработками, продуктами культуры, с другой – создаёт дополнительные угрозы для стран и народов в связи с разрушением привычного образа жизни, навязыванием инородных ценностей, а для государств – в связи с возникновением опасности влияния на процессы управления и принятия государственных решений. По мнению И. С. Семененко, «революция в информационных технологиях придала новые качества социокультурной динамике современного мира», отличительная черта которого «углубляющиеся разрывы социальной ткани современных обществ в условиях уплотнения информационных потоков и поистине драматического роста их воздействия на сознание и поведение людей» [1, с. 21].

Влиянию информации на социальные и политические процессы посвящены работы многих зарубежных и отечественных учёных. Так, в последнее десятилетие стала актуальной

концепция секьюритизации, предложенная Б. Бузаном, О. Уивером и Я. Де Вилдом, связанная с восприятием новых угроз безопасности обществ. Исследователями Копенгагенской школы международных отношений была предложена новая структура в исследовании безопасности, предполагающая раскрытие механизма актуализации данного феномена: каким образом некий объект начинает рассматриваться в качестве угрозы, как он привносится в политический дискурс и утверждается в качестве угрозы, т.е. секьюритизируется. Процесс, в ходе которого объект представляется в качестве проблемы безопасности и начинает рассматриваться как угроза, американский политолог Барри Бузан называет секьюритизацией [2]. В качестве объекта может выступать государство, национальный суверенитет, экономика, экологическая сфера, идентичность, биологические виды. Объект становится вопросом безопасности после принятия решения о его важности по сравнению с другими. В этом случае объекту придаётся статус чрезвычайного приоритета, выводя его из области обычной политики. Секьюритизация предполагает приоритет экстремальной политики над установленными нормами и правилами решения аналогичных вопросов. Таким образом, речь идёт об экстренных мерах, предпринимаемых для снижения угрозы безопасности.

Включение проблематики безопасности в новые сферы жизни общества: экологическую, экономическую, культурную, информационную – способствует легитимизации чрезвычайных мер, предпринимаемых государством, что сказывается на ограничениях демократических процедур. В результате ценность безопасности начинает превалировать над всеми остальными политическими ценностями, детерминируя все сферы жизни. Следует согласиться с мнением А.А. Казанцева относительно актуальности результатов усиления административных рычагов воздействия на общество для России как для страны, не имеющей старых демократических традиций, в связи с чем «экспансия проблематики безопасности может стать особенно опасной для демократических институтов» [3, с. 17].

В данном контексте актуально высказывание американского политического деятеля, одного из отцов-основателей США Бенджамина Франклина, который в 1755 году предупреждал об опасности отказа от свободы в обмен на безопасность: «Те, кто готов пожертвовать насущной свободой ради малой толики временной безопасности, не достойны ни свободы, ни безопасности» [4].

Массовая информатизация общества способствует возникновению новых угроз безопасности, которые распространяются как на частную жизнь, так и на социальную, политическую, экономическую сферы. В сложившихся условиях высокую значимость приобретает деятельность государства в информационной сфере, которая включает в себя совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сетей связи, информационных технологий, субъектов, связанных с формированием и обработкой информации, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений [5]. Значимость любого произошедшего события зависит, в первую очередь, от его интерпретации в средствах массовой информации. А если эта информация имеет политический подтекст, выгодный одним и не выгодный другим акторам мирового политического процесса, то возникает потребность в соответствующем объяснении событий. Поэтому информационная политика «как особая сфера жизнедеятельности людей, связанная с распространением информации в интересах государства и гражданского общества» [6, с. 103] занимает особое место в современном обществе.

Потребность в критическом осмыслении информационной политики связана с распространением гибридных войн, понимаемых в НАТО как тактики, при которой не используется открытое применение обычных военных средств и включающих в себя пропаганду и дезинформацию, методы экономического давления, а также тайное использование сил специального назначения [7]. Цели гибридной войны – полная или частичная дезинтеграция государства, качественное изменение его внутри- или внешнеполитического курса, замена государственного руководства на лояльные режимы, установление над страной внешнего идеологического и финансово-экономического контроля, её хаотизация и подчинение диктату со стороны других государств или ТНК.

В условиях жёсткого информационного противодействия использование различных информационных каналов на формирование альтернативной Западу точки зрения является не только оправданной, но и необходимой формой защиты национальных интересов России. Поэтому важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации в соответствии с новыми руководящими документами, принятыми в последние годы, является доведение до мировой общественности

объективной информации о позиции России по основным международным проблемам, её внешнеполитических инициативах и действиях, процессах и планах социально-экономического развития Российской Федерации, достижениях российской культуры и науки. В частности, об укреплении «позиций российских средств массовой информации и массовых коммуникаций в глобальном информационном пространстве» говорится в Концепции внешней политики Российской Федерации, утверждённой 30 ноября 2016 г. Указом Президента России [8].

Информационное воздействие в XXI веке приобретает ещё большую значимость, так как его направленность влияет на поведение большого количества людей, у которых под влиянием той или иной информации могут возникать потребности как конструктивного, так и деструктивного характера, что существенным образом влияет на политическую ситуацию в стране и в мировом пространстве в целом. Недаром средства информационного воздействия называют информационным оружием, так как по своим разрушительным силам оно сопоставимо с обычными средствами вооружения, а иногда по своим последствиям превосходит их. В современном научном дискурсе под информационным оружием понимается «совокупность информации, а также специальных методов, устройств и средств манипуляции ею для скрытого воздействия на информационный ресурс противника с целью достижения поставленных целей и решения задач информационной борьбы (войны)» [9, с. 53].

В целях предотвращения угрозы такого воздействия Россия предпринимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности, противодействия угрозам государственной, экономической и общественной безопасности, исходящим из информационного пространства, для борьбы с терроризмом и иными угрозами с применением информационно-коммуникационных технологий, добивается выработки под эгидой ООН универсальных правил ответственного поведения государств в информационной сфере, в том числе посредством интернационализации на справедливой основе управления информационно-коммуникационной сетью Интернет.

Принципы организации управления Всемирной сетью, предлагаемые Россией и другими странами, состоят в исключении господствующей роли какой-либо страны, а также в прозрачности и демократичности управления с участием всех заинтересованных сторон и международных организаций.

До сих пор США диктуют свои правила в киберпространстве, для чего у них имеются определённые возможности: большинство корневых серверов находится на их территории (все-го корневых серверов DNS – 13, из которых 10 располагаются в США и по одному в Амстердаме, Лондоне и Токио); американцы владеют метатехнологиями, позволяющими контролировать функционирование глобальных сетей; в США базируется Корпорация Интернета по присвоению доменных имён и номеров (International Corporation for Assigned Names and Number – ICANN), которая была создана по решению правительства США в 1998 году со штаб-квартирой в Калифорнии [10, с. 80].

Для решения задач информационной безопасности в рамках ООН по инициативе России в 2004 году была создана Группа правительственных экспертов для рассмотрения существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности и возможных совместных мер для их устранения. Россия, являясь инициатором создания этой коллегиальной структуры, вносит существенный вклад в международное сотрудничество в области информационной безопасности. Так, Российская Федерация предложила на заседании Группы правительственных экспертов, которое состоится 23 июня 2017 года, рассмотреть концепцию проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Правила ответственного поведения государств в информационном пространстве в контексте международной безопасности» [11, с. 70], подтверждая, таким образом, свою ведущую роль в данной сфере.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации высказывается озабоченность тем, что «всё большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путём манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [12]. В Стратегии отмечается, что появляются новые формы противоправной деятельности с использованием информационных коммуникационных и высоких технологий. В целях осуществления государственной и общественной безопасности совершенствуется система выявления и анализа угроз в информационной сфере, противодействия им; принимаются меры для повышения защищённости граждан и общества от деструктивного информационного воздействия со стороны

экстремистских и террористических организаций, иностранных спецслужб и пропагандистских структур.

В подтверждение опасений, высказанных в Стратегии, 23 ноября 2016 г. депутаты Европарламента одобрили резолюцию о противодействии антиевропейской пропаганде, которую, по их мнению, ведут Россия и исламистские террористические группировки. Для пропаганды, указывается в резолюции, «российское правительство использует широкий диапазон инструментов, включая ТВ-каналы, вещающие на разных языках (в том числе Russia Today), псевдоновостные агентства и мультимедийные сервисы (в том числе Sputnik), а также соцсети и интернет-троллей» [13]. Евросоюзу, подчёркивается в документе, необходимо более активно принимать меры по борьбе с дезинформацией и пропагандой, опасаясь ситуации, при которой, по мнению А. Анненкова, «побеждённое государство как бы встраивается в общий алгоритм функционирования победителя и начинает обеспечивать его национальные интересы» [14, с. 126].

Важнейшей задачей государства в рамках информационного противоборства является контроль информационного пространства, интегрированного в глобальное информационное пространство и являющегося его частью; создание специальных сил, в функции которых входит ведение информационного противоборства; разработка средств информационного воздействия; принятие нормативно-правовых актов, обосновывающих и определяющих информационную политику страны.

Агрессивная информационная политика, проводимая западными странами против России, вынуждает российское политическое руководство принимать адекватные меры, и прежде всего в концептуальном плане. 5 декабря 2016 г. Президентом России была утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, представляющая собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере на основе анализа основных информационных угроз и оценки состояния информационной безопасности [5].

Информационная политика, подразделяемая на государственную и негосударственную, должна учитывать интересы не только государства, но и гражданского общества. В условиях сужения информационного поля, осуществляемого за счёт ограничения деятельности оппозиционных средств массовой информации, возникает повод для секьюритизации политики, направленной против «пятой колонны», «врагов государства»

и т. д. Поэтому необходимо органично сочетать развитие средств информационного влияния на общественное мнение за рубежом, с активным участием в международном сотрудничестве в информационной сфере и информационной доступностью в стране.

Список источников и литературы

1. *Семененко И. С.* Политические изменения в современном мире: новые контуры исследовательского поля // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 20–38.
2. *Агапеева К.* Теория секьюритизации Барри Бузана // Информационно-аналитический портал «Геополитика». URL: <http://www.geopolitica.ru/node/144#WMRO1vVOK70> (дата обращения: 11.03.2017)
3. *Казанцев А. А.* Расширение проблематики безопасности в политике России: секьюритизация, биополитика и новые административные практики. М.: Проспект, 2010. 200 с.
4. Votes and Proceedings of the House of Representatives, 1755–1756 (Philadelphia, 1756), pp. 19–21.
5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 11.03.2017)
6. *Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б.* Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.: Горячая линия–Телеком, 2012. 542 с.
7. НАТО приняла стратегию против гибридных войн. 2 декабря 2015 г. URL: <https://newsland.com/user/4296735949/content/nato-priniala-strategiiu-protiv-quotgibridnykh-voinquot/4854888> (дата обращения: 11.03.2017)
8. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 11.03.2017)
9. *Новиков В. К.* Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. М.: Горячая линия – Телеком, 2011. 264 с.
10. Инновационные направления современных международных отношений / Под ред. А. В. Крутских и А. В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2010. 295 с.
11. *Бойко С.* Группа правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: взгляд из прошлого в будущее // Международная жизнь. 2016. № 8.

12. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. №683 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 11.03.2017)
13. Европарламент принял резолюцию против российской пропаганды // Информационный портал Meduza. URL: <https://meduza.io/news/2016/11/23/evroparlament-prinyal-rezolyutsiyu-o-protivodeystvii-rossiyskoy-propagande> (дата обращения: 11.03.2017)
14. *Анненков В.* Информационно-психологическое противоборство: современные аспекты // Современный мир и геополитика / Отв. ред. М. А. Неймарк. М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 116–126.

Бойко П. Е., Бухович Е. В. (г. Краснодар)

Идея всемирной истории в философии Ф. В. Й. Шеллинга

Аннотация. В статье рассматривается проблематика спекулятивной философии всемирной истории Ф. В. Й. Шеллинга, раскрывается принцип всеобщей диалектики свободы и необходимости исторического процесса, анализируются философско-теологические категории понимания христианского историзма как откровения и провидения Абсолюта.

Ключевые слова: Шеллинг, диалектика, свобода, необходимость, всемирная история, провидение, откровение.

The idea of world history in the philosophy of F. V. I. Schelling

Abstract. In this article the problems of speculative philosophy of F. W. I. Schelling's world history are considered, the principle of general dialectics of freedom and necessity of the historical process is shown, the philosophical and theological categories of understanding of Christian historical method as the revelation and the providence of the Absolute are analysed.

Keywords: Schelling, dialectics, freedom, necessity, world history, providence, revelation.

Несмотря на все концептуальные и мировоззренческие особенности тех шеллинговских работ, где затрагивается историко-философская проблематика («Система трансцендентального идеализма», «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах», «Система мировых эпох»,

«Философия мифологии», «Философия откровения» и др.), между ними просматривается единая методологическая нить. Сам Шеллинг говорит: «Философия есть потребность сердца и духа. По сути дела, её единственный предмет – это общий предмет всех наук, она рассматривает все отдельные предметы в качестве членов единого всеобъемлющего организма, вырастающего из бездны природы и возвышающегося до мира духа; тому, кто схватил её суть, она уже не даст покоя, пока он не постигнет также природу и историю» [1, с. 47].

Шеллинг отмечает, что трансцендентально определённое понятие истории должно открыть объективный смысл всемирно-исторического процесса, существование в нём априорного плана и конечной цели. Понятие истории должно послужить надёжным логическим критерием определения исторических фактов, отделения их от случайных неисторических событий, которые характеризуются полным отсутствием плана и разумного содержания.

В соответствии с трансценденталистской историософской традицией Канта и Фихте Шеллинг рассматривает идеал свободы в качестве высшей цели мировой истории. Этот идеал достигается в разумном государстве, в его всеобщем правовом строе.

«Что же касается трансцендентальной необходимости истории, то... уже была доказана её дедукция, состоявшая в том, что перед разумными существами поставлена проблема всеобщего правового устройства и что решена эта проблема может быть только родом, т. е. только историей. Здесь же нам представляется достаточным ограничиться выводом, согласно которому единственным подлинным объектом исторического повествования может быть постепенное формирование всемирного гражданского устройства, ибо именно оно и есть единственное основание истории», – замечает Шеллинг [2, с. 590].

Немецкий философ отстаивает мысль о том, что, будучи разумным идеалом и всеобщей целью мировой истории, правовой строй не может быть итогом как случайного стечения обстоятельств, так и результатом внешних механических закономерностей. История – это диалектика свободы и необходимости. Только при условии органического единства этих взаимоопределяющих категорий может быть реализован (несмотря на всевозможные случайные отклонения) всемирно-правовой идеал истории. Шеллинг убеждён в том, что только всеобщее правовое состояние способно обеспечить свободу общественной и государственной жизни. «Ибо свобода, которая не гарантирована

общим естественным порядком, непрочно, и в большинстве современных государств она подобна некоему паразитирующему растению, которое в общем терпят в силу неизбежной непоследовательности, но так, что отдельный индивидуум никогда не может быть уверен в своей свободе. Так быть не должно. Свобода не должна быть милостью или благом, которым можно пользоваться только как запретным плодом. Свобода должна быть гарантирована порядком, столь же явным и жизненным, как законы природы» [2, с. 592]. Но этот всеобщий правовой порядок сам может утвердиться лишь как результат свободы. Следовательно, основание свободы социально-политической и правовой жизни столь же необходимо, сколь и сама свобода. Однако это основание может появиться только посредством свободы, т.е. без необходимости, случайно. Это диалектическое противоречие разрешается лишь при условии того, что в самой свободе уже заключена необходимость. Отсюда Шеллинг делает закономерный вывод о том, что свобода должна быть необходимостью, а необходимость – свободой. Если последняя определена сознательным выбором, разумом человека (вне разума нет и не может быть свободы), то тогда заключённую в свободе необходимость нужно считать её бессознательным элементом.

Бессознательное во мне суть произвольное сознательное – это то, что вызвано актом чистой воли. Из всего этого следует, что в каждом нашем свободном действии всегда есть нечто бессознательное, то, что не планировалось и не могло планироваться нами. Согласно Шеллингу данное положение есть не что иное, как «трансцендентальное выражение всеми признанного и всеми предполагаемого отношения свободы к скрытой необходимости, которую называют то судьбой, то провидением, хотя при этом не мыслится ничего определённого; это и есть то отношение, в силу которого люди, действуя свободно, должны помимо своей воли становиться причиной чего-то, к чему они никогда не стремились, или, наоборот, в силу которого совершенно не удаётся и позорно проваливается то, к чему они в своей свободной деятельности стремились, напрягая все свои силы» [там же, с. 593–594].

Как видим, шеллинговская диалектика свободы и необходимости, сознательного и бессознательного в историческом процессе является важнейшей предпосылкой одного из главных положений гегелевской спекулятивной историософии: идеи «хитрости мирового разума» как логического выражения христианского принципа провиденциализма в мировой истории.

Провидение добывается своих рациональных целей при помощи иррациональных и сверхрациональных средств! Тотальность мировой истории определяется непрерывным и постепенно осуществляющимся «откровением Абсолюта».

Таким образом, у Шеллинга сущность провидения заключается в его спекулятивной необходимости, т.е. в том, что в нашем осознанном действии воплощается нечто неожиданное и непредвиденное, что свобода создать не могла. И свобода, и необходимость проявляются в нашей деятельности независимо друг от друга. Именно поэтому всемирная история выступает одновременно и сплошным произволом, и беззаконием, и разумной, логически структурированной реальностью. Такая историческая антиномия была бы невозможна, если бы обе категории не имели бы общего синтезирующего их основания. Согласно Шеллингу этим логически синтезирующим (и одновременно логически индифферентным) основанием может быть только Абсолют, т.е. Бог. Абсолют и есть высшее тождество противоположностей свободы и необходимости, «подлинное основание гармонии между объективным и субъективным в свободном действии не только индивида, но и всего рода» [2, с. 601].

Шеллинг подчёркивает, что посредством каждой отдельной интеллигенции (самосознающего себя Я), каждого конечного духа, действует абсолютное. Действие интеллигенции само абсолютно и потому «ни свободно, ни несвободно, а то и другое одновременно, абсолютно свободно, а именно поэтому и необходимо» [там же, с. 603].

В этом абсолютно свободном и абсолютно необходимом историческом процессе Шеллинг выделяет три главных периода: судьба (необходимость), природа и провидение (свобода), – причём природа выступает переходным, промежуточным этапом между первыми двумя противоположностями мировой истории.

Первый период всемирной истории Шеллинг называет трагическим. Его определяющим фактором выступает необходимость-судьба как слепая и разрушительная сила. Именно она приводит древний мир к гибели. Во второй период то, что являло себя судьбой, открывается как природа. Её закон ставляет свободу и произвол служить общему замыслу мироздания и таким образом привносит в природу хотя бы механическую закономерность. Период природы начинается с расширения границ Римской республики и продолжается до сих пор. Согласно Шеллингу положительным результатом этой

исторической эпохи должен стать «всеобщий союз народов» и всемирное государство.

В третий период всемирной истории то, что являлось нам раньше в виде судьбы и природы, раскроется как провидение, т.е. как спекулятивно-диалектический синтез свободы и необходимости. Тогда станет очевидным, что весь этот триадологический процесс развития человечества был непрерывным откровением Абсолюта, т.е. Богооткровением, Теофанией. «Когда наступит этот период, мы сказать не можем. Но, когда он настанет, тогда придёт Бог» [2, с. 605], – резюмирует историософскую часть своей «Системы трансцендентального идеализма» немецкий философ.

В последующих работах Шеллинга усиливается эта диалектико-мифологическая и теологическая составляющая философии истории. В «Философии откровения» он отмечает, что для того, чтобы мыслить продолжение существования человека во всей его полноте – именно в силу односторонности и, следовательно, конечности обоих моментов (т.е. природы и духа, необходимости и свободы), необходимо помыслить и третий момент (поскольку любой последовательности свойственна триада): «а) недолжное состояние, б) отрицание недолжного, в) достижение должного, долженствующего быть. Если первое состояние является состоянием только природной жизни, а второе – только духовной, то это третье с продолжением существования предстаёт как состояние духовно-природной жизни, т.е. той жизни, в которой природное возвышается до духовного. (Но поскольку нынешний, зримый универсум исключает духовное, это третье состояние может начаться только вследствие всеобщего – и одновременно нравственно-го – кризиса)» [3, с. 236–237].

Шеллинг отмечает, что современная ему эпоха – это преимушественно природная жизнь, которая через свое отрицание в духовно-природной жизни возвышается до чисто духовного, идеального бытия, которое немецкий мыслитель соотносит с эпохой «Бога Святого Духа». По его словам, три Лица Святой Троицы «можно мыслить как трёх сменяющих друг друга властителей трёх различных времён, а именно великих мировых эпох – χρόνων αἰώνιων: 1) эпоха исключительной власти Отца; 2) эпоха нынешнего творения, когда всё бытие передано Сыну и его власть над ним тоже исключительна; 3) эпоха, в которой уже не будет никакого времени, т.е. сама вечность» [там же, с. 82].

Очевидно, что здесь Шеллинг развивает историософский тезис «Системы трансцендентального идеализма» об эпохе «Бога Святого Духа» как эпохе провидения, в которую «придёт Бог». Эпохе судьбы соответствует время «Бога Отца», эпохе природы – «Бога Сына», эпохе провидения – эра «Бога Святого Духа», в которой земная история человечества приходит к вечности и полноте времён. Такой взгляд находит подтверждение в дальнейшем изложении философии откровения, с ещё большей силой: «Эти три времени в противоположность тому, что обычно называется временем, но что на самом деле представляет собой лишь звено в этой великой последовательности времен, т. е. звено истинного, абсолютного времени, – в противоположность этому сугубо преходящему (*zeitlich*) времени, которое возникает в результате одного лишь неизменного повторения одной мировой эпохи, равной А, итак, эти три времени можно назвать вечными» [там же, с. 82], – и далее: «<...> все, т. е. все творение, все великое развитие вещей совершается начиная от Отца – через Сына – в Духе. Отец был прежде, т. е. до всякого времени, Сын пребывает во времени, <...>, а Дух придет после времени как последний властитель завершившегося творения, вернувшегося в своё начало, в Отца: речь идёт не о том, что после этого слава Отца и Сына прекратится, а лишь о том, что к славе Сына и Отца присовокупляется слава Духа. Но тем самым только эта слава оказывается всецело явной и совершенной» [3, с. 84].

Таким образом, диалектика свободы и необходимости выступила ведущим принципом философско-исторического учения Шеллинга, обобщившего не только опыт трансцендентальной дедукции понятия, плана и всеобщей цели истории Канта и Фихте, но и впервые включившего в неё идею диалектически развивающегося Абсолюта как совпадения всех противоположностей мышления и бытия. Начиная с работ Шеллинга, всемирная история стала пониматься не просто как движение к всемирно-правовому сообществу, но и в первую очередь как процесс самопознания абсолютной идеи, которая, согласно немецкому мыслителю, и есть высшее единство свободы и необходимости в исторической деятельности отдельных людей, всемирно-исторических народов и государств. Очевидно, что шеллинговская идея истории как Богооткровения является не чем иным, как

выражением спекулятивного содержания христианского провиденциализма.

В то же время разработанная Шеллингом концепция развивающегося в истории Абсолюта (через ступени судьбы, природы и провидения) имела преимущественно диалектико-мифологический и теологический характер. Она не могла дать целостного логико-категориального объяснения всего исторического процесса. Идея провидения как конца истории осталась у Шеллинга незаконченной и логически непрояснённой. Неразработанным оставался и вопрос о соотношении всемирно-правового гражданского общества с эпохой провидения: конкретная взаимосвязь этих философско-исторических категорий в рамках единой концепции всемирной истории так и не была раскрыта.

Дальнейшее развитие историософии немецкого идеализма требовало снятия этого и многих других противоречий, логического синтеза всех позитивных идей, которые были сформулированы в трудах Канта, Фихте и Шеллинга. Данная задача была решена в системе философии всемирной истории Г. В. Ф. Гегеля, преодолевшего рассудочную и отрицательно-диалектическую ограниченность трансцендентального историзма и поднявшего историософское знание на качественно новый – спекулятивно-разумный уровень.

В заключение своих лекций по философии откровения Шеллинг говорит следующее: «Мы не можем упразднить бесконечного прошлого, на котором покоится настоящее. В мире не всё взаимосвязано так просто, как это представляется некоторым; нынешнее состояние вещей и мира бесконечно условно. <...> Так, Василий Великий в одном из своих посланий говорит: «Святым Духом надлежит сохраняться нашему разумению, дабы мы за богословием не забывали домостроительства, за отвлечённым учением о Боге – исторического учения». Мы направлены по этому пути. <...> единственное, что остаётся общим для всех, это путь, историческое течение событий, <...> познание которого одно сохраняет за Церковью её объективный характер <...>» [3, с. 371–372].

Список источников и литературы

1. Шеллинг Ф. В. Й. Система мировых эпох / Пер. с нем. Е. В. Борисова. – Томск, 1999.
2. Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма // Соч. / Пер. с нем. М. И. Левиной, А. В. Михайлова. – М., 1998.

3. Шеллинг Ф. В. Й. Философия откровения: В 2 т. / Пер. с нем. А. П. Шурбелева. – СПб., 2002. Т. 2.

Ващенко А. В. (г. Краснодар)

Импортзамещающая индустриализация: исторический опыт и современность

Аннотация. Статья посвящена влиянию экономических санкций на процесс формирования национальных элит.

Ключевые слова: санкции, суверенитет, национальные интересы.

Import-replacing industrialization: historical experience and modernity

Abstract. The article is devoted to influence of the economic sanctions on formation national elites.

Keywords: sanctions, sovereignty, national interests.

Термин «импортзамещающая индустриализация» относится к процессам, которые активно проходили в странах третьего мира в годы Второй мировой войны, во второй половине 40-х – начале 50-х годов XX века. В их основе была ситуация, которая характеризовалась нарушением транспортных коммуникаций (прежде всего, водных) между колониями и метрополиями в результате активных действий германского подводного флота в годы войны. Нарушение коммуникаций привело к сбою в функционировании классической колониальной модели, когда из колоний в метрополию вывозилось сырьё, а обратно возвращалась готовая продукция более дорогая в стоимостном отношении. Этот экономический фактор имел проявление и в социальной сфере колониальных стран. Не вывезенное сырьё пришлось обрабатывать на местных предприятиях, что дало колоссальный стимул для развития национальной буржуазии и связанных с ней местных политических элит. Ко второй половине 1940-х годов политические партии, отражавшие национальные интересы, настолько окрепли экономически, что смогли в политической плоскости поставить вопрос о независимости. Компрадорские элиты, ориентированные на поставку в страну предметов роскоши и товаров из метрополии, наоборот, экономически оказались ослаблены, что сказалось на их политических возможностях. Данный процесс лежал в основе получения многими колониальными странами независимости. Классический пример – это

Индия. Необходимо отметить, что нарушение коммуникаций тогда касалось не только экономической, но и культурно-информационной и образовательной сферы. Этот факт облегчал возможности национальных политических элит формировать независимую повестку развития для своих стран, которая базировалась на национальных интересах. Информационное влияние из-за рубежа было сведено к минимуму.

После распада СССР наша страна оказалась в очень тяжёлом экономическом и политическом положении. Если применять марксистские термины, то положение новой России было сродни положению полуколонии, попавшей в сфере экономики под внешнее управление. При практически полном разрушении советской производственной базы сильное развитие получила компрадорская буржуазия, которая наводнила страну импортом: от дешёвого до элитного. Средства на закупку импорта брались из сырьевого сектора, через реализацию в основном газа и нефти. Страна превратилась в сырьевой придаток стран Запада. Эта ситуация во многом сохраняется и сегодня. Сформировалась и политическая надстройка, которая поддерживала этот финансово-экономический порядок, в лице «либеральных младореформаторов ельцинского призыва». Все попытки встроиться в глобальную экономику на приемлемых условиях, то есть с учётом своих национальных интересов, к успеху не привели. Экономический блок всех правительств новой России был вынужден в большей или меньшей степени учитывать интересы глобальной финансовой олигархии. Попытка совместить этот процесс с национальными интересами страны встречала колоссальное сопротивление внутри страны компрадорской буржуазии и аффилированных с ней либерально-глобалистских кругов. Более того, через реформу системы образования, девизом которой стало «мы не даём знания, мы предоставляем (по сути продаём) образовательные услуги», была сделана попытка сформировать «общество потребления» как часть глобального потребительского рынка. Данные процессы не остановлены. Они идут.

После воссоединения России и Крыма в марте 2014 года против нашей страны были введены комплексные санкции. По существу развёрнута новая холодная война. Произошло снижение цен на товары сырьевого экспорта, что привело к сокращению импортных закупок. Российская Федерация ввела ряд ответных санкций. В итоге мы получили серьёзное ослабление компрадоров внутри страны. Кризис в ЕС, внутривосточная

борьба в США объективно ослабили поддержку либерально-глобалистских кругов извне. Ускорился процесс формирования национально-ориентированных элит. Но он идёт медленно и не приобрёл необратимого характера. Более скромные успехи российской «импортзамещающей индустриализации» объясняется господством либерально-глобалистских сил в информационной и образовательной среде. Почти нет изменений в СМИ, в рекламной политике, в сфере образования. Противоречие между глобальным классом больших городов и «населением глубинки» характерно не только для США. Сегодня линия раздела идёт не по традиционным классам, а по линии отношения к «глобальным» или «традиционным» ценностям. А «традиционные» ценности связаны с жизненно важными национальными интересами, такими как безопасность, суверенитет, благосостояние. Сегодня мы имеем с одной стороны ТНК и ТНБ, связанные с ними глобальные СМИ и массовую культуру, подпитывающую «офисный планктон», взращённый Болонской системой. С другой – корпорации с решающим участием государства (как переходный вариант), производства, ориентированные на внутренний рынок, альтернативные СМИ, остатки классической культуры и образования. Но это полюса, между которыми огромная масса малограмотных «коеккакеров», и, к сожалению, болонская система образования продолжает их выпускать. Это огромный людской массив для манипуляций, который в критический момент примет ту сторону, которая сможет предложить ему более выгодные условия существования. Причём именно предложить, а не обеспечить. А это сможет сделать тот, в чьих руках будет культурно-информационная сфера. В этих условиях ключевыми становятся две сферы: образование и информация.

Главная задача российского образования сегодня – это возвращение его независимости. Полное восстановление национального образовательного суверенитета. Необходимо уйти от положения, когда основным заказчиком «образовательных услуг» являются наднациональные акторы в лице ТНК и ТНБ, а через них США и ЕС, как территории основного базирования их штаб-квартир, а не российское общество и государство. Эти полюса гораздо мощнее российского по всем показателям. Данная асимметричность сформировала практически неокOLONиальную модель, действующую в системе предоставления образовательных услуг. Подчёркиваю, не науки и образования, а именно услуг. Россия не должна быть колонией,

поставляющей научное и образовательное сырьё. Сохраняется зависимость российской науки, особенно гуманитарной, от импортируемых методологий и терминов. Мы по-прежнему мыслим и работаем не по-русски. В современном глобальном мире держава, претендующая на реализацию самостоятельных цивилизационных проектов, должна иметь научную и образовательную самостоятельность. Особенно это важно для гуманитарной сферы, которая является основой формирования мировоззрения нации.

Необходимо пересмотреть наши действия в информационном поле. Пример США показывает, что сегодня свобода слова превратилась в свободу лжи и свободу безнаказанно говорить гадости, скрываясь под личиной анонимности. Информация должна быть публичной и привязанной к автору, который должен нести ответственность за каждое слово.

Если в России удастся скорректировать культурно-информационную сферу, куда входит и образование, в сторону учёта национальных интересов, то успехи национального сектора экономики и связанных с ним политических сил в условиях санкций и новой холодной войны будут иметь успешный и необратимый характер. В свою очередь успех развития национальной экономики позволит создать базу для модернизации российской науки, а это непременно даст новые возможности.

Говорухина К. А. (г. Краснодар)

Практики применения пропаганды и PR в современном политико-информационном пространстве России

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования технологий пропаганды и связей с общественностью, применяемых в информационно-коммуникационном пространстве.

Ключевые слова: пропаганда, связи с общественностью, информационно-коммуникационные технологии, Интернет, информационные угрозы, медиатизация пространства, информационное пространство.

Practices of applying propaganda and PR in the modern political and information space of Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of using the propaganda and public relations technologies used in the information and communication space.

Keywords: propaganda, public relations, information and communication technologies, the Internet, information threats, space meditation, information space.

XXI век – эпоха быстрого и глобального распространения информационно-коммуникационных технологий в современном мире, что привело к созданию самостоятельного виртуального политического пространства. Новые интернет-технологии стали играть более важную роль в сфере политических коммуникаций, оказывать воздействие на манипулирование массовым сознанием так, чтобы акторы коммуникационного процесса могли создавать необходимое восприятие политической реальности обществом. Изучение тенденций и направлений глобального политико-коммуникационного пространства является одной из главных задач в информационной политике современного государства, граждане которого подвергаются определённому внешнему коммуникационно-пропагандистскому влиянию. По мере развития данных технологий постепенно трансформируются функциональные возможности и содержание политико-информационного пространства. Можно выделить следующие основные факторы:

- взаимонаправленный со стороны государства и общества коммуникационный процесс, позволяющий учитывать реакцию объекта воздействия на изменения внешней среды;
- конкурентоспособная среда, в условиях которой политическая коммуникация становится сферой борьбы интересов за ценности и идеалы господствующего образа жизни;
- трансформация инфраструктуры, которая состоит из информационно-коммуникационных каналов и ресурсов, пропагандистских и PR-технологий, где технологическая составляющая является преобладающей;
- формирование в виртуальном коммуникационном пространстве псевдореальности, не содержащей характеристики целевых акторов политической коммуникации;
- борьба идеологий и ценностей, передаваемых в информационном пространстве, обуславливающих направление радикализации их социально-политического содержания.

Новыми тенденциями информационного общества XXI века стали медиатизация и виртуализация политико-коммуникационного пространства. По мнению Мишеля Фуко, в современном обществе «мы существуем в рамках «мира», созданного информационных, а не мира, о котором у него есть какая-либо информация» (по М. Фуко) [6, с. 16]. В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации от 5 декабря 2016 г.» указывается,

что «информационно-коммуникационные технологии имеют глобальный трансграничный характер, неотъемлемую часть всех сфер деятельности общества, личности и государства. Защита информационной среды занимает важное место в обеспечении реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [1].

Развитие сфер использования информационных, пропагандистских и PR-технологий в последнее время считается критерием эффективности экономики, совершенствования деятельности государственных, общественных организаций, институтов, что порождает и усиливает информационные угрозы. В современном мире информация становится орудием для достижения военных, политических, стратегических, а также «террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стабильности» [1].

Необходимо учитывать, что использование пропагандистских и PR-технологий невозможно без обеспечения информационной безопасности государства, так как без их внедрения существенно повышается возможность проявления информационных угроз.

Во всем мире потребление информации населением заставляет акторов информационно-коммуникационного процесса применять различные PR, рекламные и пропагандистские технологии, используя при этом «непрерывные потоки убеждающих сообщений. Причём чаще всего на нас влияют не логическими аргументами, а манипуляцией символами и нашими наиболее глубокими человеческими эмоциями» (по Э. Аронсону) [2, с. 23].

Особенностью пропагандистских технологий является то, что они идеологичны по своей сути, так как распространяют убеждения, взгляды, идеи, так как действуют на фундаментальном уровне. Агентами пропаганды могут быть в том числе и социальные институты: армия, политические партии, институты образования и др. При помощи пропагандистского сообщения можно изменять сформировавшиеся общественно-политические представления о социально-политических условиях, обстановке и т. д. Одним из таких современных методов можно считать «mainstream social media» – так называемый вирусный распространитель пропагандистского контекста, где субъекты пропагандистского воздействия вбрасывают в информационное пространство нужную политическую информацию, инициирование повестки дня, дискуссий, это позволяет им более успешно и практически невидимо воздействовать на аудиторию.

Создание пропагандистских сообщений в условиях информационного общества, в том числе в рамках российского коммуникационного пространства, требует от пропагандистов следить за общественно-политической обстановкой, активно участвовать в его обсуждении как открыто в СМИ, так и в интернет-ресурсах Wikipedia, Facebook, YouTube, Twitter и т. д. Особенно активное их использование в «цветных революциях», в протестных выступлениях, где появлялись новые принципы интерактивности: созданные различные киберсимулякры могут осуществлять массовое влияние на общественное сознание. Данная технология может противодействовать экстремистским и террористическим течениям в информационно-коммуникационном пространстве, а также выстраивает особые схемы переосмысления социально-политических процессов и институтов в любом государстве. Так, российский исследователь С. В. Володенков отмечает, что возможности региональной привязки перестраивать контент (геотаргетинг) в «социальных медиа позволяют осуществлять при помощи искусственно созданных сетевых псевдолаghostей: как крупномасштабные, так и максимально адаптированные к любой целевой аудитории политические проекты в форме информационных ударов по конкретной территории противника» (по С. В. Володенкову) [4, с. 196]. Аудитория российских интернет-ресурсов разнообразна по социальным и политическим интересам, это усиливает их высокий пропагандистский потенциал в общегосударственном масштабе, а по мере увеличения доверия российских граждан к Интернету избирательные компании в РФ проходят в условиях преобладания информационных интернет-каналов. Кроме того, в информационной среде «наметилось формирование подвижной публичной сферы, сетевых объединений граждан на основании горизонтальной коммуникации» (по М. М. Лебедевой) [5, с. 29].

Ещё одной эффективно применяемой пропагандистской технологией можно считать драматизацию – отвлечение внимания аудитории от тяжёлых проблем, переключение на положительные моменты, например, когда речь идёт о победах спортсменов, артистов и др.: эта победа становится официальной пропагандой, как праздник нации.

Э. Бернейс, основатель связей с общественностью, описывая работу PR-специалистов, отмечал, что они «сочли возможным работать с представителями масс через группы, к которым они принадлежат, и создавать психологические и эмоциональные тенденции, которые окажут требуемое

влияние» (по Э. Бернейсу) [3, с. 63]. При этом, одна из задач PR-кампании – выявить совпадающие интересы личностей и социальных групп. При осуществлении у PR-технологий преобладает следующая задача – формирование позитивного образа объекта, благоприятное общественное окружение необходимо для работы с теми экономическими, политическими и социальными реалиями, с которыми сталкивается в процессе своей деятельности коммуникатор. Э. Фромм считает, что влияние технологий, связанных с манипулированием, приводит к тому, что население теряет способность создания мировосприятия, «влияние нынешних тенденций современного политического развития ставит под угрозу одно из важных достижений нашей культуры – уникальность и индивидуальность личности» (по Э. Фромму) [7, с. 5].

Отмечается тот факт, что современная политическая практика ставит перед пропагандистами и «пиарщиками» новые задачи в сфере информационной безопасности, кроме того, представители силовых ведомств, МИД изменили своё отношение к информационно-коммуникативному пространству. Так, с марта 2012 года российский МИД официально занимается проблемами социального и политического использования современных информационно-коммуникативных технологий и особое внимание при Департаменте новых вызовов и угроз будет уделяться вопросам международной информационной безопасности.

Таким образом, в условиях глобального информационного противостояния роль пропагандистских и PR-технологий усиливается, а Интернет будет оказывать большое влияние на трансформацию российского политического процесса. Многократность использования данных технологий в процессе манипулирования общественным сознанием помогает обеспечить эффективность противодействия информационным угрозам внешних оппонентов в целях защиты информационно-коммуникационного пространства Российской Федерации.

Список источников и литературы

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. / Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>
2. Аронсон Э., Пратканис Э. Современные технологии влияния и убеждения: Эпоха пропаганды. – СПб., 2008. – С. 23.
3. Бернейс Э. Пропаганда. – М.: Hippo Publishing, 2010. – С. 63.

4. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М., 2015. – С. 196.
5. Лебедева М. М., Харкевич М. В., Зиновьева Е. С., Колосова Е. Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий // Полис. политические исследования. – М., 2016. № 6. – С. 29.
6. Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. М. Б. Раковой и др. – СПб., 2004. – С. 16.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – Минск, 1998. – С. 5.

Горюшина Е. М. (г. Ростов-на-Дону)

Политическая нестабильность Центральной Азии как основная угроза Евразийскому экономическому союзу

Статья выполнена в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 13 «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие. Проблемы развития полиэтничного макрорегиона в условиях дестабилизации Каспийско-Черноморского зарубежья», проект «Мониторинг взглядов и практических подходов руководства и политических элит Казахстана на интеграционные процессы» (№ гр АААА-А15-115102010109-9, 0256-2015-0085)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности политической нестабильности в регионе Центральной Азии, которые следует учитывать в интеграционном процессе на базе Евразийского экономического союза. Значительное внимание уделено характеристикам политико-экономической сферы Казахстана.

Ключевые слова: политическая нестабильность, Центральная Азия, Казахстан, терроризм, элиты.

Political instability of Central Asia as the main threat to the Eurasian Economic Union

Abstract. The article reviews the peculiarities of political instability in the Central Asian region which should be taken into account in the integration process on the basis of the Eurasian Economic Union. Considerable attention is paid to the characteristics of the political and economic sphere of Kazakhstan.

Keywords: political instability, Central Asia, Kazakhstan, terrorism, elites.

Центральная Азия характеризуется как динамично развивающийся регион и отличается повышенным вниманием со стороны внешних акторов. При этом центральноазиатские государства вовлечены в интеграционный процесс на базе Евразийского экономического союза, который осложняется существующей политической нестабильностью.

Широко распространённое в междисциплинарных исследованиях явление политической нестабильности, а также его негативное влияние на экономические показатели ряда стран вызвали интерес многих учёных. В известной работе группы экономистов А. Алесины, С. Озлера, Н. Рубини и Ф. Свогеля политическая нестабильность понимается в сопряжении с экономическим ростом [1, с. 1212]. Они изучили данное явление, используя макроэкономические переменные, в том числе ВВП, частные инвестиции и инфляцию на примере 113 стран с 1950 по 1982 г. В результате анализа переменных учёные выявили, что темпы роста ВВП оказались значительно ниже в государствах, в которых отмечались тенденции правительственного коллапса. В более поздних статьях Р. Хонх-а-Пин также заключает, что более высокие показатели политической нестабильности приводят к снижению экономического роста [2, с. 18]. Что касается частных инвестиций, то А. Алесина и Р. Перотти пришли к выводу о том, что социально-политическая нестабильность создаёт неопределённые политико-экономические условия, способствуя росту политических рисков и, следовательно, сокращению объёмов инвестиций и росту инфляции [3, с. 203].

Политическая нестабильность в Центральной Азии, как правило, рассматривается учёными во взаимосвязи клановой политики государств региона, развития рынков и радикализации населения вследствие экономической неоднородности. К. Коллинс на примере центральноазиатских государств описала кланы как неформальные организации, основанные на действительных и фиктивных родственных связях, выполняющие функцию полноценных политических субъектов, которые оказывают существенное влияние на политическую власть [4, с. 227].

В частности, особенностью наиболее активного регионально-го игрока в Центральной Азии, Казахстана, является то, что политические партии не отражают действительных интересов граждан, а скорее выполняют функции политических групп, состоящих из влиятельных политических фигур и представителей бизнеса Казахстана, ориентированных на удовлетворение

собственных интересов. Вероятно, политическая стабильность в Казахстане базируется на сохранении контроля со стороны президента и баланса между всеми участниками современного политического процесса в республике.

Неоднородность элиты обусловлена, с одной стороны, отсутствием единства во взглядах, с другой – самим составом участников групп, подгрупп, а также разнородностью интересов ключевых фигур, чей уровень влияния непосредственно зависит от степени близости к основным центрам принятия политических решений, а именно – к президенту республики. Элита находится в состоянии непрерывных противоречий, в результате которых различные блоки и группы влияния формируются вокруг общих интересов и с учётом текущей политической ситуации. Элитарные группы Республики Казахстан отличаются закрытостью и удалённостью от населения, функционированием в условиях жёсткой иерархии, зачастую участники этих групп поступают профессиональными принципами в пользу лояльности официальному курсу.

Эти и другие характеристики политической элиты Казахстана влияют на предпочтения в области интеграционных процессов [5, с. 93]. Следует отметить, что начиная с 2014 г., периода трансформации ЕврАзЭС в Евразийский союз (ЕАС), кооперация Казахстана и России рассматривается в большей степени как идеологически мотивированное сотрудничество, позволяющее реанимировать евразийскую идею в регионе. Учитывая асимметричность интересов России в Центральной Азии и нерешенный вопрос разработки прикладной комплексной стратегии развития, основанной на евразийской идее, официальной Москве приходится опираться лишь на взаимовыгодную военную сферу в диалоге с Астаной. Это обусловлено тем, что в течение последних двадцати лет Казахстан последовательно сокращал свою армию. Вооружённые войска этой республики не способны поддерживать статус региональной державы, тем самым ставя под угрозу самые протяжённые южные границы Российской Федерации.

Многие эксперты изучают политическую нестабильность в Центральной Азии в тесной связи с транзитом углеводородов в регионе. После спада 1990-х гг. наращивание добычи нефти в Казахстане было обусловлено приходом в страну иностранных инвесторов и продажей основных нефтяных активов, что в результате привело к контролю иностранными компаниями значительной части нефтегазового сектора Казахстана. Важно

отметить, что в руках иностранцев оказались крупнейшие как внутриматериковые, так и оффшорные месторождения. В структуре добычи нефти доли национальных, китайских, американских и других иностранных компаний относительно одинаковы. Что же касается нефтяных запасов, то лидерами в данной сфере являются западные компании, в том числе американские и европейские. В Казахстане иностранные корпорации занимались геологоразведкой и открывали одно за другим новые месторождения, в том числе одно из самых крупных в мире (Кашаган).

Нефть является основной статьёй казахстанского экспорта, составляя, по данным за 2016 г., 58,5% экспорта в денежном выражении. В связи со сложной ситуацией на энергетическом рынке Казахстан несёт огромные потери. По данным Finprom, в 2015 г. экспорт Казахстана упал до минимального уровня с 2009 г. Экспорт Казахстана нефти и конденсата за год уменьшился в два раза, до \$26,77 млрд. Если учесть тот факт, что экономика страны держится на экспорте энергоносителей, масштаб проблемы принимает колоссальный размер. Экономика центральноазиатской республики сильно пострадала от падения цен на нефть и металлы, которые являются основными экспортными товарами, а также из-за экономического спада в соседней РФ и замедления темпов роста экономики Китая. При этом Казахстан не может быть полностью независим от влияния и направления экспорта России, так как запасы российских энергоносителей в несколько раз превышают казахстанские. Добычей казахстанской нефти занимаются иностранные компании.

За годы независимости Казахстан получил более \$250 млрд от зарубежных инвесторов. Казахстан остаётся лидером в Центральной Азии по объёму привлечённых инвестиций [6]. В Казахстан пришли такие всемирно известные ТНК, как ExxonMobil, Chevron, Agip, BG, BP/Statoil, Shell, Total, INPEKS, Philips, ЛУКОЙЛ, Eni и т.д. При этом в стране стало работать большое количество менее известных, но динамично развивающихся средних и даже небольших западных корпораций. Важным фактором выступает участие крупнейшей частной нефтяной корпорации в мире под руководством Рекса Тиллерсона (покинул пост в декабре 2016 г. в связи с предложением занять должность госсекретаря США). Тиллерсон отвечал за нефтяные разработки в России и Каспийском регионе. Очевидно, что он будет выстраивать отношения с Россией на деловой почве, что благоприятно скажется на усилении позиции РФ в Центральной Азии.

В связи с этим следует отметить, что некоторые исследователи оценивают политическую нестабильность в контексте оценки притока прямых иностранных инвестиций. Например, К. Б. Нордал изучил политический риск странового уровня как часть совокупного риска, с которым сталкиваются инвесторы при входе на развивающиеся рынки [7, с. 206]. Греческие учёные П. Лайрговас и К. Скандалис описали причинно-следственную связь между открытой торговлей и привлечением притока прямых инвестиций на примере выборки из 36 развивающихся стран за период 1990–2008 гг. (с учётом Казахстана) [8, с. 328].

Важнейшим фактором политической нестабильности в рассматриваемом регионе является терроризм, который характерен для географического юга центральноазиатских республик. Показателен Казахстан, к югу от которого находятся страны с наивысшими показателями террористической активности за последние три года – Ирак, Афганистан, Пакистан, Сирия и Иран.

Ухудшение военно-политической ситуации в вышеобозначенных государствах вызвано ростом влияния религиозного экстремизма в макрорегионе. Терроризм – фактор, напрямую влияющий на политическую и экономическую стабильность. Анализ причин и деструктивного воздействия террористической активности на современные процессы позволяет выявить основные закономерности корреляции терроризма и политико-экономической сферы.

В этой связи особый интерес представляет работа К. Дракоса, который изучил степень влияния террористической активности на ежедневное состояние фондовых рынков исходя из выборки, включающей 22 страны [9, с. 131]. Подчёркивая существенный негативный характер этого влияния, он берёт за основу эмпирические данные, полученные в результате определения требуемого уровня доходности актива (с помощью построения модели оценки финансовых активов). Результаты исследования Дракоса показывают, что террористическая активность приводит к низким показателям непосредственно в сам день теракта. Кроме того, негативное влияние террористической деятельности усугубляется посредством психологического воздействия на общество в целом. С одной стороны, подобное соотношение проливает свет на основной механизм влияния терроризма на состояние фондового рынка, а с другой стороны, он даёт возможность исследовать подобное воздействие в эмпирическом ракурсе.

Согласно ежегодному исследованию Института экономики и мира «Глобальный индекс терроризма» [10, с. 38], в выборке стран с максимальным количеством жертв в результате теракта с 2000 по 2015 г. были зафиксированы центральноазиатские государства. Так, в 2002 г. по совокупному количеству жертв отмечается Кыргызстан, в 2004 г. – Узбекистан, в 2011 г. – Казахстан, а по рекордному количеству жертв в результате теракта 2015 г. – Таджикистан.

Межстрановой детерминантный анализ внутреннего (локального) и международного терроризма осуществлён группой исследователей К. Кис-Катос, Х. Либерт, Г.Г. Шульц [11, с. 24]. Они приходят к нескольким выводам, противоречащим общепринятому мнению, что чрезмерная автократия выполняет функцию инкубатора террористических организаций, а также, что экономическая депривация – основная причина распространения терроризма. Данная характеристика применима к центральноазиатским государствам. Кис-Катос, Либерт и Шульц берут за основу данные по 159 странам в период от 1970 до 2007 г., выдвигая и доказывая следующую гипотезу: террористические акты фиксируются в тех государствах, в которых достаточно высокий ВВП на душу населения, высокая оценка эффективности государственного устройства наряду с высоким уровнем конкурентоспособности государства.

Ферганская долина представляет собой крайне нестабильный сегмент Центральной Азии и находится на стыке Таджикистана, Узбекистана и Киргизии. По меньшей мере 4000 граждан республик этого региона входят в состав террористических группировок, воюющих в Сирии и Ираке. Зачастую население примыкает к подобным группировкам вследствие отсутствия экономических перспектив и безработицы.

Негативное влияние финансового кризиса на местную экономику стран Центральной Азии обострило межгосударственные противоречия во многих сферах, а неравномерное распределение водных и энергетических ресурсов наряду с продолжающимися внутренними противоречиями и слабыми правящими элитами в центральноазиатских республиках лишь усугубляет ситуацию в регионе [12, с. 42].

При этом Евразийский экономический союз ставит своей первичной задачей создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения.

Так, согласно договорённостям стран-участниц Союза с 2016 г. предпринимаются попытки создания общего фармацевтического рынка, а к 2019 г. – должен быть создан общий рынок электроэнергии, к 2025-му – рынок нефти, газа и нефтепродуктов. При условии, что на Россию приходится порядка 80 процентов экономического потенциала ЕАЭС, возникает очередной вопрос: не случится ли так, что формирование общего фармацевтического рынка будет способствовать росту теневой экономики в регионе с депривацией или рецессией?

В связи с этим важно учитывать, что в Киргизии регулярные обострения обстановки, включая крупнейшие межэтнические столкновения в Ферганской долине, инициируются именно радикальными исламистами; а в Казахстане активизируются коммуникации юга республики, где радикальные исламисты имеют довольно прочные позиции с российским Поволжьем. Если нанести на карту маршруты экспорта энергоносителей, сразу обнаруживается, что повышенная исламистская активность наблюдается именно в тех регионах, где проходят стратегические экспортные маршруты нефти и газа (а также железные и автомобильные дороги и линии электропередачи).

Таким образом, политическая нестабильность в регионе Центральной Азии видится существенным препятствием на пути интеграции Союза, которая осложняется экономической неоднородностью севера и юга, в частности в Киргизии и Казахстане, а также возрастающей угрозой радикализации депривационных южных регионов.

Список источников и литературы

1. *Alesina A., S. Ozler, N. Roubini, P. Swagel* (1996). Political instability and economic growth. *Journal of Economic Growth* 1 (2), pp. 189–211.
2. *Alesina A., Perotti R.* (1996). Income distribution, political instability, and investment. *European Economic Review* 40 (6), pp. 1203–1228.
3. *Jong-a-Pin R.* (2009). On the measurement of political instability and its impact on economic growth. *European Journal of Political Economy* 25, 15–29.
4. *Collins K.* (2004). The Logic of Clan Politics: Evidence from the Central Asian Trajectories. *World Politics* 56 (2), pp. 224–261.
5. *Горюшина Е.М.* Специфика внутривнутриполитического расклада сил в Республике Казахстан. *Наука Юга России*. 2016. Т. 12. №2. С. 91–97.
6. В 2015 году экспорт Казахстана упал до минимального с 2009 года уровня // *Finprom*. 09.06.2016. Режим доступа: <http://www.finprom>.

- kz/article/v-2015-godu-eksport-kazahstana-upal-do-minimalnogo-s-2009-goda-urovnya (дата обращения: 10.03.2017)
7. *Nordal K. B.* (2001). Country risk, country risk indices and valuation of FDI: a real options approach. *Emerging Markets Review*. Vol. 2, is. 3. pp. 197–217.
 8. *Liargovas P. G., Skandalis K. S.* (2012). Foreign Direct Investment and Trade Openness: The Case of Developing Economies. *Social Indicators Research*. Vol. 106, is. 2. pp. 323–331.
 9. *Drakos K.* (2010). Terrorism activity, investor sentiment, and stock returns. *Review of Financial Economics*. Vol. 19, pp. 128–135.
 10. Global Terrorism Index 2016. Institute for Economics and Peace, 106 p.
 11. *Kis-Katos K., Liebert H., Schulze G.G.* (2011). On the origin of domestic and international terrorism. *European Journal of Political Economy*. Vol. 27, pp. S17–S36.
 12. *Dubovtsev G., Galymzhanuly E.* (2011). Forecast on the Military–Political Situation Emerging in the World and the Central Asian Region. *Central Asia and the Caucasus* 12 (1), 42–43.

Громов В. П. (г. Краснодар)

Кубанская казачья эмиграция в XX столетии

Аннотация. В статье рассматриваются причины казачьей эмиграции в XX столетии. География расселения и судьбы казаков-эмигрантов в европейских государствах и США. Возникновение и деятельность казачьих общественных организаций.

Ключевые слова: кубанское казачество, русская армия, казахи кладбища, казахи общественные организации.

Kuban Cossack emigration in the XX century

Abstract. In article the reasons of the Cossack emigration in the twentieth century. Distribution and fate of the Cossacks of immigrants in European countries and the USA. The emergence and activities of the Cossack public organizations.

Keywords: Kuban Cossacks, Russian army, Cossack cemetery Cossack public organizations.

Великая русская революция 1917–1920 гг. явилась одним из трагических событий прошлого столетия. В результате революционных потрясений была свергнута монархия, уничтожен привычный и традиционный образ жизни народов Российской империи, основанный на исторической преемственности и духовно-нравственных принципах российского общества. Россия

пережила экономическую разруху и жесточайшую братоубийственную Гражданскую войну.

В этот период свыше 2 млн наших соотечественников вынуждены были, скитаясь, покинуть Отечество и обустроить жизнь в рассеянии на чужбине. В ноябре 1920 года численность российских эмигрантов пополнила эвакуированная из Крыма 150-тысячная Русская армия генерала Врангеля. Вместе с армией в эмиграцию ушли и тысячи казаков Дона, Кубани, Терека. Их общая численность среди российских эмигрантов была небольшой: 40 тысяч донских, 16 тысяч кубанских и около тысячи терских казаков [1]. Эта волна переселенцев направилась в европейские государства. Казаки азиатской части России выехали в Китай, Австралию и другие государства.

Покидая Россию, и вся русская эмиграция была уверена, что оставляет страну ненадолго. Народ восстанет и свергнет советскую власть. Поэтому генерал Врангель стремился сохранить свою армию как военную организацию, рассчитывая на то, что борьба с большевиками ещё не окончена и армия потребуется России.

В эмиграцию Русская армия уходила не как толпа беженцев, а как боеспособная вооружённая армия со своими знамёнами и офицерами во главе. Врангель рассчитывал на помощь в размещении и содержании армии на союзников – Англию и Францию. И эта помощь была оказана, но не в тех размерах, которые требовались для поддержания армии в боевой готовности.

Вместе с военными в эмиграцию уходили и их семьи. Казаки уходили за границу, оставляя свои семьи дома, но брали с собой лишь горсть родной земли. По решению союзников донские, кубанские, терские казаки были размещены на полуострове Галлиполи и греческом острове Лемнос.

К прибытию казаков на Лемнос здесь уже был лагерь беженцев из России. Это были семьи офицеров Добровольческой армии, эвакуированные в марте 1920 года из Новороссийска. Гражданских беженцев на острове было 1500 человек: женщины, старики, дети.

Лемнос представлял собой каменистый, открытый всем ветрам остров с бедной растительностью. Беженцы жили в палатках, которые в непогоду протекали, а спать приходилось на голой земле. Никаких строений, кроме полуразрушенных загонов для овец, не было предоставлено. Уже по дороге из Новороссийска на корабле люди болели тифом и скарлатиной. Несколько человек умерли. И только спустя несколько дней беженцам

разрешили выйти на берег и похоронить умерших. Первая русская могила на Лемносе была графини Аглаиды Голенищевой-Кутузовой, фрейлины императрицы Марии Фёдоровны.

Оказавшаяся среди беженцев группа донских казаков разбила палаточный лагерь. Вследствие тяжёлых условий и отсутствия медицинской помощи смертность была высокой. С марта по ноябрь 1920 года на Лемносе умерло 130 человек, из них 70 детей [2]. Так появилось первое кладбище беженцев из России.

Но русский дух и в таких суровых условиях не угасал. Его поддерживала православная Вера: религиозность в дни лишений и страданий усиливается. Среди беженцев было около десятка священников, в том числе и епископ Гермоген Елизаветградский и Новомосковский. В палатке донские казаки из подручных материалов соорудили церковь. Возникает хор донских казаков под руководством профессора Татаркина. Численность беженцев гражданских пополнялась и к сентябрю увеличилась до 4617 человек, из них 1138 детей.

В ноябре 1920 года число эмигрантов на Лемносе возросло за счёт эвакуации из Крыма казачьих частей Русской армии. Сюда был направлен Кубанский казачий корпус под командованием генерала М. П. Фостикова, 16 тысяч и 1500 гражданских лиц, члены правительства Кубанского края. Сюда же было высажено Алексеевское военное училище.

Для кубанских казаков был разбит лагерь. В начале декабря 1920 года с Галлиполи на Лемнос были переброшены 3600 военных, Донской казачий корпус, 700 терских и астраханских казаков. Донцов разместили на склонах холмов у города Мудрос. К этому времени на острове было 25 тысяч российских военных, казаков и 3650 тысяч гражданских лиц. Во главе этой армии стоял генерал Ф. Абрамов.

Если донские, терские казаки ушли в эмиграцию во главе своих атаманов, то кубанские казаки не имели атамана. Поэтому на Лемносе 17 декабря 1920 года состоялось заседание Кубанской рады и представителей кубанских казачьих частей, на которой был избран войсковой атаман. Им стал генерал В. Г. Науменко, проживавший в это время в Сербии. Давая согласие возглавить войско, Науменко брал на себя огромную ответственность и за судьбу казаков, и за сохранность регалий кубанского казачества, которые были вывезены в Сербию в марте 1920 года.

С избранием атамана кубанская эмиграция заявила о своём стремлении организовать и жить в новых исторических

условиях. Какие бы тяжёлые испытания ни выпадали на долю казаков, они не падали духом, уповая на милость Божью. На Лемносе был создан хор донских казаков под руководством С. Жаврова, впоследствии ставшего известным на весь мир. Хор участвовал в богослужениях в церкви города Мудрос, который греки предоставили эмигрантам.

В составе кубанской эмиграции оказались солисты из Войскового певческого хора. Они участвовали в богослужении в городе Мирина.

Смертность среди казачьих частей была ниже, так как они эвакуировались со своими госпиталями, врачами, фельдшерами. Но умирали и казаки. Условия жизни были тяжёлыми, многие болели простудными заболеваниями и воспалением лёгких. Здесь умер и похоронен генерал Гавриил Фёдорович Бабиев. Позже, переселяясь в Сербию, кубанцы забрали его прах и похоронили в городе Вранье.

Уходя из жизни, эмигранты всей душой желали быть похороненными на русском кладбище или на участке русского кладбища. Сами эти названия символизировали их стремление упокоиться вместе с соотечественниками как части России. Каждое русское кладбище, где бы оно ни было, а они разбросаны по всему миру, является неотъемлемой частью русской истории, русского мира, проявлением трагедии, надежд и чаяний наших соотечественников быть вместе духовно с нами, с Отечеством.

Прошли годы, и кладбище на Лемносе было заброшено, разрушено и стало полем для выпаса овец местного населения.

В 2004 году усилиями директора Института стратегических исследований Леонида Петровича Решетникова и российского посла в Греции Андрея Владимировича Вдовина это кладбище было обнаружено и начались работы по его восстановлению. 28 сентября 2004 года состоялось освящение этого кладбища. В этом важном мероприятии и мне довелось участвовать. На кладбище Лемноса нашли упокой около 500 человек. Л. В. Решетников создал Мартиролог кладбища, в котором значится 380 фамилий [3]. Здесь и казаки, и гражданские лица. Мне довелось четыре раза сопровождать делегацию кубанских казаков на Лемнос.

Восстановление имён, воссоздание кладбищ и могил, захоронений является нашим священным долгом перед теми, кто вынужден был покинуть Родину и упокоиться в рассеянии, мечтая вернуться и умирая с этой верой там, на чужбине. Наша память

о них является проявлением их духовной связи с Россией, родными Доном, Кубанью, Терекком.

Первоначально местом размещения эвакуированной из Крыма Русской армии был определён полуостров Галлиполи. Здесь были размещены донские части. На этой пустынной земле Галлиполи войсками командовал генерал Кутепов. Эмигранты также размещались в палатках и загонах для скота. Зимой люди страдали от холода, сырости, заболеваний. Зимой 1921 года здесь было 35 тысяч войск. Смертность среди них была также высокой.

Значимым событием размещённой Русской армии явилось открытие 16 июля 1921 года Главного Русского кладбища в день Петра и Павла. На этом кладбище за год было похоронено 342 человека. На памятнике начертаны слова: «Упокой Господи души усопших Первого корпуса Русской армии, своим братьям воинам, за честь Родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920–1921 гг., и 1854–1855 гг» [4].

Таким образом кладбища на Галлиполийском полуострове и острове Лемнос являются первыми, на которых упокоились представители русской эмиграции.

Уже пребывая на Лемносе, казаки группами начали перебираться в славянские государства. Донские казаки в количестве 4100 человек уехали в Болгарию, 6406 человек – в Сербию, 1746 – в Грецию. Кубанские казаки перебирались в Сербию – 4167 человек, в Болгарию – 1460, а 75 человек – в Грецию. В Сербии кубанцы работали на строительстве шоссе в районе Вранье и города Ниш. Там возникло небольшое кладбище, на котором упокоился генерал М. Фостиков.

Устремления кубанских казаков в Сербию были определены тем, что там проживал войсковой атаман, хранились регалии войска, которые по договорённости с сербскими властями экспонировались в военном музее Белграда. Регалии объединяли, консолидировали кубанцев, были предметом гордости, неразрывной связи с прошлыми заслугами казаков перед Отечеством. Регалии повышали статус атамана в глазах югославских властей. Белград стал центром кубанской эмиграции.

В Болгарии донские казаки работали в сельском хозяйстве, на строительстве железной дороги.

В Бразилию уехали в поисках работы 850 донских, 177 кубанских и 50 терских казаков. Часть донских и кубанских казаков записалась во Французский легион. Значительная часть семейных казаков возвратилась на Родину. В середине 20-х годов

казаки начали перебираться во Францию, где были наиболее высокие заработки и лучшие условия жизни. В 1924 году из Финляндии в полном составе переселилась во Францию казачья станица с атаманом Ф.И. Елисеевым во главе.

Во Франции в 1924 году создаётся Казачий Союз во главе с Н.М. Мельниковым. В эту организацию входило 68 станиц и хуторов Франции, Югославии, Болгарии, Чехословакии, Германии, Бельгии, США и др. Во Франции кубанских и донских казаков хоронили на казачьих участках кладбищ Труа, Марсель, Сен-Женевьев-де-Буа. Там похоронен главный врач войсковой больницы Степан Мефодьевич Мащенко.

В январе 1922 года в Чехословакию приехало 3000 казаков. В основном это была казачья интеллигенция и молодёжь, которая стремилась получить образование. Здесь было создано «Общество кубанцев в Чехословакии» во главе с известным историком Ф.А. Щербиной. В Праге существовала общеказачья станица. Казаки работали в сельском хозяйстве. Хоронили казаков на местных кладбищах или на Ольшанском кладбище. Так, в крипте церкви Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище упокоился Ф.А. Щербина.

В 2007 году его прах при содействии митрополита Чешских земель и Словакии Христофора был перезахоронен на Кубани в ограде Троицкого храма Краснодара. В память о Ф.А. Щербине в Краснодаре ежегодно проводятся научные конференции. В 2019 году будем отмечать 175-ю годовщину со дня рождения нашего знаменитого земляка.

Где бы ни поселялись казаки, они старались жить компактно, создавая станицы и хутора. Они объединялись для того, чтобы оказывать друг другу моральную и материальную помощь в трудоустройстве, совместно проводить досуг, отмечать православные праздники. Они избирали атаманов станиц, поддерживали связь со своим войсковым атаманом. Создавались и общеказачьи станицы.

Важную роль в сохранении идентичности казаков играла православная церковь. Она отвечала их духовно-нравственным принципам, связывала их с Родиной. Не случайно казаки, куда бы ни забросила их судьба, старались строить церкви, часовни.

Казаки в эмиграции объединялись в организации, которые сохраняли исторические названия, например Кубанское казачье войско, во главе которого стоял избранный ими атаман. Атаманом Кубанского казачьего войска за рубежом с 1920 по 1958 год

был генерал В. Г. Науменко. До Второй мировой войны в состав Кубанского казачьего войска входили станицы и хутора, которые находились практически во всех европейских государствах, в Латинской Америке и США.

Вся казачья эмиграция была настроена антисоветски и следила за событиями на Родине, за теми испытаниями, которые выпали на долю казаков, оставшихся на Родине.

В силу своих антисоветских позиций казачья эмиграция в большинстве своём поддержала нападение фашистской Германии на СССР. Из казаков-эмигрантов в 1941 году формируется Русский охранный корпус в Югославии.

В это время на Родине, несмотря на репрессии и гонения, из кубанских казаков формируется 17 кавалерийских дивизий Красной армии, которые отличились в боях с противником.

На Кубани во время оккупации фашистское командование начало формировать из казаков казачьи соединения. В 1944 году под напором наступающей Красной армии создаётся немцами Главное управление казачьих войск во главе с генералом Красновым, формируется 15-й кавалерийский корпус фон Панвица. Из беженцев, отступающих вместе с немецкой армией, формируется «Казачий стан». В нём были женщины, старики, дети, казаки.

В мае 1945 года 15-й казачий кавалерийский корпус и «Казачий стан» капитулировали перед английскими войсками в районе австрийского городка Лиенц. 1 июня 1945 года в ходе насильственной выдачи казаков советским властям погибли десятки казаков. Так, на берегу реки Драва появилось казачье кладбище. В 1951 году на нём был установлен памятник в форме креста, стараниями тех, кто избежал выдачи [5]. В 2005 году вместе с атаманом Кубанского казачьего войска за рубежом мы побывали на этом месте.

Вторая мировая война привела к разрушению связей между казачьими организациями Кубанского казачьего войска за рубежом. Казаки меняли местожительство, переезжали в другие государства Европы, в Латинскую и Северную Америку. Атаману В. Г. Науменко предстояло проделать огромную работу, чтобы воссоздать войско.

После Второй мировой войны США становятся центром казачьей эмиграции. Здесь ещё до войны существовал Общеказачий центр, который в послевоенный период оказывал помощь в переселении казаков из Европы в США. Огромную помощь казакам оказывала в переселении дочь Л. Н. Толстого Александра Толстая. Теперь уже в США казаки создают станицы

и хутора. Сюда перебирается и атаман Науменко. Перед войском по-прежнему стояли задачи объединить казаков, оказывать помощь и обеспечить сохранность регалий. Всё это требовало средств. Войсковой казны не было. Средства можно было получить, обратившись с просьбой к казакам. Казаки сами испытывали материальные затруднения, страдали от неустроенности быта, поисков работы, но из своих скудных средств они выделяли деньги и на приобретение казачьего Дома, и на хранение регалий.

В начале 50-х годов кубанские казаки основали в штате Нью-Джерси поселения «Новая Кубань», построили церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Здесь же неподалёку появилось и казачье кладбище. Здесь упокоились герои Первой мировой войны; генерал Гулыга. Многие, с кем я был знаком, нашли последний приют на этом кладбище.

В 1949 году в США учреждён Ново-Дивеевский Успенский женский монастырь. При нём был построен дом для престарелых. Святыней монастыря является икона Серафима Саровского, перед которой молился император Николай Второй в 1903 году при обретении мощей святого. Здесь самое большое русское кладбище в США. На нём похоронено до 7000 человек. Среди них атаманы Кубанского казачьего войска за рубежом В. Г. Науменко, А. В. Бублик, В. И. Третьяков, генерал О. И. Лебедев и просто казаки, дочь атамана Науменко Наталья Вячеславовна Назаренко.

Многие кубанские и донские казаки похоронены на Свято-Владимирском кладбище. Здесь огромный участок казачьего кладбища. В 1964 году по инициативе атамана общеказачьей станицы А. Афанасьева был установлен памятник «Казаки – казакам». В работе над памятником принимал участие художник и скульптор Г. Г. Корольков [6].

Небольшое казачье кладбище есть и в Джорданвилле в Свято-Троицком монастыре. Это духовный центр Русской зарубежной церкви.

Когда посещаешь казачьи кладбища, бросаются в глаза надписи на крестах и надгробных плитах. На них обязательно указывается принадлежность к казачеству, станице и войску. Тем самым подчёркивается гордость за принадлежность к казачеству, своей малой родине и родному войску. Всякий посетитель может найти могилу земляка, станичника и рассказать на Родине. Кубанские казаки в эмиграции терпели лишения, страдания, тосковали по Родине, но совершили подвиг, сохранив

войсковые регалии и возвратив их на Кубань. Мы должны быть благодарны за это доброе и важное дело тем, кто покоится на этих кладбищах. Чувство благодарности за их доброту не должно нас покидать. У памяти на доброту срока давности нет.

Своих детей казаки старались воспитать патриотами Кубани, Дона, России. О возвращении на Родину мечтали все казаки. Они жили этой надеждой, вспоминали родные места, былую жизнь до мельчайших деталей. И верили, что настанет час возвращения. Но время брало своё и старики уходили из жизни, упокоившись на чужбине. Первоначально Кубанское казачье войско было достаточно многочисленно, впрочем, и не такое, как нам представлялось. В 1951 году войско насчитывало в своих рядах 1450 казаков, а в 1958-м увеличилось до 2008 человек, которые входили в состав 58 организаций в Австрии, Франции, Бельгии, Германии, Австралии, Англии и др. К 2000 году численность сократилась до 300 казаков. С 1984 года атаманом Кубанского казачьего войска является Александр Михайлович Певнев.

Если старшему поколению казаков не довелось вернуться на Родину, то их дети и внуки посещают родные места своих отцов и дедов.

В СССР после революции исключалась возможность потомкам кубанских и иных казаков иметь свою какую-либо организацию. Казаки на Родине сохранили память о своём казачьем происхождении, культуру, традиции. На бытовом уровне велись разговоры о казачьих корнях, трагедиях казачьих семей, пережитых гонениях и репрессиях. Всё это свидетельствовало о том, что казачество вопреки всем выпавшим на его долю испытаниям не растворилось, не исчезло.

В это время представители казачьей кубанской эмиграции были объединены в Кубанское казачье войско и тоже стремились сохранить культуру, традиции, но численность их организации неуклонно сокращалась.

Уже в самом начале возрождения кубанского казачества в 1991 году по приглашению атамана Кубанского казачьего войска за рубежом я побывал в США, познакомился с казаками, осмотрел регалии. В 1992 году А. М. Певнев побывал на Родине и с тех пор почти ежегодно посещает Кубань. С этого времени мы поддерживаем добрые отношения.

Куда бы ни забросила судьба казаков, они жили, любили Родину, надеялись на возвращение и, не дожив до этого часа, упокоились на чужбине с верой в будущее казачества и России.

Список источников и литературы

1. Ратушняк О. В. Казачество в эмиграции. Краснодар, 2013. С. 69.
2. Леонид Решетников. Русский Лемнос. М., 2012. С. 11.
3. Там же. С. 61–106.
4. Крапов Н. Крым – Галлиполи – Балканы. М., 2002. С. 85.
5. Казак. Информационный листок кубанской канцелярии. Оранжебург. США, 1956. № 86. С. 8.
6. Казак. Информационный листок кубанской канцелярии. Оранжебург. США, 1964. № 157. С. 13.

Грузков В. Н. (г. Ставрополь)

Этнический экстремизм в контексте конфликтологического анализа

Аннотация. Этнический экстремизм рассматривается в контексте конфликтологического анализа, также показывается и раскрывается идея, что под воздействием специальной пропаганды данный феномен может стать активным средством формирования агрессивных установок в массовом сознании, прежде всего молодёжи, что в свою очередь требует целенаправленной воспитательной работы по разоблачению несостоятельности и чуждости этнического экстремизма действительным духовно-нравственным ценностям и жизненным устремлениям человека.

Ключевые слова: культура, массовое сознание, ценности, традиции, нация, этнос, терроризм, экстремизм, этнический экстремизм.

Ethnic extremism in the context of conflict analysis

Abstract. Ethnic extremism is considered in the context of the konfliktologicheskyy analysis, the idea is also shown and reveals that as a result of special promotion this phenomenon can become active means of formation of aggressive installations in mass consciousness, first of all, to youth that, in turn, demands purposeful educational work on exposure of insolvency and extremeity of ethnic extremism to the real spiritual and moral values and vital aspirations of the person.

Keywords: culture, mass consciousness, values, traditions, nation, ethnos, terrorism, extremism, ethnic extremism.

Одной из ключевых черт современного глобального культурно-цивилизационного кризиса стало расширение экстремистской и террористической деятельности и наращивание

дестабилизации по всем регионам планеты через создание горячих точек. По последним данным, горячих точек в мире насчитывается уже около 40, в том числе 30 из них находятся в тлеющем состоянии. Большинство их находятся вблизи (или недалеко) от границ нашей страны, и это не может не вызывать на всех уровнях государства и общества нарастающего беспокойства. К тому же здесь приходится учитывать, что в горячих точках экстремисты получают боевой и пропагандистский опыт, который может быть использован (и уже используется) в нашей стране. В ИГИЛ и других группировках число «рекрутов» из России – до 3500.

Расширение экстремистской и террористической деятельности «вокруг России» особо сказывается на современной ситуации в СКФО. По данным Генпрокуратуры РФ, в 2015 году на Северо-Кавказский федеральный округ приходится основной массив преступлений террористического характера – 1168, или 75,9% (плюс 32,3%) (в 2014 году – 883) [3]. При этом, по информации первого заместителя главы Генпрокуратуры РФ А. Буксмана, первое полугодие 2016 года в России отмечено ростом количества преступлений террористического (1313) и экстремистского (830) характера, соответственно на 73 и 10%. Выявление большего количества преступлений есть, прежде всего, «результат превентивной работы правоохранительных органов» (А. Буксман).

Но от этого проблема преодоления негативного воздействия терроризма и экстремизма остроты своей не утрачивает. Особое место здесь должно отводиться исследованию сущности и содержательных сторон этнического экстремизма, а вместе с этим показу несостоятельности и чуждости его идей и практики общечеловеческим и гуманитарным ценностям, интересам наций и этносов. В общественном сознании проблема этнического экстремизма проявляется в виде полисоциальных, эндогенных и экзогенных факторов, открытых и скрытых идей и подтекстов, историческое бытие которых постоянно наполняется новыми смыслами и представлениями на все стороны жизни человека. Выявление особенностей каждого из них может быть предметом самостоятельного анализа. В рамках статьи определимся в понимании конфликтологического контекста изучения заявленной проблемы.

Для этого обратимся к принципу тождества и различия для проведения сравнительного анализа данного феномена с «родственными» ему общественными явлениями, какими

представляются экстремизм и терроризм. «Экстремизм», по сути своей, выражает «приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)». «Терроризм» есть «политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами (вплоть до физического уничтожения)» [5, с. 687, 467]. Как видим, базовое содержание и направленность того и другого определяется политикой, её целями захвата (удержания) власти, а отсюда и применяемые методы, средства и технологии ведения террористической и экстремистской деятельности.

В отличие от общего понимания экстремизма и терроризма при осмыслении этнического экстремизма общей категорией, вокруг которой идёт осмысление его сущностных сторон, является «этнизм». Содержание последнего отражается в общественном сознании и самосознании индивида в форме тех идей и чувств, которые формируются в ходе непосредственного их бытия – под воздействием языка, этнокультуры, образа жизни, традиций, символов веры, обычаев и привычек, присущих тому или иному этносу.

Естественно, степень самосознания и характера эмоционально-чувственного отношения индивида (этноса) к «себе» и «другим» может проявляться с разной интенсивностью и в разных ценностных координатах. В том числе измеряться степенями «различий» индивидов одного этноса по отношению к «другим» этносам и нациям. Начиная от эмоционально-чувственного (мотивированного и немотивированного) дружественного неприятия до ненависти и готовности к радикальным устремлениям и действиям во имя достижения «коренных» целей и интересов этноса. Последнее фактически может рассматриваться как проявление этнического экстремизма.

Отсюда этнический экстремизм, экстремизм и терроризм, в самом широком смысле, тождественны в том, что они представляют те или иные формы радикального мышления и действий и фактически представляют те или иные виды угроз национальной безопасности. Но экстремизм и терроризм отличаются от этнического экстремизма. Прежде всего более значительными пространственными и временными масштабами, динамикой протекания, средствами и технологиями ведения. Они могут быть продолжением государственной политики, иметь региональный, национальный и глобальный охват, распространяться на территории целых государств. Что видим на примере ИГИЛ, других террористических образований. В этническом экстремизме применяется более ограниченный набор средств

и методов. Это явление больше локальное (как идеи и поступки тех или иных групп этноса, индивидов) и латентное (может не иметь чётко выраженной динамики). Вместе с тем этнический экстремизм вольно или невольно может действовать в русле той или иной, определённой «кем-то» политической цели и это его может «роднить», по существу, с экстремизмом и терроризмом. Поэтому здесь одно может «питаться» другим, переходить в другое. Как и наоборот.

В этническом экстремизме есть и другое, «свое» собственное. Это технологии, способы и приёмы ведения пропаганды. Здесь, в теории и практике, основной акцент делается, если так можно сказать, не на политике «прямого вызова» (что характерно для экстремизма и терроризма), а на этнизме. В этом, на наш взгляд, и скрыта его особая опасность: он обращён к массовому сознанию, и «спецы» ведут вербовку сторонников через обращение к этнообыденному мироощущению и мировосприятию личности, к тому, что ей близко, понятно и дорого с самого детства. Это простые смыслы ценностей этноса, его традиций, обычаев, нравов, верований, привычного образа жизни.

Одна из главных целей такой пропаганды – создание из этноса образа исторической жертвы и формирование у него агрессивных чувств по отношению к «другим». Например, через напоминание об «исторических счетах», об обычаях кровной мести, насаждение этнофобий (предубеждений) и т.п. Одним из элементов концепции пропаганды экстремизма на разном уровне избирается искусственное противопоставление интересов наций и этносов. Вместе с этим происходит воспроизведение и разогревание националистических предрассудков, деформирование духовно-нравственных основ национальной жизни. На эту особенность обращал в своё время внимание автор нашумевшего в мире труда о конце истории Ф. Фукуяма. По нему, «этничность выбирается как несложная форма организации сообщества, посредством которого люди могли бы забыть о разобщённости и слабости и перестать чувствовать себя жертвами воздействия более крупных исторических сил, засасывающих их в свой водоворот» [13, с. 587].

Для закрепления в сознании человека стереотипов экстремистской пропаганды особый акцент дается на средства и механизмы, которые задействуют эмоции и чувства человека. «Применительно к СКФО, – отмечает доктор политологии М. А. Аствацатурова, – чрезвычайно значимы и эмоционально нагружены факторы исторического сознания и народной памяти,

факторы этнокультурной традиции и этнокофессиональной архаизации, факторы этнической и гражданской идентичности и векторы этнотерриториального и этнополитического самоопределения» [2, с. 34].

При соответствующих условиях (в нашем случае они создаются специальной пропагандой) «эмоциональное влияние» на личность может принимать генерализированный характер. Такое состояние в психологии рассматривается в виде ситуации, где человек смотрит и не видит, слушает и не слышит. На эту особенность обращали внимание и следователи, работавшие в горячих точках. Рассказывая о своей работе там, в числе наиболее трудных ситуаций они называли беседы с человеком, который за истину принимает только тексты из брошюр экстремистской направленности или речи проповедников экстремизма. С ним, по их мнению, просто невозможно говорить не только на элементарном языке логики и права, но и здравого смысла. Говоря словами американского исследователя С. Тамбия, этнизм в таких ситуациях можно сравнивать с «упорствующим, бушующим многоголовым зверем».

В целом опасность пропаганды этнического экстремизма в том и состоит, что индивид, воспринимая и усваивая его пропаганду, может формально идентифицировать себя с искажёнными представлениями и установками на своё предназначение в жизни своего этноса и страны в целом. И уходить от понимания простых вещей, что подавляющее большинство людей любой этнической принадлежности хотят мирной жизни и нормального труда.

Особым направлением в этническом экстремизме остаётся практическая подготовка «бойцов». И она в целом ряде случаев начинается с 5-летних детей. По последним данным ООН, только в одном из лагерей по подготовке террористов вблизи города Ракка была зафиксирована группа из 350 пятилетних детей. Известно об обустройстве на севере Сирии детского тренировочного лагеря для подготовки бойцов, в том числе смертников. В лагере «Ашбаль аль-Аазз» («Самые дорогие дети») проходили подготовку до 50 мальчиков в возрасте от 7 до 13 лет. В целом, по сравнению с 2014 годом, в 2015-м численность детей в ИГИЛ возросла в 3 раза. Основной контингент составляют 12–16-летние. Готовят их по программам, рассчитанным на возраст аудитории, её этническую специфику. Особое внимание уделяется занятиям

разными видами спорта: единоборствами, футболом; обращению с оружием и т. д. [14]. В ходе занятий постоянно «вбивается» идея: чтобы победить врага (он ясно обозначается), надо быть сильным и умелым во всём. Что юноша должен уметь пожертвовать собой и тогда он окажется на небесах, обретёт там для себя вечную жизнь. У юного человека формируются не только «эмоции агрессии» по отношению к «другому» (будь то человек, структуры общества и государства, народ), но и психологическая готовность к выполнению любых команд «наставников».

Если всё это пока не имеет прямого отношения к России, то это не означает, что на нашу страну происходящее не распространяется. На международном совещании работников спецслужб директор ФСБ РФ (СПб., 27.07.16) говорил, что в нашей стране насчитывается 220 потенциальных смертников. Сколько из них тех, кому вчера было 5–15 и более лет? У нас есть и примеры прямого действия. В 2010 году на территории Северного Кавказа было совершено более 900 террористических актов, подорвали себя 18 смертников, жертвами боевиков стали 97 сотрудников силовых структур [11, с. 9]. Вот и возникает вопрос вопросов: как предупредить и спасти человека от радикальных действий в данный момент времени, а не тогда, когда прошёл курсы «адовой подготовки»?

Проведённый анализ позволяет с должным основанием говорить, сколь непростые узлы надо развязывать во всех хитросплетениях проявления и функционирования этнического экстремизма. Конфликты на этнической почве на голлом месте не возникают. Они формируются под влиянием всего комплекса взаимодействующих между собой кризисных социально-экономических, политических, идеологических, этнических и других общественных отношений. Поэтому в разоблачении его догматов мало, например, говорить на всех углах, какие «те плохие», а «эти хорошие». Как нельзя не понимать, что проблемы такого уровня сами по себе не решаются. Они должны рассматриваться в диалектическом единстве со всеми другими общественными (внешними и внутренними) проблемами, в том числе с вопросами воспитания личности [Более подробно об этом см., например: 6, с. 89–95; 7, с. 18–24; 8, с. 105–109].

Основной преградой на пути этнического экстремизма может стать дружба между нациями и этносами. И дружбу (а не толерантность как форму терпимости) надо укреплять

и развивать. Кто знает, может, ещё не ушло время, о котором мечтал великий поэт и провидец А. С. Пушкин, когда // «Народы, распри позабыв, // В великую семью соединятся».

Список источников и литературы

1. *Авксентьев В. А., Васильченко В. А., Маслова Т. Ф., Лепилкина О. И.* Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 2014. – 274 с.
2. *Астацатурова М. А.* Мониторинг межэтнических отношений и конфессиональной ситуации в СКФО: проблемы методики и организации // Этнические проблемы современности: Вып. 21. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. – С. 34.
3. *Бастрыкин А.* Пора поставить действенный заслон информационной войне // Коммерсантъ Власть, 2016. – № 15. – С. 20.
4. *Бехтерев В. М.* Избр. труды по психологии личности в 2-х т. Т. 2. – М.: Изд-во «Мысль», 1999.
5. *Большой энциклопедический словарь:* В 2-х т. – М., 1991. – Т. 2. – С. 687, 467.
6. *Грузков В. Н.* Антропологическая парадигма профессиональной подготовки педагогов в системе вузовского образования: концептуальный аспект // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – 2014. – № 5. – С. 89–95.
7. *Грузков В. Н., Грузков И. В.* Этнический экстремизм: к вопросу специфики функционирования в массовом сознании молодёжи, особенности профилактики и противодействия // Вестник высшей школы. Alma mater. – 2017. – № 1. – С. 18–24.
8. *Грузков В. Н., Грузков И. В.* Этнический экстремизм в молодёжной среде: условия, факторы проявления, направления профилактической работы // Материалы Международного форума «Кавказ в начале XXI века: народы, общество и государство» / под ред. Т. А. Шебзуховой, А. А. Вартумяна, Н. Ю. Рудь. – Пятигорск: Изд-во ПФ СКФУ, 2016. – Т. 1. – С. 105–109.
9. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое «зло»); Пер. с нем. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универсус», 1994.
10. Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах РФ СКФО. Второе полугодие 2015 г. Экспертный доклад / Под общ. ред. академика В. А. Тишкова: научн. изд. – Москва – Пятигорск – Ставрополь, 2016.
11. *Терентьев Д.* Монетизации верности северокавказских республик проходят между пальцев // Аргументы недели. – 2016. – № 15. – С. 9.

12. *Тишков В. А.* Pro et Contra этнического федерализма в России // Федерализм в России. Казань: Институт истории Академии наук Татарстана; Казанский институт федерализма, 2001.
13. *Фукуяма, Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – С. 587.
14. Evronews – <http://ru.euronews.com/2015/10/12/isil-training-children-to-kill>; Islam-today – <http://islam-today.ru/novosti/2016/02/19/kolicestvo-detej-v-radah-igil-vozroslo-v-3-raza/>

Губина Е. Н., Очкасова И. В. (г. Самара)

Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на становление современного международного права

Аннотация. Великая Октябрьская социалистическая революция повлияла не только на изменения внутри государства: выход из Первой мировой войны, строительство нового социалистического государства, предоставление свободы выбора народам, входящим в состав царской России, и т. п., но также имело место и её влияние на становление и развитие современного международного права, так начался переход от классического международного права к современному.

Ключевые слова: международное право, Октябрьская революция, принципы, сепаратный мир, «тайная дипломатия», признание государств, правопреемство, аннексия, контрибуции.

The Influence of the Great October Socialist Revolution on the formation of Modern International Law

Abstract. The Great October Socialist Revolution influenced not only the changes within the state, such as withdrawal from the First World War, formation of a new socialist state, granting of freedom to choose to the peoples of tsarist Russia but also influenced the development of Modern International Law, and that is when the transition from Classical to Modern International Law began.

Keywords: International Law, the October Revolution, principles, a separate peace, 'secrete diplomacy', recognition of states, legal succession, annexation, contributions.

Открывая учебник «Курс международного права», издательства «Наука» 1967 г., то есть в канун 50-летия революции,

в главе III можно прочитать следующее: Основоположники марксизма пришли к гениальным выводам о том, что ход исторических событий неизбежно приведёт в конце концов «к созданию российской Коммуны» [1, с. 252]. В.И. Ленин открыл и обосновал закон неравномерности экономического и политического развития капиталистического общества и сделал научный вывод о возможности прорыва цепи мирового фронта империализма в её наиболее слабом звене, вывод о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Таким наиболее слабым звеном в системе империализма оказалась Россия – одна из крупнейших стран мира.

Великая Октябрьская социалистическая революция прорвала фронт империализма, открыла эру крушения капитализма и утверждения нового общества, нового типа государства – Советского социалистического государства и нового типа демократии – демократии для трудящихся. Россия была вырвана из кровавой империалистической войны и спасена от национальной катастрофы [2, с. 62].

В преддверии 100-летия Великой русской революции попытаемся разобраться в её влиянии на становление современного международного права, отойдя при этом от излишней идеологизации и пафосности, что было свойственно учебникам советского периода.

Так, по версии российских учёных, переход от классического международного права к современному начинается именно с событий 1917 года, а не с 1919 года, как считают учёные зарубежных стран, то есть с окончания Первой мировой войны и создания Лиги Наций.

Так, в материалах XXII съезда КПСС было подчёркнуто, что на международной арене впервые возникло государство, которое выдвинуло великий лозунг мира и стало осуществлять новые принципы в отношениях между народами и странами [3, с. 235].

Действительно, новые принципы в международных отношениях, такие как принцип мирного сосуществования государств независимо от различных социальных, политических и экономических систем, принцип права всех народов и наций на самоопределение, принцип запрещения агрессивной войны и преступности такой войны, принцип равноправия государств, принцип недействительности договоров, навязанных силой, а также принцип уважения социально-экономических прав человека – были выдвинуты большевиками в их первом

внешнеполитическом акте – «Декрете о мире» от 26 октября (8 ноября) 1917 г.

В дальнейшем эти принципы на мировой арене будут закреплены в таких фундаментальных источниках, как Устав ООН 1945 года, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1970), и в Заключительный акт СБСЕ 1975 г. На сегодняшний день данные международные договоры являются кодификационными актами, где содержатся основные принципы современного международного права.

В Декрете СНК от 4 июня 1918 г. о рангах дипломатических представителей указывалось, что Советское государство в своих международных отношениях исходит из признания полного равенства больших и малых наций. В этом акте отмечалось также, что общение равноправных государств является основной идеей международного права. Поэтому при создании ООН СССР настаивал на соблюдении этого принципа – равенства всех государств в участии в данной организации.

Кроме этого были даны классические определения таким понятиям, как аннексия и контрибуции. Так, «Декрет о мире» выдвинул принцип выхода народов из империалистической войны на демократических началах, то есть немедленный мир без аннексий и контрибуций! [4, с. 13]

Под аннексией В. И. Ленин понимал «...захват чужих земель, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено... Независимо, наконец, от того, в Европе или в далёких заокеанских странах эта нация живёт» [4, с. 14]. Таким образом, речь идёт не только о запрете захвата новых территорий, что происходит во время войн, речь идёт об осуждении колониальной политики государств в целом и призыве к деколонизации.

Вопросам деколонизации будет также посвящена в дальнейшем Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1960 г. по инициативе СССР. Поэтому выдвинутую идею – мир без колоний – на сегодняшний день можно считать завершённой, так как в мире насчитывается только около 15 зависимых территорий, население, проживающее на этих территориях, по сути, устраивает их статус, за исключением Гибралтара и Западной Сахары.

Что касается контрибуций, то это платежи или «дань», которую должно было выплачивать победителю государство, проигравшее войну. В основу контрибуций положено «право победителя» независимо от того, справедливо или несправедливо вело войну победившее государство. Размер, условия и формы выплаты контрибуций определялись исключительно по усмотрению победителя. Контрибуции были свойственны эпохе классического международного права, в современном праве на их смену пришли репарации, именно к ним призывал в 1917 г. В. И. Ленин. В Версальском мирном договоре 1919 г. нет упоминания о контрибуциях, а говорится лишь о репарациях как о форме возмещения ущерба, причинённого Германией и её союзниками в ходе Первой мировой войны 1914–1918 гг. Мирные договоры 1947 г. после окончания Второй мировой войны также последовательно проводили принцип недопущения контрибуций, таким образом, они были заменены репарациями, реституциями, субституциями и другими формами материальной ответственности государств.

Особо следует остановиться на принципе о запрете агрессивной войны, которая была отнесена к «величайшим преступлениям против человечества». И на практике и в теории можно сказать, Советское государство пыталось следовать этому принципу. Так, последовал выход из участников Первой мировой войны на тяжелейших условиях для России. Затем долгие годы наше государство призывало к закреплению этого принципа в международных договорах, так как действующие на тот момент договоры, по сути, не имели жёстких норм о запрете агрессивной войны, к ним можно отнести некоторые статьи из Статута Лиги Наций, Парижский пакт 1928 г. (Пакт Бриана – Келлога) и пр. Так, в 1933 г. СССР предлагал определение «нападающей стороны», призывал к консолидации сил против «коричневой чумы», а также выдвигал инициативы к подписанию многосторонних договоров, направленных на мирное сосуществование, а в случаях агрессии – меры по коллективной безопасности.

Призывая к запрету агрессивной войны, СССР сам же стал агрессором, совершив в 1939 г. нападение на Финляндию, за что был исключён из Лиги Наций.

После окончания Второй мировой войны после долгих и упорных предложений со стороны СССР 14 декабря 1974 г. на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН будет принята резолюция об определении агрессии, которая даёт не только её определение, но и виды, а также перечень действий, которые

попадают под её понятие. Резолюция является действующей по настоящее время.

Ещё один шаг нового советского правительства, который можно также расценить с точки зрения и положительного и негативного решения, – это отказ от «тайной дипломатии». Было заявлено, что оно желает вести переговоры открыто и преступает к опубликованию тайных договоров царской России. Трудная и ответственная работа по опубликованию документов была поручена Н.Г. Маркину. В течение 5–6 недель в свет вышло семь сборников тайных документов, которые первоначально печатались в периодических изданиях. Всего было обнародовано свыше 100 договоров, среди которых: тайное соглашение, заключённое Японией и царской Россией 20 июня 1916 г.; соглашение, заключённое весной 1916 г. между Великобританией, Францией и царским правительством России о разделе Турции; тайная конвенция 1916 г., в которой Россия, Франция, Великобритания и Италия устанавливали плату Румынии за участие в войне против Германии и пр.

Здесь следует отметить, что публикация данных договоров только осложнила дальнейшее сотрудничество России с зарубежными государствами, но Россия, скорее всего, руководствовалась высказыванием Сократа «Всё тайное рано или поздно становится явным» и вместо союзников нажила себе недругов. А если посмотреть и забежать вперёд, то мы увидим множество примеров, когда СССР прибегал к «тайной дипломатии», например секретный протокол к Пакту Риббентропа и Молотова 1939 г., Договор о дружбе и границах между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. и пр., да и сейчас большая часть встреч между руководителями государств проходит за «закрытыми дверями».

Можно отметить также интересный факт, что данный принцип, например, нашёл свое отражение и в обращении В. Вильсона к Конгрессу США 8 января 1918 г. («14 пунктов» программы В. Вильсона). Так, один из пунктов призывал к отказу от «тайной дипломатии» и от ведения секретных переговоров.

8 ноября 1917 г. Народный комиссариат иностранных дел обратился с нотой ко всем послам союзных держав, предлагая объявить перемирие на фронте и начать мирные переговоры, ускорив тем самым окончание Первой мировой войны. Данное предложение не было поддержано. Тогда Россия вступает в переговоры с Германией, и 3 марта 1918 г. советские представители по указанию ЦК партии и советского правительства

подписывают в Брест-Литовске тяжёлые условия мира с Германией, Россия выходит из войны. Данный договор называется сепаратным (сепаратный мир – это договор, заключаемый одним из участников воюющей коалиции без ведома и согласия союзников) и в современном международном праве запрещён.

Выход из войны лишил нас права принимать участие в Версальской послевоенной мирной системе, в создании и первоначальном участии в Лиги Наций и подтолкнул к сближению с Германией (Договор в Рапалло 1922 г.). В. И. Ленин подчёркивал грабительский характер Версальского договора, с которым Германия никогда не примирится и который закладывал основу для будущей войны.

К негативным моментам можно отнести и нарушение принципа правопреемства. Так, в результате социальной революции подвергается пересмотру вся совокупность договорных обязательств, могут заключаться специальные соглашения, которые определяют, какие из старых договоров сохраняют своё действие и какие из них утрачивают силу. В. И. Ленин в классической форме выразил позицию по этому вопросу первого в мире социалистического субъекта международного права, который аннулировал все «тайные преступные договоры» [5, с. 53]. «Мы отвергаем, – говорил вождь пролетариата, – все пункты о грабежах и насилиях...» [6, с. 20].

Аннулированы были не только договоры, но и долги царского и Временного правительства (Декрет Советского правительства от 28 января (10 февраля) 1918 г.).

Россия после 1917 г. попыталась реализовать принцип «чистой доски» (*tabula rasa*), когда правопреемник не связан обязательствами правопреемника. Это правило распространяется на государства, освободившиеся от колониальной зависимости. В России же произошла революция, и под основание как деколонизация она не подходила, следовательно, должна была взять на себя обязательства как правительства царской России, так и Временного правительства.

Нарушение принципа правопреемства имело для нашей страны негативные последствия – институт правопреемства потянул за собой институт признания, и как следствие – наша страна попала в политическую изоляцию и на международной арене как государство не признавалась до 1924 г.

16 марта 1921 г. было заключено советско-английское торговое соглашение, означавшее признание Советской России де-факто. Затем в 1922 г. последовало приглашение России принять участие в экономических конференциях в Генуе и Гааге.

На Генуэзской конференции Россией была провозглашена конкретная программа установления прочного мира, экономического развития всех стран на базе делового сотрудничества, равенства и взаимной выгоды. Впервые в истории человечества была обнародована программа всеобщего разоружения [7, с. 191–195].

В ходе конференции советская делегация категорически отвергла требования об уплате царских долгов и со своей стороны предъявила контрпретензии о возмещении нам убытков, нанесённых интервенцией, которые, по мнению большевиков, более чем в два раза превысили сумму долгов. Здесь следует отметить, что данные долги мы признаем через 80 лет, когда РФ будет вступать в Лондонский и Парижский клубы кредиторов.

Гаагская конференция также не увенчалась успехом, на ней был поднят вопрос об отмене национализации в России. Ответ был однозначен: национализация – это внутренний акт государства, но носит экстерриториальное значение. Из позиции советской делегации представители капиталистических стран поняли одно: национализированная собственность возвращена не будет, есть только один путь взаимовыгодных отношений – мирное сосуществование с Россией!

2 февраля 1924 г. английский представитель в Москве Р.М. Хиджсон вручил наркому иностранных дел Г.В. Чичерину ноту об официальном признании Великобританией правительства СССР «в качестве Правительства де-юре на территориях бывшей Российской империи, которые признают его власть». После установления дипломатических отношений СССР и Великобритании началась так называемая полоса признаний, в течение года 12 государств установят с Советским Союзом дипломатические отношения, среди них: Греция, Швеция, Италия, Норвегия, Хиджаз, Китай, Мексика и др. Таким образом, СССР выходит из политической изоляции и становится признанным государством на международной арене.

В заключение стоит также отметить ещё один большой минус влияния революции на международные отношения – раскол мира на два лагеря – социалистический и капиталистический, приведший к долгому противостоянию и конфронтации.

Список источников и литературы

1. См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – Т. 19.
2. Курс международного права. В 6-ти томах. – Т. 1. Понятие и сущность современного международного права. – М.: Наука, 1967.

3. XXII съезд КПСС. Стенографический отчёт. Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1962.
4. См. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. – Т. 35.
5. См. *Ленин В. И.* Письмо к американским рабочим // Полн. собр. соч. – Т. 37.
6. См. *Ленин В. И.* Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) 1917 г. // Полн. собр. соч. – Т. 35.
7. Документы внешней политики СССР. – Т. 6. – М., 1978.

Данилов А. Г. (г. Ростов-на-Дону)

Кризис «низов» и кризис «верхов» накануне Февральской революции – миф или реальность?

Аннотация. В статье автор на основе анализа многочисленных документов показывает наличие острого социально-экономического кризиса и одновременно кризиса «верхов» накануне Февральской революции. Автор подвергает критике утверждения Б.Н. Миронова о сравнительно благополучной ситуации и отсутствии кризиса власти накануне февраля 1917 г.

Ключевые слова: Февральская революция, социально-экономический кризис, Николай II, кризис власти, Б.Н. Мионов.

The «lower classes» and the «upper classes» crisis on the eve of the February revolution – myth or reality?

Abstract. Having analyzed numerous documents the author shows the existing acute socio-economic crisis and the simultaneous «upper classes» crisis on the eve of the February revolution. The author does not approve of Mironov's idea of comparatively smooth situation in Russia and absence of crisis in power on the turn of the February, 1917.

Keywords: February revolution, Nicholas II, crisis in power, socio-economic crisis, government downturn, B. N. Mironov.

Изучение причин и предпосылок Февральской революции 1917 г. в России реализуется в рамках различных теорий революции (марксистской, мальтузианской, модернизационной, институциональной, психосоциальной и др.). На рубеже XX–XXI вв. в процессе отказа от марксистской парадигмы исследований среди части публицистов и историков (Н.В. Старостин, П.В. Мульгатули, Б.Н. Миронов и другие) получили широкое распространение взгляды о том, что «недовольство «снизу» и несостоятельность «верхов» накануне февраля 1917 года сильно

преувеличены. Во время Первой мировой войны понижение благосостояния в России было очень умеренным... [1, с. 280]. По самым пессимистическим оценкам, снижение реальной зарплаты к началу 1917 г. составило лишь 9%, а по оптимистическим – она увеличилась на 9% [2, с. 65]. Материальное положение деревни было стабильным [2, с. 65]. В Петрограде накануне февральских событий хлеба выдавалось в день на человека полтора фунта (615 г), рабочим – 2 фунта (820 г) [2, с. 65].

Действительно ли в условиях Первой мировой войны падение жизненного уровня было незначительным, положение на рубеже 1916/1917 гг. было стабильным и кризис «низов» – это миф, придуманный большевиками? [3] Действительно ли «несостоятельность «верхов» накануне февраля 1917 г. сильно преувеличена» (Б. Н. Миронов), оснований свергать монархию, которая способствовала движению России вперёд (Б. Н. Миронов), в феврале 1917 г. не было?

Для ответа на эти вопросы обратимся к анализу документов того времени. Предварительно отметим два важных момента.

Во-первых, с осени 1916 г. судьба России, включая её возможность победить врага на фронте, стала решаться не на полях сражений, а в тылу.

Во-вторых, анализ отечественной истории свидетельствует о том, что судьба страны в девяти случаях из десяти при всех политических режимах решалась в столице: дворцовые перевороты в XVIII в., восстание 14 декабря 1825 г. в Петербурге, Февральская и Октябрьская революции в 1917 г., смещение Н. С. Хрущёва в 1964 г., события августа 1991 г. или октября 1993 г. в Москве и т. д. У провинции, то есть 99% населения страны, в феврале 1917 г., как и в другие исторические эпохи, не было механизма повлиять на исход борьбы за власть.

Таким образом, ключ к пониманию возможного варианта развития событий в России во второй половине 1916 – начале 1917 г. – это ситуация в Петрограде, а не процессы в стране в целом («среднестатистическая температура по больнице» – именно такие обобщающие цифры использует в своих работах Б. Н. Миронов).

Как и чем жила страна и особенно её столица в 1916 – начале 1917 г.?

Выступления депутатов Государственной думы, материалы Земско-городского союза, других общественных организаций, многочисленные статьи в газетах и журналах приводят множество фактов о надвигающейся катастрофе осенью

1916 – в феврале 1917 г. и о полном бездействии властей в течение многих месяцев перед крушением монархии. Нам могут возразить, что всё это мнение оппозиции, то есть необъективно.

Мы предлагаем обратиться к анализу документов, вышедших из правительственного лагеря и ближайшего окружения царя.

Положение в стране и в столице в 1916 г. и в начале 1917 г. очень подробно проанализировано в Докладах Петроградского охранного отделения и его начальника К. И. Глобачева в департамент полиции министерства внутренних дел за 27 января, 17 февраля, 4 и 30 марта, 4 и 12 мая, 13 сентября, октябрь 1916 г., 5 февраля 1917 г., в многочисленных материалах, направляемых царю из различных источников, в переписке современников.

Из письма императрицы Александры Фёдоровны императору Николаю II от 1 февраля 1916 г.: «...в городе (Петрограде. – А.Д.) настоящий скандал, и цены стали невозможными... Наш Друг (Г. Е. Распутин. – А.Д.) встревожен мыслью, что если так протянется месяца два, то у нас будут неприятные столкновения и истории в городе. ... У нас всего очень много, только не желают привозить, а когда привозят, назначают цены, недоступные ни для кого» [4, с. 70]. Во-первых, пишет не враг власти, а императрица. Во-вторых, дата документа – 1 февраля 1916 г.(!) Перебои с продовольствием начались в Петрограде не в феврале 1917 г. и не по инициативе «врагов царя», а имели место как минимум за год до падения монархии. В-третьих, «цены, недоступные ни для кого» были уже в феврале 1916 г. Однако их фантастический и стремительный рост (по 50–100 % в месяц) был ещё впереди.

В Докладе Петроградского охранного отделения указывалось, что в октябре 1916 г. «страна переживала исключительную серьёзность исторического момента, неисчислимые катастрофические бедствия, кои могут угрожать всему жизненному укладу государства возможно в близком будущем...» [5, с. 4].

«Постепенно назревавшее расстройство тыла, иными словами – всей страны, носившее хронический и всё прогрессирующий характер, достигло к настоящему моменту (октябрь 1916 г. – А.Д.) того максимального и чудовищного развития, которое определённо, и уже теперь начинает угрожать достигнутым на действующем фронте результатам и обещает в самом скором времени ввергнуть страну в разрушающий хаос катастрофической и стихийной анархии» [5, с. 5–6].

Экономическое положение населения ухудшалось с каждым месяцем. «В то время, как заработная плата у массы поднялась всего на 50 % и лишь у некоторых категорий (слесаря, токаря, монтеры) на 100–200 %, цены на все продукты возросли на 100–500 %» [5, с. 11]. Например, в октябре 1916 г. по сравнению с довоенным 1914 г., по нашим подсчетам на основе данных Петроградской охранки, цены выросли на: оплату угла (наём жилья) на 400 %, обед в чайной на 600 %, чай на 500 %, сапоги на 400–500 % [5, с. 11].

В докладе приводятся многочисленные статистические данные о том, что не только в столице, но и в провинции «всюду полная разруха...» [5, с. 19].

В Докладе приводятся факты и вывод «видного деятеля» на собрании банковских служащих: «Страна экономически совершенно разорена: у $\frac{3}{4}$ населения нет возможности даже кое-как существовать; неорганизованность государственного хозяйства, злоупотребления агентов власти, отсутствие умения руководить общей экономикой страны и ещё тысячи других причин привели страну к экономическому краху» [5, с. 19]. Профессора-экономисты, обсуждавшие вопрос о текущем моменте в начале августа 1916 г., считают, что «Россия пришла к полному банкротству, как финансовому, так и политическому и даже нравственному» [5, с. 21]. Близко к этому и мнение партии «октябристов»: «страна отдана во власть мародёрам ... само правительство оказывается виновным в значительной части происходящих неурядиц ... Положение слишком серьёзно, а правительство с этим совершенно не считается...» [5, с. 23].

Какие настроения царят в обществе осенью 1916 г., за несколько месяцев до февраля 1917 г., и чего можно ожидать в ближайшем будущем? В это время «оппозиционность настроений ... достигла таких исключительных размеров, каких она ... не имела в широких массах даже в период 1905–1906 гг.» [5, с. 6]. В обществе «все без исключения выражают определённую уверенность в том, что мы накануне крупных событий», в сравнении с коими «1905 год – игрушка» [5, с. 7]. Авторы доклада делают важный вывод о том, что «по всей России наблюдается одно и то же: всюду понимают, что при старых порядках (при Николае II, – А.Д.) не победить немцев» [5, с. 20].

Петроградское охранное отделение в докладе на 32 машинописных страницах приводит множество фактов и предупреждает власть о том, что к октябрю 1916 г. в стране и в Петрограде сложилась взрывоопасная ситуация, разрешение которой

требует решительных действий со стороны царя и правительства. Авторитет власти почти у всех слоёв общества достаточно низкий.

До начала революции, 23 февраля 1917 г., ещё 3,5 месяца. Ещё есть возможность исправить положение дел... Что же мы читаем спустя 3 месяца в очередном докладе начальника Петроградского охранного отделения К. И. Глобачева от 5 февраля 1917 г. о ситуации в стране и в столице?

Наступление Нового (1917-го. – *А.Д.*) года сопровождалось новой вспышкой дороговизны: ... многие товары вновь поднялись в стоимости на 50–100 и даже больше процентов [6, с. 388–389]. «Рост цен за время войны, достигающий 3000 % (или в 30 раз. – *А.Д.*), по мнению К. И. Глобачева, превосходит всякое человеческое понимание и ничем другим не может быть объяснён, как стремлением каждого мародёра «не отстать от других» [6, с. 402]. Каковы перспективы? «Оптовики ... выражают уверенность, что к февралю (1917 г., т.е. за месяц. – *А.Д.*) цены на многие продукты поднимутся на 75–100 %» [6, с. 390].

По данным анкет Биржи труда и больничных касс, значительно ухудшились санитарные условия работы и жизни рабочих. Как результат: к началу 1917 г. по сравнению с 1915 г. заболеваемость рабочих на петроградских предприятиях выросла в 20 раз [6, с. 398].

В Петрограде с начала войны закрылось до 20.000 ремесленных предприятий из-за недостатка сырья. В ближайшем будущем, по данным Биржи труда, в Петрограде ожидается небывалый кризис мелкой промышленности, $\frac{3}{4}$ которой принуждены будут прекратить своё существование; десятки тысяч специалистов рабочих будут выброшены в ряды чернорабочих [6, с. 383].

Приводя почти на 10 машинописных страницах множество фактов кризиса всех сфер жизни общества, К. И. Глобачев предупреждает власть о том, что в Петрограде в январе 1917 г. «озлобление достигло своего апогея...» [6, с. 382]. Но не только в столице, а и из провинции «со всех сторон России поступают сведения, показывающие глубокое недоверие населения к Правительству и его мерам» [6, с. 395]. В ближайшем будущем России грозит крах, какого ещё не знала русская история [6, с. 396]. До начала революции оставалось 18 дней...

Из множества известных сегодня оценок ситуации в стране великих князей, генералов, политиков в нашей краткой статье приведём только некоторые.

В октябре 1916 г. начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев в разговоре с императором указал, что именно «Ваше дряхлое, дряблое, неразумное и нечестное правительство ведёт Россию к гибели...» [7, с. 202].

1 ноября 1916 г. о грозящей России катастрофе императору говорил великий князь, известный историк Николай Михайлович. В оставленном им царю в тот же день письме есть такие строки: «так дальше управлять Россией невыносимо». «Ты находишься накануне эры новых волнений». Если не изменить политику, «твой престол и нашу дорогую Родину» ждут «самые тяжкие и непоправимые последствия» [8, с. 145–147].

«Вы не можете представить, какой хаос в правительстве, – говорил мне (в начале ноября 1916 г. – А.Д.) начальник штаба Корпуса жандармов генерал В. П. Никольский. – Кажется, всё делается, чтобы государственная машина остановилась ... Может быть, уже никакие меры не помогут спасти нас от катастрофы» [7, с. 205]. 5 ноября 1916 г. заместитель министра внутренних дел князь В. М. Волконский в разговоре с Г. И. Шавельским для передачи царю: «Положение катастрофическое..., а в правительстве – безумие. Как будто нарочно делается всё, чтобы ускорить развязку» [7, с. 207].

8 ноября 1916 г. бывший Верховный главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич в продолжительном разговоре с царём с глазу на глаз среди прочего сказал: «Положение катастрофическое. Неужели ты не видишь, что ты теряешь корону? Опомнись пока не поздно...» По итогам разговора с императором Николай Николаевич сделал важный вывод: «...я понял, что всё кончено, и потерял надежду на его спасение. Ясно было, что мы катимся быстро по наклонной плоскости и рано или поздно он корону потеряет» [9].

10 февраля 1917 г. с императором и императрицей встречался наиболее близкий к ним великий князь Александр Михайлович. Главная мысль предварительного направленного им Николаю II письма: «...как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию; народ её не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успеваёт. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу» [8, с. 121]. Положение в стране Александр Михайлович определяет как «хаос» [8, с. 122]. Основной вывод Александра Михайловича

от беседы с императором и императрицей: «Ждать добра из Царского Села нельзя, и вопрос стоит так: или сидеть сложа руки и ждать гибели и позора России, или спасти Россию, приняв героические меры. Положение безвыходное, такое, в котором Россия никогда не находилась» [10, с. 131]. Другими словами, только отстранение царя от власти может спасти Россию.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В течение всего 1916 года и в январе – феврале 1917 г. в России нарастал кризис «низов»: значительное ухудшение всех социальных слоёв и массовое недовольство властью.

2. Главной причиной краха монархии были не «козни» шпионов, масонов и других «врагов» России, а кризис «верхов»: нежелание и неспособность власти решать задачи, стоящие перед страной.

Список источников и литературы

1. *Миронов Б. Н.* Русская революция 1917 года в условиях экономического чуда: по классическому сценарию? // Отечественные записки. – 2012. – № 1 (46). – С. 267–283.
2. *Миронов Б. Н.* «По сравнению с 1913-м...» Уровень жизни российских рабочих и крестьян в предреволюционные годы отнюдь не падал, как принято считать // Родина. – 2016. – № 11. – С. 64–67.
3. *Миронов Б. Н.* Униженные и оскорблённые. «Кризис самодержавия» – миф, придуманный большевиками // Родина. – 2006. – № 1. – С. 12–17.
4. Переписка Николая и Александры Романовых. – Т. IV. 1916 год. – М. – Л.: Государственное изд-во, 1926.
5. Доклад Петроградского охранного отделения особому отделу департамента полиции. Октябрь 1916 г. / Красный архив. Исторический журнал. – Том четвёртый (семнадцатый). – 1926. – М.–Л., 1926. – С. 4–35.
6. Доклад начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева директору Департамента полиции 5 февраля 1917 г. / Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – М., 2009. – С. 381–402.
7. *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. – Т. II.
8. Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. – М.–Л.: Государственное изд-во, 1925.
9. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича. – М., 2008. Запись от 9 марта 1918 г.

10. Письмо в. кн. Александра Михайловича в. кн. Николаю Михайловичу от 14 февраля 1917 г. / Дневники Николая II и императрицы Александры Фёдоровны: в 2 т. / Отв. ред., сост. В.М. Хрусталев. – М.: ПРОЗАиК, 2012. – Т. 1.
11. Всеподданнейший доклад М.В. Родзянко 10 февраля 1917 г. / Блок А. Последние дни императорской власти. – Петербург: Алконост, 1921. Приложение VI. – С. 158–166.

Денисов Н. Г. (г. Краснодар)

Государственная идеология как фактор национальной безопасности России

Аннотация. В статье отражено авторское видение на целесообразность утверждения государственной идеологии как системного интегратора общественных отношений, обеспечивающего этносоциальную стабильность, сохранение и развитие государства.

Ключевые слова: государство, идеология, единство, патриотизм, развитие.

State ideology as a factor of national security of Russia

Abstract. The article reflects the author's vision of the expediency of establishing state ideology as a system integrator of social relations, ensuring ethno-social stability, preservation and development of the state.

Keywords: state, ideology, unity, patriotism, development.

В условиях исключения России и русского мира из истории, её положения между «холодной» и «горячей» войнами, дискредитации и неприятия со стороны внешних недругов общенациональных ценностей народов Отечества, вербовки российской молодёжи под флаги иных идеологий, позволительно ли ставить под сомнение целесообразность определения государственной (национальной) идеологии и позиции, противодействующих унижению и уничтожению Отечества? Или мы дважды наступаем на грабли, как и сто лет назад, когда к погрязшим в полемике о судьбах России политиков пришёл и поставил точку «матрос Железняк», только в настоящее время это может быть миротворческий контингент НАТО.

В настоящее время налицо расхождения между запросами общества на общенациональное единство и государственную идеологию, определяющую право на земное бытие русской

(российской) цивилизации и эквилибристикой дефинициями интеллигенции, жонглирующей четверть века понятиями: «этнос», «народность», «народ» (малый и малочисленный), «нация» (политическая или полиэтническая).

Сегодня, на наш взгляд, деструкция и динамика социально-политических событий опережает их научное толкование, хотя по определению идеология обязана опережать практику, но она, согласно 13 статье Конституции является «необязательной». В этой связи пассаж отдельных авторов о неготовности общества к общенациональному объединению выглядит неубедительно и бездоказательно. Скорее здесь не исключается игра по умолчанию внутренних националистических кланов с внешними «идеологами» фрагментации территорий Российской Федерации.

Социально-историческая практика тысячелетнего совместного проживания народов евроазиатского пространства объективирует проведение общегражданского референдума о дальнейшем укреплении и развитии национального единства, понимаемого как поликультурной, полиэтнической и поликонфессиональной духовной общности единой гражданской идентичности – российской нации. С той лишь разницей, чтобы его итоги не были попораны внешними и внутренними антирусскими, антигосударственными силами, как это было проделано 26 лет назад с волеизъявлением 70 % населения Советского Союза, пожелавшего его сохранения.

Было бы целесообразным для начала провести по данной проблеме всероссийский многопартийный референдум, итоги которого явились бы индикатором настроения граждан, представляющих спектр более полусотни партий Российской Федерации.

Как известно, стабильность общества и сохранение целостности государства во многом зависят от отношений власти и общества, в т. ч. оппозиции: системной и несистемной. В условиях информационной, культурно-исторической, психологической и в целом идеологической войн с участием внешних сил по захвату общественного сознания российского населения, особенно молодёжи, остро актуализируется её исход.

В такой чрезвычайной социально-политической обстановке в первую очередь востребовано интеллектуальное оружие, способное мобилизовать ум, гражданские чувства, волю и дух соотечественников на защиту своей Родины. Таким

оружием является идеология российской государственности, имеющая свою многовековую историю, впитавшая в себя этнокультурные и религиозные традиции всего конгломерата народов евроазиатского пространства.

Прежде чем определять стратегию и тактику взаимодействия общества и власти, научному сообществу предстоит расчистить методологическую площадку государственной, общенациональной идеологии, зашлакованную двойными стандартами либеральных постулатов со времён 90-х годов. К примеру, по «Новому Энциклопедическому словарю», изданному «Рипол Классик» 1, народ объединяет всё население определённой страны и приравнен к этнической общности.

Здесь требуется уточнение. Во-первых, всё население страны реально не может состоять из одной этнической общности, что безусловно ставит под сомнение его идентичность; во-вторых, в отличие от западных государств, имеющих название от титульной нации, историческая Россия развивалась не как этно-территория, а как многонародная поликультурная общность, сущность которой понимается в триедином измерении: государственном, полиэтническом, поликонфессиональном и в целом общенациональном, цивилизационном. Катализатором и фундаментом данного мегаобразования был и остаётся русский народ, русская культура. В-третьих, динамика строительства полиэтничной государственности объективно сопровождалась формированием общественного сознания, как сообщества людей российской гражданской идентичности.

Таким образом, цивилизованное понимание гражданской общности в дискурсе российской нации позиционирует Россию мононациональным полиэтническим государством. В этой связи требуют переосмысления многие термины понятийного аппарата в теории и практике нациестроительства, в политике, этносоциальных отношениях, повседневном обиходе. В частности, национальная политика в данном дискурсе идентифицируется с государственной политикой, межнациональные отношения приобретают смыслы межгосударственного взаимодействия, этнонационализм трансформируется в гражданский и государственный патриотизм. В общероссийском контексте утрачиваются или трансформируются понятия «коренная нация», «национальные» движения и партии, «национальное» возрождение народов России, «национальные» общности или группы. Было бы целесообразным, с научной и практической точек зрения, опираться в данном ключе на этнологическую и региональную основы.

Смыслосфера российской нации предполагает, на наш взгляд, полиэтническую и вместе с тем общегражданскую, социально-политическую, культурно-историческую и духовно-нравственную общность ареала народов, формирующих евразийскую картину мира. Предполагаю, что ряд методологических подходов остаются дискуссионными, что отражает в целом понятийный этап законотворческой работы в области государственной национальной политики.

В целях обеспечения интеллектуальной безопасности нации научному сообществу предстоит осуществить ревизию следующих идеологем – либерального наследия 90-х годов.

Идеологема 1. Общечеловеческие ценности. Раньше с них начинались и заканчивались уроки в школах, занятия в сузах и вузах. Ещё прорабы перестройки навязали доверчивым народам Советского Союза восхождение к общечеловеческим ценностям, идентифицировав их с западными. В результате оказались растоптанными отечественная история и ценности, при том обстоятельстве, что в мировой критериальной школе западные ценности культа «мамоны» стоят в конце рейтинга.

Идеологема 2. Свобода и открытое общество. Познанной необходимостью кроме свободы являются также стол, стулья, туалетные принадлежности, все плоды человеческого труда, в то время, когда сущностный смысл свободы подразумевает ответственность перед ближним. Русская идея есть общечеловеческая идея всечеловечности, всеединства, открытости русского народа, добротой своей души сплотившего вокруг себя другие народы. Открытое общество – это наше извечное состояние души добротворчества, а не иностранное изобретение.

Идеологема 3. Плюрализм и альтернатива. Ловушка для обывателя. Европа объединилась, там утвердилась в основном 2–3-партийная система, действуют единые стандарты, а в нашей единой полиэтнической, многовековой общности развалили СССР и бывшее народное хозяйство; растворили единый социум полсотней партий с альтернативными программами, чтобы не смогли договориться; провели принудительную приватизацию госимущества, на основе которой взрастили олигархический клан, а несогласным выдали лукавую рекомендацию: «Ваше мнение мне глубоко враждебно, но я бы отдал жизнь за право выслушать его...»

Идеологема 4. Примирение и согласие. По сценарию нового мирового порядка это и есть психотропная установка для согласия соотечественников с комплексом неполноценности,

интеллектуальной и технологической периферией, сырьевым придатком, воспитанием зомби вместо формирования творческой личности, как это делала бывшая советская школа. Заокеанскими идеологами вкупе с доморощенными либералами нам дарованы формулы «спасения»: «народы России выживут в своём безмолвии», и ещё: «у русских свобода воли проявляется как воля к неволе».

Идеологема 5. Денежная революция и денежная цивилизация. От классовой борьбы, классовой идеологии и её конца – по Хабермасу, Беллу и Шюцу, – к кассовой идеологии – своеобразной «мягкой силы», способной финансовыми расчётами решить любые проблемы, конфликты и войны: от глобальных до локальных. Деньги, по мнению Аттали, не только инструмент купли-продажи, но и средство организации самого совершенного общественного устройства, позволяющего разрешить без насилия все катаклизмы, включая религиозные. Денежная цивилизация представляется спасительным духовным императивом современности по урегулированию межнациональных, межконфессиональных и межкультурных конфликтов в противовес взаимному уничтожению. Примеры тому есть на разных континентах, где законодателями денежного решения проблем войны и мира выступают опять-таки Соединённые Штаты Америки.

В этом интеллектуальном перевооружении важно опираться на критерии оценки истории и не забывать древний постулат: «Человек – мера всех вещей», превратившийся сегодня в противоположность. Экономизация и материализация жизни поставили человека в зависимость от экономики, а не наоборот. Вл. Соловьёв на первое место выдвинул антропологический критерий: «Нельзя оценивать историю её государственными, военными, технологическими, финансовыми и другими достижениями. Цель истории – обновлённый человек. Не человек для истории, а история для человека». Методологическим ключом к чувственному и рациональному постижению истории в дискурсе идентичности является, на наш взгляд, образное обобщение писателя Ю. Полякова: «Человек в своём развитии проходит несколько этапов: вначале только «я», затем – я и Россия, потом – Россия и я и, наконец, растворится в своём Отечестве» [2].

К организационному оружию, противостоящему кризису и санкциям, навязанным России извне, следует отнести действия законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления, соответствующих социальных

организаций, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, предпринимательского и оборонного сообщества, адекватно и профессионально реагирующих на экономические санкции, информационно-психологическое и военное давление; ложные ценности, навязываемые культурно-образовательным заведениям по захвату неокрепшего сознания подрастающего поколения. Вопреки ожиданиям внешних и внутренних антироссийских сил кризис мобилизует и сплачивает народы страны, извлёкших пагубные уроки недавней истории. Позвольте в этой связи предложить формулу самодостаточности: «укрепим Россию, армию и флот – сохраним ресурсы, сбережём народ!»

В последнее время, особенно в год 70-летия окончания Второй мировой войны, в крае интенсивно наращивается общественный ресурс Победы по многим направлениям социальной деятельности. На патриотическую поверку стали сотни патриотических и военно-патриотических объединений, центров, клубов, поисковых отрядов, объединяющих тысячи детей, подростков, молодёжи. В авангарде этой работы идут новые крупные формирования, созданные в последние годы: региональное отделение Общероссийского народного фронта, Общественная палата Краснодарского края, народно-патриотическая организация «За веру, Кубань и Отечество!». Они вместе с краевой организацией ветеранов войны, труда, вооружённых сил и правоохранительных органов провели в последнее время ряд массовых патриотических форумов, фестивалей, смотров, конкурсов, слётов, пробегов. Краевая организация общества «Знание» в течение 2014–2016 гг. провела конференции, посвящённые 100-летию со дня начала Первой и 70-летию окончания Второй мировой войн. Организация «За веру, Кубань и Отечество!» в последние годы провела ряд крупномасштабных форумов, учредила ежегодные Кубанские патриотические чтения, реализовала гранты по межнациональным отношениям и в настоящее время проводит поисково-просветительскую экспедицию «Имя Кубани», посвящённую 80-летию образования края.

Всё это стало возможным благодаря принятым законодательным и нормативным актам со стороны Законодательного Собрания и администрации Краснодарского края, деятельности краевого и муниципальных оргкомитетов «Победа», руководства глав городов и районов. Вершиной и масштабным духовно-нравственным событием явилось шествие «Бессмертного полка» с портретами победителей.

Системная и многоуровневая совместная деятельность государственных, муниципальных органов и общественных

объединений по гражданско-патриотическому воспитанию и образованию, единство народной воли и власти в ответ на экономическую и политическую изоляцию России со стороны ряда западных стран во главе с США, позволяют утверждать о нарастающем процессе формирования патриотической культуры народов России как социально-психологического императива и основы государственной идеологии. Данный вывод коррелируется с сущностным утверждением В. В. Путина: «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепления русским культурным кодом» [3].

В российской истории патриотическая культура представляет собой целостную смысловую сферу прошлого, настоящего и будущего полиэтнического народа, объединённого общностью исторической судьбы и гражданской позицией в ответ на внешние и внутренние вызовы Отечеству. Патриотическая культура – сплав почвенных чувств и идей, сфера формирования духа, катализатор поступка, качество гражданского мышления. Это – духовно-культурное состояние, отражающее социально-психологическую идентичность человека и социума, единство этнического и общенационального сознания и самосознания, обусловленное местом обитания. Патриотическая культура объединяет и консолидирует людей в их созидательном социально-историческом творчестве.

Таким образом, российская гражданская идентичность и патриотическая культура, взращенные тысячелетней общностью совместного проживания полиэтнического социума, его исторически сложившиеся традиции, нормы, ценности, смыслы и духовно-нравственные системы составляют единое целостное пространство мировоззрения народов евразийского ареала, определяющих основу российской государственной идеологии как системного интегратора взаимодействия власти и общества.

И в конце позвольте изложить смыслоопределение: патриотизм – это гражданская идентичность в действии. А также умо-заключение в дискурсе темы: беда России – с невыученными уроками истории братья за домашнее задание...

Список источников и литературы

1. Новый энциклопедический словарь. – М.: Рипол Классик, 2007. – С. 783.
2. Поляков Ю. – Литературная газета. – 2012 г., №28.

3. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Российская газета, 23.01.2012

Донцова М. В. (г. Краснодар)

Конфликтогенные факторы развития этнополитической ситуации в Краснодарском крае и Республике Адыгея

Статья выполнена в рамках работы над проектом «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России» в рамках государственного задания ФАНО России по проведению фундаментальных научных исследований (№0260-2014-0005), 2017 г.

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведённого в 2016 г. с целью определения конфликтогенной составляющей этнополитической ситуации в Краснодарском крае и Республике Адыгея. Представлены выводы о конфликтогенном потенциале регионов, нестабильных с этнополитической точки зрения географических зон внутри исследуемых субъектов РФ.

Ключевые слова: этнополитическая ситуация, конфликтогенные факторы, Краснодарский край, Республика Адыгея.

Conflictogenic factors of the development of the ethno-political situation in the Krasnodar Territory and the Republic of Adygea

Abstract. The article presents the results of sociological research conducted in 2016 to determine the contentious component of the ethno-political situation in the Krasnodar region and Republic of Adygeya. Presents findings on the conflict-potential regions with unstable ethno-political point of view of geographical areas within the study regions.

Keywords: ethno-political situation, conflict-generating factors, Krasnodar region, Republic of Adygea.

Стабилизация межэтнической ситуации, формирование общероссийской гражданской идентичности в России являются одними из приоритетных задач, направленных на укрепление целостности российского государства. В решении данных задач большую значимость приобретает проблема механизмов формирования коммуникативного согласия и социального доверия между этническими группами, особенно в полиэтничных регионах. Значительное место в этой проблематике отводится

дискурсу массмедиа, способному влиять на процессы социального доверия как первичного условия внутренней консолидации общества. Конфликтологическая экспертиза проблем региональной безопасности на региональном уровне [7, с. 38–43] показывает, что процесс укрепления государственности и социокультурной целостности России сопровождается попытками антироссийских сил дестабилизировать обстановку внутри страны и на постсоветском пространстве при помощи разжигания межнациональной и межконфессиональной розни, поддержки неправительственных организаций, ориентирующихся на радикальные, противозаконные методы политической борьбы, воздействуя на общественное сознание информационно-пропагандистскими средствами [8, с. 303]. В настоящее время международная обстановка такова, что на систему безопасности России, особенно на приграничных территориях, оказывают влияние множество конфликтогенных факторов, которые находятся в постоянной динамике, а значит, являются трудно диагностируемыми. Поэтому укрепление внутреннего единства и целостности страны на федеральном и региональном уровне, обеспечение способности противодействия внешним негативным влияниям являются базовой задачей обеспечения безопасности России. В подобных условиях большую актуальность приобретают эмпирические исследования медийного контента, особенно в приграничных Республиках России, например Краснодарского края и Республики Адыгея.

С целью определения особенностей этнополитической ситуации и качества межэтнической коммуникации в 2016 году учёными ИСЭГИ ЮНЦ РАН было проведено исследование информационного пространства и межэтнических отношений в Краснодарском крае и Республике Адыгея методами анкетного опроса (330 чел.) и контент-анализа (105 источников).

Краснодарский край

Несмотря на то что Краснодарский край считается стабильным регионом [2], межэтнические отношения ввиду их многообразия и высокой динамичности являются одним из основных латентных конфликтогенных факторов. Данные анкетного опроса показывают, что динамика социальных идентификаций за 10 лет практически не изменилась. По сравнению с 2006 годом [5, с. 126] в структуре идентичности, независимо от социально-демографической принадлежности, преобладает принадлежность к ближайшему окружению (семья, близкие, друзья), причём так же, как в 2006 году данная категория больше выражена

у представителей иноэтнических групп. Достаточно сильной является абстрактно-эмоциональная отнесённость к группе «МЫ» («хорошие, добрые люди», «люди», «честные труженики», «законопослушные граждане» и т. д.). Новой тенденцией, характерной для последних лет, является усиление гражданской идентичности и снижение уровня мигрантофобии. Противопоставления «местные – мигранты» встречаются крайне редко, уступая место гражданской идентичности «мы – россияне» и противопоставления «они – иностранцы», которая более ярко выражена у молодёжи. Исследование 2016 г. показало, что в структуре контриденитичности жителей Краснодарского края присутствуют статусные группы (власть, олигархи, властимущие), чего ранее практически не наблюдалось. Интересно заметить, что и среди представителей иной национальной группы также присутствует гражданская идентичность (на втором месте после соотнесения с ближайшим окружением). Антиномиями принадлежности к ближайшему кругу являются абстрактные группы (все остальные, чужие) и статусные (власть, чиновники, олигархи). Респонденты, имеющие гражданскую идентичность (россияне, народ), чаще всего противопоставляли себя статусным группам. Также очень ярко выражено статусное противопоставление, культивируемое в советское время «рабочий класс» – «властимущие».

Уровень межэтнической конфликтности в Краснодарском крае в 2016 г. можно оценить как 0,43 (ниже среднего). Данный уровень никак не связан с оценками уровня террористической угрозы в регионе, что указывает на отсутствие в сознании жителей края сопоставлений терроризма и межэтнических отношений.

Основным фактором, оказывающим влияние на отношение к присутствию мигрантов в регионе, является защищённость в правовом, физическом и экономическом смысле и готовность к участию в протестных акциях. Согласно данным опроса, жертвами противоправных действий стали 31,5 % опрошенных, сталкивались с фактами произвола, противоправных действий со стороны различных государственных органов, служб, организаций – 48,5 % респондентов, переживал сложные жизненные ситуации, – 48,8 %. Те, кто переживал сложные жизненные ситуации из вышеописанных категорий, более негативно оценивают уровень террористической опасности в регионе и качество межэтнических отношений. В этой группе опрошенных чаще фигурирует тревожность как самоощущение и присутствуют более низкие оценки по

шкале правовой, физической, материальной и имущественной защищённости. Интересно, что наличие опыта переживания противоправных действий никак не сказывается на оценках межэтнического климата региона.

Несмотря на позитивные оценки качества межэтнических отношений, результаты исследования на Кубани указывают на существование проблемы конкуренции между мигрантами и местными жителями. Так, 40% опрошенных считают, что мигранты занимают рабочие места, на которых могли бы работать местные, 27,9% выступают за то, что проблема мигрантов скорее надуманна, чем имеет реальные основания, и оставшиеся 32,1% затрудняются с выбором конкретного варианта ответа. Более половины респондентов (56,4%) считают, что нужно ужесточить миграционное законодательство или оставить как есть (36,4%). И подавляющее число опрошенных высказали мнение, что стратегия миграционной политики должна быть направлена на ограничение притока мигрантов. Также следует отметить, что частота согласий с мнением о наличии конкуренции между мигрантами и местными пропорционально растёт с оценкой уровня террористической опасности (табл. 1).

Таблица 1

Демонстрация характера зависимости мнения о наличии в регионе трудовой конкуренции между мигрантами и местными и оценкой уровня террористической угрозы (в % по столбцу)

Существует ли в регионе проблема трудовой конкуренции между местными и мигрантами?	Оценка уровня террористической угрозы			
	Низкий	Повышенный	Высокий	Критический
1. Да, мигранты занимают рабочие места, на которых могли бы работать местные	30	42,4	44,1	60
2. Нет, это надуманная проблема	38	25,0	24,3	20
3. Затрудняюсь ответить	32	32,6	31,6	20
Итого	100	100	100	100

Наибольший процент респондентов, высказавшихся за ограничение притока мигрантов (85%) и ужесточение миграционного законодательства (70%), противопоставляют себя группе «власть», идентифицируют с ближайшим окружением или имеют гражданскую идентичность и имеют опыт потери работы.

В процессе исследования был проведён контент-анализ наиболее представительных региональных сайтов Краснодарского

края «Югополис» и «Кавказский узел». На основании информации, приведённой в данных СМИ, был проведён мониторинг конфликтов с этнической составляющей и случаев экстремизма на территории Краснодарского края за 2015–2016 гг. Было установлено, что данные конфликты носят одиночный характер и не имеют потенциала дестабилизации этнополитической обстановки в регионе. В процессе анализа было выявлено 11 случаев конфликтного характера, которые имели определённый общественный резонанс. Все они по массовости и степени общественного участия сильно уступают случаю в кафе «Мастер-пицца» (2014), который приобрёл очень широкой резонанс. Картография данных конфликтных случаев показывает, что большинство из них концентрируется в Краснодаре и Причерноморской зоне. Следует отметить, что картография случаев конфликтов с этнической составляющей в Краснодарском крае, судя по данным мониторинга за предыдущие годы, практически не меняется.

Республика Адыгея

Контент-анализ регионального сайта Республики Адыгея «Адыгэ Хэку» (выборка составила 105 статей за 2015–2016 гг.) показал, что среди информационных сообщений преобладает культурно-историческая тематика (22,9%): публикации о национальных праздниках и днях культуры («День черкесского флага», этнофестивали и др.), об археологических экспедициях и раскопках, истории черкесского народа. Пятая часть выборки статей была посвящена деятельности этнических диаспор в Адыгее. Новостные сообщения сайта в большинстве случаев имеют дружелюбный и доброжелательный характер. Они посвящены этнической культуре, истории, развитию спорта, работе с молодёжью. Много сообщений касаются развития добрососедских отношений. Так, например, примечательно информационное сообщение о введении в учебный процесс Кубанского государственного университета практики обучения адыгейскому языку этнических черкесов-репатриантов, получающих образование в вузе [1].

В процессе анализа конфликтогенной составляющей контента было установлено, что 27,6% из числа анализируемых публикаций несут в себе признаки этнополитической напряжённости, что, учитывая процентное соотношение подобных публикаций, может указывать на наличие латентной напряжённости. В подобных публикациях активно затрагивается

тема геноцида черкесского народа, критики идеи использования казачьих патрулей на территории Адыгеи и особенно, проблема сирийских черкесов – беженцев из горячих точек (21 %). Так, в некоторых публикациях сообщается о том, что власти России якобы намеренно препятствуют принятию сирийских черкесов в нашу страну. «Черкесские общественники критикуют миграционные правила, согласно которым сирийским черкесам, желающим перебраться на историческую родину, приходится сталкиваться со множеством административных и законодательных барьеров...» [4]. «...Многие считают, что затруднения в легализации сирийских черкесов создаются по указаниям из центра». «Существует директива центра, это подтверждает анализ ситуации и инсайдерская информация – под любыми предлогами максимально ограничить количество беженцев из Сирии, – уверен общественный деятель, руководитель общественной организации «Кабардинский конгресс» Аслан Бешто» [3]. Большая часть подобных публикаций сопровождается негативными комментариями в адрес миграционной политики России и властей, но есть и посты, критикующие мнение авторов данных сообщений, разгораются горячие споры между участниками обсуждений. Безусловно, нельзя не отметить и наличие позитивных сообщений о случаях реальной помощи беженцам: «...В настоящее время в благотворительности участвует всё большее и большее количество людей. Сама по себе благотворительность, оказание бескорыстной помощи нуждающимся, несёт в себе огромный нравственный смысл. Одна из подобных акций доброты была адресована семье репатриантов из Сирии, проживающих в а. Панахес Республики Адыгея. Провели её участники группы «Черкесский мир» социальной сети «Facebook» [6].

Таким образом, судя по структурным особенностям социальной идентичности, в настоящее время растёт гражданское самосознание, снижается противопоставление по национальному (русские – нерусские) и территориальному (местные – неместные) признаку. Социальная защищённость и протестные установки являются базовым фактором, влияющим на отношение к иноэтническим группам в Краснодарском крае. Конфликтотенный потенциал региона связан в большей степени не с этнической составляющей, а с социальной. Межэтническая обстановка в крае не располагает к этнической конфронтации. В Республике Адыгея также присутствует спокойная этнополитическая ситуация с долей присутствия

латентной напряжённости, которая связана, главным образом, с темой геноцида черкесского народа и проблемой сирийских черкесов.

Список источников и литературы

1. Адыгский язык вводится в обязательную программу КБГУ для репатриантов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aheku.net/news/society/adyigskij-yazyik-vvoditsya-v-obyazatelnyuyu-programmu-kbgu-dlya-repatriantov> (дата обращения: 21.10.2016)
2. Баранов А. В. Этнополитические процессы в Краснодарском крае в контексте геополитических трансформаций // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/21/politics/baranov.pdf (дата обращения: 04.03.2017)
3. Беженцы с препятствиями [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aheku.net/news/society/6097> (дата обращения: 02.06.2016)
4. Для сирийских черкесов дверь в Россию захлопнута накрепко [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aheku.net/news/policy/6351> (дата обращения: 13.06.2016)
5. Донцова М. В. Этнические мигранты и принимающее общество: процессы социального взаимодействия: на материалах Краснодарского края: 22.00.04: дисс ... канд. соц. наук : 22.00.04. – Краснодар: Университет МВД России, 2007.
6. От чистого сердца [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aheku.net/news/society/6140> (дата обращения: 08.06.2016)
7. Юрченко И. В., Донцова М. В. Конфликтологическая экспертиза проблем региональной безопасности в новом электоральном цикле (на примере Краснодарского края) // Историческая и социально-образовательная мысль. – Т. 8. – № 6. – Ч. 1. – 2016. – С. 38–43.
8. Юрченко И. В. Феномен радикализма в публичной политике // Столыпинские чтения. Публичная политика и социальные науки: материалы науч.-практ. конф. с международным участием / отв. ред. В. М. Юрченко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016.

Егиазарян Н. В. (Республика Армения, г. Ереван)

Могут ли СМИ стать проводниками духовности и традиционных ценностей?

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли средств массовой информации в вопросе популяризации духовных и традиционных ценностей. Рассматриваются сущность и значимость основных национальных ценностей русского народа в настоящее время.

Ключевые слова: национальная безопасность, духовные и традиционные ценности, средства массовой информации, культура общества.

Can mass media become a vehicle of spiritual and traditional values?

Abstract. The article is dedicated to the study of the role of mass media concerning the issue of popularization of spiritual and traditional values. The essence and significance of current basic national values of Russians is being considered.

Keywords: national security, spiritual and traditional values, mass media, society culture.

Всё, что происходит в современной России в последние десятилетия, нельзя считать однозначным. В Российском государстве вот уже который год (даже можно сказать десятилетие) продолжается процесс существенных преобразований в политической, экономической и социальной сферах жизни.

Нельзя не отметить и тот факт, что на протяжении последних двадцати пяти – тридцати лет были осуществлены глобальные, кардинальные реформы всех государственных институтов. Эти реформы были направлены на то, чтобы механизм современного Российского государства и осуществляемые им функции соответствовали устоявшимся мировым стандартам. В результате эта цель в определённой степени была достигнута. Однако при этом незаслуженно пострадали и были забыты складывавшиеся на протяжении веков простые общечеловеческие традиционные ценности.

Это обстоятельство не осталось незамеченным. Президент России в декабре 2015 года подписал Указ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1]. Следует отметить, что в этом правовом документе, под таким глобальным названием, достаточно много говорится о сохранении и приумножении традиционных российских духовных и нравственных ценностей. Причём эти ценности признаются основой российского общества и ставится акцент на их стратегическом значении в вопросе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

К традиционным ценностям в России всегда относили терпение, сострадание и неприхотливость. Все эти черты выражаются в готовности истинного россиянина терпеть, сопереживать и при необходимости пожертвовать чем-либо

в пользу другого человека. Размышляя над спецификой традиционных ценностей, русский философ Н. А. Бердяев писал: «...русский народ – народ универсального духа, более чем другие способный к человечности и до болезненности сострадательный» [2, с. 15]. Ещё одной традиционной ценностью, характеризующей истинно русский характер, является чувство справедливости, руководствуясь которым, как отмечает Понамарева Е.Г., человек оценивает свои мысли и поступки, а также мысли и поступки других людей [3]. Перечисляя особенности и специфику русской ментальности, следует отметить и способность именно русского народа формировать что-то общее для всех. На эту традиционную ценность в одной из своих статей, посвящённых национальному вопросу, обращал внимание и Президент РФ В. В. Путин, называя русский народ государствообразующим [4].

Эти ценности всегда имели существенное значение, а в настоящее время их значимость ещё более бесспорна. Потому, что на протяжении достаточно продолжительного времени после выхода из-за «железного занавеса» российский народ пошёл по пути интеграции в мировое сообщество. Однако эта интеграция, как оказалось, была достаточно односторонней. И народ России, и народы государств, образовавшиеся на постсоветском пространстве, в большей степени впитывали европейские и американские традиции, при этом не популяризируя свои ценности, прошедшие серьёзные испытания временем и доказавшие свою состоятельность и значимость в любой исторический период.

Хорошо, что на государственном уровне поднят вопрос о необходимости возрождения духовных истоков. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» предусматривает внедрение принципов духовно-нравственного развития в систему образования, в молодёжную и национальную политику. В п. 70 Стратегии, посвящённом науке, технологиям и образованию, говорится о необходимости воспитания молодёжи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей. Но только признания значимости традиционных ценностей и рекомендаций о повышении их роли недостаточно. Необходим комплексный подход в реализации поставленных в Стратегии задач. И существенную роль в этом вопросе, бесспорно, могут сыграть средства массовой информации, а именно Интернет.

Интернет в настоящее время стал аудиовизуальной окружающей средой, он держит в курсе всех происходящих событий, тем самым удаляя «информационный голод», влияя на общую, в том числе и политическую, культуру, выступая средством взаимодействия властей и населения.

Как справедливо отметил один из крупнейших социологов современности М. Кастельс, «Интернет – это постоянно присутствующий фон, ткань нашей жизни» [5]. В Интернете непрерывно происходит сбор, обработка и распространение сообщений массовым аудиториям. И именно это распространение информации формирует медиакультуру общества, оказывает поведенческое и интеллектуальное влияние на культуру и поведение пользователей всемирной паутины.

Если учесть то обстоятельство, что основными пользователями Интернета являются школьники и молодёжь, то, несомненно, можно констатировать факт, что именно посредством этой информационной системы можно в достаточной степени решить задачи, намеченные в «Стратегии национальной безопасности РФ».

Однако не следует забывать, что средства массовой информации в целом и Интернет в частности, имея безграничную власть над умами пользователей, не лишены недостатков. Сегодня множество информационных программ и печатных изданий регулярно в том или ином виде распространяют информацию о насилии. У специалистов даже появился термин «телевизионное насилие». Общеизвестно, что просмотр сцен насилия ориентирует подрастающее поколение к последующей агрессии. В настоящее время доказано, что «теле-насилие» может стать причиной агрессивного поведения. Так, после выхода в эфир известного фильма Оливера Стоуна «Прирождённые убийцы» по всему миру прокатилась волна грабежей, разбоев, убийств, совершённых молодыми людьми, которые после ареста утверждали, что они лишь подражали героям просмотренного фильма.

Существенным недостатком СМИ и глобальной компьютерной интернет-сети является повсеместное распространение информации сомнительного содержания, которая непосредственно воздействует на психическое здоровье личности, что впоследствии сказывается не только на морально-психологической атмосфере всего общества, но и на его безопасности. На это обстоятельство обращают внимание многие российские исследователи. Так, Б. Г. Койбаев отмечает, что воздействие через

информационную сферу со стороны внешних или внутренних источников наносят серьёзный ущерб и представляют угрозу для информационной безопасности человека, общества и государства [6, с. 154].

Ещё на одно обстоятельство обращает внимание К. А. Говорухина. В одной из своих статей она справедливо отмечает, что сообщения, распространяемые медиасредствами, как правило, не несут никакой фактической информации о конкретном событии, но при этом дают оценку, показывая отношение к нему, ещё до того, как слушатель узнает подробности и сможет самостоятельно сделать свои собственные выводы, так как основной целью в данном случае является формирование определённого отношения аудитории к освещаемому событию [7, с. 54].

Средства массовой информации и Интернет в том числе влияют на сознание членов общества, получаемая информация определяет поведение людей, побуждая их к тем или иным поступкам. Но, к сожалению, следует констатировать, что обилие информации и то, как она преподносится, зачастую вводит человека в заблуждение и не даёт ему возможности чётко определить, что хорошо, а что плохо.

На это обстоятельство неоднократно обращал внимание известный немецкий социолог Никлас Луман. В своих работах он отмечал, что в переходный период развития общества средства массовой информации могут развиваться вне зависимости друг от друга и общества в целом, что непосредственно выражается в распространении информации, выражении идей и интересов весьма далёких от истинных интересов общества. И ещё одно существенное обстоятельство, на которое обращал внимание Н. Луман, заключается в том, что «СМИ утрачивают доверие, и люди, подозревая, что ими манипулируют, начинают сопротивляться их воздействию» [8, с. 431]. И именно такую тенденцию можно констатировать в настоящее время. Опросы показывают, что люди стали более внимательнее относиться к увиденному и услышанному, они стали сопоставлять факты о тех или иных событиях, которые освещаются по разным информационным каналам, анализируя полученную информацию. И наконец, можно отметить, что хотя и с большим опозданием, но всё же намечается процесс снижения аудитории, интересующейся низкокачественной медиапродукцией, особенно зарубежного происхождения.

Приведённые выше рассуждения позволяют сделать следующие выводы:

В настоящее время в государстве необходимо возродить истинные духовные и традиционные ценности потому, что они доказали свою состоятельность, руководствуясь ими, народ существовал на протяжении веков, преодолевая как внутренние, так и внешние проблемы.

Проводниками духовных и традиционных ценностей могут и должны стать СМИ, потому что именно они являются источником информации, влияющим на формирование культуры общества и его поведение. Их деятельность должна быть направлена на распространение или популяризацию той информации, которая была бы основана на духовности и способствовала возрождению традиционных ценностей.

Учитывая то, что современные СМИ и Интернет, в частности, в определённой степени скомпрометировали себя и отношение к их роли и предоставляемой ими информации неоднозначно, следует пересмотреть вопрос об их абсолютной независимости и бесконтрольности. Однозначно должен быть установлен запрет на распространение информации и иной продукции, носящей экстремистское содержание, пропагандирующей насилие, расовую, религиозную и межнациональную нетерпимость. И прежде всего это должно касаться той продукции, основным пользователем которой являются школьники и молодёжь, потому, что именно они в будущем образуют интеллектуальный и нравственный потенциал государства, именно они будут определять его развитие и статус на международной арене.

Список источников и литературы

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW
2. *Бердяев Н. А.* Национальность и человечество // Судьба России. М., 1918.
3. *Понамарёва Е. Г.* Мораль и нравственность. Российская цивилизация в пространстве, времени и мировом контексте. <http://xn----ptblgjed.xn--plai/node/2317>
4. *Путин В. В.* «Русский народ является государствообразующим» http://ruskline.ru/news_rl/2012/01/23
5. *Кастельс М.* Интернет как средство массовой информации. http://psyera.ru/internet-kak-sredstvo-massovoy-informacii_9794.htm
6. *Койбаев Б. Г.* Проблемы информационной безопасности России в контексте современного политического процесса //

- IV Столыпинские чтения. Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи: материалы научно-практической конференции / отв. ред. Юрченко В. М. – Краснодар: КубГУ, 2014.
7. *Говорухина К. А.* Новые средства и технологии пропаганды в формировании информационного общества в России. Сборник статей Международной научно-просветительской конференции «Проблемы национальной безопасности России: Уроки истории и вызовы современности». Краснодар, 2016.
8. *Луман Н.* Реальность массмедиа // Отечественные записки. – 4. 2000.

Еремеева А. Н. (г. Краснодар)

Воздействие событий 1917 года на ситуацию в высшей школе

Аннотация. Доклад посвящён воздействию событий 1917 г. (с февраля по октябрь) на ситуацию в высшей школе. Рассматриваются меры по расширению сети учреждений высшего образования, реформированию вузов, особенности учебного процесса.

Ключевые слова: революция 1917 г., реформирование высшего образования, расширение вузовской сети, учебный процесс.

The impact of the events of 1917 on the situation in higher education

Abstract. The report focuses on the impact of the events of 1917 (from February to October) on the situation in higher education. Author deals with the development of higher education institutions net, reform of universities, peculiarities of educational process.

Keywords: revolution of 1917, reforms of higher education, the growth of the higher schools, the educational process.

Февральская (или Мартовская, как её называли до перехода на григорианский календарь) революция была воспринята профессорами и студенчеством с воодушевлением. Это во многом объяснялось ситуацией последних лет. Поражения русской армии, ухудшение материального положения, личные, связанные с войной, трагедии постепенно усиливали оппозиционные настроения. Кадеты, чья популярность среди «учёного сословия» была очень велика, развернули активную антиправительственную деятельность. Депутаты от Академической курии составляли ядро оппозиции в Государственном совете.

«Демократические мечтания» учёных опирались на убеждение о неразрывности науки и демократии, о решающей роли науки в послевоенной России [1, с. 198]. Так или иначе, значительная их часть не мыслила будущее страны без либерализации режима.

Столичные и провинциальные вузы в телеграммах Временному правительству и на собраниях выражали безоговорочную поддержку революции, оценивая её как эпохальное и долгожданное событие. Профессора ораторствовали на многочисленных митингах, особенно популярных весной 1917 г., выступали с публичными лекциями, писали брошюры, доказывавшие ценность произошедшей революции. Апеллируя к историческому опыту и актуальной политической ситуации, они формировали электоральные предпочтения населения. Пресса, выходящая в вузовских городах, была буквально наводнена профессорской публицистикой. Среди тридцати семи человек, входивших во Временное правительство, был один академик, пять профессоров, два приват-доцента.

1917 год, несмотря на продолжавшуюся войну и бурные политические события, стал важным этапом в строительстве высшей школы. Активная работа в этом отношении велась и на местах, и в столице – в Министерстве народного просвещения, в Комиссии по реформе высшей школы при Временном правительстве. Работой последней руководил М. М. Новиков, профессор-зоолог, кадет, ранее возглавлявший Комиссию по народному образованию Четвёртой Думы. В основном осуществлялись проекты военных лет периода пребывания на посту министра народного просвещения графа П. Н. Игнатьева.

5 мая 1917 на заседании Временного правительства было принято представление Министерства народного просвещения об учреждении Тифлисского политехнического института, Донского (эвакуированного из Варшавы) и Пермского (вместо филиала Петроградского, открытого на случай необходимости эвакуации университета из столицы) университетов [2, с. 31]. В этом же году Томский и Саратовский университеты дополнились новыми факультетами и стали, таким образом, классическими.

Столичные учёные охотнее, чем когда-либо ехали преподавать в провинциальные вузы. «В Петербурге становилось голодно, Саратов был родной город моей жены, там жили её родители – и хотя я совсем не склонен был при нормальных условиях покидать Петербург и уезжать в провинцию, но теперь я принял предложение», – вспоминал философ С. Л. Франк, ставший

в 1917 г. деканом историко-филологического факультета Саратовского университета [3, с. 50]. Будущие классики исторической науки Б. Д. Греков и Г. В. Вернадский переехали в Пермь.

Подготавливалось открытие новых университетов (Тифлисского, Иркутского, Таврического, Ташкентского (Туркестанского)). Создание последнего готовили «всем миром». Министр народного просвещения С. С. Салазкин разослал письма директору Московских высших женских курсов С. А. Чаплыгину, Совету и ректору Московского университета М. А. Мензбину с просьбой взять на себя организацию в Ташкенте физико-математического факультета, который должен был стать базой для будущих факультетов технических и сельскохозяйственных наук [4, д. 214, л. 2–2 об, 3–3 об.]. Таким образом, в новом университете планировались кроме обычных факультеты прикладных наук. В письме ректору Петроградского университета Э. Д. Гримму, вверенному ему вузу поручалась организация в Ташкенте историко-филологического факультета с расширенным изучением востоковедения [5, д. 214, л. 1].

В Министерство народного просвещения и Временное правительство поступало множество проектов реорганизации старых и создании новых учебных заведений.

На волне обретения Украиной независимости были созданы Украинский народный университет (в 1918 г. преобразован в Украинский университет), новые кафедры в вузах. С самого начала сторонники независимости Украины выступали за украинизацию научных учреждений и вузов. Их оппоненты считали этот путь бесперспективным, угрожающим развитию культуры и в целом будущего Украины как неотъемлемой части России. В августе 1917 г. письма против насильственной украинизации «Южной Руси» направили в адрес Временного правительства советы вузов Киева – университета Св. Владимира, Духовной академии и политехнического института. В последнем Временное правительство призывалось к ведению «твёрдой и определённой, неколеблущейся политики в целях сохранения целостности государства... и доведения страны до Учредительного собрания» [6, с. 84–86].

Перевода преподавания на украинский язык не произошло, но постановлением Временного правительства от 19 сентября в штатное расписание университета Св. Владимира с 1917/18 учебного года были введены четыре новые кафедры: на историко-филологическом факультете – украинской истории, украинского языка, украинской литературы, на юридическом факультете – истории западнорусского права [7, с. 153].

Бурные процессы в области вузовского строительства происходили в Грузии. В Тифлисе на базе Высших женских курсов подготавливалось открытие Кавказского университета с четырьмя факультетами: физико-математическим, медицинским, юридическим и историко-филологическим. На последнем предполагалось «расширенное изучение Кавказа и восточных стран» [8, д. 314, л. 21].

Одновременно, по инициативе возникшего весной 1917 г. Общества Грузинского свободного университета, велись подготовительные работы, связанные со строительством национальной высшей школы. Большую активность в этом отношении проявили востоковед, блестящий знаток грузинской истории И. Джавахишвили (переехавший из Петрограда в Тифлис), другие грузинские учёные, а также известный политик А. Чхенкели. В обсуждении вопроса на уровне Министерства народного просвещения участвовали как представители «заинтересованной стороны», так и ведущие российские востоковеды академики Н. Я. Марр (он был основным докладчиком на заседании 19 сентября), В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, «естественники» А. Е. Ферсман, С. А. Захаров и др.

Грузинский университет виделся его идеологам как «высшее научно-учебное автономное учреждение», независимое «в сфере учёно-учебной, административной и внутренне-хозяйственной». Источником финансовых ресурсов объявлялось Общество Грузинского университета. Сначала планировалась организация философского факультета с историко-филологическим, восточным и математическим отделениями, позже – юридического и медицинского. Предусматривался приём студентов и вольнослушателей обоего пола за плату. Профессора, лекторы и оставленные при университете для получения профессорского звания освобождались от воинской повинности, студенты получали отсрочку на основании российского закона. Лекции и практические занятия должны были вестись на грузинском языке [9, д. 314, л. 23]. Таким образом, университет становился центром грузинского образования и науки в России.

По решению Временного правительства все вузы (и государственные, и частные) перешли в непосредственное подчинение министру народного просвещения. Расширился состав факультетских собраний и вузовских советов за счёт младших преподавателей и сотрудников, подтверждалась выборность ректоров и деканов. Было утверждено положение о порядке замещения вакантных должностей профессоров. Изменения

в университетском уставе исключили власть попечителя учебного округа. Пол, конфессиональная принадлежность, прежние наказания по политическим и религиозным основаниям теперь не являлись препятствием при приёме в вуз. Облегчился доступ к высшему образованию выпускникам училищ, учительских институтов.

Усилилась реформаторская активность вузовской профессуры. Это можно объяснить осознанием возможности влиять на ход событий, не дожидаясь директив «сверху». Например, инициатором реформы ветеринарного образования выступил Совет Варшавского (эвакуированного в Новочеркасск) ветеринарного института. На заседании Совета 5 апреля было принято послание в Харьковский, Казанский, Юрьевский ветеринарные институты об «изменениях, которые необходимо и желательно внести в существующий учёный, учебный и административный строй» вузов данного направления. Речь шла о единообразном плане преподавания, об условиях и порядке приёма студентов, о составе советов, об изъятии ветеринарных институтов из ведения попечителя учебного округа, о способах контроля за занятиями студентов, о пересмотре правил испытаний на степень магистра ветеринарных наук и ветврача, об улучшении материального положения профессоров, младших преподавателей, служащих, о переименовании ветеринарных институтов в академии, об издании научных журналов при институтах, об ускоренных выпусках ветврачей, о возвращении младших преподавателей, взятых по призыву в армию [10, д. 11, л. 3–3 об.]. Коллеги из Харькова и Юрьева поддержали данное обращение.

Реформы в преподавании вызывали подчас неоднозначную реакцию профессоров. Например, в Донском университете было введено деление по специальности; второстепенные обязательные курсы заменялись курсами по выбору. На деле студенты освобождались от некоторых курсов. Переход с курсовой на предметную систему означал возможность для студентов самостоятельного приёма решения о сдаче того или иного предмета в течение шести лет. Многим членам Совета это представлялось логичным исходя из необходимости «трудовой повинности» студентов. Нежелание мириться с данными новшествами высказал известный математик профессор Д. Д. Мордухай-Болтовский, полагавший, что они нанесут ущерб преподаванию чистой математики, потакают требованиям студенческих организаций «ищущих царских

путей для достижения диплома». По мнению учёного, срок пребывания студента в вузе должен быть менее 6 лет; необходимо выработать последовательность сдачи экзаменов, разработать обязательный минимум содержания образования [11, с. 68–69].

Повсеместно обсуждался новый формат взаимоотношений между преподавателями и студентами в деле регулирования учебного процесса. Профессора, как правило, без энтузиазма относились к повышению правового статуса студентов.

В столичных и региональных вузах на волне демократизации уволили профессоров, назначенных при министре Л. А. Кассо, а также подозревавшихся в сотрудничестве с охранкой, принадлежности к черносотенцам и пр. Не последнюю роль в этом играли студенческие организации [12, с. 48–49].

Вообще, ситуация в вузах вышла из привычной колеи. Аудитории пустели в связи с призывами студентов в армию, их банальным нежеланием посещать лекции и активным участием в политической жизни.

Студенты-провинциалы из петроградских и московских вузов не спешили возвращаться с летних каникул; учебный год начался в полупустых аудиториях. Не случайно в Донском политехническом институте в конце 1917 г. обсуждался вопрос о введении параллельных курсов для столичных студентов силами петроградских профессоров [13, д. 395, л. 1–10].

Профессора выступали с устными обращениями и открытыми письмами в прессе, призывая студентов вернуться в аудитории, не саботировать учебный процесс во имя революции. Наиболее обширный и жёсткий текст, изданный отдельной брошюрой, вышел из-под пера профессора Новороссийского университета историка И. А. Линниченко. Приведём некоторые его фрагменты:

«Наша Русь самая праздная из всех европейских стран. Нигде меньше не работают, нигде меньше не сознают общекультурное, обще-необходимое значение работы, ... наша Siesta продолжается чуть не полгода... Разрушать легко... Для создания необходим материал, труд, знания и талант... Я бы вас понял, если бы вы, видя страшную опасность извне нашему народу, нашему государству, пошли на фабрики работать на станках, пошли в лазареты...» [14, с. 7, 15, 18].

Подобные воззвания вряд ли могли существенно изменить ситуацию, однако они свидетельствовали о стремлении профессуры противостоять эскалации анархии.

Список источников и литературы

1. *Колчинский Э.И.* Академия наук и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. – СПб.: Нестор-История, 2007. – С. 184–206.
2. Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 г.: в 4 т. Т. 2: Май – июнь 1917 года. – М., 2002. – 511 с.
3. *Франк С.Л.* Русское мировоззрение. – СПб., 1996. – 736 с.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 226.
5. РГИА. Ф. 733. Оп. 226.
6. ALMA MATER. Університет св. Володимира напередодні та в добу української революції: Матеріали, документи, спогади: у 3 кн. Кн. 1: Університет св. Володимира між двома революціями. – Київ, 2000. – 697 с.
7. Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 4: Сентябрь – октябрь 1917 года. – М., 2004. – 510 с.
8. РГИА. Ф. 733. Оп. 226.
9. Там же.
10. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 67. Оп. 2.
11. *Пырков В.Е.* Методическое наследие Д.Д. Мордухай-Болтовского и опыт его использования в современном математическом образовании: дис. ... канд. пед. наук. – Ростов-н/Д, 2004. – 358 с.
12. *Еремеева А.Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских учёных в годы Гражданской войны. – Краснодар: Платонов И., 2017. – 208 с.
13. ГАРО. Ф. 42. Оп. 1.
14. *Линниченко И.А.* Открытое письмо студенчеству и молодёжи. – Одесса, 1917. – 24 с.

Записная Т.В. (г. Ростов-на-Дону)

Правовое оформление политики Российской Федерации в сфере информационной безопасности

Аннотация. Статья посвящена анализу имеющейся нормативно-правовой базы в области противодействия информационным угрозам в сфере информационной безопасности Российской Федерации.

Федерации. Особое внимание автор уделяет новой Доктрине информационной безопасности, утверждённой Указом Президента РФ 5 декабря 2016 года.

Ключевые слова: информационные войны, информационная безопасность, Доктрина информационной безопасности, информационное оружие, национальные интересы в информационной сфере.

Legal registration of the policy of the Russian Federation in the field of information security

Abstract. The article is devoted to analysis of existing normative-legal base in the field of countering information threats to information security of the Russian Federation. Special attention is paid to new information security Doctrine, approved by presidential decree on 5 December 2016.

Keywords: information warfare, information security, Doctrine of information security, information weapons, the national interests in the information sphere.

Информационные технологии должны служить достижению взаимодополняющих целей обеспечения устойчивого экономического роста, повышению общественного благосостояния, стимулированию социального согласия и полной реализации их потенциала в области укрепления демократии, транспарентного и ответственного управления, прав человека, развитию культурного многообразия и укреплению международного мира и стабильности [1]. Данный постулат закреплён в Окинавской хартии глобального информационного общества, подписанной экономической восьмёркой в 2000 году, в том числе США и Россией. Государства, подписавшие данную хартию, обязались разрабатывать эффективные национальные и международные стратегии исходя из целей использования информационных технологий, закреплённых в данном документе. Вместе с тем разработка рядом государств стратегий информационных войн не согласуется с основополагающими положениями международных документов в области использования информационных технологий.

Одним из базовых принципов международного права является принцип невмешательства во внутренние дела государства, зафиксированный в Уставе ООН [2]. Данный принцип раскрывается, в том числе и через запрет поощрения подрывной деятельности, направленной на изменение строя другого государства путём насилия. Для того чтобы обойти данный запрет,

США взяли на вооружение «войну идей». Суть данной стратегии заключается в том, чтобы при помощи информационных технологий распространять вредоносную информацию, направленную на изменение мировосприятия человека. Основной задачей такого изменения является продуцирование внутренних конфликтов человека с обществом, его окружающим, что в свою очередь влечёт дестабилизацию политической ситуации в стране. Ведение информационных войн вышло на первый план в военной политике США. Агрессивное использование информации в деструктивных целях по дестабилизации общества для реализации геополитических интересов со стороны США обуславливает необходимость разработки, закрепления и реализации действенной политики информационной безопасности.

В настоящее время в Российской Федерации ведётся планомерная работа по предотвращению возможности применения информационных технологий в целях дестабилизации российского общества. Правовой основой данной работы является ряд стратегий в области предотвращения внешних и внутренних угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Базовым документом является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [3], в которой деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе, называется в качестве одной из основных угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации.

Позиция Российской Федерации на международном уровне по вопросам информационной безопасности отражена в Основах государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года [4]. Данный документ определяет основные угрозы в области международной информационной безопасности, цель, задачи и приоритетные направления государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности, а также механизмы их реализации.

Положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации развиваются в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации. Новая Доктрина утверждена 5 декабря 2016 года [5] взамен действовавшей с 2000 года

первой Доктрины информационной безопасности Российской Федерации [6]. Произшедшие изменения внешнеполитической обстановки за достаточно продолжительный срок действия первой Доктрины обусловил значительные различия между указанными документами.

Прежде всего необходимо отметить, что новая Доктрина содержит более чёткое определение информационной безопасности Российской Федерации, согласно которому под информационной безопасностью следует понимать состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства. В первой Доктрине под информационной безопасностью Российской Федерации понималось состояние защищённости её национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства. Недостатком данного определения являлось то, что национальные интересы определялись через совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства, которые в свою очередь также требовали дополнительного раскрытия.

В новой Доктрине информационной безопасности использован иной метод определения информационных угроз и их источников. Согласно тексту первой Доктрины 2000 года законодатель выделял четыре вида угроз информационной безопасности в зависимости от объекта воздействия и определил перечень возможных угроз, которые могут встречаться на практике. Доктрина 2000 года не содержала понятия информационной угрозы безопасности Российской Федерации. Такой подход вряд ли оправдан с учётом стратегического характера Доктрины и быстроизменяющихся информационных технологий. Новая Доктрина 2016 года, прежде всего, закрепляет определение угрозы информационной безопасности Российской Федерации, под которыми следует понимать – совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере. Введение в оборот данного определения исключает необходимость составления перечня действий, которые могут быть отнесены к информационным угрозам.

Анализ раздела III «Основные информационные угрозы и состояние информационной безопасности» позволяет сделать вывод, что на первый план выведена угроза применения средств оказания информационно-психологического воздействия со стороны специальных служб отдельных государств. Ранее понятие «средства оказания информационно-психологического воздействия» в нормативных документах не использовалось.

Ряд авторов отмечает, что российское законодательство не содержит определения информационного оружия [7, с. 60], однако это не совсем верное утверждение. Согласно статье 15 Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. В 2009 году было заключено Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [8]. Данное соглашение содержит Перечень основных понятий в области обеспечения международной информационной безопасности, в том числе понятие «информационного оружия» и «информационной войны». Согласно Перечню «информационное оружие» – информационные технологии, средства и методы, применяемые в целях ведения информационной войны. Конечно, нельзя признать данное определение удачным, так как в правоприменительной практике оно должно раскрываться через связь с понятием «информационная война». Информационная война в Перечне определяется как противоборство между двумя или более государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массовой психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны.

Определение оружия закреплено в Федеральном законе от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии». Оружие – устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. В обычном понимании оружие – это устройство и предметы, тогда как информационное оружие – это информационные технологии, средства и методы. Определение информационного

оружия активно разрабатывается в рамках науки информационного права.

Д. С. Черешкин, Г. Л. Смолян и В. Н. Цыгичко [9] отмечают, что информационное оружие представляет собой средства уничтожения, искажения или хищения информации, средства преодоления систем защиты, средства ограничения допуска законных пользователей, средства дезорганизации работы технических средств, компьютерных систем. К атакующему информационному оружию они относят: компьютерные вирусы, логические бомбы (программные закладки), средства подавления информационного обмена в телекоммуникационных сетях, фальсификацию информации в каналах государственного и военного управления, средства нейтрализации тестовых программ, различного рода ошибки, сознательно вводимые в программное обеспечение объекта. А. А. Стрельцов и Г. В. Емельянов под информационным оружием предлагают понимать «специальные средства, технологии и информацию, позволяющие осуществлять «силовое» воздействие на информационное пространство общества и привести к значительному ущербу политическим, оборонным, экономическим и другим жизненно важным интересам государства» [10, с. 34].

Опираясь на доктринальное определение информационного оружия и Перечень основных понятий в области обеспечения международной информационной безопасности, «средства оказания информационно-психологического воздействия» можно отнести к разновидности информационного оружия. В Доктрине 2016 года отмечается, что при помощи этих средств идёт наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодёжь, в целях размыывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Если обратиться к доктрине информационных войн США, то можно сделать вывод, что сейчас на первое место среди средств ведения такой войны выдвигаются стратегические коммуникации, целью которых является воздействие на определённую аудиторию для достижения заранее определённого результата [11].

События последних лет, такие как искажение информации об операции российских военных в Сирии, бездоказательные обвинения России в хакерских атаках с целью повлиять на выборы США, активное распространение вредоносной информации, способной негативно повлиять на психическое

здоровье молодёжи, свидетельствуют о том, что именно применение «средств оказания информационно-психологического воздействия» является основной угрозой национальной безопасности Российской Федерации. Также следует отметить, что в Российской Федерации имеется необходимая правовая база для противодействия информационным угрозам, однако работа по её совершенствованию с учётом новой Доктрины информационной безопасности должна быть продолжена.

Список источников и литературы

1. Окинавская хартия глобального информационного общества (Принята на о. Окинава 22 июля 2000 года) // Дипломатический вестник. 2000. №8. С. 51–56.
2. Устав Организации Объединённых Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Действующее международное право. Т. 1.
3. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – ст. 212.
4. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 24 июля 2013 года №Пр-1753)// <http://www.scrf.gov.ru/>
5. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 №646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»// Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.12.2016
6. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 9 сентября 2000 года №Пр-1895) // Российская газета №187, 28 сентября 2000 года (Документ утратил силу с 5 декабря 2016 года в связи с изданием Указа Президента РФ от 5 декабря 2016 №646)
7. Чугунова К.Ю. Информационное оружие как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2015. №7.
8. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (Вместе с «Перечнями основных понятий и видов угроз, их источников и признаков») (Заключено в г. Екатеринбурге 16 июня 2009 года)// Бюллетень международных договоров. 2012. №1.
9. Черешкин Д. С., Смолян Г.Л. и Цыгичко В.Н. Реалии информационной войны // <http://www.politic.donetsk.ua/terror/terror016.shtml>

10. Емельянов Г.В., Стрельцов А.А. Информационная безопасность России: Учеб. пособие / Под ред. А.А. Прохожева. М.: ВНИИЦ, 2000.
11. Колесов П. Ведение США информационных войн. Концепция «Стратегических коммуникаций» // Зарубежное военное обозрение. 2010. №6. С. 9–14.

Злотникова Л. М. (Республика Беларусь, г. Гомель)

Некоторые теоретические положения о закономерности Великой Октябрьской революции

Аннотация. 100-летний юбилей Великой Октябрьской революции ставит проблемы осмысления её объективности, необходимости установления закономерностей между ценностями цивилизации и целями социализма. В статье предпринята попытка показать связь между тысячелетними стремлениями человека к новой жизни и сущностью социализма.

Ключевые слова: революция, человек, ценности, цивилизация, капитал, наёмный труд, частная собственность.

Some theoretical statements on the regularities of the Great October Revolution

Abstract. The 100th anniversary of the Great October Revolution poses problems of understanding its objectivity, the need to establish patterns between the values of civilization and the goals of socialism. The article attempts to show the connection between the millennial aspirations of man for a new life and the essence of socialism.

Keywords: revolution, person, values, civilization, capital, wage labor, private property.

Глобальные экономические, производственные и политические кризисы стали визитной карточкой. Количество стран и народов, затягиваемых в воронку высоких рисков, снижения уровня жизни, роста недовольства населения, растёт. Сергей Петрович Капица утверждал: «В современном мире глобальный кризис выражается в том, что на всех уровнях само экономическое могущество не соответствует нашему социальному развитию и управлению, что видно по расхождению наших дел и мыслей» [3, с. 14]. Вопрос о причинах несоответствия, об усилении противоречий между темпами экономического роста, объёмами произведённого материального богатства и социальными притязаниями человека требует теоретически обоснованного ответа.

Обращение к проблемам социализации вызвано обострением противоречий между экономикой потребления и подлинными ценностями жизни человека. 100 лет тому назад Великая Октябрьская революция стала первой попыткой реализации многовековых целей человека, направленных на изменение ценностей цивилизации. Сегодня уже очевидно, что разрушение социалистической системы оказалось преждевременным, научно и практически необоснованным. Новые формы социальной организации жизнедеятельности и её принципы до настоящего времени не изучены в полном объёме.

В основу отказа от социализма был положен принцип идеализации частной собственности. Отказ от социальных идей ценности человека происходит в условиях усиления духовности, морали, нравственности и культуры. Упрощённое возвеличивание материального богатства происходит на основе деления теорий общественного развития на «правильные и неправильные». Некорректное отношение к использованию методологии экономической теории сопровождается тем, что отсутствует системное восприятие научного наследия А. Смита, Л. Хайека, Э. Фридмена и др. Перечисленные учёные не игнорировали сущностную роль человека. В рамках предложенного формата сложно изложить суть противоречий развития цивилизации. Во-первых, необходимо отметить следующее. До настоящего времени проблемы цивилизации являются предметом исследования экономистов в контексте технико-технологических изменений. Об этом свидетельствуют многочисленные теории цикличности развития, теории волн и т. д. Н. Кондратьев, введя понятие «технический уклад», не мог предвидеть, что заложил основы теории цивилизации. По различным оценкам, сегодня насчитывается более двух сотен теорий кризиса капиталистического развития. Наличие различий в сформулированных гипотезах не затрагивает суть, т. е. частную собственность, которая не подлежит критике, априори оценивается самой эффективной формой отношений между людьми.

Необходимо отметить, что ещё в нач. XIX в. Джон Стюарт Милль подверг сомнению неизменность и эффективность частной собственности. В работе «Утилитаризм», сосредоточив внимание на роли нравственных качеств человека, сформулировал следующее принципиальное положение для оценки изменений в цивилизации: «Проблемы, связанные с идеалами и высшими целями, относятся к той категории, где доказательства вряд ли могут быть однозначными. Если необходимо доказать, что

данная вещь – благо, следует, по крайней мере, показать, что она является средством для достижения такого блага, которое само по себе очевидно и не требует доказательств» [5]. Несмотря на тысячелетний опыт существования частной собственности, экономическая наука и комплекс гуманитарных знаний о человеке не сумели предложить убедительных доказательств её социальной эффективности. Марксистская теория, рождённая в XIX в., предложила миру новое толкование сущности частной собственности. Развитие классической экономической теории позволяет говорить о том, что вербальное отрицание марксизма в реальности подтверждает его научность. В нач. XX в. ниспровергателем высокой ценности материального капитала стал Й. Шумпетер. Открыто учёный не отрицал частную собственность, но его теория нового человека служит убедительным аргументом несостоятельности капитализации жизни. Работы «Теория экономического роста», «Капитализм, социализм, демократия» переполнены сомнения по поводу жизнеспособности капитализма. «Теория экономического роста» вышла накануне Великой Октябрьской революции. В ней учёный акцентирует внимание на роли человека-творца: «...человек, обладающий способностями к соединению, использованию имеющихся в распоряжении ресурсов производства абсолютно новым способом» и является основным источником развития. При этом новый человек должен умело использовать накопленный опыт. «Новые комбинации» на практике создаются только «новыми людьми». Экономическая функция таких людей тесно связана с особенностями личности, специфической мотивацией, своеобразным интеллектом, сильной волей и развитой интуицией. Й. Шумпетер, теоретически ограничивая цель новаторов получением прибыли и процента, фактически разрушил отношение капитала к человеку. Вплоть до XX в. все без исключения экономические школы трактовали человека как обычный «фактор производства». Интеллект, воля, ответственность и прочие качества, которыми в полной мере должен обладать человек, противоречат сущности наёмного работника. Формирование нового человека теоретически и практически возможно только в новых условиях. По нашему убеждению, наёмный человек – это исполнитель чужой воли, инструмент для достижения целей материального капитала. Новатор – это свободный человек. Основной фундамент для создания условий формирования нового человека был заложен Великой Октябрьской революцией.

Корректность требует внимания историческим фактам. Идея нового человека, обладающего особыми свойствами создателя, радикально отличающегося от наёмного работника, зародилась на заре становления цивилизации. Философы – мыслители древности оставили человечеству огромное количество трудов о подлинной сути жизнедеятельности человека. До появления экономической теории (XVIII век) всё внимание мыслителей было сосредоточено на изучении морально-нравственных основ жизнедеятельности, механизмах совершенствования человеческого в человеке.

До настоящего времени актуальны слова Аристотеля: «В самом деле, совершенно невозможно действовать в общественной жизни, не будучи человеком определённых этических качеств, а именно человеком достойным» [1]. А. Смит до написания труда «О природе и причинах происхождения богатства» проявил себя подлинным философом. В работе «О нравственных чувствах» учёный сформулировал основные принципы и ценности жизни человека, среди которых не было место капиталу, прибыли, процентам и т. д. А. Смит неоднократно обращал внимание на противоречивость поведения человека даже в классическом труде «О природе и причинах происхождения богатства». Поверхностное толкование теории рынка позволило реформаторам игнорировать ценности морали, нравственности, культуры и духовности.

В отличие от современных толкователей исторического наследия о месте и роли человека К. Маркс, подчёркивая уважительное отношение к А. Смиту, обосновал новое видение развития цивилизации, отводя капиталу вспомогательную роль. Основная цель развития цивилизации, по К. Марксу, – постоянное преодоление противоречий. Раскрывая суть базовых ценностей человека, учёный обозначил: «Основным условием существования и господства класса буржуазии является накопление богатства в руках частных лиц, образование и увеличение капитала. Условием существования капитала является наёмный труд. Наёмный труд держится исключительно на конкуренции рабочих между собой» [4]. Капиталистическая система отношений постоянно и настойчиво подпитывает конкуренцию, превращающую человека в «борца за выживание», все действия которого направлены на уничтожение себе подобного. Необходимость изменения социального, политического и экономического положения подавляющего большинства людей обоснована тем, что созданный

умом, физическими усилиями капитал оказывается в полном распоряжении частного собственника. О пагубности несправедливого, социального и экономически нецелесообразного сохранения кардинальных различий между богатством и бедностью Т. Веблен писал: «Обычай мира бизнеса сложились под направлением и избирательным действием законов хищничества или паразитизма. ... современной экономической ситуации эти институты никак не соответствуют, ибо они сложились в экономических условиях прошлого, условиях несколько отличающихся от настоящего момента» [2, с. 216]. Немногочисленные примеры свидетельствуют о том, что многие учёные уже в XIX в. сомневались в жизненной рациональности капитализма. Использование понятия «жизненная рациональность» обусловлено узостью экономической эффективности. Последняя оценивает величину полученной прибыли и полностью игнорирует расширение принципиальных различий между богатыми и бедными. Частная собственность, приобретая не только экономическое, но и социальное значение, стимулирует объективную необходимость революционных преобразований. Человек, не желающий быть «говорящим орудием», или шариковым, становится вольным или невольным участником радикальных преобразований. Великая Октябрьская социалистическая революция не только провозгласила отказ от частной собственности, но и заложила основы новых отношений собственности, социальной структуры и социальной организации. Экономическая теория и практика социализма базировалась на необходимости создания равных условий и принципов доступности трудовой деятельности, потребления общественных благ, участия в присвоении достигнутых результатов. Теория социализма была и остаётся привлекательной по причине высокой интеллектуальной содержательности. Во-первых, в результате слома старой системы управление обществом должно осуществляться интеллектуальной элитой. Во-вторых, развитие интеллекта, творческих способностей обосновано важнейшей целью нового общества. В-третьих, равная доступность природных ресурсов, общественной собственности объявлена реальной системой взаимосвязи социального совершенствования человека и экономического роста.

Радикальное переустройство новых цивилизационных отношений было обосновано проблемами в материальном потреблении при полном отсутствии объективной

информации об источниках материального богатства, использовании «крайне упрощённой парадигмы» отношений внутри «преуспевающих» государств и их отношений с другим миром» [7, с. 28]. Наука о человеке переживает сегодня глобальный кризис, как никогда ранее обостряя проблемы аккумуляирования новых знаний о человеке. Необходимо признать, что отказ от социализма – это своеобразное поражение гуманитарной науки, её основных концепций, отводящих человеку роль «слуги» технического прогресса капитализации.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Амартия Сен в работе «Развитие как свобода», на наш взгляд, в новых условиях существования цивилизации фактически акцентировал внимание на основных ценностях социалистического общества, главными из которых являются «преодоление не-свободы, развитие творческого потенциала, неограниченные права в пользовании общественными благами и т. д.». Учёный практически повторил социалистическое определение развития: «...развитие мы понимаем как процесс расширения реальных прав и свобод, которыми пользуются члены общества» [6, с. 8]. Сложно не согласиться с автором в том, что узкое трактование развития «как рост валового внутреннего продукта, доходов, индустриализации и технического прогресса» [6, с. 21] отражает системные противоречия цивилизации.

Реформаторский отказ от практики социалистического строительства сопровождается ростом внимания к его ценностям и целям. С 1990 г. под эгидой ООН в мире реализуется программа по учёту индекса человеческого развития. Систематически проводятся социологические исследования, измеряющие уровень счастья. Внимание международных институтов к проблемам развития человека, условий жизнедеятельности представляют систему реальных аргументов в пользу социализма. Использование социалистических ценностей в практике капитализма насчитывает не одно десятилетие. В 1919 г. создана Международная организация труда (МОТ), целью которой стало согласование интересов работников, работодателей и государства. Нормативные требования обязательны для членов МОТ.

Необходимо признать, что широкое использование стереотипов в гуманитарной науке и практике оказалось очень сильным. Использование опыта естествознания

в экономических, социологических исследованиях ограничено использованием математического аппарата. Уважительное отношение ко всему наследию, прежде всего учению марксизма, пока отсутствует. Центральной проблемой формирования новой человеческой цивилизации остаётся отношение к частной собственности, капитализации жизнедеятельности человека.

В заключение хотелось бы обратить внимание на высокую теоретическую и практическую значимость научного определения противоречий развития, разработки социально действенных механизмов их разрешения. Для этого необходимо признать наличие высокой фрагментарности гуманитарного знания и некоторой эйфории формального уничтожения социалистических ценностей. По утверждению Самюэля Хантингтона, «...момент эйфории по окончании «холодной войны» породил иллюзию гармонии, и вскоре оказалось, что это была иллюзия» [7, с. 31]. Холодная война, как известно, была формой борьбы с социалистической цивилизацией, эмпирической многополярностью и реальной конкуренцией. Социализм для господства капитализма представлял угрозу (сегодня это становится очевидным) отношению к семье, воспитанию детей, формированию морально-нравственного облика и т. д. Вопрос о том, почему материальные ценности оказались более привлекательными, чем морально-нравственные, по-прежнему остаётся открытым.

Список источников и литературы

1. Аристотель. Большая этика [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека по философии. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000351/st000.shtml> (дата обращения 15.02.2017)
2. Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984. – 368 с.
3. Капитза С. Парадоксы роста [Электронный ресурс] URL: <http://www.dynastyfdn.com/downloads/dyn/kapitza.pdf> (дата обращения 12.02.2017)
4. Маркс К. Манифест Коммунистической партии [Электронный ресурс] URL: <http://knigosite.org/library/read/27081> (дата обращения 10.03.2017)
5. Милль Дж. С. Утилитаризм [Электронный ресурс] URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=5021059> (дата обращения 15.03.2017)
6. Сен А. Развитие как свобода. – М.: – 2004. – 402 с.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003. – 603 с.

Змихновский С. И. (г. Краснодар)

Конец истории или новый мировой порядок? Парадоксы теоретического объяснения глобальных социально-политических процессов

Аннотация. В статье рассматриваются парадоксы теоретического объяснения глобальных исторических процессов на примере двух ключевых парадигм современной социально-политической науки: концепции конца истории Ф. Фукуямы и идеи столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Анализируются обновлённые версии «универсалистского» и «цивилизационного» подходов к пониманию всемирной истории.

Ключевые слова: универсальная история, конец истории, либеральная революция, либеральная демократия, модернизация, вестернизация, цивилизационный подход, культурная идентичность, многополярный мир, глобальная политика, столкновение цивилизаций.

End of history or a new world order? Paradoxes of the theoretical explanation of global socio-political processes

Abstract. The article deals with the paradoxes of the theoretical explanation of global historical processes on the example of two key paradigms of modern socio-political science: the concept of the end of the history of F. Fukuyama and the idea of the clash of civilizations by S. Huntington. Analyzed are updated versions of the «universalist» and «civilizational» approaches to understanding world history.

Keywords: universal history, end of history, liberal revolution, liberal democracy, modernization, Westernization, civilizational approach, cultural identity, multipolar world, global politics, clash of civilizations.

...существует некоторая Универсальная История,
ведущая в сторону либеральной демократии.
Ф. Фукуяма

Человеческая история – это история цивилизаций.
С. Хантингтон

В конце XX века спор о том, существует ли единая история человечества, с присущими ей всеобщими законами и неизбежной в этом случае телеологией (если не сказать

эсхатологией), разгорелся с новой силой. Ф. Фукуямой, реанимировавшим социально-философские воззрения Г. Гегеля и попытавшимся подвести под них эмпирический базис, была представлена обновлённая версия «универсалистской» парадигмы; С. Хантингтоном, двигавшимся в русле идей О. Шленгера и А. Тойнби и также ссылавшимся на геополитические реалии, – «цивилизационной». Не будет преувеличением сказать, что многие современные социально-политические концепции встраиваются в континуум, заданный этими крайними точками зрения. Более того, их вряд ли можно рассматривать в качестве чисто теоретических конструктов, поскольку каждая из них претендует на то, чтобы лечь в основу реальной геополитической стратегии.

Летом 1989 года в журнале «Национальный интерес» была опубликована статья Ф. Фукуямы «Конец истории?». Начинаясь она с констатации на первый взгляд очевидного, по крайней мере для самого автора, факта, что за последние годы во всём мире возник небывалый консенсус по поводу легитимности либеральной демократии как системы правления. Причём этот консенсус усиливался по мере того, как терпели поражение соперничающие идеологии: монархия, фашизм и коммунизм. Понятно, что данное эмпирически не верифицируемое суждение является не более чем субъективным мнением, в основе которого лежат совершенно определённые идеологические пристрастия. Но даже если закрыть на это глаза и допустить, что на рубеже 80–90 гг. XX в. дело обстояло именно так, как пишет американский философ, из этого ещё не следует, что либеральная демократия представляет собой «конечный пункт идеологической эволюции человечества», «окончательную форму правления в человеческом обществе», т.е. является «концом истории» [1, с. 7]. Действительно, все «более ранние» формы правления имели неустранимые дефекты, которые и обусловили их крушение. Но почему именно либеральная демократия лишена существенных внутренних противоречий? Почему её «идеал» нельзя улучшить? На этот вопрос небольшая статья ответа не давала, спровоцировав тем самым появление потока комментариев и возражений.

Попытка их парировать и прояснить свою теоретическую позицию заставила американского исследователя зимой того же года в том же журнале поместить заметку «Ответ моим критикам». В ней Ф. Фукуяма ещё раз обращает внимание читателей на то, что в исходной статье речь идёт исключительно

об «идее» демократии, а не о тех или иных её конкретных воплощениях, которые по природе своей не могут быть совершенными. Даже такие стабильные страны, как США, Франция и Швейцария не лишены серьёзных социальных противоречий; за фасадом их внешнего благополучия нередко скрывается вопиющая несправедливость. Но эти проблемы свидетельствуют не о порочности самих принципов демократии – свободе и равенстве, а о невозможности их полного, всестороннего осуществления в реальном мире.

Основой ещё большего недопонимания выступает разный смысл, вкладываемый в понятие «история». Обыватель подразумевает под историей простую последовательность событий, и с этой точки зрения она действительно «продолжается» даже с наступлением царства либеральной демократии. Не исключено, что некоторые страны это царство так никогда и не построят, а другие, не выдержав испытания свободой, вернуться к более «примитивным» формам правления. Но все эти предположения не отрицают саму идею Универсальной Истории. Вслед за великими немецкими мыслителями И. Кантом, Г. Гегелем (точнее интерпретатором Г. Гегеля А. Кожевом) и К. Марксом Ф. Фукуяма понимает её как «единый, логически последовательный эволюционный процесс, рассматриваемый с учётом опыта всех времён и народов» [1, с. 8]. В силу того что развитие человеческого общества не бесконечно, этот процесс не является случайным и закрытым для понимания. Всё в истории приобретает смысл лишь в отношении её конечной цели – установление той формы общественного устройства, которая удовлетворит фундаментальные чаяния и потребности человека. Осталось только выяснить, что же это за потребности.

Экспликация рассмотренных выше идей вылилась в концепцию, изложенную в знаменитой работе «Конец истории и последний человек» (1992). В ней Ф. Фукуяма задаётся вопросом: «...действительно ли в конце двадцатого столетия имеет смысл опять говорить о логически последовательной и направленной Истории, которая, в конечном счёте, приведёт большую часть человечества к либеральной демократии?» [1, с. 9–10]. Две основные причины позволяют ответить на него положительно. Первая носит экономический характер, вторая, связанная с так называемой «борьбой за признание», – политический.

Остановимся на первой. Американский мыслитель начинает с того, что в XVII веке были выработаны основные правила научного метода – самого эффективного и надёжного инструмента

покорения природы. Развитие науки обеспечило значительные военные преимущества и сформировало условия для небывалого экономического роста тех стран, в которых оно происходило. Открывая возможности неограниченного удовлетворения растущих потребностей человека, наукоёмкая технология вела к гомогенизации принявших и развивавших её обществ вне зависимости от их цивилизационной принадлежности. Такова «логика современной науки», лежащая в основе экономической интерпретации исторических изменений. Но её раскрытия недостаточно для объяснения феномена демократии. Связь между передовой экономикой и политической свободой, глубоко-мысленно замечает Ф. Фукуяма, намного более сложная и не столь прямолинейная, как кажется на первый взгляд. К этому стоит добавить, что отношения между экономикой и политикой вообще далеко не однозначны. Это прекрасно понимал уже К. Маркс, несмотря на приписываемый ему «экономический детерминизм». Заявление Ф. Фукуямы о том, что «...все страны, подвергшиеся экономической модернизации, должны весьма походить друг на друга...» [1, с. 13], несомненно, восходит к формационной теории. Однако аргументированность данного тезиса довольно сомнительна. С. Хантингтон, например, убедительно доказывает, что далеко не всегда экономическая модернизация сопровождается вестернизацией всего общества. Нередко наблюдается прямо противоположный процесс: откат к традиционализму.

И всё же для Ф. Фукуямы человек не просто экономическое животное. Поэтому необходимо найти такую трактовку исторического процесса, где бы учитывался человек во всей своей целостности. Здесь на помощь Ф. Фукуяме и приходит Г. Гегель с его «борьбой за признание» в качестве основополагающего фактора эволюции общества. Согласно немецкому философу, в отличие от животных человек желает, чтобы его признавали человеком, т.е. существом, имеющим определённое достоинство. Ради этого он готов рискнуть даже жизнью, то есть преодолеть в угоду такому абстрактному для многих принципу, как престиж самые глубинные животные влечения, прежде всего инстинкт самосохранения. Вот почему жажда признания – важнейший мотив политической жизни. Наиболее полно она удовлетворяется только в рамках либеральной демократии, где неравное признание хозяев и рабов заменяется признанием взаимным и универсальным. За каждой личностью всеми остальными людьми закрепляется человеческое достоинство.

Поскольку никакое другое социально-политическое устройство этого не гарантирует, либеральная демократия – конец человеческой истории (если, конечно, рассматривать последнюю исключительно в логическом плане).

Для Ф. Фукуямы другой альтернативы нет и быть не может. Так ли это на самом деле? Уверенность американского исследователя вырастает из того обстоятельства, что ни один из критиков до сих пор не предложил иной, даже гипотетической модели общественного устройства, в которой бы воплощалась идея всеобщего признания. Но какими эмпирическими данными можно подтвердить, что стремление к признанию, причём признанию универсальному, составляет смысл человеческого существования? В лучшем случае это ценность европейской цивилизации, которая может стать всеобщей лишь в результате глобальной культурной экспансии. В худшем, продукт спекулятивных медитаций Г. Гегеля, принятый далеко не всеми европейскими мыслителями. Даже если допустить, что в жажде признания проявляется сама суть человека, вопрос о неизменности его природы остаётся открытым. Сам Ф. Фукуяма склоняется к идее историчности потребностей человека, пластичности его природы. Этой проблеме он в дальнейшем посвятит отдельную работу «Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции». Значит, борьба за признание не только локальный, но исторически приходящий культурный паттерн.

Стремление к признанию в религиозной или этнонациональной сферах менее рационально и полно, чем универсальное признание, даруемое либеральной демократией, так как исходит из произвольных, частных различий между теми или иными социокультурными общностями. По мнению Ф. Фукуямы: «...религия, национализм и комплекс этических привычек и обычаев (более общее название – «культура») традиционно считались препятствием на пути установления политических институтов демократии и экономики свободного рынка» [1, с. 19]. Но это не должно служить поводом для беспокойства, поскольку: «Современная Европа быстро несётся к избавлению от суверенности и наслаждению своей национальной идентичностью при мягком свете частной жизни» [1, с. 410].

Международная политика также должна анализироваться через призму борьбы за признание. Без сомнения, национализм как одна из форм этой борьбы был источником наиболее кровопролитных конфликтов XX века. Но «либеральная революция»,

замещающая иррациональное желание быть признанным выше других якобы рациональным стремлением быть признанным равным другим, то есть разрушающая вертикаль «господин–раб», что, по мнению американского мыслителя, характерно как для отношений между индивидами, так и для отношений между государствами, вряд ли является панацеей. «...национализму, – простодушно рассуждает автор «Конца истории...», – не грозит опасность исчезновения, но он, как и религия, теряет способность стимулировать европейцев рисковать своей уютной жизнью в великих актах империализма» [1, с. 410].

Парадоксальным образом демократические иллюзии приводят Ф. Фукуяму к апологии политики двойных стандартов (*realpolitik*). Вот всего лишь одна из выдержек: «...мир, построенный из либеральных демократий, должен быть куда меньше подвержен войнам, поскольку все государства взаимно признают легитимность друг друга. И, разумеется, за пару последних столетий накопился достаточный опыт, показывающий, что либеральные демократии не проявляют империалистического поведения по отношению друг к другу, хотя они вполне способны вести войну с государствами, которые демократиями не являются и не разделяют фундаментальных ценностей демократии» [1, с. 21].

Как известно, научная ценность любой теории не в последнюю очередь определяется её прогностическим потенциалом, способностью на основе описанных фактов и установленных законов предсказывать будущие события. Предлагаем читателю самому оценить эвристическую значимость концепции Ф. Фукуямы, на примере следующего фрагмента: «...влияние новых националистических конфликтов на мир и безопасность в масштабе Европы и мира будет куда меньше, чем было в 1914 году, когда один сербский националист нажал на спусковой крючок Первой мировой войны, убив наследника австро-венгерского трона. Хотя Югославия дробится... в Европе нет великих держав, заинтересованных в использовании подобных конфликтов для улучшения своего стратегического положения. Напротив, наиболее развитые страны Европы будут как от смоляного чуелка шарахаться от этих противостояний, вмешиваясь лишь в случае вопиющих нарушений прав человека либо угрозы своим гражданам. Югославия, с территории которой началась Великая война, поражена гражданской войной и распадается. Но остальная Европа достигла существенного консенсуса по подходу к урегулированию этой проблемы, а также насчёт

необходимости отделить вопрос о Югославии от более серьёзных вопросов европейской безопасности» [1, с. 412–413].

Одной из наиболее интересных современных версий цивилизационного подхода является геополитическая концепция С. Хантингтона, диаметрально противоположная по своим исходным основаниям и конечным выводам теории Ф. Фукуямы.

Главный тезис С. Хантингтона гласит, что в современном мире «...культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплочённости, дезинтеграции и конфликта» [2, с. 15]. Из этого суждения вытекает ряд следствий. Прежде всего «модернизация» и «вестернизация» – понятия далеко не тождественные. Процесс модернизации, затронувший практически все страны, неразрывно связан с экспортом западных идеалов, ценностей и норм. Однако это далеко не всегда ведёт к тотальной вестернизации не-западных обществ. Зачастую наблюдаются прямо противоположные процессы. Не-западные цивилизации всё активнее и агрессивнее подтверждают ценность своих культур. Говорить о складывании единой общечеловеческой цивилизации, построенной на принципах либеральной демократии и свободного рынка, не приходится. Напротив, возникает новый мировой порядок, основанный на цивилизационном родстве. Общества, имеющие культурные сходства, не просто сотрудничают друг с другом, а группируются вокруг «стержневых» стран своих цивилизаций. Практически все попытки изменения их ценностно-нормативных ориентаций оказываются бесплодными.

В мире после холодной войны, убеждён С. Хантингтон, глобальная политика стала многополюсной и полицивилизационной. Наблюдается заметное смещение баланса сил между цивилизациями. Запад продолжает доминировать, но его относительное влияние постепенно снижается. Экономическая, военная, а соответственно и политическая мощь азиатских стран, наоборот, растёт. Именно поэтому универалистские претензии Запада всё чаще встречают сопротивление, что неминуемо приводит к конфликтам с другими цивилизациями, в особенности с Китаем и исламом.

Об исламе, по С. Хантингтону, необходимо говорить отдельно. Большинство локальных войн по так называемым «линиям разлома» происходит между мусульманами и не-мусульманами. Разразившийся в исламских странах демографический взрыв

имеет дестабилизирующие последствия как для них самих, так и для их соседей.

В современном мире важнейшие различия между людьми не идеологические, политические или экономические, а культурные. На вопрос «Кто мы есть?» народы отвечают, обратившись к понятиям, имеющим для них наибольшую важность. Люди определяют себя через происхождение, религию, язык, историю, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с такими культурными группами, как этнос, религиозная община, нация и – на самом широком уровне – цивилизация. Не установив своей идентичности, люди не могут вести никакой политики. «Цивилизации, – пишет С. Хантингтон, – это самые большие «мы», внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных «них» [2, с. 51]. Выступая наивысшей культурной общностью людей, цивилизация определяется как объективными элементами (язык, история, религия, обычаи, социальные институты), так и субъективной самоидентификацией.

Не секрет, что каждая цивилизация видит себя центром мира, магистральной линией истории человечества. Особенно это характерно для Запада. Однако такая моноцивилизационная точка зрения утратила свою значимость в полицивилизационном мире. Выживание Запада связано с отказом от глобалистских претензий и признанием своей цивилизации уникальной (естественно, наряду с признанием уникальности других цивилизаций). В рамках складывающегося мирового порядка речь должна вестись не о культурной, экономической, политической или военной экспансии Запада, а об его объединении перед лицом вызовов не-западных обществ ради сохранения собственной самобытности.

«Основными игроками на поле мировой политики, – согласно С. Хантингтону, – остаются национальные государства. Их поведение, как и в прошлом, определяется стремлением к могуществу и процветанию, но определяется оно и культурными предпочтениями, общностями и различиями. Наиболее важными группировками государств являются ... семь или восемь основных мировых цивилизаций» [2, с. 17]. Это китайская (синская), японская, индуистская, исламская, западная, православная, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Возникает резонный вопрос: чем обусловлена данная типология, что выступает основанием предложенного разделения? Американский политолог даёт простой, на первый взгляд,

ответ – различиями в культуре. Но в свете того что понятие культуры трактуется им крайне широко, он выглядит далеко неоднозначным. Поскольку у С. Хантингтона не обозначена чёткая система признаков, по которым производится выделение цивилизаций, разработанная им классификация выглядит крайне условной, если не сказать произвольной. Данное обстоятельство и породило шквал критики.

Поскольку в новом мире наиболее масштабные и опасные конфликты происходят не между социальными классами, а между народами с различной культурной идентичностью, локальная политика является политикой этнической или расовой принадлежности; глобальная же политика – политикой цивилизаций. Межцивилизационный конфликт, по С. Хантингтону, имеет две формы. «На локальном (или микроуровне) возникают конфликты по линии разлома... На глобальном, или макроуровне, возникают конфликты между стержневыми государствами...» [2, с. 324]. В войнах по линии разлома та или иная этническая группа рассматривает себя не просто как сторону, борющуюся с другой этнической группой, но как сражающуюся с другой цивилизацией. Таким образом, поражение будет иметь последствия не только для самой участницы конфликта, но и для всех, кто принадлежит к её цивилизации. Локальная война становится столкновением цивилизаций, чреватым последствиями для огромного числа людей.

Как показывает опыт, в одиночку главные участники не в состоянии остановить локальные войны. Предотвратить их перерастание в глобальное противостояние могут только стержневые страны основных мировых цивилизаций. «Войны вдоль линии разлома, – пишет С. Хантингтон, – закипают снизу, мир по линии разлома просачивается сверху» [2, с. 492].

Избежать глобальной войны, по С. Хантингтону, можно лишь в том случае, если лидеры ведущих стран всех цивилизаций примут полицивилизационный характер современной геополитики и начнут сотрудничать для его поддержания. В этом и состоит основной практический вывод из теории американского учёного.

Список источников и литературы

1. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 588 с.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

Иванова С. Ю. (г. Ставрополь)

Культура межнационального общения как условие цивилизованного диалога между народами

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования культуры межнационального общения в российском обществе, рассматриваются её сущность и значение для взаимодействия в глобализирующемся мире, обеспечения национальной безопасности. Межэтнические отношения раскрываются в качестве многоликого идеологического и социально-психологического процесса. Раскрываются условия гармонизации межкультурного диалога.

Ключевые слова: диалог, культура, межнациональное общение, национализм, поликультурное образование, культурный обмен.

Culture of interethnic communication as a condition for a civilized dialogue between peoples

Abstract. The article considers the problems of forming of culture of inter-national communication in the Russian society, considering its sheer-ness and the value for communication in a globalizing world. Meget technical relations are revealed as the diverse ideological and socio-psychological process. Reveals conditions Garmo-the organization of intercultural dialogue.

Keywords: dialogue, culture, international communication, on-tionalism, multicultural education, and cultural exchanges.

Культурный обмен между нациями и народами в той или иной степени происходил и происходит на всех этапах истории. В современном обществе всё большее значение приобретает коммуникативный аспект культурных процессов. Размываются национальные границы, ускоряется обмен духовными и материальными ценностями между национальными культурами. Усиление миграционных процессов способствует расширению этнических контактов, идёт активный обмен культурной информацией, происходит естественный процесс проникновения новаций в культуре этноса. Почти вся материальная, а также часть духовной культуры носят интернациональный характер.

Межэтнические отношения – многоликий идеологический и социально-психологический процесс. Его нельзя рассматривать как простое и пассивное созерцание национального бытия других народов. В этих отношениях происходит как бы

«обработка» всеми национальностями каждой национальности в отдельности. Весь накопленный опыт нации выступает исходным пунктом, отправной точкой в понимании инациональных ценностей: языка, быта, традиций других народов.

Тысячелетиями в отношениях между народами правящие элиты провозглашали краткий и жёсткий принцип: «разделяй и властвуй». Этим правилом умело пользовались и правители Древнего Рима, колониальных держав, империй. По сути дела, к этой пресловутой формуле сводились цели, принципы и механизмы политики, применяемой в отношениях между народами.

В зависимости от господствующих в той или иной среде социальных установок, уровня культуры и образования формирование национального самосознания личности может сопровождаться усилением национальных предрассудков, этноцентрических представлений, создающих благоприятную почву для возникновения впоследствии шовинистических и националистических взглядов.

Исследования по данному вопросу приводят к выводу, что формы проявления национализма весьма многообразны. Шовинизм и национализм, ухудшающие межнациональные отношения, особенно сильно проявляются в бытовой сфере. Бытовой шовинизм проявляет себя иногда в форме безобидных шуток о другом народе, анекдотов, высказываний, в прозвищах «нацмены», «чурки», «хохлы», «кацапы» и т.п. Мнимое превосходство губительным образом влияет на этническое самосознание. Так появляются термины «инородец», «мигрант», что может привести, а иногда и приводит к ухудшению межнациональных отношений.

Гармонизация межнациональных отношений достигается за счёт лучших достижений национальной культуры каждого народа. Вбирая в себя богатство национальных форм и красок, она тем самым выражает процесс взаимодействия и сближения национальных культур.

В центре межнациональных отношений должна быть трезвая политика государственных лидеров, толерантность в принятии решений и оценках, а для государственных структур на местах – и развитие этносов, и улучшение межнациональных отношений.

Нормальное межнациональное общение предполагает адекватную самооценку контактирующих сторон. Это становится возможным лишь в том случае, если удовлетворены интересы этносов. Дружба в процессе межнациональных отношений

возникает не из критики партнёра, отношений просителя или подателя, она рождается привлекательным и интересным партнёрством. Это оказывает благотворное влияние на межнациональные отношения. В современных условиях для улучшения межнациональных отношений важно беречь этнические, общероссийские, общечеловеческие традиции, которые становятся незаменимой формой передачи исторического опыта поколений. Здесь важно всё – отношение к языку и к памятникам прошлого, к трактовке исторических событий прошлого, общечеловеческим интересам.

Культура межнациональных отношений – это культура глубочайшего уважения и доверия как между этносами, населяющими национально-территориальные образования, так и между людьми разных национальностей. Формирование культуры межнациональных отношений – сложный процесс, затрагивающий многие стороны производственной, социально-бытовой и духовной жизнедеятельности. Культура межнациональных отношений является проявлением общей культуры общества, культуры взаимодействия этносов и людей разных национальностей во всех сферах жизнедеятельности: экономической, социальной, политической и духовной.

Социальная технология формирования культуры межнациональных отношений есть тип социальной технологии, целью которого является обеспечение достижения взаимоотношения между этносами и личностями на основе норм права и нравственных общечеловеческих норм и принципов. Формирование культуры межнациональных отношений способствует укреплению дружбы народов, общечеловеческому и патриотическому воспитанию, расширению контактов национальных культур, их взаимному обогащению и расцвету.

Таким образом, можно констатировать, что сегодня как никогда ценен уникальный духовный опыт наций, содержащийся в истории мировой культуры в межэтнических отношениях современного общества. Россия – исторически многонациональное государство. Проблема общения этносов в едином государстве была всегда актуальна.

В современной России решение проблем, связанных с культурой общения между этносами, требует постоянных и целенаправленных усилий государства и общества. Культура межэтнических отношений должна формироваться на основе демократических норм, приоритета гражданских прав и свобод человека, гуманистического отношения к человеку

любой национальности, уважение его национальных особенностей, традиций, ценностей культуры; терпимого, тактичного отношения к межнациональным различиям, расхождениям в интересах, взглядах, суждениях; категорического неприятия национальной несправедливости, дискриминации и угнетения.

С учётом реалий современного общественного развития надо признать, что культура межэтнических отношений является продуктом естественно-исторического развития. Конечно, общество или национальная общность стремится сформировать её исходя из определённых целей и задач. При этом большую роль в формировании культуры общения на этническом уровне играют такие факторы, как геополитическое положение страны, национальная и политическая структура общества, характер общественных отношений, национальные и политические традиции, особенности национальной психологии.

Несмотря на свою очевидную актуальность, культура межнационального общения, цивилизационные формы и нормы поведения людей в сфере межнациональных отношений остаются в течение многих лет одной из наименее разработанных проблем национальных отношений. Межэтническое взаимодействие нуждается в социально-культурном, политико-правовом, морально-психологическом регулировании, социальном контроле. Одной из важнейших форм общественного развития, системы в формировании ценностных ориентаций и даже социального контроля за деятельностью личности и общностей в многонациональном, полиэтническом обществе и является культура межэтнических отношений.

В самом начале человеческой цивилизации каждый этнос создавал свою культуру, затем в ходе исторического развития этносы модифицировались, сливаясь или отделяясь от других этносов, аккумулируя их язык, быт, традиции, уклад жизни, способ жизнедеятельности и т. д. То есть национальная культура как локальный феномен находится под влиянием двух тенденций:

- тенденции к открытости, к интернациональной связи и взаимодействию с другими национальными культурами;
- тенденции к изоляции, дистанцирования от других (чужеродных) национальных культур.

Возможности взаимодействия и взаимовлияния этнических культур объективно существуют в самом характере культуры. Важная особенность мировой культуры заключается в том,

что её рост связан и с прогрессом каждой из составляющих её национальных культур, и с усилением их сближения и взаимообогащения. Причём мировая культура не только зависит от культур наций и народов, но, в свою очередь, даёт импульс и направление их развитию.

Именно поликультурное воспитание и образование доказали своё преимущество перед монокультурным образованием и воспитанием. Поликультурная цивилизация и поликультурное воспитание образуют уникальную модель решения политических и социально-экономических проблем на основе культуры мира, кооперации и дружбы. Именно в локальных поликультурных цивилизациях с опорой на поликультурное образование и воспитание разрабатываются правила гуманитарного диалога культур и межнационального взаимодействия, формируется практика и вырабатывается теория культуры межэтнических отношений.

На процесс межэтнических отношений большое влияние оказывают и определённые социально-психологические механизмы, стандарты и атрибуты общения разных народов, которые нельзя игнорировать. Отражая этот момент, нужно отметить, что большое значение здесь могут иметь сложившиеся стереотипы, установки, представления, чувства, выражающие отношение данной личности к себе и другим национальностям. Оно выступает в виде реальных или воображаемых свойств представителей своей и других наций, симпатий и антипатий, дружбы или вражды. В целом эти чувства обусловлены внутренним и внешним положением наций, характером общественных отношений в прошлом и ныне, субъективной оценкой их восприятия, направленностью национальных интересов. История внешних отношений, конфликтов и сотрудничества остаётся в памяти поколений, отражается на национальном характере. Национально-психологические факторы способны выступать в качестве мощного, а в некоторых случаях основного источника вспышек межнациональной розни, оставаясь при этом малопонятным для незнакомого, не включённого в данную ментальность стороннего наблюдателя.

Этнический фактор сам по себе не вызывает к жизни взрывоопасных конфликтов, если многонациональный социум функционирует в здоровых экономических условиях системы общественно-политической демократии. Значение этнических факторов возрастает в неустойчивых, кризисных состояниях

общества, охваченного аномией и глобальными противоречиями, социально-политическими противоборствами.

Отсюда, собственно, и вытекает объективная необходимость высокой культуры межэтнического общения как силы, способной оказывать неоспоримое, облагораживающее гуманистическое воздействие на межэтнические отношения. Можно делать вывод о многофакторности в формировании культуры отношений. Они складываются под влиянием общего климата межэтнических отношений, личного опыта и характера инонациональных контактов, сообщений средств массовой информации, в связи со сложившейся ситуацией в регионе, в зависимости от политических взглядов и убеждений человека. При этом наблюдается устойчивая тенденция снижения национальных симпатий к тем или иным национальностям, которые втянуты в острые межнациональные конфликты, особенно если проливается кровь.

Отсюда следует, что ключевыми факторами утверждения культуры межэтнических отношений в реальной социокультурной практике является моделирование конструктивных форм и принципов межэтнических отношений, культивирование терпимости и благожелательного взаимопонимания как элементарной формы этих отношений, как важной формы социального творчества народов.

Но культура межнационального общения требует внимания и со стороны органов власти, задачей которых является создание оптимальных условий для равноправного межэтнического диалога и мониторинг этого процесса.

Эффективной технологией изучения состояния межэтнических и межконфессиональных отношений (и религиозной ситуации, в общем плане) является этнологический мониторинг [1, с. 5–8]. Он предоставляет широкие возможности для диагностики содержания взаимоотношений народов, этнических групп, национально-культурных организаций. Также этнологический мониторинг при усилении конфликтологического аспекта может быть направлен на выявление детерминант, факторов межэтнических противоречий и определение уровня конфликтности в конкретной ситуации.

Система мониторинга межэтнических отношений и религиозной ситуации позволяет осуществить признание факта межэтнических противоречий и этнических конфликтов как вида социальных противоречий и конфликтов. Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации нацелен

не только на выявление латентных форм противоречий. Он создаёт возможности для конструктивного воздействия на межэтнический или межконфессиональный конфликт в целях снижения уровня конфликтной напряжённости, а также в целях поиска ресурсов урегулирования конфликтных ситуаций, для определения возможности компромисса между конфликтующими сторонами.

Список источников и литературы

1. Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (первое полугодие 2016 года). Экспертный доклад / под общ. ред. академика В. А. Тишкова: научное издание. – Москва – Пятигорск – Ставрополь, 2016.

Канашина О. А. (г. Самара)

Роль средств массовой информации в устранении проблем национальной безопасности

Аннотация. Средства массовой информации являются одним из самых сильных инструментов влияния на психику людей, формирования мировоззрения в современном мире, оказывают воздействие на политическое сознание и поведение населения.

Ключевые слова: СМИ, национальная безопасность, защита информации, информационная безопасность.

The role of the media in addressing national security issues

Abstract. The media are one of the most powerful tools of influence on the psyche of people, formation of world Outlook in the modern world, have an impact on the political consciousness and the conduct of the population.

Keywords: Media, national security, information protection, information security.

Средства массовой информации являются одним из самых сильных инструментов влияния на психику людей, формирования мировоззрения в современном мире, оказывают воздействие на политическое сознание и поведение населения. Они могут стать эффективным инструментом в осуществлении национальной безопасности, равно как в случае противоправного использования способствовать причинению ей ущерба.

Часть 4 ст. 29 Конституции РФ гласит: «Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».

Верно отмечается И. Л. Бачило, Т. А. Поляковой: информационная безопасность осознаётся как социально значимая проблема по мере развития самого общества, смены технологической основы связи, передачи и использования информации [1, с. 66]. «В системе безопасности информационная безопасность есть важная часть международной и государственной (национальной) безопасности» [1, с. 67].

Пункт 30 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации подчёркивает, что система обеспечения информационной безопасности является частью системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Деятельность средств массовой информации регулируется Законом РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», Стратегией развития информационного общества в РФ» (утверждена Президентом от 7 февраля 2008 г. № Пр-212), Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», Указом Президента РФ от 22 мая 2015 г. № 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации», Указом Президента РФ от 17 марта 2008 г. № 351 «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена», Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации

«Информационное общество (2011–2020 годы)», иными нормативными актами.

Вопросам национальной безопасности посвящены Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», Указ Президента РФ от 6 мая 2011 г. № 590 «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента РФ от 14 сентября 1995 г. № 940 «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами – участниками Содружества Независимых Государств» и т. д.

В соответствии со ст. 1 Закона РФ «О средствах массовой информации» под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием).

Под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы.

Под распространением продукции средств массовой информации понимаются продажа, подписка, доставка, раздача периодического печатного издания, аудио- или видеозаписи программы, вещание телеканала, радиоканала (телевизионное вещание, радиовещание), вещание телепрограммы, радиопрограммы в составе соответственно телеканала, радиоканала, демонстрация кинохроникальной программы, предоставление доступа к сетевому изданию, иные способы распространения.

Ст. 3 Закона РФ «О средствах массовой информации» предусматривает запрет цензуры. Цензура массовой информации, то есть требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей. Создание и финансирование организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации, также не допускается.

Важное значение и влияние СМИ на людей опосредованно зафиксировано в ст. 4 названного закона, содержащей запрет использования средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, и материалов, содержащих нецензурную брань.

В статье 59 Закона РФ «О средствах массовой информации» определяется, что злоупотребление свободой массовой информации, выразившееся в нарушении требований статьи 4 настоящего Закона, влечёт уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Среди прочих целей Стратегией развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года называется обеспечение высокого уровня информационной безопасности государства, индустрии и граждан.

В докладе Генеральной Ассамблеи ООН от 16 мая 2011 г. доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет отнесён к базовым (или неотъемлемым) правам человека, ограничение доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет и распространения информации признано нарушением базовых прав человека.

Таким образом, актуальность избранной темы не вызывает сомнений.

В целях обеспечения информационной безопасности Российской Федерации была утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. Согласно которой под информационной сферой понимается совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений.

Подпункт «в» п. 2 Доктрины угрозой информационной безопасности Российской Федерации называет совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере. Информационная безопасность Российской Федерации – состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства.

Указанная Доктрина установила, что различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряжённости, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников. Такими организациями в противоправных целях активно создаются средства деструктивного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры. Возрастают масштабы компьютерной преступности, прежде всего в кредитно-финансовой сфере, увеличивается число преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, при обработке персональных данных с использованием информационных технологий. При этом методы, способы и средства совершения таких преступлений становятся всё изощрённее. Состояние информационной безопасности в области обороны страны характеризуется увеличением масштабов применения отдельными государствами и организациями информационных технологий в военно-политических целях, в том числе для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных на подрыв суверенитета, политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации и её союзников и представляющих угрозу международному миру, глобальной и региональной безопасности.

Очень точно в Доктрине отражено, что состояние информационной безопасности в области науки, технологий и образования

характеризуется недостаточной эффективностью научных исследований, направленных на создание перспективных информационных технологий, низким уровнем внедрения отечественных разработок и недостаточным кадровым обеспечением в области информационной безопасности, а также низкой осведомлённостью граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности. При этом мероприятия по обеспечению безопасности информационной инфраструктуры, включая её целостность, доступность и устойчивое функционирование, с использованием отечественных информационных технологий и отечественной продукции зачастую не имеют комплексной основы.

В целях обеспечения безопасности подключение информационных систем, информационно-телекоммуникационных сетей и средств вычислительной техники, применяемых для хранения, обработки или передачи информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну, либо информации, обладателями которой являются государственные органы и которая содержит сведения, составляющие служебную тайну, к информационно-телекоммуникационным сетям, позволяющим осуществлять передачу информации через государственную границу Российской Федерации, в том числе к международной компьютерной сети Интернет, не допускается. При необходимости возможно подключение только с использованием специально предназначенных для этого средств защиты информации, в том числе шифровальных (криптографических) средств. На это обращено внимание в Указе Президента РФ от 17 марта 2008 г. № 351. Порядок подключения к сети Интернет прописан в Указе Президента РФ от 22 мая 2015 г. № 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации».

Согласно ст. 1360 ГК РФ Правительство Российской Федерации имеет право в интересах обороны и безопасности разрешить использование изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации.

Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» регулирует отношения, связанные с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, в том числе от такой информации, содержащейся в информационной продукции. Ст. 5 названного закона содержит

виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей.

К информационной продукции для детей, не достигших возраста шести лет, ст. 7 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» относит информационную продукцию, содержащую информацию, не причиняющую вреда здоровью и (или) развитию детей (в том числе информационная продукция, содержащая оправданные её жанром и (или) сюжетом эпизодические ненатуралистические изображения или описание физического и (или) психического насилия (за исключением сексуального насилия) при условии торжества добра над злом и выражения сострадания к жертве насилия и (или) осуждения насилия).

В зависимости от достижения возраста (6, 12, 16 лет) закон корректирует виды информации для каждого возрастного периода, учитывая степень зрелости лиц, их способность адекватно оценивать полученную информацию.

Согласно исследованиям В.И. Ролинского «в любой стране, через 10–15 лет после появления на экранах сцен с элементами насилия и агрессивного поведения, уровень преступности возрастает» [2, с. 114].

Психоаналитический подход, представленный З. Фрейдом, утверждает, что всё человеческое поведение происходит прямо или косвенно из Эроса, чья энергия (либидо) направлена на сохранение и воспроизведение жизни, агрессия рассматривается как реакция на блокирование или разрушение либидозных импульсов [3, с. 240] и Танатоса (инстинкта влечения к смерти, направленности энергии на прекращение жизни).

Итак, влияние СМИ настолько велико, что игнорировать это недопустимо, а в некоторых случаях может привести к достаточно серьёзным последствиям.

Список источников и литературы

1. *Бачило И.Л., Полякова Т.А.* На пути к обеспечению информационной безопасности – проблема формирования государственной информационной политики и совершенствования законодательства // Государство и право. 2016. №3. С. 66–77.
2. *Конев А.А., Муравьев В.В.* Преступность молодёжи и рецидив. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003.
3. *Хелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб: Изд-во «Питер», 2001.

Касьянов В. В. (г. Краснодар)

Великая российская революция 1917 г. и русское зарубежье (попытка историко- социологического обобщения)

Аннотация. Статья посвящена влиянию Великой российской революции 1917 года на процесс формирования русской зарубежной диаспоры в странах Западной Европы и Северной Америки. Автор обращает внимание на характер и особенности этого процесса и предлагает попытку историко-социологического обобщения феномена культуры русского зарубежья. Рассматривается вклад представителей русской литературы, философии, музыки, театра, науки в формирование культуры русского зарубежья.

Ключевые слова: революция 1917 г. в России, русская эмиграция, культурный феномен, культурная миссия, интеллигенция, идейное наследие.

The Great Russian Revolution of 1917 and the Russian Abroad (an attempt at a historical-sociological generalization)

Abstract. The article is devoted to the influence of on the process of formation of the Russian foreign diaspora in the countries of Western Europe and North America. The author draws attention to the nature, features of this process, and suggests an attempt at a historico generalization of the phenomenon of Russian culture abroad. The contribution of representatives of Russian literature, philosophy, music, theater, science to the formation of the culture of the Russian emigration is considered.

Keywords: revolution of 1917 in Russia, Russian emigration, cultural phenomenon, cultural mission, intelligentsia, ideological heritage.

Эмиграция из России имеет многовековую историю. Ещё в Киевской Руси и княжествах, её наследниках, как правило, политические страсти приводили к вынужденным переселениям и княжеской верхушки, и зависимых от них народных масс. С образованием единого централизованного Российского государства эмигрантами становились противники самодержавия, личные недруги царей (классический пример – бегство князя Курбского в Польшу из-за несогласия с политикой Ивана Грозного). Спасались в эмиграции от преследований

первопечатник Иван Фёдоров в XVI в., старообрядцы-раскольники в XVII в., казаки-некрасовцы в XVIII в. Но особенно многочисленной стала эмиграция из России в XIX в. Большую часть жизни провели за границей А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин и другие радикально настроенные деятели, боровшиеся с царским самодержавием.

Вместе с тем надо отметить, что эмиграция имела не только политические корни. По экономическим причинам из России в США и Канаду эмигрировали в конце XIX – начале XX в. тысячи безземельных крестьян. Свобода творчества, более развитая демократия в Европе привлекали многих писателей, художников, музыкантов из России (к примеру, большую часть жизни прожил за рубежом И. С. Тургенев).

Социальные катаклизмы начала XX в. в России, особенно Великая российская революция 1917 г., привели к вынужденной эмиграции многих тысяч наших соотечественников. Особенно массовым стал исход россиян из страны в ходе Гражданской войны, а также в первые годы после неё под влиянием диктаторских, насильственных мер большевиков против творческой интеллигенции, специалистов, военных. Таким образом, в конце 1922 г., в момент образования СССР, за его пределами оказалось около 10 млн россиян. Подавляющее большинство из них были представителями дворянства, разночинной интеллигенции, деятелями науки, литературы, искусства. Особо следует сказать о военных, среди которых было много выходцев из казачества и крестьянства. В эмигрантов превратились и русские, проживавшие на бывших ранее в составе России территориях Финляндии, Польши, Прибалтике [1, с. 21].

Постепенно сложились несколько центров русской эмиграции в Европе, Азии и Америке. Главным центром эмиграции в 20–30-е гг. стал Париж, где находилось признанное западными странами русское правительство в изгнании.

Достижения культуры русского зарубежья XX в. основывались на богатой, но противоречивой идейной основе. Важнейшим идейным завоеванием эмиграции стало стремление сохранить и преумножить достижения культуры России. В то время как Россия советская решительно отмежевалась от культуры дворянской и буржуазной, Россия зарубежья по крупицам собирала памятники дореволюционной культуры и сохранила ясность и чистоту русского языка в произведениях литераторов-эмигрантов. Идея сохранения культурного наследия России

в дальнейшем была дополнена положениями патриотизма, гордости за свою Родину, её культуру [2, с. 148].

Общей для эмиграции явилась и идея духовности культуры. Именно этим можно объяснить тот факт, что в зарубежье наибольшее развитие получили литература, искусство, философия. Одновременно деятели культуры – эмигранты (прежде всего философы) обосновали идею защиты свободы и главных ценностей цивилизации, необходимости борьбы с тоталитаризмом. Чудовищное попрание традиционных европейских ценностей национал-социалистами вызывало у них такое же возмущение, как и разрушительная деятельность сталинистов в ходе революции и Гражданской войны в самой России.

Понятие свободы развития культуры (свободы творчества) стало необычайно актуальным для русского зарубежья в послереволюционный период. Стеснённые рамками официальной идеологии в СССР многие писатели, художники, музыканты стали направлять свои произведения для опубликования за рубеж. Возникло даже новое понятие – «зарубежная литература», т.е. литература, созданная на родине, но изданная за рубежом [3, с. 194]. Русская эмиграция, активно помогая выходу в свет подобных произведений, превратилась в проводника русской культуры в мировое сообщество. Без этой новой миссии зарубежной России развитие русской культуры шло бы, на наш взгляд, не так продуктивно.

Идейные искания русской эмиграции на протяжении XX в. были крайне политизированы. Они основывались вначале на неприятии и открытой борьбе с Советской Россией и её культурой, затем на относительном признании достижений СССР, поддержке борьбы советского народа против фашизма, новой критике и сопротивлении сталинско-брежневскому тоталитаризму. Противоречивость и неоднозначность идейного развития культуры русского зарубежья свидетельствуют и о неразрывной её связи с процессами культурного развития внутри СССР. Это действительно два потока одной реки.

Духовная культура русского зарубежья многообразна и чрезвычайно содержательна. Оставаясь многие десятилетия неизвестной на Родине, она сегодня поражает нас обилием направлений, типов, форм, представляет галерею выдающихся учёных, мыслителей, писателей. Попытаемся применить метод историко-социологического обобщения и выделим наиболее ценное среди множества её достижений.

После революции 1917 г. в эмиграции оказались почти все известные русские писатели и поэты (более 50 человек). Возвратились на родину только Алексей Толстой (1923), Максим Горький (1931), Александр Куприн (1937) и Марина Цветаева (1939). Были и обратные примеры – в 1932 году уехал в эмиграцию из СССР Евгений Замятин. Писатели старшего поколения так и не смогли преодолеть горечь расставания с родиной. Но большинство литераторов продолжили свою деятельность и создали целый ряд выдающихся произведений. Наиболее известными в мире стали романы и повести И. С. Шмелёва, И. А. Бунина, Д. С. Мережковского, М. А. Осоргина, М. А. Алданова. Максим Горький написал в эмиграции почти все свои послереволюционные произведения.

Ещё более значимым и весомым был вклад русских поэтов. К середине 20-х гг. в Париже собрались почти все виднейшие русские поэты. «Серебряный век» русской поэзии начала XX в. нашёл своё продолжение не в Советской России, а за рубежом.

Художники слова привыкали к новой жизни трудно и медленно. Подавляющее большинство из них так и не адаптировалось в странах, их приютивших, и остались глубоко русскими. Ряд писателей и поэтов успешно писали и на иностранных языках. Наибольшую известность из них получили В. В. Набоков, Лев Тарасов (писавший под псевдонимом Анри Труайя), Иосиф Кессель. Два последних за свою литературную деятельность удостоились чести быть избранными в члены Французской академии.

Всего в русском зарубежье за 50 лет (с 1920 по 1970 г.) на русском языке вышло около 10 тыс. книг. Произведения писателей имели своего массового читателя через разветвлённую сеть издательств, журналов, газет, библиотек и читален. Однако этот верхний «культурный» слой, оторванный от народной основы, должен был неминуемо подвергнуться эрозии. Зарубежная русская литература была обречена на краткое, по историческим меркам, существование – одно-два поколения [4, с. 385].

Так и произошло в действительности. В 30-е гг. новые поколения эмигрантов начинают диктовать смену настроений в прозе и особенно в поэзии. Возникает так называемая «парижская нота» – период абсолютной свободы и индивидуального своеобразия, оборвавшийся с началом Второй мировой войны [5, с. 234].

Русское зарубежное музыкальное искусство буквально покорило мир. Особенно значимы были произведения композиторов и музыкантов-исполнителей, а оперные, балетные и драматические постановки задавали тон в мировом искусстве. Огромным влиянием на Западе пользовался И. Ф. Стравинский, который в период между двумя мировыми войнами был непререкаемым авторитетом в музыкальном мире. Исключительным успехом пользовались концерты С. В. Рахманинова, который в эмиграции зарекомендовал себя больше как пианист, чем композитор. Зато С. С. Прокофьев именно в эмиграции проявил свой композиторский дар, создав знаменитую оперу «Любовь к трём апельсинам», три балета, две симфонии и другие произведения (в 1933 г. он вернулся на родину). Почти четверть века возглавлял Бостонский симфонический оркестр выдающийся дирижёр С. А. Кусевицкий, основавший знаменитый музыкальный центр в США.

Триумфально выступил за рубежом и Ф. И. Шаляпин, страстно мечтавший вернуться на родину, но не желавший мириться с господством в искусстве чиновников. Успешно выступили с концертами также и другие певцы – А. Вертинский и П. Лещенко.

Музыкальным явлением особого рода стало русское хоровое искусство, завоевавшее признание во всём мире. Несколько десятилетий успешно выступали Хор донских казаков, хоры под руководством С. Жарова и Н. Кострюкова, имени атамана Платова и др. Под влиянием русской хоровой музыки в европейских странах стали создаваться хоры, состоявшие почти целиком из иностранцев, но исполнявшие русскую музыкальную программу.

Особым успехом пользовался за рубежом русский балет. «Русские сезоны» в Европе, организованные С. П. Дягилевым с 1907 г., успешно продолжались, так как большинство артистов не возвратились в Россию. В 1929 г., после смерти С. П. Дягилева, руководителем балетной труппы стал С. М. Лифарь. Многие артисты балета (Павлова, Нижинский, Кшесинская, Коралли, Корсакина и др.) открыли в городах Европы и США балетные школы и студии, в которых искусство русского балета передавалось иностранным ученикам.

В эмиграции оказалась также и большая группа русских актёров и театральных деятелей, которая организовала несколько русских трупп, дававших спектакли по всему миру. Русские

театры были основаны в Париже, Берлине, Лондоне, других городах Европы и на Дальнем Востоке. Из наиболее известных актёров можно назвать имена М. Чехова, И. Моржухина, В. Греча, А. Вырубовой и др.

Большой вклад в русскую и мировую культуру внесли представители изобразительного искусства. После революции за рубежом оказались сотни выдающихся художников, скульпторов, архитекторов. Собрания многих музеев мира содержат сотни тысяч их произведений, представляющих величайшую художественную ценность. Звездой первой величины по праву считается Н. К. Рерих, произведения которого хранятся во многих музеях мира. Огромное значение имела его общественная деятельность. Именно он явился автором проекта международного соглашения об охране памятников культуры во время войны, получившего имя «Пакта Рериха» и благодаря которому англо-американская авиация не тронула в Европе древние соборы во время Второй мировой войны. Ведущим театральным художником в мире несколько десятков лет являлся А. Н. Бенуа.

Особенно большое влияние на западное искусство оказали русские художники-модернисты: В. Кандинский, М. Шагал, А. Ланской, С. Поляков. Значительный вклад внесли русские иллюстраторы в совершенствование искусства оформления книги – И. Билибин, М. Добужинский, С. Жуковский, Л. Зак и др. Все международные выставки и салоны 20–30-х гг. отмечали среди лучших работ произведения русских художников, скульпторов, архитекторов.

Среди эмигрантов послереволюционной поры большую группу составляли русские учёные, представители всех научных направлений. Авторитет эмигрировавших русских учёных в мировом научном сообществе был столь высок, что многие из них стали возглавлять кафедры в западноевропейских университетах, научные лаборатории и отделы в научных учреждениях, обсерваториях, были избраны членами многих академий.

Наиболее крупным научным центром, где работало большое количество русских учёных, был Пастеровский институт в Париже, уже в основании которого в 1888 г. русские принимали активное участие, в том числе и финансовое. Один из отделов в этом институте с 1922 по 1952 г. возглавлял С. Н. Виноградский, создатель новой области в биологии – агробиологии.

Свыше 60 русских профессоров в разные годы читали лекции на различных факультетах и отделениях Парижского университета, а директором Аэродинамического института Парижского университета стал русский учёный Д. П. Рябушинский. Он организовал в Париже Общество охранения русских культурных ценностей за рубежом, которое провело огромную работу по учёту и сбору культурных ценностей, предотвратив тем самым их распыление по различным каналам среди иностранцев.

Во Франции работал также очень значительный отряд русских геологов, которые составили первую в истории геологическую карту Африки, принятую впоследствии в качестве необходимого учебного пособия при изучении геологии во многих странах мира.

За рубежом после революции оказались почти все выдающиеся русские астрономы и авиаконструкторы. Правнук основателя Пулковской обсерватории О. Л. Струве стал директором Национальной радиоастрономической обсерватории США, он же был избран президентом Международного астрологического союза, членом Лондонского королевского общества. 15 лет работал директором обсерватории в Огайо Н. Ф. Бобровников, русские астрономы работали в Парижской, Пражской, Алжирской и других обсерваториях мира. Группа выдающихся русских авиаконструкторов, эмигрировавших из России, содействовала бурному развитию авиастроения в США. Среди выехавших был и родоначальник мирового вертолётостроения И. И. Сикорский, который был избран председателем правления Толстовского фонда, оказывавшего порой значительную материальную поддержку находившимся в затруднительном положении русским деятелям культуры.

В Америке получили известность не только представители технических и естественных наук, но и гуманитарии. Признанным авторитетом в социологии стал П. А. Сорокин, который в СССР был известен не столько своими трудами, сколько благодаря критическому замечанию в его адрес В. И. Ленина. Но в мировой науке не менее известно имя другого русского социолога – Н. С. Тимашева, одного из создателей социологии права.

Общая цифра известных русских научных работников, оказавшихся за рубежом до Второй мировой войны, составляла около тысячи человек, а если учитывать и родившихся за рубежом, то более двух тысяч. В библиографии научных трудов, изданных за рубежом русскими учёными, насчитывается более 13 тыс. работ. О вкладе русских учёных-эмигрантов в мировую

культуру говорит хотя бы такой факт, что трое из них удостоились Нобелевской премии: И. Р. Пригодин в 1977 г. по химии, С. С. Кузнец в 1971 г. и В. В. Леонтьев в 1973 г. по экономике.

Основное внимание русских мыслителей в первые годы эмиграции было обращено на осмысление самого феномена Великой российской революции и её влияния на историческую судьбу России. Большинство из них признавали историческую неизбежность революционного взрыва как следствия своеобразного развития России в последние перед революцией десятилетия и особого умонастроения российской интеллигенции. Но они были категорически против теоретического и нравственного оправдания революционного насилия, преследований деятелей науки, культуры, искусства [6, с. 143].

Список источников и литературы

1. *Костиков В. В.* Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). – М., 1990. С. 21.
2. *Хорос В.* Драма интеллигенции // СССР: демографический диагноз. – М., 1990. С. 148.
3. *Соколов К. Б.* Мифы об интеллигенции и историческая реальность // Русская интеллигенция. История и судьба. – М., 2001. С. 194.
4. *Касьянов В. В.* История культуры. – М., 2016. С. 385.
5. *Жазанов Б.* Русская интеллигенция. История безответной любви // Погружение в трясину. – М., 1991. С. 234.
6. *Касьянов В. В.* Социология культуры. – Москва – Краснодар, 2015. С. 143.

Кислицын С. А., Терентьева М. А. (г. Ростов-на-Дону)

Великая российская февральско-октябрьская революция 1917 г. и «цветная революция» на Украине 2014 г.: общее и особенное

Аннотация. Сравнение российской революции 1917 и украинской революции достоинства 2014 г. имеет как политическую, так и научную актуальность. Обе революции объединяет то обстоятельство, что они положили начало последовательной экстремизации возникших политических режимов. На Украине складывается «украинская модель неофашизма», в которой прослеживается воинствующий шовинизм, антикоммунизм, антисемитизм. Базовой платформой победившей в ходе Октябрьского

этапа революции 1917 г. партии большевиков был интернационализм, а последовавшая Гражданская война носила в основном классовый характер.

Ключевые слова: революция, политический режим, фашизм, экстремизм.

The Great Russian February-October Revolution of 1917 and the «color revolution» in Ukraine in 2014: general and special

Abstract. Compare the Russian revolution of 1917 and the Ukrainian revolution of dignity 2014 has both political and scientific relevance. Both revolutions have in common is the fact that they laid the Foundation for consistent extremist resulting political regimes. In Ukraine develops «the model of neo-fascism», which can be traced bellicose chauvinism, anti-communism and anti-Semitism. The underlying platform of the victorious during the October phase of the revolution of 1917 the Bolshevik party was internationalism and the ensuing civil war was mainly a class character.

Keywords: revolution, the political regime, fascism, extremism.

Украинская пропаганда усиленно провозглашает тезис о народном революционном характере движения конца 2013 – начала 2014 г. на Украине, именуя его революцией «достоинства». При этом она противопоставляет ее «антинародной» Октябрьской революции 1917 г., якобы сделанной на немецкие деньги. Это сюжет интересен не только в силу политической актуальности, но и по причине 100-летнего юбилея Великой российской революции 1917 г. Провести прямые аналогии или противопоставления между двумя разновременными революциями весьма сложно, так как российская революция носила ярко выраженный широкосоциальный и антивоенный характер, а украинская реформа формулировала националистические, антироссийские, антирежимные узкосоциальные антикоррупционные цели.

Однако можно выявить и общие черты. Революционные процессы всегда имеют в своей основе объективные и субъективные причины, мощные предпосылки и сильных лидеров. В России были социально-экономические противоречия, неспособность самодержавного режима вывести страну из перманентного политического кризиса, непрекращающаяся война, наконец, сильная антиправительственная пропаганда оппозиционных сил. На Украине – это тяжёлые последствия от разрушения советского

народнохозяйственного комплекса, социальные противоречия, развёртывание гражданской войны, неспособность правительства вывести страну из кризиса, антиправительственная пропаганда оппозиции. То есть везде налицо классические признаки революционной ситуации («верхи не могут», «низы не хотят», крайнее обострение противоречий). В России Временное правительство после ликвидации монархической системы не смогло создать новую полноценную вертикаль власти и допустило двоевластие. Было отменено единоначалие в армии, и воинские части впоследствии перешли на сторону большевиков... В деревнях шли самозахваты земель, в городах – забастовки, по всей стране – рост альтернативной власти – советов.

На Украине после «оранжевой революции» 2014 г. (в какой-то степени аналог Февральской революции) и победы на выборах В. Ющенко начался этап роста антиэтатистских настроений, развернулась пропаганда национализма, началась подготовка отрядов штурмовиков. В зиму 2013/14 г. победила своя «Октябрьская» революция – мятежный Евромайдан. Но в отличие от России здесь не произошло ликвидации буржуазии. Во главе страны был поставлен один из финансистов майдана олигарх П. Порошенко. Система собственности осталась без изменений, а страна – без новой социальной политики, которую жаждала основная масса протестующих. В стране началась героизация бандеровцев, дискриминация русского языка и культуры, преследование инакомыслящих. Три русских региона Украины (Крым, Донецк, Луганск) зафиксировали колоссальную опасность для своего будущего при утверждении нацизма, и последовавшие события на Донбассе это подтвердили. Но можно увидеть общий момент революций в том, что «цветной переворот» на Украине 2014 г., как Октябрьский переворот, положил начало последовательной экстремизации новых политических режимов. Новый политический режим в Киеве официально позиционировал себя как демократический, рыночный, европейски ориентированный и т. п. Однако запрет комдвижения Украины как феномена, ликвидация антирежимной политической оппозиции, запрет ряда СМИ, в том числе российских ТВ-каналов, монополия официальной идеологии, террористические методы давления, запрет антисистемной оппозиции, всеобщий контроль над СМИ, милитаризация всех сфер общества, агрессия против непокорных регионов, приход к власти военизированным путём или путём давления идеологизированных масс – всё это классические признаки тоталитарного режима фашистского типа.

На Украине развернулся процесс официального оправдания преступлений дивизии СС «Галичина» и бандеровцев в годы Великой Отечественной войны, таких как «волынская резня», «Бабий Яр», «Хатынь» и др. Батальоны с фашистской символикой «Азов», «Айдар» и т. п. осуществляют террор на Донбассе на грани геноцида, убиты журналисты А. Бузина и П. Шеремет. Развернута война государственной элиты с русскими контрэлитами на Донбассе и т. д. На наш взгляд, налицо факты политического господства, характеризующиеся подчинением общества, его экономической, социальной и духовной жизни государственной власти, организованной в военно-бюрократический аппарат во главе с авторитарным лидером.

Ситуация на Украине в определённых моментах напоминает положение в Веймарской Германии 1920-х гг. Тогда эта страна сотрясалась стачками, беспорядками, путчами, террористическими актами, связанными с резкой поляризацией социально-политических сил, от крайне правых во главе с фашистской НСДАП до левых во главе с Компартией. В книге А. Гитлера «Майн Кампф» утверждалось, что во всех бедах виноваты малые этнические группы. В дальнейшем была развёрнута политика геноцида по отношению к евреям, цыганам и славянам. Подобная ситуация сейчас наблюдается на Украине вплоть до демонстрации бандеровцев под лозунгом «юде геть». Президент Израиля Р. Ривлин в выступлении в Верховной раде 27 сентября 2016 г. указал, что украинские националисты были во время Второй мировой войны активными пособниками преступлений гитлеровцев против евреев. Между тем в русской революции выходцы из еврейских масс занимали видное место в среде большевиков, достаточно вспомнить Троцкого, Зиновьева, Каменева, Ягоду, Трилинсера и др.

На Украине обозначилась «украинская модель неофашизма», в которой прослеживается базовая парадигма фашизма – воинствующий шовинизм, антикоммунизм, антисемитизм. В стране идёт настоящая популяризация «классического» фашизма. Издательство «Фолио» издало дневники Й. Геббельса на украинском языке. ТВ объясняет, что в Донбассе и Запорожье у людей нет никакой украинской генетики, так как эти места были заселены искусственно во времена СССР. Применённый министром термин «генетическая чистота» явно отдаёт нацизмом и расизмом. П. Порошенко поставил задачу образования «политической нации» в многонациональной республике на основе украинской этнической идентичности.

Всё это произошло потому, что политическая система Украинской республики не опиралась на имперский опыт развития. Продекларированные свободы и права при отсутствии политических идеалов совместного общежития народов создали необходимые условия для шовинистической и русофобской пропаганды. Была легализована деятельность националистических партий и экстремистских организаций, разжигающих межнациональную рознь, антисемитизм и русофобию, что обеспечило благоприятные возможности для их вхождения в легальную общественно-политическую систему.

Базовой платформой победившей в ходе Октябрьского этапа революции партии большевиков был интернационализм, Гражданская война носила исключительно классовый характер. Большевики не призывали на помощь иностранных разведки и министерства иностранных дел, международных и местных олигархов, откровенных бандитов. В научной исторической литературе доказано, что большевики не брали деньги германского генштаба для революции (В. Старцев). В отличие от переворота большевиков евромайданный переворот опирался в основном на деньги украинских олигархов при незначительном вкладе гражданского общества. Не случайно заметным явлением политической жизни Украины стало последующее противостояние олигархов и националистов. В прессе отмечается, что возросла роль олигархов Р. Ахметова, Д. Фирташа, В. Пинчука и др. В феврале 2016 г П. Порошенко победил в конфликте с А. Яценюком и назначил премьером правительства В. Гройсмана, который, несмотря на антисемитизм неонацистов, морально их защищал. В последнее время резко возросла роль бандеровских радикалов, которые принудили Порошенко пойти на блокаду Донбасса и др. провокационные экстремистские действия.

Таким образом, главное отличие революций друг от друга заключается в том, что в результате «цветного переворота» на Украине в отличие от России сформировалось не народное леворадикальное правительство, которое реально стремилось выполнять социальные обещания, а правоэкстремистский олигархическо-охлократический режим, развивающийся в сторону «обыкновенного фашизма».

Список источников и литературы

1. *Армстронг Дж.* Истоки самостийного нацизма. К чему пришла Украина в XXI веке. Перевод с англ. М., 2014.

2. *Ищенко Р.* Особенности украинского политического режима// <http://ukraina.ru/analytics/20140721/1009876002.html> ;
3. *Кислицын С. А.* Политическое значение деятельности гражданского общества Севастополя и Крыма в период борьбы за реинтеграцию Крымской автономной республики в Российскую Федерацию. // *Власть*. 2016. № 8. С. 48–54.
4. *Кислицын С. А., Петрова С. В., Репинская О.* Проблемы прикладной геополитики Евразии. М.: URSS, 2016.
5. *Маммадов М.* Особенности модернизации постсоветских политических режимов. *Обозреватель Observer* // 2017. № 1. С. 5–32.
6. *Российская историческая политология / Отв. ред. С. А. Кислицын.* Ростов н/Д, 1998.
7. *Цыганков А. П.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М.: Интерпракс, 1995.

Костылев А. Н. (г. Краснодар)

Массмедиа в современной России и их влияние на общество

Аннотация. Прошедшие по всей России весной 26 марта 2017 года акции сторонников оппозиционера Алексея Навального выявили недостатки в системе противодействия информационным атакам против государства. Часть молодого поколения, по всей видимости, не доверяет официальным СМИ. И в этом есть вина различных сил, включая и самих журналистов.

Ключевые слова: СМИ, журналистика, пропаганда, информационные угрозы.

Mass Media in Modern Russia and Their Impact on Society

Abstract. Rallies of oppositionist Alexei Navalny's supporters that happened in the spring of 2017 showed the flaws in the system to counteract information attacks against the state. Apparently part of the young generation does not trust the official media. There is a guilt of different forces including the journalists.

Keywords: Media, journalism, propaganda, information threats.

Средства массовой информации, особенно в регионах, всё больше подвергаются поляризации. С одной стороны расслоения оказываются провластные официозные СМИ, с другой – либерально-ориентированные. При этом первые нередко показывают отсутствие контакта с реальной «повесткой» в обществе, давая свою «картинку». Вторые же, наоборот, всячески стремятся

поймать сигналы о запросах общества и устраивают гонку за высокими рейтингами.

Как было отмечено, это касается прежде всего регионов, поскольку федеральные масс-медиа оказываются более мобильны, стремясь учитывать интересы аудитории, но при этом донося и меседжи власти.

Впрочем, и информационная политика федеральных ТВ-каналов вызывает вопросы. Особенно если речь идёт о так называемых «независимых». Возьмём «Каникулы в Мексике» – ТВ-шоу канала MTV, в котором девочек учили, что за каникулы нужно «переспать» хотя бы с шестью разными мальчиками, и тогда они будут успешными. Это что, психически естественная для девочки модель поведения? Или же всё-таки вирус маргинального извращения, запускаемый через симпатичных героинь шоу? Про известный всем «Дом-2» на ТНТ мы просто умолчим...

А вот пример уже политический от региональных СМИ: в Краснодарском крае в преддверии акций протеста сторонников Навального два «независимых» интернет-портала выдали анонимные высказывания школьников, которые презрительно говорили о власти, выражали протест государственной системе. При этом никаких данных о том, сколько всего было опрошено школьников и какой в итоге процент от общего числа молодёжи могут занимать ребята с такими воззрениями, никто, конечно, не потрудился дать. Можно было просто обозначить в статье, что, например, авторы не имеют данных социологических опросов, насколько такие взгляды распространены. Не были поданы и реплики ребят с другим отношением. В итоге, по сути, материал превратился в пропаганду протеста.

Конечно, найдутся те, кто скажет, что современные СМИ показывают жизнь такой, «какая она есть, без прикрас». Но, на наш взгляд, эта точка зрения внушённая. Давайте присмотримся к тому, чем «накачивают» людей.

С помощью применения эффективных технологий в нашу культуру запущены противоестественные для неё информационные вирусы, которые люди начинают воспринимать как что-то «естественное», как «правду жизни». Причина такой «эффективности» масс-медиа – в коллективном бессознательном: большинству людей невозможно представить, чтобы всё общество было не право. Раз оно смотрит всякую дрянь «по телику», то значит, это уже и не дрянь вовсе, а «правда жизни». А если молодёжь в статье наповал говорит о своём недовольстве

властью, то значит, таковы «суровые реалии». Именно на это и делается расчёт.

Однако, если те же СМИ будут показывать, причём так же со вкусом, красиво и, главное, регулярно, как люди делают естественные для здоровой души поступки: помогают другим, преодолевают противоречия на пути к гармоничной семейной жизни, творчески общаются со своими детьми, объединяются в общественные инициативы и т. д., то же самое коллективное бессознательное поможет миллионам людей пробудиться к нормальной, а затем и осознанной жизни. Как говорится, одну колючку вытаскивают другой колючкой. Главное – подавать это интересно.

То, что нравственные и политические спекуляции получают высокие рейтинги от миллионов наших соотечественников, ставших типичными потребителями по своему поведению, и даёт сверхприбыли владельцам СМИ на разжигании человеческой порочности, требует реакции от власти и общества. Потребительское мышление – это зависимое наркотическое состояние психики, когда людям уже трудно что-то изменить, даже когда они желают этого. Их совесть вроде бы и с Богом, но вкус жизни – уже в лёгких деньгах и удовольствиях. Они не могут сами пробудиться к здоровой жизни, без вмешательства со стороны.

Другой вариант информационного вируса – это негативные слова-клише в СМИ. Даже религиозные деятели не брезгают использовать этот вирус (например, клише «секта») в адрес иных религий. Во многих случаях люди используют негативные ярлыки, будучи уверенными в своих благих намерениях, но по факту их действия порождают болезнь отчуждения в обществе, нежелание понимать других людей, кто они на самом деле. Подсознательная реакция человека на любой односторонний негатив (без открытого, честного и уважительного диалога) такова, что происходит перенос негатива в форме тонкого недоверия (апатии) на всё окружающее. То есть каждое негативное чувство (неважно к кому), которое человек пропустил в своё сознание, является третиной в его общественно-биологическом восприятии. Заповедь «не судите да не судимы будете!» дана ведь именно на эту тему.

Негативные клише расчлняют любую общность, но есть и другие – позитивные клише, которые используются для пробуждения в людях безотчётной веры в какие-то «обломки» от общества (на этом принципе построена реклама). Позитивными клише создаются кумиры и «бренды».

Одно из предназначений духовной культуры взаимоотношений – обучать людей способности видеть позитивные и негативные установки, нацеленные на подсознательное восприятие, и либо игнорировать их, либо проверять (если тема важная). Но не запускать слепо в свою душу. Пространство отношений настолько засорено информационной «пальбой» со всех сторон, что без хорошей «антивирусной программы» в разуме просто не обойтись...

Не хочется пугать ранимых демократов, но в обществе придётся перекрыть канал оболванивания населения с помощью общественной цензуры. И никакое это не «нарушение прав человека», напротив, это исполнение главной обязанности перед человеком, ведь до тех пор, пока человек духовно не самоактуализирован, он просто не способен прочно держаться в стороне от информационной помойки.

Обратите внимание, что даже в США, на которые часть либералов смотрит как на идеал демократии (хотя сейчас может это число уменьшилось с приходом к власти Трампа), даже там ещё в период Великой депрессии для противодействия разложению общества был принят Кодекс Хейса. В нём, например, запрещалось показывать обнажённую грудь, поверженную законность, употребление алкоголя, наркотиков, табака и прочее. Позже, правда, кинокомпании отказались от него, но своё дело в подъёме общественного сознания и экономики Кодекс сыграл.

Однако, чтобы не ударяться в другую крайность – идейную автократию, уполномоченные обществом заниматься цензурой должны выходить на личные отношения с журналистами, владельцами СМИ, деятелями культуры и науки, чтобы не действовать с позиции «всезнающих и заранее правых», а так, чтобы творческие люди чувствовали свою востребованность в деле духовного возрождения общества. Самым талантливым художникам, писателям и музыкантам вряд ли нужно будет вообще что-то менять: обычно люди такого уровня и так не склонны изображать что-то низменное.

И создавать неформальные площадки нужно не только на федеральном уровне, но и прежде всего в регионах, где, к сожалению, чиновники зачастую весьма забюрократизированы.

В предыдущем сборнике Адлерских чтений нами была представлена классификация из 5 парадигм. Вернее, их следовало бы назвать социокодами. Эти коды влияния – определённые подсознательные вкусы, модели счастья. Идентифицировать комбинацию своих социокодов, не говоря уже о том,

чтобы изменить её, невозможно без соприкосновения с живыми носителями иных вкусов. Эти коды-вкусы являются пищей разума, т. е. они формируют наши познавательные возможности. Поэтому для понимания духовных тем имеет большое значение соприкосновение с динамичной эмоциональной энергией духовных людей во взаимоотношениях с ними и в их творчестве.

Искусство является носителем познания первого типа, формируя Ребёнка в каждом из нас. Ребёнок – это индивидуалист, сосредоточенный на своих желаниях, но либо восторженный, открывающий мир и возможности своей актуализации в нём, либо вздорный и жестокий. В первом случае индивидуалистический код находится под влиянием сверхсоциального, а во втором – социопатического начала. В целом для применения этого знания на практике следует учиться различать комбинации хотя бы трёх кодов: основного, образующего мотивацию человека, дополнительного, определяющего его внешний статус, и третьего, задающего тенденции развития.

Например, дополнительный код может быть биосоциальным (семейный человек), основной – индивидуалистическим (вздорный характер, потребительство в отношениях), но при этом если человек начинает общаться с носителями идейно-религиозного кода, то в характере его постепенно появляется потребность в бескорыстии. Правда, если этот код не связан со сверхсоциальным, то возникнет другая проблема – фанатизм. Когда знание подменяется информацией (представлениями), то человеческий ум просто обретает новые ярлыки: «этот маргинал, тот – семейный, а этот – идейный» и т. п. Истинное же знание позволяет видеть, какие силы действуют на людей, и помочь себе и другим идти по пути пробуждения духа.

Вот эти последние пояснения имеют важную роль в налаживании контакта с творческими личностями, которые и создают, наполняют СМИ современной России.

Кудрявцев А. А. (г. Ставрополь)

Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в период 1917–2017 гг.

Аннотация. Революционные события 1917–1920 гг., приведшие к крушению Российской империи, сопровождались активным ростом центробежных тенденций на Северном Кавказе,

где национальные элиты предпринимали попытки создать национальные государства. В противовес им Советское государство в 1920 году преступило к национально-государственному строительству на Северном Кавказе, создавая здесь горские автономии. Наиболее эффективным административно-территориальным объединением в регионе стал образованный в 1924 году Северо-Кавказский край, куда вошли Ростовская и Кубано-Черноморская области, Ставропольская и Терская губернии, а также горские автономные области Северного Кавказа.

Ключевые слова: национальная автономия, самоопределение наций, декрет, панисламизм, полиэтничность.

Historical experience of national-state construction in the North Caucasus in the period 1917–2017

Abstract. The Revolutionary events of 1917-20 that led to the collapse of the Russian Empire, was accompanied by active growth of centrifugal tendencies in the North Caucasus, where national elites attempted to create a national state. In contrast the Soviet state in 1920, started the national-state construction on Northern Caucasus, creating here highland autonomy. The most effective administrative-territorial Association in the region was formed in 1924, the North Caucasus region, which includes Rostov and Kuban-black sea oblast, Stavropol and Terek province, and Gorskaya Autonomous region of the North Caucasus.

Keywords: national autonomy, national self-determination, decree, pan-Islamism and multi-ethnicity.

Развал огромной Российской империи в результате глобальных революционных потрясений 1917 года и губительные последствия ожесточённой Гражданской войны привели к активному росту центробежных устремлений на неё в национальных окраинах, в том числе и на Северном Кавказе.

Первый опыт национального переустройства народам Северного Кавказа принесла уже Февральская революция с её лозунгами и призывами к «свободе, равенству, братству».

Северокавказская элита и горская интеллигенция приняли активное участие в создании национальных движений и союзов, которые стали формировать координационные комитеты, включавшие в свой состав практически все основные этносы Северного Кавказа.

Первый объединённый национальный комитет был создан на собравшемся в мае 1917 года съезде Союза объединённых

горцев Северного Кавказа и Дагестана, где представители северокавказских народов избрали Временный центральный комитет объединённых горцев. Он должен был объединять усилия национальных движений региона, ставивших своей основной целью создание в новой демократической России Горской национально-государственной автономии.

Стремительно нарастающий в России хаос и слабость центрального правительства в Петрограде способствовали консолидации всех политических сил и авторитетных горских элит Северного Кавказа, заинтересованных в сохранении стабильности в регионе. Здесь появилось межнациональное северокавказское объединение, которым выступил Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, провозглашённый 20 октября 1917 года во Владикавказе лидерами Союза объединённых горцев и атаманами казаков Юга России, как главный региональный орган, регулирующий формирование конфедерации национально-государственных автономий и решающий проблемы взаимодействия и консолидации казачьих и горских верхов. Появление Советского государства и начавшаяся Гражданская война не позволили Юго-Восточному союзу приступить к реализации намеченных планов.

Однако наряду с подобным позитивным опытом консолидации предпринимались попытки создать национально-государственное объединение на основе панисламистской идеологии.

Инициатором этой идеи выступили некоторые радикальные члены Союза объединённых горцев, которые в Батуми в мае 1918 года провозгласили создание протурецкой Горской республики. В состав её должны были войти Дагестан и горские территории Терека, Ставрополя, Кубани, Причерноморья. Но фактически эта идея была реализована лишь в отдельных районах Дагестана, где с сентября 1918 г. по май 1919 г. существовал Северокавказский эмират.

Руководство Белого движения на Юге России, учитывая эту тенденцию, пыталось использовать северокавказских мусульман в борьбе с большевиками. В сентябре 1918 г. в Ростове был создан Мусульманский центр юго-востока России, проводивший агитационную работу с мусульманским населением Северного Кавказа и стремившийся использовать исламских лидеров в войне против советской власти в регионе.

В свою очередь большевики с первых дней прихода к власти активно стремились использовать «исламский фактор» в своей

национальной политике, и декретом СНК от 23 января 1918 г., с целью более широкой «реализации интересов мусульманского населения России», в структуре Наркомнаца был создан Центральный мусульманский комиссариат, филиалы которого появились во всех крупных российских центрах компактного проживания мусульман. Придавая большое значение Северо-Кавказскому региону, в дополнение к уже существующему Центральному мусульманскому комиссариату, при Наркомнаце в апреле 1918 года был открыт Отдел горцев Кавказа, деятельность которого, в связи с обострением борьбы с белыми на Северном Кавказе, была перенесена в Астрахань, находившуюся в руках большевиков.

Попытки создать административно-территориальные государственные объединения по этническому принципу предпринимались на территориях Северного Кавказа с русским населением – на Дону, Кубани, Ставрополье.

Здесь вскоре после установления советской власти, в июле 1918 года, Ставропольская губерния, Терская и Кубано-Черноморская республики объединились и провозгласили создание Северо-Кавказской советской республики [1, с. 434]. Однако успешное наступление Белой армии на Северном Кавказе не позволило реализовать задуманные планы и приступить к государственному строительству. После завершения Гражданской войны республика в подобном национально-территориальном формате не восстановилась.

События этого периода на Северном Кавказе показали, что лозунг большевиков о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и выхода из состава РСФСР, сформулированный В. И. Лениным (январь 1918 г.) в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, полностью вошедший в первую советскую Конституцию 1918 года, не был реализован в данном виде на практике.

События Гражданской войны показали, что значительная часть северокавказской интеллигенции, светской и религиозной элиты выступали за национально-государственное и территориальное самоопределение, которое в своей основе нередко несло скрытые или явные идеи панисламизма и противоречило большевистским планам создания горских автономий на Северном Кавказе.

Большевики считали необходимым решать проблемы национально-государственного строительства с позиций классового и национального подхода, когда вопрос о самоопределении нации должны решать её трудящиеся массы.

1920 год ознаменовался широким созданием национальных автономий, которую получили киргизы, казахи, калмыки, карелы, мари, татары, удмурты, чувашаи и др., а в 1921 г. – народы Северного Кавказа, воспринявшие их создание, как более равноправную систему взаимоотношения Центра со своими национальными субъектами.

В сентябре 1920 г. руководство партии направило наркома по делам национальностей И.В. Сталина на Кавказ с целью разобраться с тяжёлой обстановкой, сложившейся в Баку и на Северном Кавказе, где большевики в значительной мере утратили контроль над этим важнейшим геополитическим регионом. В этот период рождается концепция о первых северокавказских автономиях и очертание их моделей. И.В. Сталин 14 сентября сообщает руководству страны о необходимости срочного решения национального вопроса: «горцев придётся объединить в одну административную единицу в виде Терской республики» [2, л. 12]. При этом он отмечает, что «сожительство казаков и горцев в одной административной единице оказалось вредным и опасным» [3, л. 3–4]. Уже 15 ноября И.В. Сталин телеграфирует В.И. Ленину о том, что 13 ноября «был в Темир-Хан-Шуре на народном съезде Дагестана. Объявил автономию. Настроение бесспорно стойкое, благоприятное. Завтра будет проделано то же самое на народном съезде горцев Кавказа во Владикавказе» [4, л. 47].

20 января 1921 г. ВЦИК республики принял декрет об автономиях, а 5 февраля утвердил полномочия специальной комиссии по федеративному устройству РСФСР. Сразу после подписания декрета ВЦИК о создании на Северном Кавказе двух автономных республик – Дагестанской АССР и Горской АССР – в руководстве последней автономии возникли серьёзные противоречия, обусловленные целым рядом этнополитических, экономических и даже религиозных причин.

Уже через несколько месяцев после её создания, в мае 1921 г., местный окружком партии, а затем в июле Кавказское бюро ЦК РКП(б) поставили вопрос о выходе Кабарды, а затем и Карачая из ГАССР и вхождение их напрямую в состав РСФСР на правах автономных областей. 1 сентября 1921 г. ВЦИК постановил образовать Кабардинскую АО, а 16 января 1922 г. была создана Кабардино-Балкарская АО, чуть раньше возникла Карачаево-Черкесская АО, образованная декретом ВЦИК от 12 января 1922 года. Позднее, 27 июля и 30 ноября 1922 года, были образованы соответственно Черкесская (Адыгейская) АО

и Чеченская АО, первая из которых 24 августа 1922 г. переименована в Адыгейскую (Черкесскую) АО. Наиболее важным и острым вопросом в формировании национальной политики автономий являлись их отношения с центральной властью и объём полномочий, которые последняя делегировала на места, т. е. исполнительной и законодательной властям автономий. Декретами ВЦИК и СНК РСФСР сфера полномочий и прав национальных автономий была ограничена проблемами культуры, образования, здравоохранения, традиционного (адатов) и религиозного (шариата) права в местном законодательстве на территориях с мусульманским населением.

В 1920–1922 гг. шариатские суды на Северном Кавказе находились даже на государственном финансировании, но затем, в августе 1922 г., Горский ЦИК издал постановление об их упразднении для создания в правовой системе «единообразия судебных форм».

Появление в национальных автономиях своей административно-партийной системы и управленческого аппарата, который напрямую не подчинялся центральным отраслевым наркоматам и ведомствам, значительно усложняло управление автономиями и позволяло национальным областям дискутировать по поводу тех или иных указаний Центра или интерпретировать их по-своему.

Широкая автономизация этих национальных субъектов и стремление их выйти из состава Горской АССР поставили перед Центром новую сложную задачу по национальному объединению Северного Кавказа и созданию новой, более адекватной северокавказской национально-государственной структуры, которая могла бы реально проводить политику советской власти на местах и успешно руководить процессом национально-государственного строительства на Северном Кавказе.

Подобной национально-государственной структурой в составе РСФСР стал Северо-Кавказский край с центром в г. Ростове-на-Дону, образованный 16 октября 1924 г. Несколько ранее был трансформирован ряд административно-территориальных субъектов Северного Кавказа, вошедших в состав края: 13 февраля 1924 года была образована Юго-Восточная область, которая объединила Донскую и Кубано-Черноморскую области, Ставропольскую и Терскую губернии, Адыгейскую (Черкесскую) автономную область, а 7 июля 1924 г. были образованы Северо-Осетинская АО (из Осетинского национального округа Горской АССР) и Ингушская АО (из ИНО Горской АССР), которые также

вошли в состав края. В процессе формирования Северо-Кавказского края была ликвидирована Горская АССР (20 января 1921 года – 7 ноября 1924 года), автономные области и округа которой вошли в состав края.

После вхождения в Северо-Кавказский край субъекты упразднённой Юго-Восточной области были преобразованы в округа, разделённые в пределах своих территориальных границ на районы.

Дальнейшее социально-экономическое, политическое, этнокультурное развитие всех народов, населяющих территории Северного Кавказа, показало, что созданное в 1924 г. административно-территориальное объединение в составе РСФСР являлось одной из удачных моделей советского национально-государственного строительства, сумевшей решать поставленные руководством страны задачи. Северо-Кавказский край, с некоторыми административно-территориальными изменениями границ его субъектов и корректировкой статуса ряда национальных автономий, входящих в состав края, функционировал на протяжении 10 лет, с 16 октября 1924 г. по 10 января 1934 г. Достиженные успехи в социалистическом строительстве и национальных отношениях на Северном Кавказе позволили трансформировать структуру Северо-Кавказского края, и он был разделён на два крупных субъекта РСФСР: Азово-Черноморский край с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край с центром в Пятигорске. В состав Северо-Кавказского края вошли: Дагестанская АССР, пять автономных областей – это Кабардино-Балкарская, Карачаевская, Северо-Осетинская, Черкесская, Чечено-Ингушская и 17 районов бывших Ставропольского и Терского округов, а также города Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Кисловодск, Ставрополь, переименованный в апреле 1935 года по январю 1943 года в город Ворошиловск.

Дальнейшие успехи Советского Союза в построении социалистического общества характеризовались большими достижениями в индустриализации и коллективизации страны, впечатляющими успехами в сфере образования, культуры, науки, национальных отношений, что нашло отражение в Конституции СССР 1936 года (т.н. Сталинской). В вопросах национально-государственного строительства она закрепляла права автономии на значительную свободу в развитии национальной культуры, образования, науки, что позволило Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушский АО преобразоваться в АССР и 15 декабря 1936 г., вместе

с Дагестанской АССР, выйти из состава Северо-Кавказского края, с непосредственным подчинением этих автономных республик РСФСР.

Богатый исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе широко используется Российской Федерацией. В трудные для России годы конца XX – начала XXI в., ознаменовавшиеся политическим и социально-экономическим хаосом, катастрофическим падением производства и всплеском национализма, с губительным для целостности страны «парадом суверенитетов», именно накопленный исторический опыт был использован для создания на Северном Кавказе Южного федерального округа, разделенного позднее на Южный и Северо-Кавказский. Почти вековой исторический опыт строительства национальных отношений на Северном Кавказе, несомненно, будет востребован для устойчивого развития Российской Федерации.

Список источников и литературы

1. Энциклопедический словарь Ставропольского края. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – 458 с.
2. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 1522. Л. 12.
3. Там же. Л. 3–4.
4. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 132. Д. 8. Л. 47.

Кузина С. И. (г. Ростов-на-Дону)

Государственный суверенитет России в условиях поствестфальской системы

Аннотация. В статье рассматриваются современные процессы взаимоотношений национальных государств в контексте соблюдения принципа Вестфальской системы невмешательства во внутренние дела государств. Пересмотр и нарушение данного принципа получило название поствестфальской мировой системы.

Ключевые слова: Вестфальская система, национальное государство, поствестфальская мировая система, государственный суверенитет.

State sovereignty of Russia in conditions of post-Westphalian system

Abstract. The article considers modern processes of mutual relations of national States in the context of the observance of the principle of the Westphalian system of non-interference in the

internal Affairs of States. Revision and a violation of this principle has received the name postwestphalian world system.

Keywords: Westphalian system, the nation-state, postwestphalian world system, state sovereignty.

Вестфальская система – это международная система национальных государств, начало формирования которой относят к XIV–XV векам, и вызванная, прежде всего, распадом мировых империй, таких как Священная Римская империя германской нации. На обломках этой империи стали создаваться такие национальные государства, как Англия, Франция, Швеция и др. Просуществовав почти четыре века, в настоящее время принципы Вестфальской системы стали подвергаться пересмотру со стороны ведущих держав, настаивающих на необходимости ограничения суверенитета национальных государств и праве вмешательства во внутренние дела других стран. Кризисная ситуация в системе международных отношений получила название поствестфальского мира.

Национальное государство в исторических масштабах явление недавнее, посему тема нации и национального государства как феноменов, находящихся в «текущем» и многовидовом состоянии, продолжает оставаться объектом для научных изысканий. Положение таково, что сложной задачей является найти чёткие критерии для отличия нации от других сообществ, существовавших и существующих в истории. Э. Хобсбаум соотносит построение нации с появлением государства как такового с современной точки зрения [1]. Население стран Европейского континента привлекло внимание своих властей где-то в XIX столетии: тогда впервые стали проводиться переписи населения, открываться детские образовательные учреждения, осуществляться призыв в армию. Раньше этим занималась церковь или община. Появилась необходимость связи граждан с правительством, для чего понадобился общий (национальный, государственный) язык. Так как традиционные способы властей легитимизироваться через династические права и Божью волю после европейских революционных потрясений и религиозных войн оказались серьёзно ослабленными, назрела необходимость в новой, общегражданской идее, объединяющей население в единый народ, т.е. нацию. Так появилась идеология национализма, открывавшая возможности превращения разночинного и разноплеменного населения в «народ», «нацию-государство», вручавшая ему общую историческую память, изобретая символы, мифологизируя героев, утверждая традиции.

Национализм стал политической программой, построенной на принципе «каждой нации – государство» по образцу, сложившемуся после Тридцатилетней войны в Европе. Этот принцип национального государственного суверенитета был положен в основу Вестфальской системы международных отношений. Формально и в идеале принципы Вестфальского мира существуют до сих пор, но в реальности в современном мире они в полной мере не работают (о чём свидетельствуют бомбёжки Югославии, Ирака и других государств).

Нации-государству стал необходим официальный единый язык, т. е. национализм нуждался в этноязыковой терминологии. Сама по себе этническая принадлежность не несёт в себе ничего программно для нации (она, скорее, является индикатором первичной самоидентификации индивида с ближним кругом – семьёй, родом, малой родиной), но обеспечивает «нацию» исторической родословной, которая у неё, как правило, отсутствует. «Принцип этнической принадлежности, на чём бы он ни основывался, – это лёгкий и чёткий способ выражения истинного чувства групповой идентичности, которая связывает всех «нас» потому, что подчёркивает наше отличие от «них». А что у «нас» на самом деле общего, помимо того, что «мы» – не «они», – это не так ясно. В любом случае, принцип этнической принадлежности выполняет роль одного из способов, позволяющих наполнить пустые ёмкости национализма» [1, с. 335].

В современном мире полисы и нации-государства уже принадлежат истории. Процесс образования национальных государств проходил и проходит зачастую насильственным путём, что существенно меняет декларируемые демократические принципы. Такие ценности, как демократия, справедливость, международное право, самоуправление и пр. становятся не более чем словесным флёром для осуществления планов «победителей» в мировой гонке держав.

Принципы демократии: контроль выборного парламента за исполнительными органами; выборы без принуждения и манипуляции; назначение членов правительства на конкурентной основе; безнаказанная критика властей, политического режима, идеологии; право граждан на объединение в политические ассоциации, партии и пр. – давно пришли в упадок в современном мире. Объясним упадок всеобщим неравенством в обладании политическими, экономическими, стратегическими и другими ресурсами.

Неравенство столь велико, что в остатке существуют лишь тривиальные аспекты демократических принципов. «Реальная» демократия может быть осуществлена в результате только революционного сокращения неравенства. Без революционной трансформации большинство в обществе будет по-прежнему управляться господствующим меньшинством. Неизбежность господства меньшинства, подрывающая идеалы демократии в современных национальных государствах, обширно рассматривалась в рамках различных теорий: А. Грамши, Р. Даля, В. Ленина, К. Маркса, Р. Михельса, Г. Моска, В. Парето и др. Но как резюмировал Р. Даль: «...идея господства меньшинства не составляет набор более или менее последовательных теорий, но являет скорее гетерогенное собрание взаимно противоречивых построений» [2, с. 411]. Все они служат определённым идеологиям и политическим предпочтениям их авторов. Тем не менее приходится признать, что если говорить о нашем отечестве, то прав Р. Михельс, сформулировавший «железный закон олигархии», действие которого проявляется в том, что избранные господствуют над избирателями (получившие мандаты – над выдавшими их, делегаты – над делегирующими) [3]. Если неизбежное господствующее меньшинство контролирует вся и всех, то о демократии в таком обществе говорить нельзя; если же господствующему меньшинству в силу его недостаточного доминирования приходится считаться с другими группами влияния и оппозицией, то демократический компонент в системе отношений такого общества присутствует в той или иной мере.

Переломным этапом появления национальных государств как образований, имеющих свой национальный суверенитет, стал Вестфальский мир. Он был заключён европейскими державами в 1648 году после Тридцатилетней войны, начавшейся в 1618 году с чешского восстания против гнёта австрийских Габсбургов. В Тридцатилетней войне участвовали тогда ещё полусамостоятельные государства Швеция, Франция, Германия, Нидерланды, Дания, Чехия, Испания, Англия, Италия. Вестфальский мир зафиксировал положение об упадке Священной Римской империи и то, что в Европе сложились национальные государства. Заключённый Вестфальский мир (по названию исторической области Вестфалия) стал основой для установления Вестфальского мирового порядка или Вестфальской системы международных отношений, основные принципы которого действуют и в наше время, т.е. почти четыре века. Вестфальский мир ввёл принцип невмешательства во внутренние дела

других государств в международное право, о чём писал Ж. Боден, настаивая, что суверенитет – это абсолютная и постоянная власть государства над подданными и гражданами [4].

Положение стало меняться в конце XX века, когда западные государства и США стали пользоваться правами человека как инструментом в борьбе с неугодными режимами и государствами, прежде всего с социалистическими. Именно тогда и начался кризис Вестфальской системы.

После Второй мировой войны полным суверенитетом обладали только две сверхдержавы – США и СССР, у остальных же государств суверенитет был ограниченным по причине экономической и политической зависимости от сверхдержав. Уже такая сложившаяся система взаимоотношений в мире противоречила принципам Вестфальской системы. И это противоречие усугубилось после крушения СССР, когда полным суверенитетом стала обладать лишь одна страна – США. Конечно, это не был мир *Pax Americana*, не гегемония, но США стали осуществлять мировое лидерство с помощью «мягкой силы». И не только. Новый глобальный миропорядок стал распространяться на базе экономической, военной, политической и ценностной общности стран Запада, что вызвало сопротивление со стороны остального мира, в том числе и активизацию терроризма. В основе геополитических процессов лежала цепь прецедентов и концепций США по «распространению демократии», расширению НАТО, доктрина приэмптивной войны и демократизации Ближнего Востока. Вестфальский принцип невмешательства во внутренние дела других стран был заменён принципом «гуманитарной интервенции» (Ирак, Югославия).

В результате такой политики к началу XXI века в международных отношениях сложилась следующая иерархия: руководящую роль в Большой семёрке взяли на себя США, жёстко привязав к себе пять союзников по НАТО: Великобританию, Францию, Германию, Канаду и Италию. Также в союзе с США находится Япония. Россия пребывает с США в отношениях стратегического партнёрства. Из всех держав лишь Россия оспаривает главенствующую роль США и вступает в партнёрство с США несколько избирательно.

В настоящее время кризис Вестфальской системы проявляется и в том, что на полном суверенитете настаивают кроме России ещё и Китай, Индия и Иран. Это может быть признаком того, что в мире складывается нео- или поствестфальская система.

Даже в 90-е годы Россия настаивала на своём суверенитете, но разрушенная экономика, ослабленные оборонные отрасли, нестабильная политическая система, ещё не сложившееся законодательное поле не давали ей возможности полностью реализовать силу своего суверенитета в международных делах. Но начиная с 2000 года внутренняя и внешняя политика России начала меняться, её экономика, внутренняя стабильность и суверенитет начали укрепляться. В 2007 году позицию России обозначил на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности Президент В. В. Путин: «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня» [5].

Российское национальное самосознание уже достаточно сформировалось, чтобы осознать национальные интересы государства. Это проявилось в таких политических акциях, как позиция по южно-осетинско-грузинскому конфликту, Украине, воссоединение с Крымом, помощь Сирии. Эти процессы встречают враждебную реакцию у окружающего мира, что вылилось в антироссийские санкции.

Необходима разработка программы по изменению нынешнего мироустройства, при котором Россия может и должна заявить своё слово с веских позиций.

Список источников и литературы:

1. Хобсбаум, Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // *Нации и национализм*. М.: Практикс, 2002.
2. Даль Р. Демократия и её критики. – М.: РОССПЭН, 2003.
3. Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии: Главы из книги // *Диалог*. 1990. №3, 5, 7, 11, 13, 15, 18.
4. Баязитова Г. И., Митюрёва Д. С. В преддверии рождения государства: язык, право и философия в политической теории Жана Бодена. – Тюмень: Издательство Тюменского госуниверситета, 2012.
5. Речь В. В. Путина в Мюнхене (Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года) URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml

Лагунов А. А. (г. Ставрополь)

Трансформации российского общественного сознания: 1917–2017

Аннотация. Уточняются методологические основания и категориально-понятийный аппарат, применимые для исследования субъективно-объективного феномена общественного сознания, и кратко анализируются трансформации российского общественного сознания, произошедшие за истекающее столетие.

Ключевые слова: общественное сознание, субъект исторического развития, язык, менталитет, идеология, традиции.

Transformations of the Russian public consciousness: 1917–2017

Abstract. Clarifies the methodological bases and categorical conceptual apparatus useful for the study of subjective-objective phenomenon of social consciousness, and briefly analyzes the transformation of the Russian public consciousness occurred in the expiring century.

Keywords: public consciousness, the subject of the historical development, language, mentality, ideology, tradition.

Сегодня мы подводим итоги столетия не в «нулевой» год, как это принято, а используем особенную «точку отсчета» – год 1917, в котором Россия вступила в век трансформаций, сопровождающихся и немислимыми потрясениями, и невиданными взлётами. В отечественной и всемирной истории за этим столетием навсегда закрепится эпитет «эпохальное», а вследствие насыщенности его событиями, как представляется, никогда не закончатся споры о его значении и назначении, никогда не будут расставлены все точки над «і», или же будут расставлены, но по-разному. Для нас, современников, задача выглядит гораздо скромнее – усвоить данные нам историей уроки, а не вынести объективный «вердикт» об этом столетии, невероятно растянутом в «социальном времени», включившем в себя и новую Смуту, и невиданную ранее Победу, и несравнимое ни с чем по масштабам строительство, как государственное, так и промышленное, и в качестве неожиданного итога – снова Смуту, поражение в противостоянии мировых общественных систем, развал почти всего построенного, государственного и промышленного, хаос в обществе и разруха в умах, с которой, собственно, как

известно, хаос и начинается (верно подметил булгаковский профессор Преображенский, «разруха не в клозетах, а в головах»). Но и это не всё. Под занавес этого столетия снова блеснула надежда на возрождение России, надежда хрупкая, но вполне реальная, требующая от нас, как это часто бывало в нашей истории, мобилизации всех сил – и физических, и интеллектуальных, и духовных.

Хотелось бы акцентировать внимание на разрухе в умах, ещё нами не преодолённой и чреватой новыми потрясениями. Иначе – на сегодняшних особенностях российского общественного сознания, вследствие столетних трансформаций представляющего для исследователя некую *Terra Incognita*, для освоения которой необходимо описать и осмыслить все её метаморфозы, которых за столетие было немало. Предварительно же уместно внести некоторые методологические установки и прояснить применяемый нами далее категориально-понятийный аппарат.

Как любил говаривать «вождь пролетариата» (а затем и «отец всех народов»), история – матушка суровая, и сослагательное наклонение к ней не применимо. Но почему? Потому ли, что выявленные сперва раннеевропейскими социальными утопистами, а затем более зрелыми коммунистическими теоретиками и практиками объективные законы исторического развития задают однозначные тренды развития мировых событий? Однако реалии плохо подтверждают эту точку зрения, история остаётся всё же вариабельной, а мир – многополярным, хотим мы этого или нет. М. К. Мамардашвили подчёркивал, что история «сама по себе... не течёт» [1, с. 234], её движущий механизм событияен, а «со-бытие» – это удел мыслящих субъектов, личностей, причём не одиноких, а солидаризированных. В таком аспекте субъектом исторического процесса может быть только личность, ведь лишь она может мыслить, говорить, действовать. Но здесь историка-исследователя подстерегает непреодолимое затруднение, грозящее опасностью релятивизации всей исторической науки, ведь невозможно учесть неисчислимую совокупность действующих в истории личностных векторов, чтобы выйти на «резльтирующий вектор» – историческое событие, никакой супермощный компьютер этому не поможет, поскольку будет требовать внесения полной исходной информации обо всех «малых» субъектах истории, причём информации тщательно проанализированной, избавленной от ненужных для результата мелочей (а критерии избавления от них очень спорны). Ясно, что аналитиков для этого понадобится такое число, которое

сопоставимо со всем населением Земли, если ещё учесть и то, что вся совокупность личностей из прошлого и даже будущего влияет на настоящее, никогда не переставая исполнять функции исторических субъектов.

Следовательно, необходимыми становятся теоретико-методологическое абстрагирование, выделяющее общие и особенные свойства предмета в ущерб единичным, и эмпирическое обобщение, значит, без понятий коллективного, или общественного, сознания нам никак не обойтись. Требуются «большие» субъекты исторического развития – партии, классы, народы, метаэтноты и пр. Однако можно ли представить, что, допустим, народ мыслит, говорит, действует? Или партия, или государство? Понятно, что для формирования такого представления без фантастической «левиафанизации» никак не обойтись, однако выход здесь всё же есть, и он – в осмыслении коллективного деятеля и мыслителя истории в качестве субъективно-объективного феномена, создаваемого субъектами-личностями и объективируемого в общественном сознании, через которое он начинает ощущимо влиять на своих многочисленных творцов.

Здесь важно отметить, что поскольку творцы не ограничены рамками собственной жизни, продолжая свою деятельность на уровне идей и материального наследия (или в качестве идеальной цели), то всякая конкретная общность может выполнять функции субъекта исторического развития только до тех пор, пока сохраняется преемственность в её общественном сознании, невозможная без нормального функционирования механизма традиций, передачи накопленного социокультурного опыта (и материала) от поколения к поколению. Помимо этого для обеспечения преемственности общественного сознания необходимо сохранение и стабильно-устойчивое развитие способов его существования в социально-историческом времени, к которым следует отнести, прежде всего, язык общности, её менталитет и идеологию.

Что касается первых двух названных нами способов существования общественного сознания, языка и менталитета, то они очевидны: без языка невозможна вербализация общих смыслов, опосредующая их совершенствование и передачу другим поколениям; менталитет же, как совокупность особенных подсознательных стереотипов мышления и действия, свойственных общности, формирует её «дух», специфику, или «инаковость», конкретно выделяющую большого субъекта истории из абстрактного человечества. Относительно же идеологии, в связи

с существованием множества разнообразных интерпретаций, и негативных, и позитивных, этого понятия, требуется некоторое уточнение. Под идеологией мы склонны понимать вслед за В. В. Сербиненко пространство общекультурных и философских (мировоззренческих) символов, сущностной характеристикой которого является функциональность: конкретный идеологический символ существует ровно до тех пор, пока он способен играть активную общественную роль, имеет для общности определённый смысл [2, с. 6–7]. Иными словами, идеология является пространством «внешних», явленных и принимаемых оснований, а потому действительных смыслозначимых ориентиров. Идеология помогает представителям общности осмыслить своё бытие, сформировав, прежде всего, представления о личных и коллективных целях, о ценностях как средствах, необходимых для их достижения. Поэтому нормальные, органические идеологии, в отличие от тоталитарных, неразрывно связаны с конкретными языком и менталитетом, опосредуя вместе с ними существование преемственного в социально-историческом времени общественного сознания.

Возникает вопрос: каким способом можно нарушить преемственность общественного сознания и тем самым убрать с исторической сцены большого общественного субъекта, если вдруг появится такое желание у определённых лиц, обладающих настойчивостью, сплочённостью и властью? Таких способов, на наш взгляд, два: опосредованное воздействие на общественное сознание, через изменение способов его существования – языка, менталитета и идеологии – и через разрушение традиций как механизмов их трансляции. Однако такая принудительная трансформация общественного сознания является достаточно длительным процессом, требующим терпения и многих усилий, поскольку этот субъективно-объективный феномен по своему характеру достаточно инерционен. Поэтому, по принципу взаимной дополнительности, эффективно применять и другой способ: прямое воздействие на общественное сознание, через утверждение в нём элементов «массовой культуры» как совокупности искусственно насаждаемых лингвистических стандартов, стереотипов мышления и действия, идеологии. Причём в современных условиях глобализации, технологизации, информатизации, стремительного развития коммуникаций эффективность искусственных манипуляций с общественным сознанием экспоненциально возрастает.

Анализируя трансформации российского общественного сознания, происходившие за прошедшее столетие, нельзя не

заметить, что их причинами были в основном внешние факторы, действовавшие как опосредованно, так и прямо. Разумеется, пренебрегать значимостью сугубо внутренних факторов при этом не стоит, но всё же, думается, доминировали вовсе не они. Российское общественное сознание за этот период пережило как минимум три кардинальные трансформации – революция 1917 г. и последовавшая за ней «советизация» социальной жизни; перестройка и попытка либерализации; современный период – поиск органичного состояния, характеризующийся возвратом к традиционным представлениям о государственности, об общественных основаниях, в которых традиционным уже стало и советское миропонимание.

За это время существенно изменился язык, что выразилось в упрощении грамматики в начале советского периода, аббревиатуризации языка и изменении его стиля с пафосного, возвышенного, на деловой, прагматический; дальше – больше: засилье иностранных заимствований, неологизмов, сопровождающееся крайним оскудением традиционного словарного запаса, к чему приводит отсутствие культуры чтения, развитие молодёжного и субкультурных сленгов, претендующих на замещение собой литературного русского языка. Менталитет также не стоит на месте. Читая дореволюционных отечественных авторов, рассуждавших об особенностях русского национального характера, не перестаёшь задаваться вопросом: а о нашем ли народе они вели речь, его ли дух описывали? В склонностях к фантазиям этих авторов обвинить сложно, серьёзно они подходили к своим исследованиям. Остаётся только зафиксировать значительные сдвиги в российском менталитете и продолжать работу прежних поколений мыслящих людей – фиксировать современные ментальные характеристики нашего народа, исходя из аксиомы о наличии преемственности этих характеристик с некогда бывшими, иначе мы действительно будем исследовать уже другой народ.

Проведённый краткий и далеко не концептуализированный обзор изменений в российском языке и менталитете, происшедших за столетие, на первый взгляд не даёт веских оснований говорить о том, что в процессах трансформаций общественного сознания доминировали внешние факторы, поскольку значительные усилия для таких трансформаций прикладывались и «изнутри». Однако сомнения рассеиваются при рассмотрении изменений третьего способа существования общественного сознания – идеологического. Ведь неоспоримым историческим

фактом является и то, что марксистская идеология была нами заимствована, хотя в значительной степени и интерпретирована, и то, что либеральная идеология возникла не в пределах нашего государства. Очень интересно и показательно в последнем случае то, что, по авторитетному мнению Дэвида Боуза, современная либеральная идеология, активно насаждаемая извне и сегодня, собственно, классическим либерализмом (точнее – либертарианством) и не является, давно порвав с его принципами: «В современном американском спектре, основанном на дихотомии левые / правые, либертарианцы не могут быть ни левыми, ни правыми. В отличие как от современных либералов, так и от современных консерваторов либертарианцы последовательны в своей вере в свободу личности и ограниченное правительство» [3, с. 25]. (В этой цитате особенно примечательно слово «вера», но это, как говорится, совсем другая история.)

Быть может, потому последние десятилетия так настойчиво звучит общественный запрос на формирование собственной национальной идеологии, что вызвало уже необходимость обсуждения закона о российской нации на всех общественных уровнях. Однако, по нашему мнению, осуществляя эту, скорее всего, полезную деятельность, следует помнить о, пожалуй, главном уроке, преподанном нам прошедшим столетием: насильственное насаждение идеологии ведёт к общественным катаклизмам, причём в данном случае неважно, формируется эта идеология вне российского общества или же внутри него, ведь речь идёт именно об искусственности идеологических построений, об их изначальной внеположенности общественному сознанию, или неорганичности. Также необходимо не забывать, что к собственной культуре относиться следует очень бережно: хранить и развивать, но не фетишизировать традиции, в том числе мировоззренческие, лингвистические и ментальные, тогда и будет реализовываться то, что А. И. Солженицын называл «сбережением народа», ведь народ жив, пока у него есть преемственное общественное сознание, которое никак не должно являться объектом для социальных экспериментов, пусть даже и проводимых из самых лучших побуждений. Следует вслушаться в то, что неустанно говорит нам российское общественное сознание посредством народного языка, осмыслить сказанное, погрузившись в таинственные ментальные глубины, хотя и смутно, но проявляющиеся в отечественном любомудрии, вчувствоваться в душу народа, тогда, возможно, прояснится и цель, определится действие, наконец, сформируется представление об идеологии,

которая всегда есть и просто очень давно нами не замечается, так как привыкли мы слушаться иностранных учителей (тоже, кстати, особенность российского характера).

Список источников и литературы

1. *Мамардашвили М.К.* Опыт физической метафизики. – М.: Азбука, 2008. – 320 с.
2. *Сербиненко В.В., Гребешев И.В.* Русская метафизика XIX–XX веков. – М.: Руниверс, 2016. – 800 с.
3. *Боуз Д.* Либертарианство: История, принципы, политика. – Челябинск: Социум, Cato Institute, 2004. – 392 с.

Маркова-Мурашова С.А. (г. Краснодар)

Исторический контекст и особенности определения современного понятия «революция»

Аннотация. Рассматривается теоретическое понятие революции с учётом исторического контекста его формирования и применения. Предлагается рассматривать термин «революция» как современное состояние государства, как прогресс общества и как результат историко-политических преобразований в государстве.

Ключевые слова: революция, диалектическое развитие истории, революционные преобразования, социальная концепция истории.

The historical context and features of the definition of the modern concept of «revolution»

Abstract. The theoretical concept of revolution taking into account context of its formation and application is considered. It is offered to consider the term «revolution» as a current state of the society, as progress of society and as result of historical and political transformations in the state.

Keywords: revolution, dialectic development of history, revolutionary changes, social concept of history.

Понятия помогают людям интерпретировать и оценивать свои действия в рамках мировой истории и как таковые предлагают способ понять прошлое, а также создать будущее, отталкиваясь от конкретного понятия.

Произшедшие преобразования должны обозначаться определённым термином, соотносимым с понятием, чтобы

впоследствии можно было бы осмыслить производимые ими эффекты в переустройстве мира. Есть множество способов для этого, например, проанализировать ряд исторических событий, которые были маркированы как революции, и исследовать их содержание. Такой подход именуется в науке концептуальной историей, представляющий собой методологию исторических исследований, которая сосредотачивается на разработке и развитии фундаментальных понятий, лежащих в основе понимания истории [1, с. X]. Он плодотворен для понимания того, как революции одновременно сформировывают соответствующее этапу конкретное историческое сознание, воплощают конкретный способ совершения революционных действий, устанавливающий новый порядок. Концептуальная история стремится выделять эту историческую конкретность и таким образом дифференцироваться от диалектического исторического развития [2]. В этом смысле концепция революции глубоко связана с конкретным способом понимания истории. И диалектический, обусловленный общими материальными условиями развития, и революционный способ преобразования истории в современную эпоху достаточно отчетливо присутствуют, и понятие революции является составной частью бытия. Теоретическое исследование революции необходимо именно в таком понимании, как способа развития и изменения истории в целом, а не как результат конкретной борьбы конкретных революционеров.

Однако, используя концептуальную историю как метод, необходимо иметь в виду ряд важных требований. Так, за тридцатилетний период XX в. учёные вновь исследовали самые видные исторические примеры революций, при этом давая им иное толкование [3]. Определённые теоретические выводы содержат в результате исторической интерпретации отличающиеся от результативности положения, являются ретроспективным наложением идей революции на исторический период, чего нельзя не учитывать. Историю необходимо рассматривать согласно критериям периода и избегать там, где возможно применение современных форм понимания прошлого. Есть второе, близко связанное с этим пунктом концептуальное замечание: революционные действия не могут иметь места без определённой ссылки на революционные идеи. С учётом этих критических замечаний представляется возможным использовать концептуальную историю и объективно оценивать прошедшие события и то, как люди в целом осмысливают свои собственные действия и их результаты.

Современное понятие революции было обусловлено, с одной стороны, существенными историческими условиями, а с другой – диалектически развито из бесчисленных значений, исторически воплощённых в термине «революция». Исследование революций, попытки их обозначения, оценивания содержания и последствий, сформировали их теоретическую структуру, которую люди, социализированные их историческими условиями, активно преобразовали для будущих поколений.

Понятие революции выступает своеобразным референтом для того или иного политического события, а также как сила для побуждения к действиям в группах общества, которые считают себя революционерами. Именно по этой причине важно исследовать исторический контекст термина «революция» и получить её влияния на коллективное социальное сознание.

Получивший распространение термин «революция» достаточно широко интерпретируется современными исследователями. Так, революция в зависимости от целей и контекста работы может рассматриваться как современность, как прогресс и как история. Различные учёные объединили эти подходы в рамках философских школ [4].

Как правило, в общепринятом понимании революция связывается с общим изменением в социальной концепции истории, с современным периодом. Вместе с тем революция и сопутствующие ей процессы глубоко связаны с идеями Просвещения, с научными принципами и методами, согласно которым люди начали видеть в их усилиях признаки прогрессивного развития общества. Размышления Френсиса Бэкона иллюстрируют логику этой мысли. В своё время он признавал разумным ожиданием от его поколения больших усилий и поступков, чем от прежних времён, в силу того, что его время было более зрелым возрастом мира, обогащённым и наполненным бесчисленными событиями и наблюдениями [5, с. 68–69].

Есть два момента, которые представляют интерес, особенно относительно ранних европейских концепций истории и социальных изменений. Во-первых, новое положение было аннулированием доминирующего предшествующего способа мышления. То, что было старо, как полагали, было наполнено властью, и поэтому уважением и восхищением. В те времена это было стремлением подражать прошлому величию. Нарастающее модернистское мышление вызвало к жизни новый способ развития истории человечества, который признал существование светского прогресса [6, с. 13–14].

До развития этого современного понятия революции оно применялось, чтобы обозначить циклическое, обыкновенное изменение. Использование термина в таком понимании находилось намного ближе к механическому движению, связанному с революцией и корнем революции в круговом движении, которое охватывало движение объектов и их возвращение к предшествующим состояниям, чтобы придерживаться траектории круга. Это ключевое различие в определении между различными историческими использованиями понятия революции, и это обосновывается в пределах отличающихся концепций и процесса самой истории и функции человечества. Преобразование этого восприятия является фундаментальной частью того, что задумывалось как модернистский менталитет. Если мы обходимся без познавательных ассоциаций примитивизма, который мог бы сопровождать термин, то более старое циклическое и обыкновенное понятие может быть признано предсовременным понятием революции.

Самый ранний пример этого использования обычно прослеживается до Аристотеля, наряду с ранним обозначением политики [7, с. 36]. Несмотря на популярное обращение к Аристотелю, необходимо осознавать, что это мысли, высказанные на древнем языке и значительное время назад, поэтому в некотором смысле перевод понятия «революция» мог одинаково быть просто политическими изменениями.

До появления капитализма понятие «революция» отсутствует в западной политической мысли, которая остаётся в пределах аристотелевского строения, хотя политические дебаты всё больше и больше концентрируются на существовании права на сопротивление земной власти. Отсутствие понятия революции сохранилось вплоть до Славной революции 1688 г. [8]. Термин приобрёл оттенок, подчёркивающий различие между реформой и революцией, и стал использоваться как способ дифференцировать мирную и кровавую природу прогрессивных преобразований [9, с. 51]. Однако на данном этапе важно просто отметить множество координат, в пределах которых понятие революции приобрело значение вместе с развитием современной мысли и промышленным производством.

Впоследствии понятие «буржуазная революция» впервые было употреблено К. Марксом в 1847 г. [10, с. 212].

Таким образом, исследования понятия «революция» посредством концептуальной истории демонстрируют различие между более ранним использованием и современным понятием. Современное понятие революции рассматривают как

конкретный исторический процесс, вовлекающий в себя людей для преобразования общества способом, который в некоторых ключевых аспектах существенно отличается от того, каким он был прежде.

Рассматривая сущность понятия революции в его современной форме, необходимо опираться на три ключевых компонента в её интерпретации. Во-первых, современное понятие революции предполагает систематический, исторический и политический анализ и признаёт людей главными субъектами и объектами истории.

Во-вторых, этот анализ является частью сознания, связанного с возникновением модернизма, который изменил движение мысли от понимания истории как циклического процесса, возвращающегося к одному из вариантов исторического развития, к возможности достижения значительного прогресса. Это видение было неотъемлемой частью развития капитализма, но это было также компонентом критического анализа капитализма социализмом, в том смысле, что истинная человеческая эмансипация и прогресс приведут к отмене капиталистической эксплуатации. Именно этот последний элемент – главное в современном понимании революции.

В-третьих, современное понятие было мобилизованным с политической точки зрения. Это связало теоретический анализ революции с непосредственным участием человека. Фактически невозможно понять появление и консолидацию революции как понятия, не связывая его с исторически значительной ролью социалистического движения и политики, связанной с ним. Поскольку теоретическое, практическое и политическое взаимодействие имманентно присуще этому движению, то и были разработаны понятие и его составляющие элементы. Без этого контекста революция теряет значение как аналитическое понятие и становится бессмысленной как политический проект.

Список источников и литературы

1. *Koselleck R.* The Practice of Conceptual History – Timing History, Spacing Concepts. Trans. T. S. Presner and Others. – Stanford: Stanford University Press, 2002. – P. IX.
2. *Lovejoy A. O.* The Great Chain of Being. – Harvard University Press, 1936. – Ch. 1.
3. See: *Christofferson M.S.* French Intellectuals Against the Left: The Antitotalitarian Moment of the 1970's. – New York, Oxford: Berghahn

- Books, 2004; *Clark J. C. D.* Revolution and Rebellion: State and Society in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. – Cambridge University Press, 1986; *Furet F.* The Passing of an Illusion: The Idea of Communism in the Twentieth Century. – University of Chicago Press, 1999; *Morrill J.S.* The Nature of the English Revolution: Essays. – Longman, 1993; *Russell C.* Unrevolutionary England, 1603–1642. – London: Bloomsbury, 1990; *Schama S.* Citizens: A Chronicle of the French Revolution. – London: Penguin Books Limited, 2004.
4. See: *Foran J.* Theories of Revolution Revisited: Toward a Fourth Generation? // *Sociological Theory*. – 1993. – № 1; *Goldstone J.A.* Theories of Revolution: The Third Generation // *World Politics*. – 1980. – № 3; *Goldstone J.A.* Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory // *Annual Review of Political Science*. – 2001. – № 1; *Feierabend Ivo K. and Feierabend R.* Systematic Conditions of Political Aggression: An Application of Frustration-Aggression Theory // *Anger Violence and Politics – Theories and Research* / Ed. Ivo K. Feierabend, R. Feierabend, and Gurr. – Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1972; *Davies J.* Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. – 1962. – № 27; *Gurr T.R.* Why Men Rebel. – Princeton: Princeton University Press, 1970; *Johnston C.* Revolutionary Change. – Boston: Little, Brown, 1966; *Huntingdon S.P.* Political Order in Changing Societies. – New Haven: Yale University Press, 1968; *Tilly C.* From Mobilisation to Revolution. – Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1978; *Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979; *Trimberger K.E.* Revolution from Above: Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt and Peru. – New Brunswick : Transaction Books, 1978; *Eisenstadt S.N.* Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilisations. – New York: Free Press, 1978.
 5. *Bacon F.* The New Organon / Ed. L. Jardine and M. Silverthorne. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2000. – P. 68–69.
 6. *Davidson N.* How Revolutionary Were the Bourgeois Revolutions? – Chicago; Illinois : Haymarket Books, 2012. – P. 13–14.
 7. *Calvert P.* Revolution. – New York, London: Praeger, 1970. – P. 36.
 8. See: *Locke J.* Two Treatises on Government. – London: JM Dent, 1993.
 9. *Koselleck R.* Historical Criteria for the Modern Concept of Revolution / *Futures Past – On the Semantics of Historical Time* / Ed. by R. Koselleck. Trans. K. Tribe. – Cambridge Mass.: MIT Press, 1979. – P. 51.

10. *Marx K. The Poverty of Philosophy: Answer to the Philosophy of Poverty / Ed. by M. Proudbon. – Collected Works. – Vol. 6. – London, Lawrence and Wishart, 1976. – P. 212.*

Матвеев В. А. (г. Ростов-на-Дону)

Угрозы российской государственности и развитие исторических сведений о Северном Кавказе в условиях революции и Гражданской войны (1917–1920)

Аннотация. В статье анализируется развитие исторических знаний о Северном Кавказе в условиях революции и Гражданской войны в России. Показывается вместе с тем опасность их негативной организации для сохранения её целостности как сложившегося полиэтнического государства. Актуальность изучения данной темы обуславливается прежде всего тем, что такого рода технологии используются геополитическими противниками России и на современном этапе.

Ключевые слова: российская государственность, Северный Кавказ, революционный кризис, Гражданская война, концептуальные организации, историческая наука, технологии разрушения.

Threats of the Russian statehood and the development of historical information about the North Caucasus in the conditions of the revolution and the Civil War (1917–1920)

Abstract. The article analyses the development of historical knowledge relating to the Northern Caucasus in the context of the revolution and the Civil War in Russia. The author highlights that unfavourable organisation of such knowledge endangers the attempts to preserve Russia's integrity as an established multi-ethnic state. The issue appears especially relevant inasmuch as in this day and age, such technology is being used by the country's geopolitical opponents.

Keywords: Russian statehood, the Northern Caucasus, civil war, revolutionary crisis, conceptual organisations, historical studies, technology of destruction.

После Февральской революции дискредитация прошлого России достигла апогея. Инспирировало её и само Временное правительство, не раз заявлявшее о том, что только при нём «провозглашён и подлежит осуществлению принцип равенства

всех граждан России без различия национальностей и вероисповеданий» [1]. В таком видении преподносились декларация о задачах и декрет, принятые соответственно 3 и 20 марта 1917 г. [2, с. 419]. Отрицание всего, что было позитивного при монархии, находило тогда по всей стране широкую поддержку. Так, в приветственной телеграмме, поступившей в начале мая в бюро Мусульманского съезда в Москве, говорилось «...о племенах России, обиженных историей» [3]. В речи, обращённой к казакам на съезде горцев Кавказа, проходившем во Владикавказе, председатель А. Б. Шаханов обвинил «старое правительство... в натравливании казаков на горцев и горцев на казаков» [4]. Никаких доказательств при этом не приводилось. Обвинение в «разжигании раздора» поддерживалось на съезде и в других выступлениях [5, л. 104].

Часто повторялись и высказывания о том, что «горцы Кавказа страдали более чем кто бы то ни было при павшем режиме» [5]. Приписывалось ему и стремление к «ослаблению... народностей», их «эксплуатации» [5]. В воззвании к народам Кавказа Краевого съезда Кавказской армии, созванного в середине мая в Тифлисе, «старая власть» уличалась в «оскорблении их языка, культуры и религии» [6]. Самодержавие на страницах российской прессы называлось источником «бед, бесправия и невежества», со свержением его связывалось не только наступление свободы, но и возможность устройства жизни народов «на новых началах» [7]. Критика имела отпечаток проводившейся в духе времени пропаганды, в которой допускались существенные отклонения от действительности.

Вместе с тем анализ показывает, что по мере нарастания кризиса возрастала потребность в понимании особенностей процессов на окраинах империи. Поставленная со всей остротой действительностью того периода проблема – что Россия представляла собой в государственном отношении, пройдя более чем тысячелетний путь развития, объединив множество различных народов, в чём её сходство, а в чём отличие от других государств, – не нашла должного освещения [8, с. 31–32]. Отечественные реалии нередко заставляли тех, кто с ними соприкасался, в том числе и на Северном Кавказе, делать признание: «Мы не знаем России!» [9].

Отсутствие научных представлений об исторически сложившихся универсалистских особенностях российской государственности сказывалось и на последующих этапах. Не в последнюю очередь из-за этого стало возможным довершение

дискредитации прошлого при режиме большевиков. Основоплагающим элементом её стала формулировка: «Россия до революции – тюрьма народов, и только Великий Октябрь принёс им освобождение» [10, с. 29, 137]. Заимствованное из публицистики В. И. Ленина [11, с. 106–110] утверждение подкреплялось набором тенденциозных формулировок, весьма сходных с изложенными выше. В них без каких-либо доказательств констатировалось, что «в эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга» [12, с. 7–8], были «обречены на вымирание» [13], а в проводимой в отношении их политике в имперский период допускалось «попрание их верований и обычаев», устанавливалась экономическая и культурная дискриминация и т. д. [14, л. 82].

Данная версия отражалась и в работах И. В. Сталина, написанных в период революции и Гражданской войны [15, с. 67–70]. Опираясь на распространявшиеся после Февральской революции обвинения «старой России» в существовании «национального гнёта», он также включал в них «религиозные и национальные преследования, насильственное обрусение “инородцев”... натравливание народностей друг на друга», выливавшееся «нередко в погромы и резню» [15, с. 67]. Для преодоления несправедливости большевики, исходя из противоречивых теоретических представлений, в которых под прикрытием интернационализма копировался идеал Запада «одна нация – одно государство», пошли на признание за российскими народами права «на свободное самоопределение вплоть до отделения» [16, л. 126–127].

Однако при этом они всячески давали понять, что «Советская Россия не имеет ничего общего с Россией николаевской и времён Керенского и Корнилова», подталкивая на практике народы к сплочению не по национальной, а по классовой принадлежности [16, л. 127]. Опираясь на теоретические положения большевистской доктрины, Л. Д. Троцкий предложил в государстве укреплять признаки хозяйственной, а не национальной организации, раздвигая его границы [17, с. 136]. Принцип самоопределения он так же, как можно судить по его работам, всецело подчинял идее мировой революции [17, с. 133]. Таким образом, искажения прошлого в 1917 г. предопределялись конъюнктурой момента и получили широкое распространение.

Примечательны в этой связи воспоминания В. Н. Коковцова, возглавлявшего правительство и министерство финансов в 1911–1914 гг., то есть в период, когда в стране происходил промышленный подъём. Его осведомлённость о состоянии дел

в государстве была разносторонней и, на мой взгляд, заслуживает доверия. По словам В. Н. Коковцова, оказавшись у власти, большевики наибольшую заинтересованность проявляли в том, чтобы «замолчать и опорочить всё, что было до них», приложив усилия для достижения «цели дискредитирования прежнего управления» [18, с. 314, 426]. Образ России как «тюрьмы народов» в начале XX в. активно насаждался и через публикации в зарубежной прессе, особенно американской [19, с. 18].

Навязывание соответствующих представлений в 1917 г. происходило, по сути, на основе внушения на митингах «через слова», а также «книги, газеты и пр.» [20, с. 7]. Именно данное обстоятельство играло тогда решающую «роль в общественной жизни» [20, с. 7–8]. Об опасности такого влияния предупреждал русский учёный В. М. Бехтерев [21]. Внушение, по его наблюдению, состоит «в ассимиляции мыслей, вообще каких-либо идей, допущенных без мотива» [20, с. 10]. Вхождение его в сознание масс, как предупреждал учёный, происходит, кроме того, без критики и осуждения, становясь частью одностороннего мыслительного потока [20, с. 14–15]. Нередко внушение, согласно версии В. М. Бехтерева, «проникает незаметным образом», поражая новизной [20, с. 18, 30]. Превращение его в «господствующие воззрения народных масс» происходит, как правило, «путём непосредственного привития... идей», без допущения критики и логических рассуждений [20, с. 34, 38, 41, 110].

При отсутствии каких-либо противовесов внушение, по заключению учёного, получает свойства некой социальной энергии и «действует... во время всех вообще великих исторических событий» [20, с. 251]. Изучая различные виды влияний во время кризисных ситуаций в обществе, В. М. Бехтерев пришёл к выводу, что «внушение... воздействует на народные массы в том или другом направлении соответственно своему содержанию» и в зависимости от этого может подводить «как к самым безнравственным и жестоким поступкам, так и к великим историческим подвигам» [20, с. 273]. Для воспитания населения «в духе общей государственной идеи» в проводимой политике следует «направлять... мысли к возвышенным целям и благородным стремлениям», формируя соответствующее сознание и убеждения. Только тогда оно будет увлечено созиданием «как одно целое» [20, с. 280–281].

В зависимости от внутреннего содержания, согласно теории В. М. Бехтерева, «внушение... может быть фактором в высшей степени полезным или... губительным» [20, с. 281].

Им обоснована и важность учёта данных закономерностей в исторических исследованиях, так как без такого обзора любое явление «получает неполное, недостаточное и, быть может, даже несоответствующее объяснение» [20, с. 283]. Из-за пробелов в отечественной науке деструктивные влияния на последующие изменения имели для России «роковые последствия» [20, с. 20]. К ним подвели возникавшие в оппозиционной среде политические технологии, объективно не отражавшие имперские реалии и связанные с ними процессы универсалистской трансформации. Насажение соответствующих представлений продолжалось и в годы Гражданской войны, хотя и в тот период отечественные учёные предпринимали усилия реализовывать намеченное ранее и проводить объективные исследования.

Так, в 1918 г. под редакцией профессора П. В. Лященко выпущено статистико-экономическое обозрение по Юго-Востоку «европейской России», включавшее сведения о составе «нароdonаселения по главным национальностям» и северокавказской окраины за период с 1897 по 1917 г. [22, с. 16–18]. Тема сохранения единства России и допустимых для этого вариантов самостоятельности областей поднималась, в частности, в книге И. А. Малиновского (1919) [23]. Направленность обсуждения так или иначе воспроизводила замыслы проектов реформ обустройства империи П. А. Столыпина [23], предназначавшихся для сохранения её целостности как универсалистского государства, но оставшихся нереализованными. Видимо, под влиянием публикаций периода Гражданской войны и неудач Белого движения на Юге России тогда же наметился запоздалый пересмотр его идеологии.

На эту необходимость обратил внимание и П. Н. Врангель, изложивший критические возражения А. И. Деникину в рапорте от 25 декабря 1919 г. [24, с. 486–487]. Став главнокомандующим, он уже в Крыму предпринимал попытки собрать тех, кто был причастен к разработке реформ П. А. Столыпина, сделал ставку на идеологию русского либерализма в надежде на то, что она сможет составить конкуренцию большевистской доктрине, обретшей целостность ещё на предшествующем этапе. Особо выделялся при этом вопрос о крестьянстве и земских органах самоуправления [25]. Но пересмотр идеологии Белого движения, по признанию, зафиксированному в воспоминаниях П. Н. Врангеля, происходил медленно, и она так и не была преобразована в привлекательную политическую программу.

Обращение к опыту реформ П. А. Столыпина не спасло положения, так как и они в полной мере, как уже отмечалось при анализе состояния исторических знаний до 1917 г., не отражали особенностей России. Необходимо заметить, что основные принципы их проектирования разделял и А. И. Деникин [26, с. 12]. А. В. Колчак заимствовал опыт земской реформы [27, с. 190], предусматривавшейся одним из проектов П. А. Столыпина для децентрализации управления империей. Адмирал в соответствии с ним также предлагал при местных органах власти вводить «правительственный аппарат» [27, с. 190]. Тем не менее опора на наработки проектов преобразований П. А. Столыпина делала идеологию Белого движения в целом неконкурентоспособной по ходу Гражданской войны.

Между тем и Белое движение на Юге России, организаторы которого по-своему понимали проблему сохранения целостности сформировавшегося в имперских границах государства, имело относительную поддержку у иноэтнического населения Северного Кавказа. Такой раскол является, как известно, вполне типичным показателем для гражданских войн. Ещё при А. И. Деникине были сформированы туземные подразделения, включавшие в свой состав дагестанцев, ингушей, кабардинцев и др. Один из полков получил даже название «Иностранческий» [24, с. 284, 326]. В обращении представителей духовенства к мусульманам Северного Кавказа в 1920 г. содержался призыв «на основании шариата... молиться Богу о сохранении здоровья Верховному правителю адмиралу Колчаку, генералу Деникину и за успех работы сыновей России, жертвующих собой для блага Родины» [28, с. 358–359].

Делалось напоминание и о специфике проводившейся на предшествующих этапах имперской политики: «Дети наши наравне с русскими учились в русских школах. Двери российских высших учебных заведений как... военные, так и гражданские были открыты... Россия для нас не мачеха, а любящая мать, и, помня это, мы должны довериться ей, ибо она поведёт нас по правильному пути, как вела и до сих пор» [28, с. 359] (для убеждения использован, как видно, стиль Корана. – В.М.). Ни консерватизм, основанный на принципе «Великой, Единой и Неделимой России... Славянского единения» [28, с. 477–478], ни наработки либеральных реформ не отражали в должной мере универсалистской тенденции в развитии государства до 1917 г. и поэтому оказывались неэффективными. Интернационализм, предполагавший сохранение общегражданской солидарности,

несмотря на классовое сужение, в большей степени соответствовал этой реальности.

Для распространения в массах соответствующих взглядов, помимо периодических изданий, большевистским режимом широко использовался более понятный и доступный, нежели аналитический, пропагандистский жанр прокламаций. В обращении «Товарищи чеченцы», выпущенном в феврале 1920 г. политотделом штаба Терской областной группы красных повстанческих войск, который располагался в слободе Шатой, говорилось: «...вся власть в России перешла в руки рабочих и беднейших крестьян. Все трудящиеся не в силах выносить дальше гнёта, который давил их как при Николае, так и при буржуазном правительстве» [29, л. 27]. Прокламация завершалась прославлением советской власти и перемен, связанных с её политикой [29, л. 27]. Приписывалась ей и отмена привилегий «отдельным вероисповеданиям» [30, л. 44]. Негативное восприятие всего, что было до Октябрьской революции, насаждалось при помощи различных агитационных приёмов. Отражавшаяся в них версия впоследствии превратилась в монопольное историографическое направление, а дискредитация «царизма» стала проецироваться на Россию в целом.

Список источников и литературы

1. Северокавказский край. 1917. 16 апреля.
2. Революционное движение в России после свержения самодержавия // Документы и материалы. – М., 1957.
3. Терский вестник. 1917. 7 мая.
4. Терский вестник. 1917. 6 мая.
5. РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 295.
6. Северокавказское слово. 1917. 17 мая.
7. Терский вестник. 1917. 24 июня.
8. См. подробнее: *Матвеев В. А.* Отечество не только русских... // Научная мысль Кавказа. 1998. № 1.
9. См. подробнее: *Керенский А. Ф.* Потерянная Россия. – М., 2007.
10. Декреты Октябрьской революции. От Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания. Т. 1. – М., 1933.
11. *Ленин В. И.* О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Т. 26.
12. Политика Советской власти по национальному вопросу за три года (1917–1920 гг.). – М., 1920.
13. Жизнь национальностей. 1922. 19 мая.
14. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.

15. *Сталин И. В.* Об отмене национальных ограничений // И. В. Сталин. О национальном вопросе: сборник статей. – М., 2012, и др.
16. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 619.
17. *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. – М., 1990.
18. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. – М., 1991.
19. *Ванюков Д. А.* Курильские острова. – М., 2011.
20. *Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни. (Б/и.: СПб., 1898). – СПб., 2009.
21. *Бехтерев В. М.* Роль внушения в общественной жизни. – СПб., 1898.
22. Экономические районы Юго-Востока европейской России. Труды статистико-экономического отделения Юго-Восточного Союза Союзов кредитных и ссудо-сберегательных товариществ под ред. проф. П. В. Лященко. Вып. II. Типография Южно-Донского союза. – Ростов н/Д, 1918.
23. См. подробнее: *Малиновский И. А.* Единая Россия и самостоятельность областей. – Ростов н/Д, 1919.
24. *Врангель П. Н.* Воспоминания. В 2-х ч. Южный фронт. Ч. 1 (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). – М., 1992.
25. *Врангель П. Н.* Воспоминания. В 2 ч. Южный фронт. Ч. II (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). – М., 1992.
26. *Кручинин А. С.* Путь генерала Деникина // В кн.: Деникин А. И. Очерки русской смуты. В 3-х т. Т. 1. (Б/и. Париж, 1921–1922). Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917). – М., 2003.
27. Колчак: Исповедь под дулом пистолета. Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии. – СПб., 2009.
28. Союз объединённых горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.). Горская республика (1918–1920 гг.): Документы и материалы. – Махачкала, 1994.
29. РГВА. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1.
30. РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 109.

Матвеев О. В. (г. Краснодар)

Войны и рукописи генерала Рыбальченко

Аннотация. Статья посвящена боевой биографии и военно-историческому наследию казачьего генерала А. Г. Рыбальченко (1859–1919). Автор на основе архивных документов и рукописей реконструирует вехи служебной карьеры и произведения офицера, написанные в жанре полковых памяток и записок участника боевых действий. А. Г. Рыбальченко во многом активно способствовал сохранению исторической памяти казачества

и преемственности поколений, нравственному и военно-патриотическому воспитанию казачьей молодёжи, прошёл вместе со своим народом через испытания тяжёлой войной и революцией.

Ключевые слова: казакосведение, полковая историография, военно-историческое наследие, военные действия, Хопёрский казачий полк.

Wars and manuscripts of General Rybalchenko

Abstract. The article is devoted to the combat biographies and military-historical heritage of the Cossack General A.G. Rybalchenko (1859–1919). The author on the basis of archival documents and manuscripts reconstructs the milestones of career officers and works written in the genre of regimental memos and notes combatants. A.G. Rybalchenko largely contributed actively to the conservation of the historical memory of the Cossacks and the succession of generations, moral and patriotic education of young Cossack, he went along with his people through the severe test of war and revolution.

Keywords: kazaksstorians, regimental historians, military and historical heritage, military operations, Khopersky Cossack regiment.

В современном казакосведении малоизвестным остаётся имя незаурядного казачьего офицера и военного историка А.Г. Рыбальченко (1859–1919).

Александр Григорьевич родился 11 октября 1859 г. в ст. Кущёвской, где у его отца имелись «дом турлучный и хутор близ той же станицы при речке Кугоейке деревянной постройки» [1, л. 627], но числился по станице Кисляковской, где за ним был закреплён участок земли [2, с. 227]. Родители дали ему неплохое домашнее образование и отправили учиться в Кубанскую войсковую гимназию. Приказом по Кубанскому казачьему войску 25 октября 1877 г. 18-летний А.Г. Рыбальченко «зачислен на службу казаком с правами по образованию 3 разряда в сборный Уманско-Ейский полк» [3, л. 34 об.]. Однако попасть на войну не удалось: весь период военных действий с Турцией Уманско-Ейский полк дислоцировался на территории Кубанской области и Черноморского округа, нёс кордонную службу и обеспечивал внутренний порядок [4, с. 40]. В августе 1878 г. он командирован для поступления в Ставропольское казачье юнкерское училище и после успешной сдачи экзамена 5 сентября 1878 г. был «зачислен в младшие классы». 14 июля 1880 г. А.Г. Рыбальченко «за отличное поведение и успехи зачислен

в штатные урядники», а 16 июля 1880 г. «окончил курс по первому разряду и переименован в портупей-юнкеры» [3, л. 34 об.]. 20 июля 1880 г. Александр был отчислен из училища в родное войско. Приказом по Кубанскому казачьему войску № 66 от 14 августа 1880 г. его назначили в старейший в войске 1-й Хопёрский Её Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны полк, службе в котором Рыбальченко отдаст более 30 лет. Хопёрцы несли службу по охране населения от разбойников и поддержанию общественного порядка в Кутаисской, Тифлисской, Елисаветпольской, Бакинской и Эриванской губерниях [5, с. 652]. По-видимому, в г. Кутаисе хорунжий Рыбальченко и встретил свою любовь – княжну Пелагею Варлаамовну Яшвили.

В феврале 1883 г. он становится полковым адъютантом, Высочайшим приказом 6 мая 1884 г. «за отличие по службе произведен в сотники», получил в командование сотню [3, л. 36]. 4–18 октября 1886 г. со своей сотней Александр Григорьевич пребывал в сопряжённой с опасностями для жизни командировке «на Мугань и губернии: Тифлискую, Эриванскую, Елисаветпольскую для преследования разбойничьих шаек». Военно-педагогические способности А. Г. Рыбальченко были замечены командованием, и согласно приказу по Кавказскому военному округу № 41 от 1 марта 1889 г. он был командирован в Ставропольское казачье юнкерское училище на должность младшего офицера. Началась новая полоса жизни, связанная с воспитанием и обучением будущих командиров. Александр Григорьевич преподаёт гимнастику и фехтование, заведует оружейной комнатой. Юнкеров он учит всему, что знает сам, наставляет личным примером, его любят и ценят. 15 октября 1889 г. Рыбальченко произведён в подьесаулы, 28 декабря 1889 г. «за отличие по службе всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава 3-й ст.», 31 января 1893 г. – орденом Св. Анны 3-й ст., 7 ноября 1893 г. – призом за состязательную стрельбу. 29 декабря 1891 г. «не сдавая должности заведующего оружием и преподавателя гимнастики и фехтования», Александр Григорьевич стал исполнять ответственные обязанности адъютанта училища. В училище Рыбальченко довелось впервые выступить в роли историка. Приближался юбилей – 25 лет со дня основания этого учебного заведения, и начальник училища поручил подьесаулу Рыбальченко составить исторический очерк к предстоящему торжеству.

Александр Григорьевич подошёл к поручению с большой ответственностью. Весь 1894 г. ушёл на изучение дел училищного архива, нормативных актов и положений, связанных с юнкерскими училищами в России. В Государственном архиве Краснодарского края чудом сохранились материалы, собранные А. Г. Рыбальченко: уникальные выписки из дел училищного архива, положений и законодательных актов, приказов различных ведомств и др. Как добросовестный исследователь, А. Г. Рыбальченко решил не ограничиваться этими официальными бумагами. Он рассылает запросы в подразделения Кубанского и Терского казачьих войск, стремясь узнать о судьбе бывших выпускников, просит их написать воспоминания о времени, проведённом в стенах Ставропольского казачьего юнкерского училища, преподавателях и др. Таким образом, Александр Григорьевич Рыбальченко успешно применял при создании своей источниковой базы метод заочного интервьюирования. Однако начальника училища не устраивали те отсрочки, которые просил Рыбальченко для совершенствования рукописи, а Александр Григорьевич не хотел жертвовать содержанием ради официоза. В итоге, по-видимому, офицер отбыл в свой полк. Поиски 144-страничной рукописи А. Г. Рыбальченко в делах Ставропольского казачьего юнкерского училища не увенчались успехом. Вне всякого сомнения, она легла в основу книги подполковника Н. Н. Баратова об училище, вышедшей в 1898 г. [6].

Между тем Александр Григорьевич с головой окунулся в новые заботы по службе. 25 сентября 1896 г. он был командирован в первоочередной Хопёрский полк, где принял в командование 6-ю сотню. 26 марта 1905 г. А. Г. Рыбальченко был произведён в чин войскового старшины, а спустя пять месяцев принял в командование 2-й льготный Хопёрский полк. Помимо забот, связанных с организацией второочередного казачьего подразделения, он вновь пытается выступить в роли историка. 20 марта 1909 г. из ст. Баталпашинской был направлен на имя Наказного атамана Кубанского казачьего войска рапорт командира 2-го Хопёрского полка войскового старшины Рыбальченко, в котором отмечалось: «Верная служба Хопёрцев Престолу и Отечеству, – писал далее офицер, – подробно описана уже в «Истории Хопёрского полка», составленной В. Г. Толстовым. Но «История» эта, представляя собой три объемистых тома, заключающих не только историю Хопёрского полка, но отчасти и всего Кубанского казачьего войска, для чтения нижними чинами по своей обширности и дороговизне мало доступна, и большинство из них

поэтому не знакомо с содержанием этого капитального труда, над которым автор его проработал более 10 лет. Обстоятельство это подало мне мысль прийти на помощь хоперскому казаку, составив для него «Полковую памятку», доступную для его понимания, читая которую он мог бы ознакомиться с главнейшими событиями прошлой жизни своего родного полка» [7, л. 1]. К рапорту была приложена рукопись сочинения А. Г. Рыбальченко на 276 листах с 22 рисунками. Ответа на этот рапорт в деле не сохранилось, но он был явно положительным, поскольку в 1910 г. в Екатеринодаре в типографии Кубанского областного правления книга была издана [8].

А. Г. Рыбальченко не ставил задачу подробного изучения, целиком следовал установкам В. Г. Толстова и определённой идеологической заданности «Памятки». Отдельные сюжеты были посвящены участию хопёрцев в Восточной (Крымской) войне, изменениям в комплектовании полка в связи с образованием Терского и Кубанского казачьих войск, службе хопёрцев на границе с Ираном в 1866–1877 гг., задействованности 1-го и 2-го Хопёрских полков на театрах военных действий Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., торжественному празднованию 200-летия полка и пожалованию ему Георгиевских знамён. Хронику боевых действий хопёрцев из объёмной полковой истории В. Г. Толстова А. Г. Рыбальченко продлил на начало XX столетия. Ряд разделов офицер посвятил участию казаков хопёрских станиц в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и миротворческой миссии в Закавказье, где казаки вынуждены были сдерживать развернувшееся армянско-азербайджанское противостояние, вести героическую борьбу с бандитами и террористами. Самостоятельное значение имеют приложения к «Памятке», в которых А. Г. Рыбальченко поместил исторические песни хопёрских казаков, дал описание знамён, обмундирования и вооружения полка, представил список станиц и посёлков Хопёрского полкового округа с указанием времени поселения, списки награждённых нижних чинов и офицеров за участие в разных боевых делах, перечни погибших и раненых хопёрцев и др. Издание украшали рисунки и фотографии шефов и командиров полка, офицеров и рядовых казаков.

Подготовил Александр Григорьевич и более краткий вариант «Памятки» объёмом в 16 страниц. Эта брошюра под названием «Краткая историческая памятка Хопёрских казаков» была издана в том же 1910 г. в Батагпашинске, в типографии Д. А. Паршина.

Тем временем подошёл срок отличному строевому офицеру принять в командование первоочередной полк. 6 декабря 1910 г. А. Г. Рыбальченко пожалован чин полковника, а 15 июля 1911 г. его назначили командиром 1-го Кизляро-Гребенского генерала Ермолова полка Терского казачьего войска [9, с. 376]. Со своим полком А. Г. Рыбальченко впервые принял участие в боевом походе в охваченный революционными волнениями Иран осенью 1911 г. Своими впечатлениями о походе А. Г. Рыбальченко поделился в очерке «Гребенцы в Персии», который был напечатан в четырёх номерах журнала «Разведчик» в конце 1913 г. В этом сочинении Александр Григорьевич обнаружил талант бытоописателя и наблюдательного рассказчика, сумевшего ярко изобразить передвижения полка и особенности полицейской службы казаков в этой стране.

Под редакцией А. Г. Рыбальченко вышла в свет в 1913 г. «Памятка гребенца», составленная подполковником Б. С. Эсадзе.

С началом Первой мировой войны 1-й Кизляро-Гребенский полк в составе 3-й Кавказской казачьей дивизии отправился на Западный фронт [10, с. 131]. 10 августа 1914 г. дивизия форсировала реку Серет, затем казаки сражались у Тарнополя и Золочева, в результате чего наступательный порыв 3-й австро-венгерской армии был сломлен, и последняя была отброшена по всему фронту. 21 августа казаки Рыбальченко вступили во Львов [11, с. 27]. Осенью 1914 г. на Карпатско-Галицком театре разыгралось упорное Лимановское сражение. В ноябре 1914 г. полковник Рыбальченко был ранен, но остался в строю [12]. За участие в этих боях полковник Рыбальченко в январе 1915 г. был награждён орденом Св. Владимира с мечами и бантом, получил мечи к ордену Св. Анны 2-й ст., а 15 февраля 1915 г. был награждён орденом Св. Владимира 3-й ст. с мечами.

4 июня 1915 г. полковник А. Г. Рыбальченко был назначен командиром 1-й бригады 4-й Кавказской казачьей дивизии и отправился на Кавказский фронт. В ходе контрнаступления группы генерала Н. Н. Баратова Александр Григорьевич возглавил отряд из трёх полков 1-й Кавказской казачьей дивизии, занявший селение Дутах. Высочайшим приказом, состоявшимся 21 января 1916 г., полковник А. Г. Рыбальченко «за отличие в делах против неприятеля» был пожалован чином генерал-майора [13]. Весной 1916 г., в ходе наступления на Мосул Александр Григорьевич командует Соуч-Булахским отрядом. За успешные боевые действия 1 октября 1916 г. Александр Григорьевич получил мечи к имевшемуся у него ордену Св. Станислава

2-й ст. 30 января 1917 г. в приказе №7 по 4-й Кавказской казачьей дивизии было объявлено: «Командир 1-й бригады 4-й Кавказской казачьей дивизии генерал-майор Рыбальченко назначен в распоряжение Наказного атамана Кубанского казачьего войска для формирования 4-й Кубанской казачьей дивизии, командовать которой он предназначается» [14, л. 16 об.]. В марте 1917 г. дивизия Рыбальченко выступила на Персидский фронт. 22 мая 1917 г. приказом по Армии и Флоту генерал А. Г. Рыбальченко за бои 1916 г. был награждён Георгиевским оружием.

Зимой 1917/18 г. строевые части Кубанского и Терского казачьих войск постепенно возвращались с фронта и демобилизовывались. Приказом по Кавказскому фронту №139 от 13 мая 1918 г. генерал-майор А. Г. Рыбальченко был награждён орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й ст. По сведениям И. Н. Дьякова, А. Г. Рыбальченко готовил к изданию рукопись «На Кавказском фронте» [15, с. 451], но что она из себя представляла: фронтовые записки или журнал военных действий, сегодня говорить сложно. Возможно, какие-то материалы сохраняла супруга генерала Пелагея Варлаамовна, дожившая до начала 1950-х гг.

О дальнейшей судьбе генерала мы пока тоже можем судить лишь по материалам И. Н. Дьякова. Этот автор сообщает: «На Всесвятском кладбище нашёл своё последнее убежище военный историк и общественный деятель А. Г. Рыбальченко. Большевики называли его «красным генералом», а белые – «предателем» и «отщепенцем» <...> Участник Первой мировой войны 1914–1918 годов, он хорошо знал цену солдатской и казачьей крови. <...> Когда белые утвердились на Кубани, деникинская контрразведка обвинила генерала Рыбальченко в «измене русскому офицерскому корпусу» и предала его военно-полевому суду. Генерал А. Г. Рыбальченко был расстрелян в марте 1919 года. Его похоронили родные и близкие на том месте, где сейчас горит Огонь Вечной славы» [15, с. 451].

Таким образом, в жизни и в военно-историческом наследии генерала А. Г. Рыбальченко остаётся ещё много открытых и нерешённых вопросов. Несомненно одно: Александр Григорьевич беззаветно служил своей стране пером и шашкой, активно способствовал сохранению исторической памяти казачества и преемственности поколений, нравственному и военно-патриотическому воспитанию казачьей молодёжи. Вместе со своим народом он прошёл через испытания тяжёлой войной и революцией, горько переживая, по-видимому, крушение мира, к защите

которого он так страстно призывал в своих произведениях, не желая в то же время участвовать в развернувшемся братоубийственном противостоянии.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 2. Д. 135.
2. Памятка гребенца. Очерк многовековой доблестной службы престолу и Отечеству 1-го Кизляро-Гребенского генерала Ермолова полка Терского казачьего войска и участия 5 сотни в юбилейных торжествах 300-летия царствования Дома Романовых в городе Костроме. Составил под редакцией командира полка, полковн. А. Г. Рыбальченко, подполковник Б. С. Эсадзе. Пересмотренное и дополненное издание 2-е, составляющее собственность полка. – Петроград, 1916. Прил. № 1.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 56. Д. 514.
4. *Желобов В. Н.* Кубанское казачество в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. – Краснодар, 2015. – 126 с.
5. *Толстов В. Г.* История Хопёрского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Составил есаул 1-го Кубанского полка В. Толстов. – Пятигорск, 2007. – 780 с.
6. *Баратов Н. Н.* Ставропольское казачье юнкерское училище 1870/71–1897/98. Памятка о двадцатисемилетней его жизни и деятельности. Составил Генерального штаба подполковник Н. Баратов. – Тифлис, 1898. – 186 с.
7. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 91816.
8. Памятка хопёрских казаков. Посвящается 1-му Хопёрскому Ея Императорского Высочества Великой Княгини Анастасии Михайловны полку Кубанского казачьего войска / Сост. А. Рыбальченко. – Екатеринодар, 1910. – 280 с.
9. *Стрелянов (Калабухов) П. Н.* Казаки в Персии. 1909–1918 гг. – М., 2007. – 380 с.
10. *Елисеев Ф. И.* Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах / Сост., предисл., иллюстр. Стрелянов (Кулабухов) П. Н. – М., 2001. – 320 с.
11. *Стрелянов (Калабухов) П. Н., Киреев Ф. С., Картагузов С. В.* Кубанские, терские и уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 года / Под общ. ред. П. Н. Стрелянова (Калабухова). – М., 2007. – 340 с.
12. <http://ria1914.info/index.php?title> (дата обращения 20.05.2016)

13. Приказ по Кубанскому казачьему войску № 144 от 27 февраля 1916 г.
14. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 18. Л. 16 об.
15. *Дьяков И. Н.* Всесвятское кладбище // Кубанский сборник. – Т. IV (25) / Научн. ред., сост. О. В. Матвеев, Г. В. Кокунько. Краснодар, 2012. – С. 436–464.

Минчев М. П. (Республика Болгария, г. София)

Государство и нация в Европе

State and nation in Europe

Последние два десятилетия прошедшего века, как и первое десятилетие настоящего века, как будто нам показали, что эти два понятия – государство и нация – уже устаревшие, поскольку устаревшими являются и те реальные явления, которые ими отражаются. В период всех этих 30 лет в интеллектуальной, как и в материальной жизни общества триумфа добились идеи неолиберализма – так именно считают все еще идеологи неолиберализма.

Но пренебрежительное отношение к этим двум исторически сформировавшимся общественным явлениям оказалось большой теоретической ошибкой. И эта ошибка не только теоретическая, но и практическая, с серьёзными негативными последствиями. Капиталистический глобализм сорвался. В кризис впал и капиталистический регионализм, имевший свой успех хотя бы десять лет назад.

Мы имеем отношение к таким историческим явлениям, которые на определённом этапе своего развития становятся институтами – такие явления суть семья, армия, церковь или государство и нация. Они становятся также объектами для различного политического подхода и научной оценки.

В связи с этой целью нам необходим короткий исторический обзор.

Классический и модернизированный либерализм видит эти институты как переходящие исторические явления. Для него они появляются на определённом этапе общественного развития, но рано или поздно их роль постепенно затихает и они исчезают. Единственно непреходящей ценностью, пока есть человечество, оказывается человек-индивид.

Другой, противоположный подход, – это подход консерватизма. Особое значение для него приобретают те институты,

которые после своего возникновения в обществе меняют свою форму существования, но сохраняют свою сущность и превращаются в созидающиеся элементы усложняющегося общественного бытия.

Есть, конечно, и такие явления, которые становятся общественными институциями, которые в определённую эпоху имели значение составляющего элемента общества, но после этого исчезали с его сцены.

Это тоже тезис консерватизма, который расширяет масштаб всех форм коллективного существования людей. Так формируется тезис теоретико-политического консерватизма, а именно: индивидуальный человек имеет свой смысл и свою ценность только в коллективных формах сосуществования. И ещё больше – он существует в них и благодаря им.

В истории так называемого Нового времени (“модерна”) эти два подхода, приобретающих форму теоретико-политических концепций либерализма и консерватизма, остаются непримиримыми альтернативами. Г. Гегель делает попытку динамически синтезировать их, а К. Маркс и Фр. Энгельс превращают их в один из основополагающих тезисов их философского учения – исторического материализма. В основе этого учения лежит формационный подход, направленный на мировой исторический процесс. С точки зрения этого подхода как государство, так и нация суть только и единственно явления классового общества, возникающие на определённом его уровне. Учение марксизма абсолютизировало этот подход и считало его единственно верным и (следовательно) единственно эвристичным.

После распада реального социализма и после наступившего в связи с этим кризиса марксизма в качестве его идеологического и мировоззренческого основания мы становимся свидетелями чего-то противоположного – концептуальной абсолютизации так называемого цивилизационного подхода к мировому историческому процессу. На самом деле оба подхода являются составными компонентами единого комплексного социо-исторического подхода. Им можно объяснить резко повышенный интерес ко всем вопросам, связанным с нациями. А национализм в качестве особой психологической установки сумел пересечь за короткое время весь Европейский континент – от Атлантики до Урала. Сила его проявлений разная в разных частях Европы, но везде к нему приклеивают позорную политическую этикетку – „популизм”. Это большая ошибка!

Возникновение настроений национальной самоидентичности, а также всё более ясный взгляд на национальный интерес, защищённый национальным государством, – это объективное явление, вызванное объективно действующими факторами, а не изобретение зломыслящих политических демагогов.

В появлении этого вторичного, особенно для Западной Европы, национализма нет ничего странного. Вместе с разрушением восточно-европейского реального социализма начинает исчезать быстрыми темпами и его противоположность, западноевропейская модель социального государства. Одно за другим пропадали социальные обеспечения трудовых слоёв, которые были гарантированы первыми десятилетиями после Второй мировой войны в Западной Европе. Начал триумфировать корпоративный капитализм.

Уязвлённые общественные слои – мелкая буржуазия и широкие массы наёмного труда – постепенно, за три десятилетия, стали благодатной почвой просыпания заснувшего после Второй мировой войны национализма Европы. Всё это имеет своей причиной социально-классовый, формационный анализ периода второй половины XX века Старого континента.

К концу прошедшего столетия мощно стали действовать и другие факторы, связанные с формационными факторами, но имеющие и собственную специфику. Это и есть глобализм как практика могущего корпоративного капитала и как теоретическая догма неолиберальной интеллигенции.

Употребил слово „догма” и настаиваю на нём. Обосновывая неизбежность экономической глобализации реальной экономики, особенно финансов, теоретики неолиберализма громили все остатки традиционных институций и архаических ценностей. Самый сильный и целенаправленный удар был нанесён по идее национального государства, т.е. по двум важным исторически и объективно возникшим институциям – по нации и государству.

Но стремление ограничить их значение в общественной жизни после Второй мировой войны при помощи буржуазного регионализма привело к идее создания объединённой Европы, без значения, что наименования объединения менялись во времени.

Глобалистский проект создать новый, более гармонический порядок, чем старый провалился и быстро свалился в банальный империалистический экспансионизм. Мир стал более нестабильным, чем раньше. Следствием всего этого стал идущий к провалу самый успешный проект глобализма – Европейский

союз. Выход Великобритании из Союза, установление „двух скоростей” развития его членов – это есть первые шаги к провалу Союза как общеевропейского проекта.

Это вполне естественно! Геополитический статус северно-европейских государств отличается от статуса южно-европейских. Ещё более специфичен этот статус в восточной и западной части Старого континента. Что ни говори, Восточная Европа сегодня есть колониальная периферия Западной Европы. Единственное исключение на Востоке – это самая большая страна – Россия. У неё могучий геополитический потенциал, комплекс материальных факторов, составляющих потенциал.

Таково положение не только государств, но и наций Европы.

Как отдельные государства, так и нации Европы возникают в разные исторические моменты. Есть старые и новые страны, есть старые и молодые нации. И по сей день возникновение новых наций в Европе продолжается.

Как ни странно, но самый динамический в своём геополитическом реструктурировании и есть Старый континент. Пока это в большей мере относится к восточной его части, нежели к западной. Но даже и на территориях больших европейских стран всё более ясно набирают силы этнокультурные общности, у которых завтра будет законченная национальная самоидентичность.

Между прочим они ещё сегодня подчёркивают свою национальную специфику, что всё ещё недостаточно для того, чтобы создать на территории, где они живут, своё национальное государство. Так или иначе, процесс уже идёт и его назвали „сепаратизмом”.

То, что предстоит Западной Европе, для Восточной Европы уже прошлое. И причина этому – геополитическое различие восточной и западной части Старого континента. Западная часть открыта к Мировому океану и у неё вполне объективно благоприятные геополитические предпосылки вести без усилий глобальную политику.

Восточная и Центральная Европа не имеют такой объективной возможности – они живут в других геополитических условиях, что даёт другое обличье их меняющимся во времени ситуациям. История здесь дала другой – и по времени, и по форме – способ формирования отдельных государств и наций. В большей своей части на заре Нового времени эти страны потеряли свой государственный суверенитет и стали периферией четырёх восточноевропейских империй – Османской, Российской,

Германской и Австро-Венгерской. В этих периферийных областях на основании этнической компактности и общности языка и специфической культуры началось формирование наций Центрального и Восточного европейского региона.

Начало национального возрождения периферийных этнических анклавов относится к середине XVIII века – в пиковую точку эпохи Просвещения. Можем объяснить это резким повышением и расширением образованности: периферийные этнические группы излучают собственную интеллигенцию, которая выполняет две важные задачи: восстанавливает этнокультурную память своего народа и конституирует единый нормативный народный язык. Этнокультурный массив переходит в единую нацию, которая ставит своей целью создать на территории, где она живёт, своё национальное государство.

Этот исторический путь прошли почти все восточноевропейские нации – от финнов на севере до греков на юге. Подобное по смыслу, но отличающееся по формированию есть и развитие титульной немецкой нации в Германской и Австрийской империях.

Таковым является и случай турецкого национального самосознания, которое осязаемым образом стало формироваться после Русско-турецкой освободительной войны 1877–1878 гг., оно окончательно эмансипировалось от османско-имперского самосознания после Первой мировой войны. За эти 40 лет окончательно закончилось восстановление государственности балканских наций, начало которого относится к рождению XIX века.

Национальные государства в остальной части Восточной Европы возникли после Первой мировой войны в результате распада Германской, Русской и Австро-Венгерской империй. Но весь этот ряд небольших европейских стран, сформировавшийся в направлении север-юг, стал истоком нестабильности и напряжения, а страх реакционных режимов этих стран от появления СССР – огромного и могучего социалистического государства – превратил их в „санитарный кордон” возле него.

За исключением Чехословакии (и скорее её части Богемия и Моравия) остальные восточноевропейские страны были экономически слабыми: незначительно развитая промышленность и ещё менее развитое сельское хозяйство. Кроме этого многовековое существование в пределах больших империй стёрло резкие этнические границы между ними. И этот факт значим для всех стран региона без исключений, хотя

оставался скрытым, а сейчас он источник межнациональных враждебных и невыносимых эмоциональностей. В подобной геополитической обстановке наладились крепкое единство и взаимозависимость между завершением облика данных наций и строительством их государств. Это был апофеоз национального государства как особенной исторической формы идеи государственности – что относится даже к таким бывшим имперским странам, как Германия и Турция.

Двадцатилетний период – с конца Первой мировой войны и до конца 30-х годов XX века – прошёл в незатихающем напряжении для Восточной Европы, что и находило своё распространение по всему континенту. В периоде 1939–1941 годов восточноевропейское геополитическое пространство необратимо дестабилизировали и оно стало заложником гигантского классового и цивилизационного столкновения между фашизированной Европой и СССР. От „санитарного кордона” оно перешло в боевое поле.

Не просуществовал долго и сталинский проект послевоенной Восточной Европы. Исходя из него страны региона должны были создать особую полосу не социалистического, а народно-демократического типа, дружески настроенного к СССР. Но из-за холодной войны начатое осуществление этого проекта прекратилось. Его заменили другим – советизацией Восточной Европы. Таким образом был создан блок социалистических стран, у которого была своя экономическая и военная организация.

В этом блоке отсутствовали Финляндия, Греция, Югославия, а с течением времени и Албания. Из них только у Финляндии была общая граница с СССР.

В результате Второй мировой войны установленные границы в Восточной Европе очерчивали более ясно, более точно и более справедливо национальные территории стран региона. Этот факт, как и единая государственная идеология данной геополитической общности, не только снимал напряжение между включёнными в неё национальными странами, но и содействовал их национальному восходу культуры, как и созданию их собственного национального хозяйственного комплекса.

Таковы предпосылки наличия государственного суверенитета каждой нации, возможного в своей максимальной степени.

Это положение коренным образом изменилось в самый конец 80-х годов прошедшего века, когда была разрушена социалистическая общественная система, установленная

в странах Восточной Европы. Притом изменилась не только геополитическая значимость региона, но и условия, в которых должно было существовать и развиваться национальное государство.

Изменение было резким и глубоким, или, как и называли его тогда, шоковым. Оно не затрагивало только экономику, хотя она и была основополагающей. Устремлённые к членству в Европейский союз и НАТО новые элиты восточноевропейских стран не сумели предвидеть последствий, которые принесёт им это членство в связи с существованием самой модели национального государства.

Ослеплённые своим антикоммунизмом, эти элиты недооценили коренным образом различающуюся общественной и геополитической атмосферы, в которой существовала Западная Европа – недооценили различия между интеграционными процессами Запада и Востока. Европейский союз не есть единственно общий рынок, он есть общая реальная экономика и общие финансы. Национальные хозяйства в классическом смысле понятия перестали существовать. Не существует и реального государственного суверенитета стран – членов ЕС.

В восточной модели, представленной СЭВ, национальные хозяйства имели роль фундамента интеграционных процессов. И не только это, они были экономическим фундаментом и национального государства, гарантом её суверенитета.

Не прошло больше 20 лет от включения большинства восточноевропейских стран в ЕС и идея национального государства всплыла с небытия. За последние годы общественные процессы всего Европейского континента достаточно ясно свидетельствуют об этом.

Это положение Восточной Европы является результатом геополитической ситуации континента после османской инвазии и открытия Америки в самом конце XV века. С тех пор прошло больше четырёх веков, полных драматизма и трагических переломов истории.

Выражаясь в образах, географическое положение Восточной Европы определило ход её истории. Но верна и противоположная зависимость – геополитический профиль и значимость Восточной Европы всего XX века и начала настоящего определяются скрыто или открыто действующими динамическими историческими факторами. Исследование этих факторов, их сущности и содержания, смысла и последствий есть объект не геополитики. Оно есть объект

другой, близкой, но неидентичной с нею политической науки, которую можем назвать именем античной музы истории – клиополитикой.

Клиополитическое исследование пользуется данными исторической науки, но не совпадает с нею, как и геополитика не совпадает с наукой географии.

Клиополитический анализ данного общественного явления или события не занимает место геополитического анализа, но обесмысливает его. Напротив – дополняет его.

Оба вида анализа являются диалектически и неразрывно связанными, что даёт возможность представить адекватную картину настоящего, а также точнее прогнозировать будущее.

А почему и не сотворить его!

Мичурин В. В. (г. Краснодар)

Проблема антиномичности и идентичности русского духа в философии Н. А. Бердяева

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому анализу проблемы антиномичности и духовной идентичности в трудах Н. С. Бердяева, считавшего, что внутренние неразрешимые противоречия в русской духовной жизни являются причиной неустроенности русского быта и метаний народа в поисках правильного пути государственного развития. Философ рассматривал возрождение русской духовности через изменение русского характера и принятие универсальных культурных ценностей европейской христианской цивилизации.

Ключевые слова: русская духовность, антиномичность, русский характер, идентичность, Н. А. Бердяев, культура, национализм, Восток, Запад, духовные ценности.

The problem of the antinomy and identity of the Russian spirit in N. A. Berdyaev

Abstract. The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the problem of antinomy and spiritual identity in the works of N.S. Berdyaev, who believed that the internal insoluble contradictions in the Russian spiritual life are the cause of the disorder of Russian life and the throwing of the people in search of the right path for state development. The philosopher considered the revival of Russian spirituality through a change in the Russian character and the adoption of universal cultural values of the European Christian civilization.

Keywords: Russian spirituality, antinomichnost, Russian character, identity, N.A. Berdyaev, culture, nationalism, East, West, spiritual values.

Противоречия русского духовного бытия и попытки его идентифицировать с западной или восточной цивилизациями нашли отражение в философской мысли XVIII – начала XX века. В данной статье представлен анализ концепции русского религиозного и политического философа Н. А. Бердяева об антиномичности русского характера и духовной идентичности России. Сам мыслитель часто противоречил сам себе в своих суждениях о миссии России в мировой истории. Это было связано с тем, что эпоха, в которую он жил, была насыщена событиями, кардинально поменявшими жизнь Российского государства, а вместе с этим менялись и взгляды философа и он сам. Историческая концепция Бердяева была основана на призыве к социальной активности России на завершающем этапе последовательного восхождения человечества к духовному преображению мира и Царствию Божьему. Революция 1917 года оказала большое влияние на мировоззрение мыслителя. Его работы значительно отличаются от тех, которые он написал ранее. Это выразилось в отказе от русской идеи как архаичной системы ценностей и обвинении русской интеллигенции в том, что она отошла от истинно русских духовных начал. Труды мыслителя: «*Душа России*» (1915), «*Судьба России*» (1917), «*Русская идея*» (1946) посвящены поискам смысла существования русского человека, выявлению причин, связанных с неустроенностью русского бытия и неразумным выбором путей развития государства. В них дана подробная характеристика специфической двойственности русской души, следствием которой являются все беды русской нации.

Именно Первая мировая война, отмечает Бердяев в работе «*Душа России*», поставила вопрос о русском национальном самосознании. Она привела к непосредственному столкновению двух миров Запада и Востока и великой духовно-исторической драме. Война, по его мнению, могла принести России великие блага, не только материальные, но и духовные, поскольку пробуждала в русском народе чувство национального единства, помогала преодолеть внутренний раздор и вражду, изобличала ложь жизни и выявляла истинный лик России. Но существовало ещё одно противоположное суждение о том, что война не

только может дать позитивный момент для объединения нации, но, одновременно русский народ мог попасть в плен ложного национализма, плениться идеалами мирового господства чуждого славянской расе. Сам Бердяев был противником войн и насилия в любом виде.

Философ охарактеризовал западный и восточный мир и влияние их культур на русский быт, нравы, характер. Русский народ он рассматривает в полярных противоположностях, антиномичности. Антиномия характеризуется принципами фундаментальной двойственности и парадоксальности. По мнению мыслителя, русский народ имеет постоянные внутренние неразрешимые противоречия в своей духовной жизни. При всём своём величии Россия характеризуется самоотрицанием русской души. Периодическое отрицание своих достоинств и заслуг в России чередовалось с подъёмом национального самосознания, патриотизма и даже элементами национализма.

Эта концептуальная проблема и её нерешённость порождают необходимость идейного поиска. Русское общество не может найти разумное бытие и содержание в мировой истории в целом, и поэтому, пишет Бердяев, мы сами страдаем. Русский дух двоятся. Россия противоречива и непостижима для западного ума. Подойти к разгадке тайны можно только признав её антиномичность. Присутствует фальшивая идеализация, бахвальство, бесхарактерное космополитическое отрицание и иноземное рабство – от всего этого нужно народу отойти.

Бердяев особо выделяет противоречие духа русского народа духу русской государственности. Философ говорит об аполитичности народа, анархичности и безгосударственности. По его мнению, русские люди самые «беззаконные» и во всём переступают правовые пределы. Анархистами в его понятии являются и славянофилы, и Ф.М. Достоевский, и Лев Толстой. Анархизм как явление нашёл выражение в стремлении русской интеллигенции к свободе и правде, а это не совместимо, по мнению философа, с государственностью. Аполитичность же русского народа и нежелание управлять государством Бердяев доказывает призыванием варягов на Русь. Это роковая, исторически обусловленная неспособность и нежелание решать самим свои проблемы. Кроме того, русский народ, как отмечает автор, привык жить коллективно, в истории его не было рыцарства, присущего Европе, которое бы создало благодатную почву для чувства личного достоинства и чести, создало бы закал личности. Поэтому и русский анархизм женственный, а не мужественный, пассивный, а не активный.

Россия самая государственная и бюрократическая страна, которая выковалась в борьбе с «татарщиной». Все силы народа положены на создание и укрепление государства, а на свободную творческую жизнь их не осталось, русская личность подавлена. Бюрократия достигла немыслимых размеров и живёт своей жизнью. Органически вошла в русскую жизнь и «немецина». Парадоксально, что ни одна философия, по мнению мыслителя, не смогла найти ответ на вопрос: каким образом самый безгосударственный народ смог создать такое могущественное государство? Почему самый анархичный народ такой покорный бюрократии, свободный духом не хочет быть свободным? По мнению автора, такая антиномичность проходит через всю русскую жизнь. Она в основе ментальности русской нации.

Что касается русского национального самосознания, то здесь Бердяев отмечает следующее противоречие: с одной стороны, Россия самая нешовинистическая страна, для неё национализм нечто наносное, чуждое, с другой – присутствует сверхнационализм. Бердяев говорит о том, что другие нации: немцы, французы, англичане – полны национальной самоуверенности и самодовольства. Русская нация стыдится сама себя. Нам чужды понятия национальной гордости и, к сожалению, национального достоинства. Сам Бердяев был противником национализма. Насилие над свободой человека и насилие в любом его проявлении вызывали у него гнев. «В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность неведомая западным народам. Русская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму и гнушалась им как нечистью» [3, с. 300]. Национализм, который появился в России, – это продукт европеизации, считает Бердяев. Миссия России – освободительницы всех народов. Антитезис у Бердяева – Россия самая националистическая страна, страна, которая единственная считает себя вправе отвергать Европу, как «исчадие ада», обречённое на гибель. Итак, с одной стороны, русское смирение, с другой – необычайное самомнение. Это самомнение выражено в том, что Россия почитает только себя единственно христианской страной. Ложным является и то, по мнению автора, что католичество отрицается как христианство, поскольку оно развито на Западе. Для России характерен церковный национализм.

По мнению философа, специфическая двойственность России совмещает в себе элементы и Востока и Запада. Будучи уже в эмиграции Бердяев опубликовал в 1930 году в журнале «Путь», издававшемся в Париже, работу «Восток и Запад».

В ней он рассуждая об отличии западного мира от восточного, выделил два душевных типа людей, национальностей, культур: «один замкнутый в себе, ищущий в себе совершенства и находящий его в конечном, другой тоскующий по иному, чужому миру, нуждающийся в выходе из себя и ищущий совершенства в бесконечном» [1, с. 97].

Россия, считает мыслитель, – это особый целый мир, в котором произошла встреча Востока и Запада. Эти соединённые элементы ведут вечную борьбу. Источником сложности судьбы государства является именно то, что она нечто среднее Востоку-Запад. «Русский человек тоскует по Западу и мечтает о нём. Он хочет выйти из восточной замкнутости и ищет пополнения» [1, с. 103]. И всё же русская духовность чужда Западу и его просвещению. Элементы западной культуры не только порознь наблюдаются в России, но и противостоят друг другу. Эти элементы были усвоены только узким слоем интеллигенции, которые оторваны от основного народа. Само же образованное общество только поверхностно усвоило основы западной культуры. При всём своём величии Русское государство всё же нездорово. Духовность разрознена.

Вслед за Чаадаевым он считает, что Запад, несомненно, имел великую миссию во всемирной истории и обнаружил исключительные «дары» в её выполнении. Предназначением Запада было развитие человеческого начала в культуре, усложнение и уточнение душевного мира человека, выработка формальных начал в мышлении и творчестве. Что же касается России, то у неё не могло быть миссии, хотя национальная мысль питалась долгое время чувством богоизбранности. Это ложное суждение, поскольку оно идёт от старой идеи, ещё со времён идеи Москвы как Третьего Рима. «Не может человек всю жизнь чувствовать какое-то особенное и великое призвание и остро осознавать его в периоды наибольшего духовного подъёма, если человек этот ни к чему значительному не призван и не предназначен. Это биологически невозможно. Невозможно это и в жизни целого народа» [3, с. 296]. Россия не играла никакой роли в мировой истории и поэтому не может говорить о богоизбранности, богоносности и особой какой-то миссии. Бердяев не видит в России особого предназначения, так как считает, что она хоть и Великая, но остаётся уединённой провинцией для Европы, так как её именно духовная жизнь обособленная и замкнутая. Россия не знает мир. Русская духовность имманентна по отношению к культуре европейского человечества и остаётся внутри границ

возможного западного опыта. И для Запада Россия трансцендентна, недоступна познанию других. Она нечто непонятное и экзотическое для них. Тем не менее, чем непонятнее Россия, тем более она привлекает Запад и желание узнать её. Мировая война, считает он, должна была в кровавых муках родить твёрдое сознание всечеловеческого единства, в котором Россия должна была сыграть роль посредника между Востоком и Западом. Она должна была стать Востоко-Западом и привести человечество к единству. Речь шла о мессианском христианском сознании, которое в наступающую эпоху должно было раскрыть свои духовные силы при помощи славянской расы, во главе которой должна стоять Россия. Но для этого русское сознание должно очиститься от языческого плена, а именно от идей славянофильства, противопоставлявших себя Западу. Итак, Россия не может и не должна себя противопоставлять Западу или определять себя только Востоком. Россия – соединение двух миров, Востоко-Запад.

В религиозном вопросе, сравнивая оба мира, мыслитель отдаёт должное и первенство Востоку, характеризуя его как «страну откровения», поскольку там Бог говорит «с человеком лицом к лицу». Все религии возникли на Востоке. Запад же не создал ни одной. Но Запад тоже внёс свою лепту в развитие христианства методами цивилизации, в отличие от Востока, который слышит голос Бога напрямую. Русский человек упоён святостью, но он же упоён и грехом. Философ, связав свою жизнь с религиозной философией, отмечал, что перед Первой мировой войной произошёл всплеск общественного сознания, это явление сопровождалось, по его мнению, дехристианизацией.

Итак, рассмотрев антиномичность русского характера, Бердяев приходит к выводу о том, что русская духовность парадоксальна и противоречива, так как в ней бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством; бесконечная любовь к людям – поистине Христова любовь сочетается с каким-то человеконенавистничеством и жестокостью, жажда абсолютной свободы во Христе находится одновременно с рабьей покорностью. Антиномичность русской души не знает в своих устремлениях границ. «Корень этих глубоких противоречий – в несоединённости мужественного и женственного в русском духе и русском характере. Безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество – вечным застоём, потому что мужественная

свобода не обладает женственной национальной стихией в России изнутри, из глубины. Мужественное начало всегда ожидается извне, личное начало не раскрывается в самом русском народе. Отсюда вечная зависимость от инородного» [3, с. 304]. Поэтому всё, что было освобождающим и оформляющим в России, было нерусским, заграничным. Итак, конституирующим признаком русского народа Бердяев считал антиномичность, как онтологическую двойственность души русского народа. Самая большая проблема – это отношение русского человека к своей русской земле. Прежде всего нужно любить свою землю, – пишет Бердяев, «любить во всех её противоречиях», с её грехами и недостатками, иначе невозможно что-то сотворить, изменить. Но такая любовь не есть рабство по отношению к земле, государству. Душа России не склоняется перед золотым тельцом. Россия должна быть для русских дорога во всех проявлениях её противоречий, в своей стихийности. Недостаток мужественного характера, отвержение рыцарского начала препятствовало возрождению России. Антиномия русского бытия должна быть перенесена внутрь русской души, которая станет мужественно-жертвенной. Российская сохранённая самобытность позволит объединить Восток и Запад, создать новый мировой порядок, мир понимающих друг друга культур, но это возможно, по мнению Бердяева, только если она станет частью Европы. Разочаровавшись в итогах Первой мировой войны, Бердяев считал, что Россию нельзя излечить одними политическими средствами, необходимо обратиться к большей глубине, духовной: «Русскому народу предстоит духовное перерождение. Но русский народ не должен оставаться в одиночестве... Во всём мире, во всём христианском человечестве должно начаться объединение всех положительных духовных, христианских сил против сил антихристианских и разрушительных [2].

Итак, для возрождения духовности необходимо перевоспитание русского характера. Мы должны будем усвоить некоторые западные добродетели и при этом оставаться русскими. Должны почувствовать в Западной Европе ту вселенскую святыню, которой и мы сами были духовно живы. Русский мыслитель справедливо полагал, что Россия должна не копировать Запад, а свободно развиваться по своему собственному уникальному духовно-историческому пути. Только в этом случае она сумеет реализовать свою универсальную христианскую миссию.

Список источников и литературы

1. Бердяев Н. А. Восток и Запад // Журнал Путь. №23. Париж, 1930. URL:.
2. Бердяев Н. А. Судьба России // URL: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyayev/1918_15_0.html
3. Маслин М. А. Русская идея. М., 1992.
4. Новая философская энциклопедия. М., 2010.

Муликова Н. А. (г. Ставрополь)

Современный цивилизационный кризис: смена мировоззренческих координат

Аннотация. В современных условиях всё более актуальным становится исследование трансформации смысловых полей глобального информационного поля и смена ценностно-смысловых координат. Возможна реализация различных проектов, от неоллиберализма, претендующего на объединение человечества и создание универсальной глобальной идентичности, преодолевающей национальные и культурные границы, государственные и культурные суверенитеты, до отстаивания стратегии многополярной структуры мира, где каждая мировая цивилизация, отличающаяся культурно-историческим своеобразием, по-своему решает главный общечеловеческий императив современности. Особую роль в данном процессе играет Россия, которая выстраивает ценностно-смысловую координату многополюсной системы мира.

Ключевые слова: информационная война, цивилизационный кризис, гибридная война, виртуальная реальность, сетевая война, манипуляция сознанием.

The modern civilizational crisis. Worldview coordinates changes

Abstract. The research of semantic fields transformation of the global learning field and axiological coordinates change become more and more actual in the modern world. There may be various projects realization: from neoliberalism that claims to the human uniting and creation of the global universal identity moving beyond national and cultural borders, state and cultural sovereignties, to upholding the strategy of the multipolar word structure where each world civilization with its own culture-historical identity resolves the main universal imperative of the contemporaneity in its own

way. The essential role in the process belongs to Russia that sets an axiological coordinate of the multipolar system of the world.

Keywords: informational war, civilization crisis, hybrid war, virtual reality, web war, mind control.

Становится всё более очевидным, что начавшийся в 2008 году в США глобальный кризис в первом двадцатилетии наступившего века ещё не закончится. Об этом говорит и рост масштабов распространения кризисных явлений, и увеличение скорости смены кризисных форм – информационных войн. И если в 2005 году основоположник современной войнологии А. А. Зиновьев писал о «холодной» информационной войне, «тёплой» войне, использующей элементы «горячей», и о «глобальной» войне нового типа – войне эволюционной – за всю последующую эволюцию человечества» [1, с. 270–286]. То спустя только 10 лет политики философы и политологи констатируют распространение на планете так называемых «сетевых войн», порождающих социальный хаос и цивилизационную стратегическую нестабильность XXI века (А. С. Панарин, А. Г. Дугин). Современные исследователи отмечают также «эскалацию глобальной гибридной войны, которая уже привела к гуманитарной катастрофе Югославии, Ближнего Востока и Украины» (С. Глазьев). Глобальная гибридная война продолжается и в форме санкций, и форме «цветных революций», и в форме глобальных торговых и валютных войн. Не вызывает сомнения и тот факт, что такое «ускоренное» совершенствование информационных войн вызывает «быструю» эволюцию их смысловых полей и смену ценностно-смысловых координат.

Но учёные спорят и рождают истины. А информационные войны ведутся политиками, экономистами, информациологами и политологами, которые подбирают наиболее соответствующие их интересам истины, их значения и смыслы и формулируют из них смысловые поля (для манипуляции сознанием масс) и ценностно-смысловые координаты (для элиты).

В настоящее время, после «великого переселения» южных народов в северные европейские и американские страны, усиление и распространение мусульманского фундаментализма и международного терроризма, и после раскола американского общества на выборах Д. Трампа Президентом США, в мире происходит трансформация смысловых полей глобального

информационного поля и смена ценностно-смысловых координат (векторов), для «внутреннего потребления» истеблишментом. Стратегические координаты выстраиваются вокруг идеи глобального универсального однополюсного мира под эгидой США, с одной стороны, а идеи многополярного мира (возможны 3 или 4 полюса – США, Китай, Россия, а вероятно, и Индия), с другой. В первом случае представлен социально-политический проект неолиберализма, претендующий на объединение человечества и создание универсальной глобальной идентичности, преодолевающей национальные и культурные границы, государственные и культурные суверенитеты. Это стратегия Западных элит, претендующих на мировую гегемонию в однополюсном мире под эгидой США. Во втором случае отстаивается стратегия многополярной структуры мира, где каждая мировая цивилизация, отличающаяся культурно-историческим своеобразием, по-своему решает главный общечеловеческий императив современности: коэволюция Природы и Человека, определяющая дальнейшие пути ноосферогенеза (В. И. Вернадский, Н. Н. Моисеев).

Это наиболее распространённая и понятная интеллектуальная технология, философская сущность которой выражается в обыденном сознании смысловой формулой: «живи сам и давай жить другим». Она выражает подсознательную фундаментальную потребность организмов: «размножаться, чтобы существовать», реализуемую в другой потребности: «существовать, чтобы размножаться».

С её помощью легко манипулировать массовым сознанием. Например, распространяя миф о том, что Западное общество якобы является носителем передовых идей и достижений, а российское общество отстает в своём развитии и нуждается в догоняющей стратегии, ликвидирующей отсталость, – прививается массовому самосознанию сентенция об отставании российского образования, о необходимости Болонского процесса. Иногда оппозиция мотивационных смыслов подпитывается идеей неприимимого, враждебного антагонизма, якобы существующего между двумя мирами: цивилизацией Запада и цивилизацией Русского мира.

В концепции виртуальной реальности С.С. Хоружего [3], в которой он строит «триадическую модель мира», категория «энергия» максимально приближена к категории «энтелехия» (осуществление), находясь в эссенциально-энергетическом дискурсе между категориями «сущность» и «энтелехия», где она

(энергия) становится доминирующим началом в структуре события и не подчинена «сущности – энтелехии».

С точки зрения концепции культуры времени [2, с. 258–273], триада мировоззренческой диспозиции (в отличие от диалектики мотивационных смыслов оппозиции), по существу, обеспечивает смену мировоззренческих координат (векторов, конечных целей и желаемых результатов) глобальной гибридной войны, оставляя в центре внимания коллективно-пространственное «плато» – место мысленно возможного (виртуального) применения различных форм условно-внутреннего и условно-метавнешнего (глобального, переходного, промежуточного) манипулятивного воздействия на массовое сознание цивилизационных субъектов (личностей или общностей любого масштаба, обладающих культурой самосознания, поведения и деятельности, идентифицирующих себя с культурой определённой цивилизации).

Посредством смены мировоззренческой диспозиции информационной войны вашингтонские элиты пытаются остановить тотальное разрушение глобального доминирования США в однополюсном мире. В этой диспозиции смысловых полей информационной войны (в данном случае глобальной гибридной войны) исчезают разграничения между специфически военными и мирными средствами. Они подменяются координатами якобы метавнешних, глобальных целей, например освоение Вселенной, неизбежность подготовки космических войн, путешествия на Марс и т.п. К внешним мировоззренческим координатам относятся задачи и цели противостояния США с Китаем, который опередил их по производству продукции, по экспорту высококачественных товаров, продолжает многократно опережать по темпам экономического роста. То же касается Индии. Мировоззренческую диспозицию представляет и Россия, которая на миллиардном международном рынке представляет, казалось бы, наименьшую демографическую опасность (всего 140 млн населения, а на такой рынок надо конкурентно выходить, имея не менее 450 млн человек). Однако огромная сырьевая база, расположенная на территории России – крупнейшей в мире страны-цивилизации, заставляет акцентировать внимание на политико-мировоззренческих аспектах этой диспозиции.

Россия в этой информационной войне выстраивает ценностно-смысловую координату многополюсной структуры мира, с которой вынуждены считаться и США, и Китай, и Индия, и др. страны. Как и каждой из названных стран, России

придётся выстраивать и двусторонние, внешние диалектически-оппозиционные отношения с каждым из полюсов, и с каждой из других стран. Важными становятся только начавшие формироваться трёхсторонние связи (блоковые) между действующими мировоззренческо-диспозиционными полюсами, взаимодополняющие связи. Наконец, актуализируются внутренние мотивационные оппозиционные связи, обеспечивающие монолитное единство народа России как страны-цивилизации вокруг русской нации.

Список источников и литературы

1. *Зиновьев А. А.* Распутье. – М.: Элефант, 2005. – 896 с.
2. *Каширина О. В.* Культура времени как мировоззренческая парадигма и интеллектуальная технология практической философии // Социально-гуманитарные знания. 2013, № 1, с. 258–273.
3. *Хоружий С. С.* Род или недород // Вопросы философии, 1997, № 6, с. 28–39.

Нижников С. А. (г. Москва)

Г. Федотов и Ф. Степун о феврале 1917 г.

Аннотация. Спустя сто лет в статье рассматриваются события Февраля 1917 г., анализируются их итоги в оценках отечественных мыслителей, прежде всего Г. Федотова и Ф. Степуна. Несмотря на разнообразие оценок, автор приходит к выводу о взаимосвязанности Октября и Февраля. Указывается на актуальность осмысления данного трагического исторического опыта для извлечения уроков относительно дня сегодняшнего.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Февральская революция, интеллигенция, либерализм, новгородская идеология, христианский социализм.

Fedotov G. & Stepun F. about February 1917

Abstract. After a hundred years the author examines events of February 1917, analyzes their results in valuations of such Russian thinkers as G. Fedotov and F. Stepun, In spite of different points of view the author comes to conclusion about correlations between the October and February. He stresses the actuality of comprehension this tragic historical experience for extraction from it lessons for present time.

Keywords: October revolution, February revolution, intelligencia, liberalism, novogradskaya ideology, Christian socialism.

Отечественный историк-медиевист, философ и культуролог Георгий Петрович Федотов (1886–1951) полагал, что революция 1917 г. была неслучайной. Вместе с тем он не разделял точку зрения Н. Бердяева, согласно которой она была единственно возможным результатом русской истории, так как был принципиальным противником любых концепций исторического детерминизма: «Не разделяя доктрины исторического детерминизма, мы допускаем возможность выбора между различными вариантами исторического пути народов. Но с другой стороны, власть прошлого, тяжёлый или благодетельный груз традиций, эту свободу выбора чрезвычайно ограничивает» [1, IX, с. 128].

В статье «Революция идёт» (1929) Федотов пытается разобраться в причинах «трагического срыва», произошедшего в России 1917 г. Здесь досталось всем – и консерваторам, и либералам, и, конечно, монархии. Во всех идеологических и партийных течениях прошлого он обнаруживает примитивно-извращённое западничество и беспочвенность. Однако петровская Россия для него была не только не изменой, «но и обретением собственной сущности в заимствованных формах культуры». В русской истории роковую роль сыграли две фигуры – Николай II и Ленин: «Первый спустил революцию, второй направил её по своему пути» [1, II, с. 231, 172]. Но как же быть дальше, что произойдёт с Россией в будущем?

Федотов явился создателем одного из вариантов «пореволюционной» идеологии. С 1931 по 1939 г. он, совместно с И. И. Фондаминским и Ф. А. Степуном, издавал журнал «Новый град. Философский, религиозный и культурный обзор», развивая тему христианского социализма, стремясь преодолеть интеллигентщину на путях религиозной культуры. Он стремился соединить, казалось бы, несоединимое: средневековье и гуманизм, христианство и социализм, культуру и эсхатологию; преодолеть крайности антропоцентристского и теоцентристского истолкования культуры. Христианская вера соседствует в нём с либерализмом и общечеловеческой надеждой; вера в Россию и любовь к ней – с верой в «свободолюбивый» Запад. Он выступал против как фашизма, так и коммунизма в надежде на торжество свободы. При этом он стремился совместить свободу с социализмом, призывал к его новому рождению, что должно привести если не к Царству Божию на Земле, то, по крайней мере, к справедливости. По мысли В. Ф. Бойкова, «перед нами вариант христианского социализма с консервативно-культурными и либерально-политическими тенденциями» [2, I, с. 21–22].

Фёдор Августович Степун (1884–1965) так сформулировал синтетический смысл новоградской идеологии: «Все мучающие современность тяготы и болезни связаны в последнем счёте с тем, что основные идеи европейской культуры – христианская идея абсолютной истины, гуманистически-просвещенческая идея политической свободы и социалистическая идея социально-экономической справедливости – не только не утверждают своего существенного единства, но упорно ведут озлобленную борьбу между собою... Выход из этого положения – в органическом, творческом сращении всех трёх идей», в идеологии «духоверческого свободолюбивого социализма». В связи с этим Степун полагал, что «превращение России в типично капиталистическую страну было бы величайшим преступлением как перед идеей социального христианства, так и перед пережитыми Россией муками» [3, с. 431–432, 350]. В этом же русле высказывался и Г. Федотов, называя социализм «блудным сыном христианства» [1, V, с. 238]. Известный автор книги о втором поколении русских эмигрантов Владимир Варшавский, анализируя деятельность новоградцев, пришёл к выводу, что в их синтетическом «сращении всех трёх идей европейской культуры “Новый град” оставлял позади вековой междоусобный спор двух враждующих лагерей русской интеллигенции – западнического, в самом широком смысле, и славянофильского, в самом широком смысле. В развитии русской идеи это был важный шаг вперёд» [4, с. 233].

«Если мы хотим сохранить Империю, – продолжает Федотов, – то должны перестать смотреть на неё как на Русь». Россия, Русь, Великороссия – не совпадающие величины. Поэтому необходимо идти «от русского – к российскому. Россия – не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси». И если не примиримся с многоголосьем, то и останемся в одной Великороссии. Империя в его понимании – это сверхнациональное государство. И Россия может и должна дать образец, форму мирного сотрудничества народов. Необходимо расширить русское сознание (без потери его «русскости») в сознание российское, «воскресив в нём в какой-то мере духовный облик всех народов России». Ведь «Россия – не нация, но целый мир». И поэтому, «не разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет – как Россия» [2, I, с. 253–254].

Ф. Степун также признавал, что «самая значительная черта русской государственной плоти – многоплеменность и многоязычность» но вместе с тем он отмечал, что «вести русское

государство» может лишь «великорусское племя», и «в этом водительство должна твёрдо звучать тема имперской великодержавности». Эта великодержавность должна сочетаться с федерализмом и поддерживаться имперским патриотизмом [3, с. 532–533].

Для того чтобы понять идеологическую позицию Федотова, лучше всего обратиться к его оценкам Февраля 1917. Данной теме посвящена отдельная, хотя и небольшая заметка Федотова «Февраль и Октябрь» (1937). Он, как и многие другие отечественные мыслители, признаёт, что Февраль был зачинателем, а Октябрь – завершителем распада государственной власти. И в начале 17-го, и в конце его действовали, по сути, одни и те же силы.

С оценкой Октября у Федотова всё более-менее однозначно: осуществился «русский вариант фашизма». Но Февраль, хотя и генетически приведший к Октябрю, теоретически оправдывается мыслителем. Для него Февраль не столько в этом смысле реальное историческое событие, сколько «символ», требующий «очищения» от «всех случайных исторических наслоений» [2, II, с. 135]. Но допустимо ли со стороны историка такое обращение с историческим материалом? А точнее, полное его игнорирование? Скорее, здесь Федотов уже конструирует свой Февраль, каким бы он хотел его видеть и понимать, а не каким он произошёл в истории России. В действительности мы ведь знаем, как осуществлялся Февраль: с чего он начался, как вело себя Временное правительство; мы знаем, что параллельно с ним и вопреки ему действовал нелегитимный Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, ожидая только удобного момента для захвата власти, как безнаказанно вели себя большевики, призывая к насилию и разжигая гражданскую войну и т. д. и т. п. Но историка Федотова не интересуют эти исторические подробности, так как они мешают «гуманистическому пониманию» «символа» Февраля.

Но то, что недопустимо для историка, на то может решиться политический философ, и Федотов уже выступает здесь в ином качестве. О своём «символе» он пишет как об упущенной или извращённой возможности. Но могло ли быть по-другому исходя из сложившихся обстоятельств, которые «складывались» целое столетие и более? Несмотря на все эти аргументы, Федотов конструирует своё художественное и должное понимание истории: «...на рубеже нового “тоталитарного” деспотизма, нависшего над миром, Февраль в последний раз развернул знамя свободы»

[2, II, с. 135]. И к этому «Февралю» в будущем ещё пробудится Россия. Теперь, осмысливая итоги 90-х гг., мы можем сказать, что да, пробудилась, хотя и, возможно, с меньшими катастрофическими последствиями: страна, скрепляющая идеология, экономика разрушились, но мы избежали гражданской войны и тоталитаризма. Но всё равно февраль, видимо, требуют жертв, и без них никак не обойтись?

Не совпадает с трактовкой Февраля Федотовым его соратник новоградец Ф. Степун. Являясь либералом по своим взглядам, видящим высшей идеей и высшей ценностью демократии «свободного и свободолюбивого человека в свободном и свободолюбивом обществе», он, тем не менее, полагал, что спасение состояло в жёстком пресечении большевистской пропаганды и подготовки вооружённого переворота [4, с. 392–393]. Мыслитель был убеждён, что «защита реальной демократии не только допускает, но даже и требует применения и недемократических методов борьбы». Именно «непонимание этой истины Временным правительством привело Россию к большевизму» [3, с. 528]. Степун знал ситуацию изнутри, так как был начальником политуправления при военном министерстве во Временном правительстве. Однако в итоге Федотов также призывает «новый Февраль», чтобы он был твёрже и суровее, видимо, к своим «большеви́кам», чтобы избежать толстовского непротивленчества. Но этот меч – во имя защиты прав и свобод человека.

А. Солженицын, как и Ф. Степун, фактически всю жизнь стремился распутать туго затянувшийся клубок фантастическо-трагических событий 1917 г, предопределивших её развитие более чем на сто лет. Об этом говорит, как «Красное колесо» Солженицына, так и «Бывшее и Несбывшееся» Степуна. По оценке последнего, произошёл «трагический срыв Февраля» [5, с. 368], сам же Февраль не мыслится им как изначально нечто ошибочное и трагическое. Совершенно иное мнение обнаруживается у А. Солженицына, судя по творчеству которого само начало и развертывание, а более всего – либерально-революционная подготовка к Февралю (и либералы, и революционеры здесь одинаково виновны) уже предопределили его большевистское завершение.

Одной из основных проблем Февраля, нерешённость которой в значительной, если не первой степени способствовало его падению, было отношение к войне. Для того чтобы продолжать войну, необходимо было её идеологическое оправдание. Со стороны Германии Степун видел его в следующем: «Отказавшись

в реформации от веры в святых и праведников, протестантская Германия невольно заменила идеал христианского смирения древнегерманским идеалом воинской доблести. На этой почве фридрициански-бисмарковская государственность взрастила в немецком народе идеал солдата-героя, жертвенною смертью которого и оправдывается для немцев война, независимо от защищаемых в ней политических идей...» Именно в этой идеологии философ видел «религиозно-исповеднический милитаризм Германии». Россия, таким образом, конечно, не могла оправдать ведение войны: «Истари чтя святых воинов, Россия никогда не считала воинов как таковых за святых». В итоге Степун пишет: «Чем глубже я думал над создавшимся положением, тем определеннее приходил к заключению, что перед лицом всенародной совести возможно лишь религиозное оправдание войны, которое ей давали наши святые (св. Сергей Радонежский) и религиозные мыслители (Вл. Соловьёв). Но найти такое оправдание дальнейшему наступлению на немцев и внушить его армии, настойчиво требовавшей превращения начавшейся в 1914 году явно безрелигиозной бойни, было совершенно невозможно» [5, с. 371–372]. Так Степун стал склоняться к идее сепаратного мира (хотя и не высказывал её публично). Однако самым опасным здесь было то, что того же требовали большевики, преследуя совершенно иные цели. Объяснить разницу солдатам и общественности представлялось маловероятным – большевики, используя демагогические и аморальные приёмы, всё равно оставались в выигрышном положении («армия неизбежно перекинется на сторону большевиков, защищавших правду, смысл и возможность немедленного мира»). Тем не менее у Степуна созрел свой план, что необходимо делать, чтобы спасти Февраль: «1) объяснение союзникам, что Россия принципиально отказывается от наступления, держит фронт ещё некоторое время (3–4 месяца), после чего, в случае неоткрытия общих мирных переговоров, обращается непосредственно к центральным державам с предложением сепаратного мира; 2) срочный созыв Учредительного собрания...; 3) мужественная и быстрая ликвидация большевизма путём ареста, а при каких-либо неожиданных осложнениях применение и более строгих мер» [5, с. 370].

Однако планы так и остались планами. Причина этого кроется в том, что «народное понимание революции как миротворческой силы, долженствующей положить конец безумию и греху войны, не разделялось ни одним из политических лагерей, кроме большевиков». А «Возглавляемые профессором Милюковым

умные, образованные и деятельные “кадеты”, в руки которых сразу же попало министерство иностранных дел, были слишком определёнными западниками-позитивистами, чтобы считаться в своей реальной политике с таким невесомым фактором, как нравственно-религиозное убеждение простого народа» [5, с. 372–373, 378].

«Революционная демократия» не сделала необходимого – не восстановила порядок и законность в стране. Почему она это не сделала? Почему она, боясь правых, допустила разгул крайне левых? Ясно, что дело здесь не просто в тактических просчётах, а в изначально ошибочных идеологемах. На наш взгляд, одной из таких идеологием является анархистское понимание свободы, когда любой порядок рассматривается как нечто реакционное, как движение вспять.

Мы коснулись итогов Февраля в связи с тем, что в интеллигентских умах ничего, в сущности, не изменилось: готовится новый февраль, который завершится уже не просто октябрём, а полным развалом российской государственности, торжеством плана Збигнева Бжезинского о разделе России. Интеллигенция опять работает против власти, а не на благо России. Одна её часть заражена псевдолиберализмом и псевдодемократией, этим изощрённым идеологическим инструментом по разрушению суверенитетов независимых государств, придуманным за океаном.

На деле, пишет С. Кургинян,

«Мы имеем дело с антисоветской тоталитарной сектой, отрицающей все принципы либерализма – объективные доказательства, безусловное уважение к большинству, к чужой позиции. В этой связи такую идеологию, скорее, следует называть либероидной. Тоталитарная антисоветская секта, одержимая этой идеологией, – она-то и ведёт общество на заклятие... В такой ситуации очень важно, чтобы большинство смогло осознать себя в качестве большинства, сформировать свою позицию... Это называется точкой роста, точкой кристаллизации, точкой отсчёта, если хотите... Нам нужно работать над воссозданием своей интеллигенции... нет точного понимания интеллигенцией своих национально-освободительных задач... Страна не хочет умирать – совсем не хочет, уже не хочет. Она хочет жить. И если мы ей в этом не поможем, всеми силами, которые у нас ещё есть, то будем прокляты» [6].

То, что описывают Г. Федотов, Ф. Степун, А. Солженицын и другие мыслители, характерно для начала XX в., однако

похожее мы наблюдаем и в начале XXI века. Научила ли нас чему-нибудь собственная трагическая история?

Список источников и литературы

1. Федотов Г. Собр. соч. в 12 т. – М., 1996–2008.
2. Судьба и грехи России: В 2-х т. – СПб., 1991.
3. Степун Ф. А. Сочинения. – М., 2000.
4. Варшавский, В. С. Незамеченное поколение. – М., 2010.
5. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. – СПб., 2000.
6. Кургинян С. Страна не хочет умирать // Литературная газета. 3–9 ноября 2010 г. – №44 (6298).

Нюшков В. А. (Республика, Абхазия, г. Сухум)

Абхазия в Февральской революции 1917 года

Аннотация. В статье рассматривается один из самых переломных периодов в истории современной Абхазии, когда произошла революция в феврале 1917 года. Для Абхазии Февральская революция стала началом больших изменений и оказала большое влияние на становление абхазской государственности.

Ключевые слова: Абхазия, революция, Комитет общественной безопасности, союз горцев, Абхазский Народный Совет.

Abkhazia in the February Revolution of 1917

Abstract. The paper considers one of the most critical periods in the history of modern Abkhazia during the period when the revolution took place in February 1917. For Abkhazia, the February Revolution marked the beginning of major changes, which had a great influence on the formation of Abkhaz statehood.

Keywords: Abkhazia, revolution, Public Security Committee, Union of Mountaineers, Abkhaz People's Council.

В феврале 1917 г. в России победила буржуазно-демократическая революция. Наступил величайший перелом в российской истории. Раскаты Февральской революции докатились и до Абхазии. Они оказали влияние на дальнейший ход событий в данном регионе Закавказья.

После Февральской революции Временное правительство создало Особый Закавказский Комитет. 8 марта в Сухуме был создан Городской комитет общественной безопасности. Затем 10 марта 1917 года в Сухуме состоялось совещание представителей населения Сухумского округа, которое сформировало

местный орган Временного правительства – Окружной комитет общественной безопасности под руководством меньшевиков и председательством абхазского князя А. Г. Шервашидзе (Чачба). Милицию возглавил князь Таташ Маршания [1, с. 62]. Именно они взяли на себя всю полноту власти и позднее способствовали вхождению Абхазии в Союз объединённых горцев Кавказа. Большевики руководили только Сухумским солдатским совдепом (пред. А. Урушадзе). Заметим, Абхазия как государство не существовала, был Сухумский военный округ.

Аналогичные органы власти были созданы во всех участках. Население отнеслось к этим событиям сдержанно. Последовали сходы, собрания городского и крестьянского населения. В мае 1917 года местные большевики устроили раскол в Окружном объединённом социал-демократическом комитете и вышли из него, образовав собственный комитет во главе с Е. А. Эшба. После чего развернули агитацию среди рабочих городских предприятий и порта, а также среди солдат караульной роты.

Вместе с тем большевики активно агитировали крестьян, подбивая их к самовольным захватам земли и грабительским нападениям на церкви и монастыри. Особенный успех их пропаганда имела в Самурзакани, где социальные противоречия между крестьянами и помещиками были наиболее сильными.

В проводившихся выборах представителей Комитета общественной безопасности в участках выиграли социал-демократы (в Гудаутском, Кодорском, Самурзаканском). Однако большинство в созданных Советах составлял меньшевистско-дворянский блок, который добился перевеса в выборах в Сухумскую городскую думу в июле 1917 г. Городским головой был избран меньшевик В. Чхиквишвили.

В момент, когда готовилась и проводилась Октябрьская социалистическая революция, во Владикавказе был учреждён Юго-восточный Союз (ЮВС) казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. Абхазия вошла в этот Союз, подписав «Союзный договор» 20 октября 1917 г. Для этого прибыла делегация абхазского народа, руководимая Александром Шервашидзе. В силу данного договора с 16 ноября в Екатеринодаре стало функционировать «Объединённое правительство Юго-Восточного Союза» при активном участии представителей Абхазии. В Союз вошли: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское казачьи войска, народы Северного Кавказа, Дагестана, Сухумского (Абхазия) и Закатальского округов

и вольные степные народы Астраханской и Ставропольской губерний [1, с. 62].

28 ноября 1917 г. ЮВС принял «Декларацию», которая утверждала федеративное устройство этого Союза. Следствием этого процесса стало образование в ноябре 1917 г. Горской Республики. До этого в ЮВС входил Союз объединённых горцев Кавказа. Интересы Абхазии в горском правительстве представлял министр Семён Ашхацава.

Ещё до такого знаменательного события, как образование Горской Республики абхазский писатель и государственный деятель Самсон Чанба восторженно писал в газете «Горская жизнь» 14 ноября 1917 г.: «Окончательно совершился акт полнейшего слияния горских племён в Союзе Объединённых Горцев. Задачи Союза велики. Его цель – защита свободы и революции, защита прав свободного самоопределения народов. А потому Союз Объединённых Горских племён не есть нечто замкнутое в сфере только своего быта, своей национальной нити, он широко открывает свои двери всем, кому дорога защита свободы, защита прав национальностей» [2, с. 15].

Одним из главных следствий Февральской революции было проведение съезда 8 ноября 1917 года, который сформировал парламент – Абхазский Народный Совет (АНС), ориентированный на Россию. В этом активное участие приняли Симон Басария – первый председатель АНС, чеченец Асланбек Шерипов, князя Александр Шервашидзе, Таташ Маршания и др. В этот же день, что очень важно, были приняты: Декларация съезда абхазского народа и Конституция АНС.

Огромную роль в принятии этих документов сыграли председатель съезда и первый председатель АНС С. Басария, А. Шерипов, А. Шервашидзе и Т. Маршания, а также видные деятели абхазской интеллигенции М. Цагурия, Д. Алания, Мих. Тарнава и др. В них говорилось о самоопределении абхазского народа.

Так, в «декларации съезда» о задачах АНС сказано: «В переживаемое тревожное время, когда многое разрушается до основания и многое создаётся заново, когда радикально меняются условия и обстановка жизни всей России и, следовательно Абхазии – каждый народ должен чётко следить за тем, чтобы его права и интересы не пострадали от покушений и не были бы забыты при переустройстве России на новых началах. Абхазский народ уверен в том, что его братья – горцы Северного Кавказа и Дагестана – поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права. Одной из следующих важных задач

Абхазского Народного Совета является работа по самоопределению абхазского народа» [1, с. 63].

Следует отметить, представитель парламента Абхазии чеченец Асланбек Шерипов выступил на открытии первого грузинского парламента – Национального Совета Грузии (НСГ), который открылся в Тифлисе 19 ноября 1917 г. «Я счастлив, – говорил он, – что на мою долю выпала высокая честь передать вам горячий привет от имени Абхазского народного совета. Абхазский народ, входящий в Союз объединённых горцев, поздравляет прекрасную Грузию с первыми шагами по пути к национальному самоопределению. Абхазцы, вошедшие в союз со своими северными братьями, уверены поэтому и в том, что в скором будущем они встретятся с благородным грузинским народом в общем союзе всех народов Кавказа. И в этом будущем союзе абхазский народ мыслит себя как равноправный член Союза объединённых горцев» [3, с. 75]. Здесь же надо заметить, контакты между представителями абхазского и грузинского парламента продолжались и в дальнейшем, в очень сложной военно-политической обстановке на Кавказе в целом и в Абхазии в частности, над которой нависла угроза большевистского переворота.

Однако в день проведения первого съезда АНС в Сухум приехал бывший депутат 4 Государственной думы, видный грузинский социал-демократ Акакий Чхенкели и другие деятели. «Они, – сообщает Михаил Тарнава, – по видимому были информированы о подготавливаемом объединении Абхазии с Северо-Кавказским государством горцев и приехали специально, чтобы предотвратить это объединение... На съезде развились горячие речи. Выступали два противоположных лагеря. Грузинские делегаты тянули Абхазию в сторону Грузии, а Северо-Кавказские – в состав Северного Кавказа. Как ни старался Чхенкели отвернуть абхазцев от такого решения, но всё-таки ему не удалось предотвратить решение съезда о присоединении Абхазии к Северо-Кавказскому Горскому Государству. Такое решение съезда действительно было принято большинством голосов» [4, с. 7].

Надо сказать, Абхазский Народный Совет не бездействовал и сразу приступил к работе. Об этом свидетельствует постановление, опубликованное в газете «Кавказ», Вестнике Закавказского Комиссариата, 22 декабря 1917 г., №38.

В документе сказано: «Идя навстречу непреодолимому требованию, требованию крестьянскому, и желая удовлетворить и ослабить начавшееся в одной половине Абхазии аграрное движение, чреватое крупными осложнениями, – Абхазский Народный Совет совместно с крестьянскими представителями общин на заседании 25, 26 и 27 ноября с.г. постановил: все земли на территории Абхазии от реки Мзымта до реки Ингура, от Черноморской береговой линии до Кавказских хребтов, земли казённые, кабинетские, удельные, монастырские, церковные и крупные частновладельческие, леса, горы со всеми их естественными богатствами передать в неотъемлемое распоряжение абхазского народа и народов других национальностей, живущих в Абхазии и имеющих наравне с абхазцами общинную собственность. Перечисленные земли передаются в ведение организованного и состоящего при Абхазском Народном Совете земельного комитета с участием в нём представителей всех национальностей, живущих в Абхазии на общинных началах. Земельному комитету вменяется в обязанность безусловно запрещать всякие земельные захваты и дележи, охранять леса от вырубки. Земельный комитет будет снабжён особой инструкцией» [2, с. 12]. Нельзя не отметить, осознавая опасность, в конце 1917 г. в с. Джирхуа был создан сход крестьян Гудаутского участка, на котором приняли решение создать вооружённую крестьянскую дружину «Киараз» во главе с Н. Лакоба.

Таким образом, говоря о Февральской революции в целом, о её итогах: Абхазия и народ Абхазии получили власть после долгого периода существования без государства. Абхазия восстановила свою государственность, стала называться Абхазией, а не Сухумским округом. Был создан АНС – парламент Абхазии, были приняты Декларация, Конституция.

Список источников и литературы

1. *Лакоба С.З.* Очерки политической истории Абхазии. – Сухум, 1990. – 153 с.
2. Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.). Составитель Р.Х. Гожба. – Сухум, 2009. – 705 с.
3. *Лакоба С.З.* Абхазия после двух империй. XIX–XXI вв. – М., 2004. – 208 с.
4. *Лакоба С.З.* Абхазия после двух оккупаций. – Гагра, 1994. – 61 с.

Панарин А. А. (г. Армавир)

Октябрьская революция 1917 г. в контексте марксистской теории социалистической революции

Аннотация. В статье анализируется степень соответствия Октябрьской революции 1917 г. марксистской теории социалистической революции. На основе трудов основоположников марксизма, В.И. Ленина и других видных деятелей большевиков рассматривается процесс эволюции представлений руководителей партии о роли России в мировом революционном процессе.

Ключевые слова: Октябрьская революция, марксистская теория, сталинская концепция социализма, Советская Россия.

The October Revolution of 1917 in the context of the Marxist theory of socialist revolution

Abstract. The article examines the extent to which the October Revolution of 1917, the Marxist theory of the socialist revolution. Based on the works of the founders of Marxism, VI Lenin and other prominent Bolsheviks considered the evolution of the party leadership ideas about Russia's role in the world revolutionary process.

Keywords: the October Revolution, the Marxist theory of the Stalinist conception of socialism, Soviet Russia.

Октябрьская революция 1917 г. в России представляет собой исторический феномен мирового масштаба, нуждающийся в дальнейшем осмыслении. Одной из важнейших задач в этой области является определение места и роли данной революции в реализации глобального марксистского проекта переустройства человечества. В связи с этим представляет интерес проблема соответствия Октябрьской революции марксистской теории социалистической революции.

В отличие от советской историографии, которая даёт на этот вопрос однозначно утвердительный ответ, беспристрастный сравнительный анализ теоретического наследия классиков марксизма и практического воплощения социалистической революции в России доказывает значительные отступления от установок, касающихся обязательных условий её осуществления. Главную их суть, согласно марксизму, составляет необходимость достижения обществом такой фазы развития, когда старые производственные отношения становятся препятствием на пути развития производительных сил. Средством преодоления этого противоречия становится социальная революция,

а её основной движущей силой – классы нарождающейся общественно-экономической формации.

Применительно к социалистической революции это означало необходимость наличия крупной промышленности и объединённого капитализмом производства, что создавало предпосылки для формирования общественной собственности на средства производства как материальной основы социализма. Важным условием являлось преобладание в общей массе населения пролетариата, как революционного класса и носителя социалистического сознания, способного к управлению в будущем государстве диктатуры пролетариата.

Исходя из этого классики марксизма считали, что социалистическая революция произойдёт, прежде всего, в передовых капиталистических странах Западной Европы. В ноябре 1947 г. Ф. Энгельс по поводу будущей революции отмечал: «Прежде всего она создаст демократический строй и тем самым, прямо или косвенно, политическое господство пролетариата. Прямо – в Англии, где пролетарии уже составляют большинство народа, косвенно – во Франции и Германии, где большинство народа состоит не только из пролетариев, но также из мелких крестьян и городских мелких буржуа, которые находятся ещё только в стадии перехода в пролетариат...» [6, с. 87]. Особо подчёркивали классики марксизма всемирный характер социалистической революции, которая начнётся практически одновременно в наиболее развитых капиталистических странах, а затем охватит остальное человечество.

В последующие десятилетия и вплоть до конца XIX века эта позиция оставалась неизменной. В отношении России Энгельс в это время считал главной потребностью её дальнейшего развития осуществление не социалистической, а буржуазной революции. Такая оценка исходила из анализа социально-экономического положения России, отличавшегося преобладанием аграрного сектора экономики и крестьянского населения. Несмотря на определённый рост капитализма, к 1917 г. ситуация здесь принципиально не изменилась.

Эти обстоятельства учитывались представителями всех социалистических партий России, в том числе большевиками. Однако в отличие от меньшевиков последние рассматривали возможность осуществления социалистической революции в России в неразрывной связи с перспективами её победы в ведущих капиталистических странах. Решающим аргументом являлась продолжающаяся Первая мировая война, в условиях

которой доведённый до отчаянного положения пролетариат должен был повернуть полученное от своих эксплуататоров оружие против них самих и захватить власть. Деятельность российского пролетариата рассматривалась руководством РКП(б) в единстве с борьбой западноевропейского пролетариата, успех которой мог обеспечить победу социалистической революции в России.

В силу сложившихся обстоятельств, когда российская буржуазия оказалась не в состоянии руководить страной, а революционная активность народных масс требовала коренного изменения политической ситуации, в России возникли предпосылки для установления советской власти, ставшей первой в истории формой политической системы социализма. Руководство большевистской партии осознавало, что новая политическая надстройка создаётся без наличия соответствующего базиса, что вступало в противоречие с марксистской теорией. В связи с этим основные надежды Ленина и его сторонников были связаны с развёртыванием социалистических революций в ряде стран Западной Европы, и прежде всего в Германии.

Сразу после захвата власти в Петрограде 26 октября 1917 г. на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов была принята резолюция, которая завершалась словами: «Совет убеждён, что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы» [5, с. 5]. Позднее Ленин признавал: «Мы думали: либо международная революция придёт нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что в случае поражения мы всё же послужим делу революции и что наш опыт пойдёт на пользу другим революциям» [3, с. 36].

Такая позиция Ленина, в частности, объясняет его настойчивость при заключении тяжёлого Брестского мира с кайзеровской Германией. В горячих дебатах с «левыми коммунистами» Ленин считал, что «...если можно получить архиневыгодный сепаратный мир, его надо обязательно принять в интересах социалистической революции, которая ещё слаба (ибо к нам, русским, ещё не пришла на помощь зреющая революция в Германии)» [1, с. 351]. Брестский мир стал не только временной передышкой для ослабленной Советской России, но проявлением ожидания запаздывающей по прогнозам руководства большевиков социалистической революции в Европе.

В то же время в рядах большевиков принимались меры по «подталкиванию» всемирной социалистической революции.

С целью консолидации усилий радикально настроенных партий и групп в марте 1919 г. был создан III Коммунистический Интернационал, основной задачей которого стала подготовка и проведение социалистических революций в западноевропейских странах. Руководство большевиков в это время было уверено в том, что началась решающая фаза борьбы за мировую революцию. Убежденность в правильности такой оценки усилилась после Валдайского солдатского восстания в Болгарии и провозглашения там крестьянской республики в сентябре 1918 г., и особенно после ноябрьской революции 1918 г. в Германии.

В марте 1919 г. в результате действий революционных сил были образованы Венгерская, Баварская и Словацкая советские республики. Председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев выступил на страницах 1-го номера журнала «Коммунистический Интернационал» с обширной статьёй, где заявил: «Теперь III Интернационал имеет своей главной базой три советские республики: Россию, Венгрию и Баварию. Старая Европа бешеными темпами мчится навстречу пролетарской революции... Ибо через год вся Европа будет коммунистической. Борьба за коммунизм перенесётся уже в Америку, а может быть, и в Азию, и в другие части света» [4, с. 78].

Наиболее решительные действия большевистской партии по «подталкиванию» социалистической революции проявились в ходе советско-польской войны. Фактически она стала в большей степени войной не между двумя государствами, а между сторонниками и противниками всемирной пролетарской революции. Лидеры стран Антанты помогли буржуазному правительству Польши, поставив тысячи тонн военного снаряжения и оружия, направив сотни военных инструкторов, в то же время на стороне Красной армии воевали коммунисты-поляки, а также интернациональные бригады.

Именно по классовому, а не по национальному признаку оценил Коминтерн на своём II конгрессе летом 1920 г. войну с Польшей. В своём обращении к воинам Красной армии он провозгласил войну с Польшей «самой справедливой войной, какую когда-либо знала история. Вы воюете не только за интересы Советской России, а за интересы всего трудящегося человечества, за Коммунистический Интернационал...» После этого обращения последовал приказ командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского: «Вперёд на Запад! На Варшаву! На Берлин! На штыках мы принесём трудящемуся человечеству счастье и мир!» [4, с. 84].

Однако стремительное наступление Красной армии в августе 1920 г. в итоге обернулось поражением. Причинами неудач в войне стали не только просчёты военного руководства, но и отсутствие поддержки со стороны большей части населения Польши, для которой идея независимости национального государства была гораздо привлекательней, чем идея Польской советской республики в составе СССР. Не увенчалась успехом и попытка с помощью войны в Польше поднять на вооружённое восстание западноевропейский пролетариат. Невзирая на столь неблагоприятные обстоятельства, руководство большевиков не покидала надежда на дальнейшее развитие революционного процесса в Европе.

С другой стороны, в условиях НЭПа в политике РКП(б) стала усиливаться тенденция самостоятельного строительства социализма в России в условиях капиталистического окружения. Своеобразие наповской модели проявилось в том, что она позволяла, по мнению Ленина, прийти к социализму обходным путём, т.е. постепенного втягивания в социалистические отношения мелкобуржуазных элементов города и деревни. Признавая отсталость России и малочисленность пролетариата как главной социальной опоры социализма, Ленин отмечал, что «с точки зрения развития всемирной пролетарской революции, как единого процесса, значение переживаемой Россией эпохи состоит в том, чтобы практически испытать и проверить политику пролетариата, держащего государственную власть в своих руках по отношению к мелкобуржуазной массе» [2, с. 6].

На основе этого подхода стала создаваться концепция строительства социализма применительно к крестьянской стране. Решающим толчком в этом направлении стала провозглашенная Сталиным на XIV съезде ВКП(б) возможность построения социализма в одной стране, что стало существенным отступлением от марксистской схемы. Речь в данном случае шла не только о том, что вопреки марксизму социализм стал утверждать себя не в нескольких, а только в одной стране мира, но и в том, что эта страна была по преимуществу крестьянской.

В итоге сталинская концепция строительства социализма стала оригинальной теорией, в которой причудливо сочетались элементы марксистского и народнического учений. На словах отрицая последнее, сталинское руководство, по сути, восприняло народнический тезис о возможности непосредственного перехода к социализму без завершённой фазы капиталистической формации. Постоянно акцентировало внимание на гегемонии

пролетариата в революционном процессе, сталинское руководство при осуществлении социалистических преобразований в деревне активно использовало сложившиеся принципы организации крестьянской общины, являвшейся, по мнению народников, «зародышем социализма». Наиболее характерным воплощением такого подхода стала сплошная коллективизация сельского хозяйства, итогом которой явилось повсеместное создание колхозов, в организации которых воплотились элементы «общинного социализма».

Другой характерной чертой сталинской концепции социализма стала абсолютизация роли государства при осуществлении социалистических преобразований, что также в корне противоречило марксистской теории. Советское государство как при Сталине, так и после его смерти, по сути, поглотило гражданское общество, направляя его развитие в русло официальной доктрины руководства Коммунистической партии. В целом, декларируя своё стремление следовать универсальным установкам марксизма, руководство ВКП(б) реализовывало национально-ориентированный проект преобразования страны, опиравшийся на традиционные российские ценности: общинный уклад жизни народа и державные принципы государственного устройства.

В связи с этим хотелось бы возразить историкам либерального толка, дающим однозначно отрицательную оценку Октябрьской революции, ставшей якобы началом тупикового пути развития России. По нашему мнению, реализация национально-ориентированного проекта социалистического преобразования российского общества, вобравшего в себя многовековые ожидания народа, способствовала преодолению системного кризиса в стране и дальнейшему развитию российской цивилизации. Следовательно, советский период следует рассматривать как составную часть истории российской цивилизации. Западноцентристская модель марксистской теории социализма была преобразована на российской почве с учётом соответствующих цивилизационных особенностей.

В результате реализации сталинской концепции социализма, несмотря на все трудности и жертвы, в СССР было построено сильное государство, которое из вспомогательного элемента мирового коммунистического движения превратилось в его авторитетный центр, прежде всего, для стран с традиционной моделью развития. Тем самым была опровергнута установка марксизма на первоочерёдность социалистической революции

в ведущих капиталистических странах. Кроме того, происшедшее на протяжении столетия после Октябрьской революции развитие человечества показало, что время отмирания национальных государств ещё не настало. Наряду с интеграционными процессами национальные интересы по-прежнему играют важную роль в развитии мировой истории, и прогнозировать его дальнейшие перспективы достаточно сложно.

Список источников и литературы:

1. Ленин В. И. О революционной фразе // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 35. – М., 1969. – С. 343–353.
2. Ленин В. И. Тезисы доклада о тактике РКП на III Конгрессе Коммунистического Интернационала 13 июня 1921 г. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 44. – М., 1970. – С. 3–12.
3. Ленин В. И. Доклад о тактике РКП на III Конгрессе Коммунистического Интернационала 5 июля 1921 г. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 44. – М., 1970. – С. 34–54.
4. Пятницкий В. И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории / под общ. ред. А. Е. Тараса. – Мн.: Харвест, 2004. – 720 с.
5. Резолюция Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 26 октября 1917 г. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 35. – М., 1969. – С. 2–5.
6. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения в трёх томах. Т. 1. – М., 1979. – С. 77–94.

Писаренков А. А. (г. Краснодар)

Революция и право на революцию в политических трудах И. Канта

Аннотация. В статье рассматриваются философские воззрения И. Канта на сущность революции и его отношение к праву народа на революцию. Анализируются взгляды мыслителя на перспективы установления республиканской формы правления.

Ключевые слова: Кант, революция, просвещение, прогресс, война, государство, конституция.

Revolution and the right to revolution in the political works of I. Kant

Abstract. The article discusses Kant's philosophical views on the essence of a revolution and his attitude to people's right to revolt. The thinker's views on the prospects of republican states establishing are analyzed.

Keywords: Kant, revolution, enlightenment, progress, war, state, constitution.

Отношение прусского философа к революции – довольно сложная тема, к которой неоднократно обращались исследователи его творчества. В своих политических работах Кант, по мнению многих, высказывает противоречивые суждения. С одной стороны, он прославляет революцию, с другой стороны, осуждает её. Дэвид Камисски в своём эссе «Справедливость и революция в политической теории Канта» отмечает: «Кант симпатизировал прогрессивным силам Славной революции 1688 г., Американской революции, Французской революции и попыткам ирландцев добиться независимости» [7, с. 219] и всегда являлся поборником политических свобод, республиканского правления и соблюдения прав, с другой стороны, он категорически выступал против революций и связанного с ними насилия. Эллисон Маллард также отмечает непоследовательность взглядов философа, говоря, что многие комментаторы его творчества, начиная с Джона Стюарта Милля, подвергают критике его непоследовательность по этому вопросу [6, с. 8]. Действительно, очевидный конфликт между приверженностью философа свободе и его отказе от права народа на революцию против деспотического правления требует детального обсуждения и прояснения его мотивов.

Великая французская революция стала эпохальным событием, изменившим весь европейский уклад жизни, и привлекла к себе неподдельный интерес всей интеллектуальной элиты того времени. Этот интерес испытывал и Иммануил Кант, известно, что он с нетерпением ждал газет с новостями из революционной Франции, пытаясь понять, что несёт в себе этот феномен. «Революция духовно богатаго народа, происходящая в эти дни на наших глазах ... находит в сердцах всех зрителей равный их сокровенному желанию отклик, граничащий с энтузиазмом, уже одно выражение которого связано с опасностью и который не может иметь никакой другой причины, кроме морального начала в человечестве» [3, с. 102], – таково отношение Канта к революционным событиям во Франции. Однако в отношении к Пруссии он делает оговорку, постулируя, что народ, который имеет монархическую конституцию, не имеет права и даже не должен «в тайне питать надежду на её изменение; быть может, его слишком уязвимое расположение в Европе диктует ему именно такую конституцию, при которой он может сохранить

себя среди могущественных соседей» [3, с. 103]. Крайне негативная реакция официальных кругов Пруссии, которые усматривали угрозу стабильности государства во французских событиях, сподвигла его на комментарий о том, что собственная безопасность государства (Пруссии) будет тем прочнее, чем больше народов будут вводить демократическую форму правления. Кант исходил из своего постулата о том, что республиканские государства, в отличие от монархических, не склонны к войне и наличие как можно большего количества таких государств в Европе – источник безопасности самой Пруссии. Эту мысль он поясняет тем, что народные демократии будут стремиться к конституции, «которая по своей природе принципиально отвергает агрессивную войну, а таковой может быть только республиканская конституция» [там же].

Для философа понятие «прогресс» является центральным пунктом его политических воззрений, однако он отказывается связывать его исключительно с революцией. Он подчёркивает, что род человеческий всегда шёл по пути прогресса и будет идти этим путём и впредь. Да, революция – это исключительно важное событие, однако её роль механистична, изначально она выступает в качестве «спускового механизма», а затем фона, на котором, как он предполагает, начинает разворачиваться основное событие – эволюция «естественно-правовой конституции». И революция, и, тем более, война «могут только разрушать изнутри и извне всё до сих пор устоявшееся и узаконенное» [3, с. 105], эволюция же создаёт предпосылки к созданию республиканской конституции, которая, по мысли философа, по своей природе противна войне. Кант преисполнен оптимизма, несмотря на ту тревожную военно-политическую ситуацию, которая начала складываться в Европе в конце XVIII века. В общественно-политических катаклизмах той эпохи он усматривал симптомы «необратимого более вспять шествия человечества к лучшему» и предсказывал «достижение объединения природы и свободы в человеческом роде по внутренним правовым принципам» [3, с. 105]. И даже если цель не будет достигнута в обозримом будущем, своё философское предсказание мыслитель оставляет в силе, поскольку масштабы происходящих событий настолько велики и настолько затрагивают непреходящие интересы человечества, «чтобы народы не вспомнили о нём при благоприятной возможности и попытки подобного рода не были бы возобновлены» [3, с. 106]. Как отмечает в этой связи А. Жаворонков: «Доказывая способность человечества к прогрессивному движению,

Кант намекает, что французская революция – это своего рода одна из ключевых точек невозврата, событие, которое невозможно стереть из памяти и более не учитывать в рассуждениях о лучшем устройстве государства и общества» [5, с. 183].

Не умаляя исторической роли Великой французской революции и её последствий, мыслитель, тем не менее, считает, что «Всякое неповиновение верховной законодательной власти, всякое подстрекательство к деятельному выражению подданными неудовольствия, всякое возмущение, которое переходит в бунт, составляет самое наказуемое преступление в обществе, потому что оно разрушает самые его основы» [2, с. 187]. Данное требование является императивом, поскольку если даже власть в лице главы государства будет злоупотреблять своими полномочиями и прибегнет к насилию, тем самым, по мнению подданных, утратив свою легитимность, то всё же, подчёркивает Кант, подданный, в свою очередь, не должен отвечать насилием на насилие. Эту мысль он поясняет следующим образом: «...добываясь таким способом своего права, народ совершает величайшую несправедливость, ибо этот способ делает ненадёжным всякое правовое устройство и приводит к состоянию полного отсутствия законности, где всякое право, по меньшей мере, перестаёт иметь действие» [2, с. 190].

Отрицая революционное насилие, философ, однако, полностью поддерживает либеральную идеологию французской революции. В своей статье «О поговорке “Может это годится в теории, но не годится для практики”», которая вышла в свет в 1793 году, уже после казни Людовика XVI, Кант утверждает, что только на принципах внешнего человеческого права возможно организовать справедливое государственное устройство, в котором гражданское состояние должно основываться на априорных принципах «свободы каждого члена общества как человека; равенство его с каждым другим как подданного; самостоятельность каждого члена общности как гражданина» [2, с. 176]. Помимо этого народ должен иметь правительство, в лице которого он будет участвовать в законодательстве, поскольку, будучи существом наделённым свободой, он желает не просто формального благополучия. Формальное благополучие не несёт в себе какого-либо принципа, поскольку зависит от своеволия «*imperium paternale*» (отеческого правления) правителя, в рамках которого и получатель благ, и тот, кто их дарует, трактуют это благополучие по-своему. Истинное благополучие народа заключено в «*imperium patrioticum*» (отечественного правления),

«когда каждый в государстве (не исключая его главы) рассматривает общность как материнское лоно и страну свою как родную почву» и обязан «охранять права общности посредством законов совместной воли» [2, с. 177]. Поэтому, прежде чем правительство будет требовать послушания, оно должно соблюсти права народа. Право народа, по мысли Канта, – это «святыня, стоящая выше всякой выгоды, и на эту святыню ни одно правительство, каким бы благодетельным оно ни было, не смеет посягать» [3, с. 104]. Однако эту сентенцию Кант относит к разряду идей, а воплощение идей в жизнь ограничено средствами, то есть, если средства вступают в противоречие с моралью, то народ не смеет игнорировать такое ограничение. Права, полученные революционным путём, осквернены насилием и аморальностью, и поэтому революция не может быть справедливой. Лучший способ избежать революции – «господствовать автократически и при этом управлять всё же по-республикански – то, что делает народ довольным его конституцией» [3, 104].

Упоминая успешные примеры восстаний, которые произошли в Швейцарии, Нидерландах и Великобритании, благодаря которым они получили свои государственные устройства, считающиеся удачными, Кант замечает, что «исход дела обычно оказывает влияние на наше суждение о его правовых основаниях, хотя бы исход был сомнителен, а основания несомненны» [2, с. 190]. Другими словами, мысль о том, что «историю пишут победители», здесь оказывается основополагающей, но такое положение, которое всецело зависит от случая, не может быть положено в основу философского принципа.

Ещё одна мысль, которая проясняет отношение Канта к революции, – это идея или «принцип» «народного счастья». Революции всегда ставили своей целью завоевание или достижение народного счастья. Во имя этого совершались и совершаются бесчисленные преступления, по иронии судьбы именно против народа, ради которого всё затевалось. Для Канта очевидно, что этот «принцип» несёт в себе зло, поскольку его, при всём желании, невозможно подвести ни под какой определённый принцип. «Суверен хочет по своим понятиям сделать народ счастливым и становится деспотом; народ не хочет, чтобы его лишили общечеловеческого притязания на личное счастье, и становится бунтовщиком» [2, с. 191]. По мнению мыслителя, народ в случае восстания против главы

выступает не как общность, а только как толпа, которая, разрушив существовавший порядок, пытается силой навязать друг другу новое государственное устройство, создавая при этом анархию, творя ужасы и беззакония. При этом обретенное новое устройство «может оказаться для них ещё более тягостным, чем то, от которого они отвернулись» [2, с. 191].

Кант, в отличие от современных либеральных мыслителей, не верит в то, что революция способна стимулировать прогресс, скорее наоборот, она будет создавать новые препоны на его пути. Мыслитель полагает, что только эволюция мысли, приобщение людей к самостоятельному мышлению – единственный способ вывести человечество к новым горизонтам развития. В эссе «Что такое просвещение» мыслитель утверждает, что посредством революции можно устранить личный деспотизм «корыстолюбцев» или «властолюбцев», но никакая революция не способна «реформировать образ мысли», скорее она создаст лишь новые предрассудки, которые будут «служить вожжами для бездумной толпы» [1, с. 30]. В этой связи приходится признать, что значительное количество революционных потрясений, произошедших в мире за последнее десятилетие, и их итоги, за редким исключением, служат видимым подтверждением взгляда философа о том, что прогресс достигается не на «баррикадах», а путём медленного эволюционного развития.

Список источников и литературы

1. *Кант И.* Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – 743 с.
2. *Кант И.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. – М.: Чоро, 1994. – 718 с.
3. *Кант И.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. – М.: Чоро, 1994. – 718 с.
4. *Жаворонков А. Г.* «Кант, Ницше и Великая французская революция» // Историко-философский ежегодник. – 2015.
5. *Арендт Х.* Лекции по политической философии Канта. – СПб.: Наука, 2011. – 303 с.
6. *Mallard, A.* Freedom Under the Law: Right and Revolution in Kant's Theory of Justice / The London School of Economics and Political Science. London, 2011.
7. *Cummiskey, D.* Justice and Revolution in Kant's Political Philosophy / Rethinking Kant: V. 1. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, 2008.

Подхомутникова М. В. (г. Краснодар)

**Крестьянские вооружённые восстания против
большевиков в Советской России в 1917–1922 гг.
(историография проблемы)**

Аннотация. Статья посвящена истории крестьянского протестного движения в Советской России в послереволюционные годы. В августе 2016 г. исполнилось 95 лет со дня одного из самых трагических событий отечественной истории. Тема отношений власти и народа в России всегда привлекала внимание исследователей, её нельзя отнести к белым пятнам нашего прошлого. На это указывает и обширная историография проблемы.

Ключевые слова: Гражданская война, крестьянское восстание, миф, фальсификация.

**Peasant armed uprising against the Bolsheviks in Soviet
Russia in 1917–1922 (historiography of the problem)**

Abstract. The article is devoted to the history of peasant protest movement in Soviet Russia in the post-revolutionary years. In August 2016 marks 95 years of one of the most tragic events of national history. The topic of power relations and the people in Russia has always attracted the attention of researchers, it can not be attributed to the «blank spots» of our past. This is indicated by a vast historiography of the problem.

Keywords: the Civil war, peasant uprising, the myth, the falsification.

Насущной задачей историков является создание правдивой картины событий 1917–1922 гг., поскольку история революции и Гражданской войны даёт неоценимый материал, раскрывающий сущность многих процессов, происходящих сегодня.

Переосмысление событий Гражданской войны наступило после краха коммунистической системы. Изучение событий прошлого сопровождалось созданием мифов, искажениями исторической реальности и фальсификациями. В период создания различных мифологем формировалось обличительное восприятие крестьянских протестных явлений в общественном мнении: так появились антоновщина, махновщина, мионовщина и др. Причастные к крестьянскому сопротивлению становились бандитами, а крестьянские восстания назывались кулацкими, эсеровскими, белогвардейскими. Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным 18 июня 1996 г. был подписан Указ

№931 «О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов» [1], в котором говорится о реабилитации участников крестьянских восстаний периода Гражданской войны. Репрессии по отношению к крестьянам, участвовавшим в восстаниях против советской власти, были признаны политическими ошибками и осуждены на уровне государства.

Восстание крестьян 1920–1921 гг. в Тамбовской губернии, известное под названием «антоновщина», явилось крупнейшим крестьянским восстанием в условиях кульминации политики военного коммунизма. «Антоновщина» всегда привлекала внимание исследователей, и поэтому её нельзя отнести к белым пятнам нашего прошлого. На это указывает и обширная историография проблемы. Автор не претендует на охват всего массива публикаций, общее число которых составляет несколько сотен, речь пойдёт о наиболее общих тенденциях анализа событий Гражданской войны.

В настоящее время имеется значительный объём литературы, в которой нашла отражение история крестьянского протестного движения в России в послереволюционные годы. Однако, отметим, эта литература создавалась в разное время, отличавшееся политико-идеологическими условиями научной деятельности, различными методологическими позициями. Как следствие в публикациях существует много неточностей, противоречивых точек зрения.

В развитии советской историографии по изучению данной темы можно выделить несколько этапов. Первый этап начался сразу же после рассматриваемых событий и продолжался до начала 1930-х гг. Изучение проходило по горячим следам. Многие авторы являлись непосредственными участниками тех событий [2]. Партийные и советские деятели, находившиеся в губернии накануне или в первые месяцы тамбовского восстания: П. В. Шкарин, А. Г. Шлихтер, Б. А. Васильев, В. А. Антонов-Овсеенко – стали разбираться в причинах «антоновщины». Эти авторы квалифицировали восстание как «кулацко-эсеровский мятеж» или «военно-политический бандитизм».

Для 1920-х гг. характерно отсутствие общего методологического подхода в отношении протестных явлений в крестьянской среде, в оборот вводилось большое количество источников, зачастую без какого-либо критического анализа. В результате одновременно существовали различные точки зрения о характере крестьянских восстаний и крестьянского протеста против Советского государства. Со второй половины 1920-х гг. в советской

историографии наметилась тенденция идеологического контроля и цензуры за трактовкой периода Гражданской войны в удобном для большевистской власти русле.

В 1920-е гг. XX в. история крестьянского движения освещалась в эмигрантской литературе, эти исследования характеризовались иным видением событий Гражданской войны, отличным от советских трактовок. Авторы трактовали события в Советской России с антикоммунистических, антисоветских позиций [3]. Среди эмигрантов, имеющих другой взгляд на события крестьянства в Советской России, выделим историка Григория Петровича Федотова, который был непосредственным очевидцем социальных изменений в новой России. Статья Г. П. Федотова называлась «Новая Россия» и была опубликована в эмигрантском журнале «Современные записки» в 1930 году. По оценке Г. П. Федотова, крестьянство в Советском государстве по-прежнему оставалось в основании социальной пирамиды: производящим, кормящим, поддерживающим атлантом. Это уже не прежнее дореволюционное, не униженное сословие. Политическое бесправие и даже экономическая эксплуатация деревни городом не в силах парализовать социальный подъём в крестьянской среде.

На втором этапе развития советской историографии изучаемой темы, который охватывает 1930-е – первую половину 1950-х гг., происходила унификация оценок как в отношении Гражданской войны в целом, так и в отношении взаимоотношений государства и крестьянства. Согласно установкам Краткого курса «История ВКП(б)», изданного в 1938 г.: крестьянские восстания в Сибири, на Украине, в Тамбовской губернии (антоновщина) квалифицировались как кулацкие мятежи, организованные белогвардейцами и эсерами [4]. Тема народного сопротивления политике власти после революции 1917 г., в том числе протестных явлений в крестьянской среде, оказалась закрытой.

Третий этап советской историографии охватывает вторую половину 1950-х – середину 1980-х гг. Результатом «оттепели» в истории советского общества, начавшейся во второй половине 1950-х гг., стало то, что историки получили возможность разрабатывать многие проблемы, не получившие освещения в предшествующие десятилетия. Советская историография, как правило, трактовала крестьянские восстания как белогвардейско-кулацкие или эсерово-кулацкие по руководству и характеру, антисоветские – по политической направленности. Основные причины крестьянских восстаний советские историки видели в слабости местных органов диктатуры пролетариата, высоком

удельном весе кулачества в составе крестьянства, организационно-политической деятельности контрреволюционных сил, якобы создавших подпольные союзы трудового крестьянства. Другие исследователи видели причины крестьянского недовольства в кризисе политики военного коммунизма [5].

К началу 1980-х гг. в советской историографии образовалась стандартная схема, в которой с классово-политической позиции объяснялись происхождение, природа и итоги крестьянских восстаний, именовавшихся, как правило, мятежами. Крестьянские восстания трактовались в качестве попыток осуществления новой тактики со стороны «классовых врагов диктатуры пролетариата» методом «взрыва изнутри». Согласно энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» [6], изданной в 1983 г., антоновщина, махновщина, кронштадтский мятеж определялись в качестве «наглядных проявлений колебаний мелкой буржуазии». В статье «Антоновщина» данное явление определялось как «антисоветский кулацко-эсеровский мятеж», названный по имени «главаря А.С. Антонова». Антоновский мятеж трактовался в качестве «политического бандитизма». Объявлялось, что мятеж готовился партией эсеров заранее, начиная с 1918 г., причём «с помощью демагогии, обмана, провокации и принуждения эсерам удалось втянуть в банды часть трудящегося крестьянства. В действительности эсеры выступали против создания крестьянских союзов, поскольку, по их мнению, организация крестьянства должна была строиться на основе политической программы, а не на почве ограниченных крестьянских интересов.

Переходным периодом в историографии изучаемой темы является перестроечный период советской истории. С расширившимся доступом к архивным материалам и прекращением монопольного положения марксистско-ленинской идеологии в трактовке истории исследователи получили возможность приступить к более широкому изучению проблем истории крестьянства в годы Гражданской войны [7]. В это время началось развенчивание мифов, созданных в советской истории. Анализ рассекреченных документов позволил исследователям утверждать: чекистские фальсификации осуществлялись для того, чтобы перенести ответственность за возникновение широкомасштабных мятежей и восстаний на контрреволюцию и тем самым оправдаться перед центральными властями. В результате оказывался под сомнением прежний вывод советской историографии о наличии контрреволюционного подполья в качестве причины крестьянских восстаний.

Серьёзный вклад в разработку темы крестьянского бунтарства внесла Т.В. Осипова [8]. Она вынесла на обсуждение ряд ранее недостаточно разработанных проблем: отношение крестьянства к Гражданской войне, крестьянство и армия как противоборствующие стороны, дезертирство из Красной и Белой армий, крестьянские восстания как часть Гражданской войны. По словам Т.В. Осиповой, подлинной истории крестьянских восстаний времён Гражданской войны до сих пор не создано: «*Вся историография крестьянской войны построена на фальшивом идеологическом фундаменте исключавшем возможность войны между коммунистическим государством и крестьянством*» [8, с. 96].

Развитию исследований в 1990-е гг. способствовала разработка теоретико-методологических аспектов изучения крестьянского движения в условиях революционной и послереволюционной трансформации России. В.П. Данилов выдвинул тезис о том, что аграрная революция – основа всего происходящего в России, начиная с 1902 г. вплоть до 1922 г. включительно: крестьянская революция заставила отказаться от продовольственной развёрстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни [9]. Свою позицию на длительный конфликт между государством и крестьянством высказывает В.Л. Телицын [10, с. 42–43, 51], который утверждает, что крестьянские бунты в условиях военного коммунизма не были ни случайными, ни бессмысленными. Бунтарь выступал не против государства как такового, а против роли малого и второстепенного винтика, которая ему была уготована, против безудержного вмешательства государства в его личную жизнь [10, с. 10]. Источник победы большевистской власти над крестьянским бунтарством кроется в крестьянском сознании: в феномене молчаливого большинства, в доминировании массовой ментальности. Крестьянство в своей массе отстаивало традиционалистские ценности в форме привычного деревенского уклада [10, с. 316, 317].

В 1990-е гг. была предложена новая периодизация истории Гражданской войны в России. Хронологические рамки Гражданской войны в России определяются 1917–1922 гг. Исследователи выделяют в различных версиях от 4 до 6 периодов. Так, Ю.А. Поляков [11] определил, что февраль 1917 г. положил начало Гражданской войне в России, а Октябрьская революция стала её рубежом.

В начале 2000-х гг. в литературе появились новые оценочные характеристики крестьянского движения, новые трактовки по

вопросу о характере и значении восстаний. Утверждалось, что крестьянские выступления (антоновщина, кронштадтское восстание) не только заставили отказаться от политики военного коммунизма, но и отложить планы революционного освободительного похода в Европу, тесно связанные между собой [12, с. 45].

В первое десятилетие XXI в. проблема крестьянского протеста против политики Советского государства в первые послереволюционные годы получила развитие в исследованиях отечественных историков [13]. С антоновщиной освещается маховщина. При этом у части исследований сохраняется тенденция к героизированной интерпретации крестьянских восстаний и повстанческих движений.

Позитивным явлением в российской историографии последнего времени является вышедшее в 2010 году энциклопедическое издание «Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы» [14]. Книга привлекает внимание неожиданным взглядом на, казалось бы, давно известные исторические события. По свидетельству составителя и ответственного редактора Д. М. Володихина, «особое внимание редакции проекта привлекла тема «войны после войны» – подавление антибольшевистских крестьянских восстаний в начале 1920-х годов» [14, с. 6].

Подводя итог, отметим, что крестьянские выступления времён Гражданской войны на советской территории не были обойдены вниманием отечественной историографии.

Список источников и литературы:

1. О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов: Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина от 18 июня 1996 г. URL.: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.12.2016)
2. *Лацис М.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920; *Егоров А. И.* Разгром Деникина в 1919 г. М., 1923; *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны 1917–1920 гг. Л., 1925; *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. В 2-х т. Л., 1924–1928; *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. В 2-х т. Т. 1. 1917–1918 гг. М., 1925; Т. 2. 1919–1920. М., 1926; *Какурин Н. Е.* Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований // Военная наука и революция. М., 1922. № 1.
3. Крестьянская Россия. Вып. I–IX. Прага, 1922–1929; *Рысс П.* Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. Париж, 1921. С. 250.

4. История Всесоюзной Коммунистической партии (большеви-ков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. М., 1938. Гл. IX. Партия большевиков в пери-од перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925 годы) [Электронный ресурс] URL.: http://www.lib.ru/DIALEKTIKA/kr_vkpb.txt (дата обращения: 26.11.2016)
5. *Трифонов И. Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Ч. 1 (1921–1923 гг.). Борьба с вооружённой кулацкой контрреволю-цией. Л., 1964; *Поляков Ю. А.* О политических настроениях кре-стьянства к концу гражданской войны // Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966; *Поляков Ю. А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; *Шишкин В. И.* Советы Сибири в конце 1920-го – начале 1921 г. // Очерки социально-экономической и куль-турной жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Ч. 2.
6. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопе-дия / гл. ред. С. С. Хромов. М.: Советская Энциклопедия, 1983. 704 с.
7. *Литвин А. Л.* Советская историография гражданской войны в По-волжье // Крестьянство Среднего Поволжья в Октябрьской револю-ции и гражданской войне. Казань, 1988; *Фельдман Д.* Крестьянская война // Родина. 1989. № 10. С. 52–57; *Дементьев В. Д., Самошкин В. В.* Восстание крестьян на Тамбовщине в 1920–1921 годах (Обзор литературы) // История СССР. 1990. № 6. С. 99–100.
8. *Осипова Т. В.* Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства М.: РГГУ, 1995. С. 90–162.
9. *Данилов В. П.* Аграрные реформы и аграрная революция в Рос-сии // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин. М. С. 319; *Данилов В. П.* Крестьянская ре-волюция в России 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: материалы конф. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23; *Данилов В. П.* Крестьянская рево-люция в России. 1902–1922 (О первых результатах исследований по коллективному проекту) // Гуманитарная наука в России: Соро-совские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография. М., 1996. С. 53–58.
10. *Телицын В. Л.* «Бессмысленный и беспомощный»? Феномен кре-стьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003. С. 42–43, 51.
11. *Поляков Ю. А.* Гражданская война в России: возникновение и эска-ляция // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32–41.
12. *Куреннышев А. А.* «Революционная война» и крестьянство // Отече-ственная история. 2001. № 6. С. 33–45.
13. *Пылькин В. А.* Крестьянство центра России в конце 1917 – пер-вой половине 1921 г.: социально-политические процессы

и общественно-политические настроения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 26 с.

14. Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы / [сост. и отв. ред. Д. Володихин] М.: Сибирский цирюльник, 2010. 400 с.

Пушкарева Н.Л. (г. Москва)

Российская женская история начала XX века в отечественной историографии (1917–2017)

Аннотация. Синтезируя итоги девяти десятилетий изучения женской истории России начала XX века российскими историками и социологами, современный исследователь имеет возможность проследить основные события в истории женского движения в России незадолго перед, во время и некоторое время после Великой русской революции. Как виделись эти события советскими историками, каким виделся внесённый женщинами вклад в историю российской нации в прошлом веке (и вклад этот часто не очевиден для российских чиновников)? Исследование «женского вопроса» в исторической перспективе показывает, что в СССР и в постсоветской России борьба за признание прав женщин не является частью основной борьбы за права человека, как это было на Западе. Существует нехватка специалистов по женской истории в России, тех, кто готовы преподавать курсы по женской и гендерной истории и антропологии, информировать о влиянии и роли женщин в истории, в том числе в истории революции 1917 года. Такие курсы если и есть, то читаются не в столице, а в некоторых провинциальных университетах.

Ключевые слова: женщины, революция 1917, политическое участие, гендерная история.

Russian Women's History of the early 20th c. in Russian Scholarship (1917–2017)

Abstract. Synthesizing nine decades of scholarship by Russian historians and sociologists, this text will trace the major developments in the history of women and women's movement in Russia shortly before, during and some decades after the Great Russian Revolution seen through the eyes of Russian historians, as well as women's impact on the history of the nation in the 20th c. (that is not yet evident for Russian bureaucrats). Investigation of "women's issue" in historical perspective shows that in the USSR and in Post-Soviet Russia the struggle to recognize the rights of women did not form part of the basic struggle for human rights, as it did

in the West. There is lack of specialists in Russia who are prepared to teach courses in women and gender history in general and to inform about women's impact and role in the history of Revolution 1917. They have come to be offered only recently not in the capital, but only in some provincial universities.

Keywords: women, agency, revolution 1917, political participation, gender history.

Работа в рамках проекта РФФИ № 16-01-00136 и ПФИ РАН «Историческая память и российская идентичность» убеждает в том, что советскую историографию долгое время отличало удивительное умение время от времени переписывать историю заново. В числе таких забытых тем долгое время была история женского политического участия в России начала XX в. (включая 1917 год). Ни история появления в нашей стране первых женских союзов и групп, ни рождение российского варианта феминизма поначалу никак в публикациях не отражались. Об этом не писали ни большевистские идеологи-женщины (вроде той же Александры М. Коллонтай, Инессы Ф. Арманд), ни составители первых советских учебников истории, ни историки-профессионалы. Большевики не считали заслугой членов «Союза равноправия женщин» (существовал с 1905 по 1917 г.) завоевание избирательных прав для женщин в России. Они не признавали, что факт доступа женщин ко многим профессиям, 6-недельный отпуск по беременности и родам (с сохранением половины заработной платы с 1912 года) и многие другие завоевания в интересах женщин стали законами задолго до событий октября 1917 года. Они так не считали – и эти страницы женской истории замалчивались в историографии.

Иное дело – женщины-революционерки. Их истории жизни воссоздавались как биографии новых «советских святых», которые готовы были страдать, но быть верными идее. Они конструировались как образцы для подражания такому идейному служению. Интерес к личностям женщин-революционерок вспыхивал всякий раз, когда женское количественное участие в общественно-политической жизни страны было востребовано особенно сильно. С точки зрения современников-историков (недавно переживших события 1917 года), женщины были не социальной группой с особыми интересами и правами, а «частью революционного потока». Женщины не представляли собой класса. Их статус и устремления как социальной группы, объединенной внеклассовыми интересами, казались вымыслом.

Образ революционерки – громкоголосой «комиссарши» в кожаной куртке, занятой политической агитацией и успешно объяснявшейся с рабочими и солдатами на их языке, в красной косынке, с красноречивым маузером в руках, – успешно романтизировался. В особенности романтизировались методы борьбы – революционный террор, революционные экспроприации (так именовались захваты банков и касс), «бомбизм» (а женщины часто использовались как создательницы взрывоопасных смесей). В биографиях народоволок, эсерок, анархисток (некоторые из которых и не дожили до 1917 года, но самой своей жизнью и подвигами – как тогда писалось – «сделали события Октября 1917 года неизбежными») подчёркивалось их *terrible perfection*. Ранняя советская историография подчёркивала такие их качества характера (не женские!), как отчаянная смелость, отвага, решимость, негибкость. Они были явлены на страницах исследований как прошедшие на равных с мужчинами, без послаблений, испытания каторгой и ссылкой, ставшие помощницами мужьям и братьям во имя забвения своего «ужасного прошлого» и строительства «прекрасного будущего». О каком-то самостоятельном женском движении, а тем более о его успехах до Октября 1917 г. не писалось ни слова.

В годы войны, в публикациях 1940-х годов, вышло немало агитационно-публицистических очерков, педалировавших тему традиционности для России женского героизма и самоотдачи. Этот камертон сохранили и исследования по истории «решения женского вопроса в СССР», выпущенные сразу после войны. Именно в 1940-е годы женский вопрос окончательно был признан решённым. Сам он стал пониматься как «неотъемлемая часть общей борьбы рабочего класса за своё освобождение».

1957 год – год 40-летия Октябрьской революции – пришёлся на начало хрущёвской политической «оттепели». Начавшаяся демократизация общества, свежий ветер XX съезда КПСС, распахнувший двери архивов, позволили расширить проблематику исторических исследований, в том числе и по «женской истории». Именно в конце 1950-х – 1960-е гг. в СССР появился ряд работ, посвящённых роли и непосредственному участию женщин в Октябрьской революции и начавшейся после неё Гражданской войне. Лавинообразно множились публикации воспоминаний женщин-большевиков, участвовавших в революционных событиях и в преобразованиях первых лет советской власти.

Но опубликованные воспоминания отличались удручающим однообразием. Вспоминать по-женски эмоционально, рассказывать то, что не было бы одобрено редактором сборников

воспоминаний, сами большевички не решались. Первые монографии по истории борьбы партии большевиков за «женские массы» были книгами по истории КПСС, нежели книгами по истории женщин. Любое участие небольшевистских женских организаций в протестном движении начала XX в. расценивалось как враждебное, антисоциалистическое: «Стремясь упрочить власть эксплуататоров, буржуазные феминистки надеялись охватить своим вниманием широкие слои трудящихся женщин, оторвать их от участия в революции. Пропаганда феминисток создавала опасность подчинения отсталых и неорганизованных работниц влиянию буржуазной идеологии», – писала одна из первых исследовательниц женского активизма в начале XX в. Вера Сердитова.

О существовании женского либерального движения, об ином понимании понятия женского вопроса как «инициативной деятельности женщин по самоорганизации в общества для борьбы за свои права» (определение 1908 г. «равноправки» А.И. Шабановой) старались не упоминать.

В начале 1960-х гг. исследователи впервые обратились к теме международного женского социалистического движения, участия в нём россиянок. (В журнале «Исторический архив» без комментариев были опубликованы документы международной женской социалистической конференции 1915 г. Сама по себе такая публикация малоизвестных архивистов была прорывом: впервые в российской науке были обнародованы документы по истории борьбы женщин за право избирать и быть избранными. Но отсутствие комментария к этим фактам положило начало печальной «традиции»: феминизм в других странах признавался достойным изучения, в России же (напрашивался вывод) все права и свободы женщинам дал Великий Октябрь.)

Почти четвертьвековая брежневская стагнация с середины 1960-х до середины 1980-х была периодом в российской историографии появились, и появились без влияния западной науки (зарубежные научные журналы были почти не доступны, выдавались из «специальных хранений» библиотек по особому разрешению), исследования, посвящённые истории женской эмансипации в дореволюционный период. В научных сборниках и журналах стали публиковаться статьи о борьбе за равенство политических прав женщин, их право на высшее образование. Шло медленное смещение объекта изучения: с истории абстракций (класс, социальный слой) на историю людей, имеющих свой пол и свои интересы.

«Женская тема» всё более утверждалась в советской историографии. К началу 1980-х гг., когда в Западной Европе и США уже активно писалась самостоятельная история женщин, началось включение женщин в «большую историю» и в СССР – но без задачи идейного обслуживания феминизма как политического движения.

Осваивались новые темы, привлекались не использованные ранее источники, публиковались первые обзоры зарубежных работ по истории русских женщин. Но выдвигание женской темы в число актуальных сопровождалось всё тем же отрицанием идейной и организационной значимости феминистской составляющей в эмансипационном движении России в целом и большее внимание к истории социалистического движения и женщин в нём (как в России, так и за рубежом).

В это время история женской эмансипации и женских организаций в России уже была представлена в работах американских историков – Ричарда Стайтса, Линды Эдмондсон, Барбары Энгель, Рошель Ратчайлд. Их книги и статьи были почти не известны советским учёным. Но именно им принадлежит слава первооткрывателей темы истории небольшевицкого женского политического движения в России. В СССР она оставалась не запретной, но забытой по настоянию идеологического отдела ЦК КПСС.

Объявленная в середине 1980-х годов перестройка дала женской истории в России новое дыхание. Резко уменьшилось число публикаций о большевичках. Женская тема подверглась коррекции в работах о протестном движении в 1917 году. Появились публикации об участии в забастовках не только работниц, но и представительниц средних социальных слоёв – продавщиц, преподавательниц и учениц школ и гимназий. Следом начали упоминать об участии крестьянок в так называемых братствах, которые социалисты-революционеры организовывали в деревне.

Молодые историки начали братья за темы, ранее недопустимые: о «буржуазных» женских военных командах и батальонах в 1917 году (ещё до создания военного подразделения для охраны Зимнего дворца). Авторы тем самым заявили тему объективности женщин, которых мужчины во власти просто использовали, чтобы поднять патриотический настрой в армии.

Если раньше авторы только описывали с большей или меньшей степенью трагизма положение женщин и формы их борьбы за эмансипацию вплоть до революционных дней 1917 года, то теперь они старались ответить на вопросы,

связанные с женской повседневностью, женскими особенностями вмешательства в политику, женским социальным и репродуктивным поведением, пытались разобраться с причинами, которые (возникнув ещё в доклассовом обществе) поставили представительниц слабого пола в зависимость от сильного. Но не столичные университеты постсоветской России и не ведущие научные учреждения в системе Российской академии наук первыми откликнулись на вызовы времени. Первой откликнулась российская провинция: Тверь, Казань, Иваново. 1990-е годы оказались для направления женской истории времени осторожной реабилитации феминизма как политического течения и как теории.

О россиянках в 1917 году и ранее стали писать чаще, в том числе и множество учёных, которые в самой истории женщин увидели не революцию в науке, а просто необходимость добавить в имеющееся описание прошлого женские имена. Они считали неверным уделять фактору пола внимание большее, чем (скажем) возрасту или, тем более, этнокультурной, этноконфессиональной принадлежности. Новым для российской историографии в последние годы стал историко-религиозный аспект такого рода исследований. Представительницы направления новой истории женщин настаивали на необходимости по-иному ставить исследовательские задачи. Своей скрупулёзностью, научной смелостью в постановке новых проблем в истории женщин они несут читательницам слово правды и справедливости.

Список источников и литературы

1. *Гришина З.В.* Союз равноправности женщин (1905–1908) // Проблемы истории СССР. Вып. VI. М., 1977. С. 255–272.
2. *Игумнова З.* Женщины Москвы в годы гражданской войны. М., 1958.
3. *Колточихина А.А.* Е.П. Леткова-Султанова. Общественно-политическая и литературная деятельность (1856–1937). Автореф. к.и.н. М.: МГУ, 2015.
4. *Кулик, В.Н.* Российские женщины в 1917 году // Революция и человек: Быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997.
5. *Пушкарева Н.Л.* Зарубежная историография о социальном положении женщины // Вопросы истории. 1988. №4. С. 140–150.
6. *Сигалов А.А.* Женский вопрос в программах и деятельности политических партий 1900–1914. Дис... канд. ист. наук. М., 1997.
7. *Хасбулатова О.А.* Опыт и традиции женского движения в России (1860–1917). Иваново, 1994.

8. *Щербинин П. П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины (XVIII – начало XX в.). Тамбов, 2004.
9. *Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007.

Ратушняк В. Н., Матющенко П. П. (г. Краснодар)

Социально-экономическое положение сельского населения Кубани в период революционных потрясений 1917 г.

Аннотация. В 1917 г. в России была проведена крупнейшая в её истории сельскохозяйственная и земельная перепись. Она включала вопросы по 200 показателям, отражая численность сельских хозяйств, их землевладение, землепользование, распределение хозяйств по надельным и частновладельческим землям, по скоту, сельхозтехнике, найму сельскохозяйственных рабочих, наличию торгово-промышленных предприятий и т. д. Её ценность для Кубани состоит в том, что в Кубанской области не было земства, а следовательно, и качественной сельскохозяйственной статистики. Статья подготовлена на кубанских материалах этой переписи и даёт наглядное представление о социально-экономическом положении казаков, коренных горских и русских крестьян, иногородних поселенцев в переломный год российской истории.

Ключевые слова: сельскохозяйственная перепись, землевладение, землепользование, аренда, казаки, горцы, русские коренные и пришлые крестьяне, расслоение.

Social and economic situation of the Kuban rural population during the period of revolutionary upheavals in 1917

Abstract. In 1917 it had been carried out the largest agricultural and land census in Russian history. It included 200 indexes reporting amount of farmers, their landowning, land tenure, property classification by allotments and private areas, cattle, agricultural machinery, field men employment, presence of commercial and industrial enterprises etc. The importance of census was due to that fact that in the Kuban province there wasn't country council and qualitative agricultural statistics. The article is based on the Kuban documents of that census and provides guidance on the social and economic standing of Cossacks, native highland and Russian peasants, non-Cossacks settlers in a life-changing year of the Russian history.

Keywords: agricultural census, landowning, land tenure, rent, Cossacks, highlanders, Russian native newly-arrived peasants, stratification.

Основным источником написания данной статьи послужили материалы сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 г., отложившиеся в Краснодарском государственном архиве в фонде Р-234 Кубано-Черноморского статистического бюро. После проведения переписи это бюро готовило к публикации её материалы, но в силу революционных катаклизмов успело обработать лишь сведения по Кавказскому отделу. Они в виде отдельной брошюры отложились в Краснодарской краевой библиотеке. Сведения этой брошюры мы тоже использовали, т.к. они отсутствовали в указанном архивном фонде. Трудно переоценить значение этой переписи, проведённой между двумя революционными переворотами (свержением царя и свержением Временного правительства). Достаточно сказать, что в ней представлены десятки показателей, всесторонне характеризующих земледельческое производство и социальное положение казаков, горских и русско-украинских крестьян.

Всего перепись учла в сельской местности Кубани 411 485 наличных хозяйств, разбитых на две группы: на так называемые трудовые и нетрудовые хозяйства, которые в свою очередь были подразделены на приписные и посторонние. Хозяйства, ведшие своё производство на предпринимательской основе, с широким применением наёмной рабочей силы и почти без участия в непосредственной работе членов семьи, были отнесены к категории нетрудовых. Все остальные хозяйства, даже применявшие труд срочных и годовых рабочих, но с участием рабочей силы семейной кооперации, считались трудовыми. Под приписным понималось население, приписанное к определённым сельским обществам и имеющее право на общинный паевой надел. Все остальные относились к посторонним жителям, абсолютное большинство которых составляли так называемые иногородние (пришлые) крестьяне из других губерний страны. Так, перепись учла 175 785 посторонних хозяйств, или 42,7 % всех хозяйств Кубани. Причём абсолютное большинство постороннего населения осело в казачьих станицах – 156 742 семьи (85,7 % из общего числа в области), что составляло 43,4 % общей численности хозяйств в казачьих станицах.

Наличие громадного числа пришлого, не имевшего права на надельную общинную землю населения на Кубани

предопределило своеобразие социально-экономического положения пришлых крестьян, составлявших основную массу земельных арендаторов и наёмных рабочих в области.

Что же касается так называемых нетрудовых хозяйств, а к ним относились наиболее крупные предпринимательские хозяйства, то более половины из них принадлежало посторонним владельцам. Интересно отметить, что хотя зажиточная группа (не говоря уже о середняцкой) у иногородних была менее многочисленной, чем у коренных жителей Кубани, но крупных капиталистических хозяйств среди первых было больше.

Основным источником существования для большинства сельского населения области было сельскохозяйственное производство, включавшее в себя хлебопашество, огородничество, садоводство, скотоводство и т.п. Для 46460 семей сельское хозяйство было подсобным занятием, а для 157339 семей основные источники существования находились за пределами собственных хозяйств. Это прежде всего несельскохозяйственные занятия и наёмный труд в других хозяйствах. Извлечение средств существования наёмной работой составляло основу жизнедеятельности 91916 хозяйств, большинство из которых, а именно 87721 (73,7%), являлось хозяйствами пришлых крестьян. Особенно много таких хозяйств приходилось на казачьи станицы – 59384. Вместе с подобными хозяйствами приписных жителей семьи, основным источником существования которых служила работа по найму, составляли в казачьей станице 22,4%, в крестьянском селе – 25,4%, в горском ауле – 15,8%.

Большинство земель на Кубани относилось к разряду общинного землевладения. Их получали в надел лишь приписанные к сельским обществам коренные жители области. Причём распределение этих земель отличалось не только социальным, но и сословным неравенством. Так, владельцы нетрудовых хозяйств имели в среднем на двор 17,6 дес. удобной земли, а трудовых – 12,7 дес. На трудовое хозяйство в казачьих станицах приходилось 13,6 дес., в русско-украинских селениях – по 6,7 (в нетрудовых – 13,5), в горских аулах – по 8,0 дес. В нетрудовых горских хозяйствах удобной земли в среднем оказалось даже меньше, чем в трудовых. Это объясняется, по-видимому, тем, что основным богатством зажиточных горских слоёв был скот, а не пашенная земля.

Пришлые крестьяне не имели права на общинные земли и потому в большей степени, нежели коренные жители, прибегали к покупке и аренде земли. Так, коренные жители имели

153,2 тыс. дес. собственной (купчей), а посторонние почти в два раза больше – 301,1 тыс. дес. земли. Казаки, горцы и коренные русско-украинские крестьяне арендовали 445,5 тыс. дес., а иногородние крестьяне – 646,5 тыс. дес. Причём в среднем на одно приписное трудовое хозяйство приходилось 6,1 дес. арендованной земли, а на постороннее трудовое – 4,8 дес. Что касается нетрудовых хозяйств, то здесь цифра арендуемой в среднем на один двор земли у приписных и посторонних была одинакова – 106,9 дес.

Существенные различия среди основных групп сельского населения были по числу беспосевных хозяйств. Так, среди иногороднего населения без посевов было 72,0%. Естественно, среди этой группы населения было и больше всего хозяйств без скота (74,5%) и собственного сельскохозяйственного инвентаря (65,7). Что касается так называемых трудовых хозяйств с земельной площадью свыше 50 дес. на двор, то вряд ли их можно отнести к таковым, если учесть, что в среднем на каждое из них приходилось по 60,9 дес. На нетрудовые хозяйства с площадью более 50 дес. на двор, а перепись насчитала таких 2032 хозяйства с площадью 205615 дес., в среднем приходилось по 100 и более дес. Причём интересно отметить, что крупнейших нетрудовых хозяйств у посторонних жителей было значительно больше, чем у коренных. В группе посторонних их насчитывалось 1487, а в группе приписных (коренных) – лишь 545 дворов. Аналогична картина и со средней посевной площадью в этих хозяйствах. У первых она равнялась 103,9 дес. на двор, у вторых – 93,6 дес. Ту же тенденцию мы наблюдаем в обеспеченности скотом и сельскохозяйственным инвентарём, в применении наёмной рабочей силы. Так, в группе нетрудовых приписных хозяйств дворов, имевших по 7 и более лошадей, было 716, а у посторонних – 2019.

Из 7254 сельскохозяйственных машин и орудий, принадлежавших нетрудовым хозяйствам Кубани, 28692 (77,0%) приходилось на постороннее население, в том числе 9709 плугов (76,8%) и 774 молотилок (70,2%), то есть в среднем по 8 сельскохозяйственных машин на одно нетрудовое приписное хозяйство и по 10 – на постороннее. Кроме того, крупные пришлые хозяева ещё и арендовали больше земледельческих машин и орудий (1228), чем коренные (372).

Шире практиковали нетрудовые посторонние хозяйства и наём рабочих на сельскохозяйственные работы. Так, в момент переписи среди них зафиксировано 1760 хозяйств с наемными

рабочими, в среде коренных – 553. Причём у первых в среднем трудилось в одном хозяйстве 5 наёмных рабочих, а у вторых – 4. Таким образом, нетрудовых хозяйств на Кубани было не только больше у пришлых жителей, чем у коренных (приписных), но и экономически они были более мощными.

Иная картина была у абсолютной массы сельского населения края. Так, перепись 1917 г. зарегистрировала 195,5 тыс. казачьих трудовых хозяйств (47,9 % от общего числа хозяйств, учтённых переписью), в руках которых находилось 426,5 тыс. земледельческих машин и орудий (73,5 % от общего числа), в том числе 2601 молотилка (56,8 %) и 166,8 тыс. плугов (71,5 %). Следует, однако, отметить, что казаки закубанских предгорных отделов в среднем были обеспечены земледельческими орудиями хуже, чем степных и по этому показателю стояли на уровне технической оснащённости крестьянских хозяйств центра страны.

К 1917 г. социально-экономическое расслоение затронуло не только крестьян центра, но и в целом более зажиточные казачьи станицы. О степени экономического размежевания казачьих хозяйств говорят следующие факты. В год переписи 36,1 % малопосевных хозяйств (до 6 дес. на 1 хозяйство) засеяли всего лишь 6,0 % общей посевной площади казачества, а 5,1 % многопосевных (по 25 дес. и более) хозяев имели под посевами 21,5 % площади. 47,7 тыс. казачьих хозяйств, или 24,4 %, не имели собственного сельскохозяйственного инвентаря, 92,7 тыс. казачьих хозяйств, или 47,4 %, вынуждены были прибегать к аренде земледельческих машин. 24,1 % казачьих хозяйств не имели живой тягловой силы.

Интересны сведения о применении наёмной рабочей силы. Правда, они даны переписью за 1916 г., но вряд ли в 1917 г. они сильно изменились. К найму рабочей силы на Кубани обращалось 70076 казачьих хозяйств (35,7 %), а отпускало в наёмные работники 18578 казачьих хозяйств (9,4 %), т.е. в несколько раз меньше.

Коренные русско-украинские крестьяне Кубани, которых перед войной было около 160 тыс. человек, по своему экономическому положению были наиболее близки к казачьему населению. Достаточно сказать, что в 1917 г. на Кубани 45,8 % коренных русско-украинских крестьян эпизодически или постоянно использовали труд наёмных рабочих.

Совсем иная картина была в горском ауле. К той или иной форме найма рабочих прибегало 17,7 % горских хозяйств.

Отпускали внаём своих работников 12,7% горских семей. Почти $\frac{1}{3}$ горских хозяйств Кубани не имела сельскохозяйственных орудий, более половины горских хозяев вынуждены были брать их напрокат. Без посева и с посевом до 5 дес. в Адыгее и Карачае было 79,9% сельских хозяев. Правда, здесь надо учесть, что среди них были и те, кто занимался не земледелием, а выгонным скотоводством. В то же время хозяйств, имевших по 20 и более дес. посева, в горских аулах было очень мало – 1,9%. Иная картина была у горцев по скоту. Без скота у них было 10,4%, с 2–3 головами рабочего скота – 50,7%, с 4 и более головами рабочего скота – 24%. Как видим, совсем иное экономическое размежевание, нежели по посевам.

В самом незавидном экономическом положении находились пришлые крестьяне – иногородние. Выше уже говорилось о количестве беспосевных хозяйств иногородних. Если прибавить к ним тех, кто имел до 5 дес. посева на двор, то окажется, что среди иногороднего сельского населения беднота составляла 82,4%. В то же время к различным видам найма рабочих обращалось 15,9% иногородних хозяев. В их руках находились не только основные средства сельскохозяйственного производства, но также мельницы, сельские торгово-промышленные и ремесленные предприятия. Достаточно сказать, что из 13786 таких предприятий, находившихся в станицах, сёлах и аулах Кубани, 11253, или 81,6%, принадлежало иногородним.

Таким образом, если сравнить социально-экономическое положение самых больших сословных групп сельского населения Кубани – казаков и иногородних, то мы увидим, что более всего экономическое размежевание затронуло иногороднее (пришрое) крестьянство, где почти не было так называемой средней прослойки крестьянства. У казаков же, наоборот, преобладали середняки.

Всё это объясняет поведение иногородних и казаков в период Гражданской войны. Иногородние в абсолютном большинстве поддержали большевиков с их лозунгами обеспечения землёй трудового крестьянства. Казаки на первом этапе гражданского противостояния прежде всего в лице середняков пытались соблюдать вооружённый нейтралитет и лишь, когда увидели, что земельный передел затронет и их, поддержали антибольшевистское движение.

Рогочая Г. П. (г. Краснодар)

Массовая культура и современная публичная политика: на пути конструирования политических мифов

Аннотация. Современная публичная политика России наполнена мифологическими конструкциями не в меньшей степени, чем традиционные общества, и поэтому вполне объясним интерес политологов к проблемам мифологизации политики. Понятие «политическая мифология» в современном политологическом дискурсе часто обозначает довольно разные объекты исследования. С одной стороны, под политической мифологией часто подразумевают устойчивый феномен массового сознания и политической культуры. И в этом случае политический миф служит базисом или несущей конструкцией политических стереотипов. Миф создают устойчивые концепты массового сознания, а стереотипы выполняют операционную роль.

Mass culture and modern public policy: on the way of constructing political myths

Abstract. Modern public policy of Russia is filled with mythological designs, no less than traditional society, and it is therefore understandable the interest of scientists to the problems of mythologizing policy. The concept of «political mythology» in modern political discourse often refers to quite different objects of study. On the one hand, under the political mythology often involve the sustainable phenomenon of mass consciousness and political culture. In this case, a political myth is the basis or supporting structure of political stereotypes. Myth create sustainable concepts of mass consciousness, and stereotypes perform an operational role.

Массовая культура и массовое общество – феномены, возникшие в XX веке в результате фундаментальных изменений, затронувших все сферы человеческой жизни. Многие философы указывают на то, что именно технический прогресс стал причиной тотального «омассовления» всех сфер культуры, в том числе и политических процессов. Повышение уровня жизни, развитие коммуникационных технологий, доступность образования вызвали унифицирование ценностей и моделей поведения, а также их трансляцию и укоренение в общественном сознании и образе жизни. Информационное пространство приобретает мозаичную структуру, становится причудливой мозаикой, поражающей

нас своими мировоззренческими и образными комбинациями. Об этом впервые упомянул в своих трудах канадский философ Маршалл МакЛюен, один из самых известных теоретиков массовой культуры. Свой анализ он начал со средств массовой информации – именно они, по его мнению, подавая свои материалы в мозаичной форме, изменили восприятие целых поколений и сделали его типовым.

В культурологической и философской среде принято придавать феномену массового общества и свойственной ему массовой культуре отрицательное значение. И в подтверждение этому можно привести примеры множества негативных факторов влияния массовой культуры на массовое сознание. Прежде всего упоминается отрыв от фундаментальных культурных традиций и замещение их на массовые поведенческие и идеологические тенденции, проводником которых становится всё информационное пространство вокруг каждого индивида. Естественно, такая система порождает идеальные условия для всевозможных манипуляций массовым сознанием. Технологии рекламы и политической пропаганды получают возможность беспрепятственно развиваться, а коммерциализация массовой культуры придаёт ей совершенно новое качество продукта, услуги, товара.

Так как проблематика массовой культуры и массового общества слишком обширна, в данной работе эти темы будут рассмотрены только на срезе взаимодействия с политической сферой жизни общества. Более конкретно интересующую меня область можно обозначить как применение политтехнологических практик, функционирование которых возможно только благодаря существованию массовой культуры.

Современная публичная политика России наполнена мифологическими конструкциями не в меньшей степени, чем традиционные общества, и поэтому вполне объясним интерес политологов к проблемам мифологизации политики. Понятие «политическая мифология» в современном политологическом дискурсе часто обозначает довольно разные объекты исследования. С одной стороны, под политической мифологией часто подразумевают устойчивый феномен массового сознания и политической культуры. И в этом случае политический миф служит базисом или несущей конструкцией политических стереотипов. Миф создают устойчивые концепты массового сознания, а стереотипы выполняют операционную роль. По мнению Т.Е. Васильевой: «Функциональное поле стереотипов – граница сознательного и бессознательного, формирующихся психологических

структур восприятия, тогда как культурные традиции, обычаи, мифы и т. п. являются объективированными, чаще всего осознанными, результатами такого формирования, закрепляемого рационализированными (идеологическими, политическими, концептуальными) или иррационализированными (художественно-поэтизированными и мистически-религиозными) способами и средствами, в которых заинтересовано (либо не заинтересовано) общество» [1, с. 334–366]. Именно в мифологемах стереотипы заимствуют архитектурный опыт коллективного бессознательного, иерархизируют и классифицируют социальную и политическую действительность, вырабатывают ориентиры и ценности, предписывающие, как вести себя в обществе.

С другой стороны, в настоящее время в силу отсутствия синкретической научной картины мира мифы выполняют функцию исторической рефлексии социумами и индивидами всё более и более ёмких формул, определяющих суть политики, смысл её ценностей, истинность или ложность её идейных мотиваций. В политических мифах современности выражается стремление общества преодолеть атомарность и расколотость и обрести некое символическое единство. XX век принято называть веком господства идеологий, обеспечивавших различным обществам это символическое единство. В рамках функционального подхода, предложенного А. Малиновским, миф, как и идеологию, можно рассматривать в качестве социального института, выполняющего определённый набор социальных функций. В периоды, когда рушатся рационально-объяснительные модели и прагматические конструкции, происходит оживление мифотворческих способностей человеческого сознания, миф благодаря своим онтологическим характеристикам (цикличности, целостности, аксиологичности, наличию устойчивых стереотипов и т. д.) способен восстановить устойчивой социальной идентичности благодаря присущему ему от природы качеству – способности создавать целостную картину мира. Социально-политический миф в силу наличия в нём символического компонента позволяет придать политическим процессам качество духовно-нравственного измерения. Социально-политический миф тем более значим, поскольку любые общественные явления соотнесены с ценностями символического содержания, и, чем сложнее переживаемые современным миром процессы, тем острее потребность выразить их через некие архитипические символы. Сегодня социально-политический миф может выполнить целый ряд функций: аксиологическую, коммуникативную, интегративную,

компенсаторскую. Но при этом нельзя забывать, что, по выражению К.Г. Юнга, «в каждом архетипе содержится высшее и низшее, злое и доброе; поэтому он способен приводить к диаметрально противоположным результатам» [3, с. 244]. Для публичной политики миф – это, прежде всего, инструментальное использование символической и смысловой реальности, обслуживающее выживание социальной общности и созданной для неё социальной утопии и основанной на ней идеологии. Особенностью современного политического мифа стало, по выражению немецкого философа Э. Кассирера, создание «техники производства» новых мифов. Уже не только бессознательное, но и политические технологи создают новые мифы. В работе «Техника современных политических мифов» он говорит о целенаправленном создании мифов как средстве манипуляции массовым сознанием в политических целях. Он отмечает: «...миф всегда трактовался как результат бессознательной деятельности и как продукт свободной игры воображения. Но здесь миф создаётся в соответствии с планом. Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами». Нашему 20 веку – великой эпохе технической цивилизации – суждено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно так же, и в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное оружие, будь то пулемёты или самолёты. Это новый момент, имеющий принципиальное значение. Он изменит всю нашу социальную жизнь» [5].

В основе каждого политического мифа, как продукта современных политических технологий, лежит концепция символического понимания действительности. Основная на мифе идеология – способ поставить архетип на службу задачам сегодняшнего дня. Сегодня воплощение мифа возможно преимущественно в политике, где есть группы людей, способных не только породить миф, но и принять его в качестве основы политической программы.

В политической мифологии постсоветской России как специфической виртуальной системе причудливо переплелись мифы и утопии, идеологии и технологии, что создаёт определённые сложности для отражения и понимания политических процессов, идущих в стране. В России период 80–90-х гг. XX века стал этапом крушения старых и рождения новых политических мифов, развенчанием социальных утопий и возрождением

идеологий, в большей степени соответствующих реалиям времени. Изменение политической системы и демократизация общественной жизни способствовали возрождению таких идеологий, как либерализм, консерватизм, радикальные политические течения. Однако в последнее десятилетие новым идеологиям не удалось полностью заполнить образовавшийся после крушения коммунистической идеологической монополии духовный и психологический вакуум, что отразилось в тенденциях деидеологизации и широкого применения политических и информационных технологий.

Среди поиска возможных идеологических альтернатив особого внимания для исследователей заслуживает изучение религиозного фактора в политических идеологиях или даже шире: использование религии в качестве политической идеологии. По своим мобилизационным возможностям ни одна идеология не может соперничать с религией, поскольку религия обращается к глубинным основаниям человеческого сознания. К тому же любая религия содержит в своей проповеди социальный компонент, ориентированный на социальные ожидания своих последователей. Чем сильнее представлен этот компонент, тем больший мобилизационный потенциал у данной религии. Этим во многом объясняется востребованность политического ислама и политизация православия. По мнению А. А. Игнатенко, директора института «Политики и религии», происходит «исламизация политики» и «политизация ислама: любое политическое действие, если не эксплицитно, то имплицитно соотносится с этим вероучением, а само оно во всё большей степени превращается в политическую доктрину. Подкреплять свою внутреннюю и внешнюю политику догмами религии старается подавляющее большинство правящих режимов стран Востока. Сотрудничающие с государством религиозные деятели отыскивают развёрнутые догматические обоснования политических лозунгов. Нередко находящиеся в оппозиции к правительству религиозно-политические организации выступают с собственными программами переустройства общества на принципах ислама [2, с. 210]. Всё это свидетельствует о возрастании религиозного фактора в современном политическом процессе и об использовании религии в качестве религиозной идеологии. Что касается православия, то, по мнению А. Митрофановой, «возможность появления в России национальной идеологии, основанной на православии и других традиционных религиях, вполне реальна. Нынешняя власть прилагает немало интеллектуальных и политических

усилий по созданию собственной версии гражданской религии. Однако государство использует в своих целях не религию вообще, а конкретные религиозные организации, которые вносят вклад в пропаганду и легитимацию официального проекта строительства национальной идеологии. Помимо официального проекта гражданской религии, на наш взгляд, сегодня существует несколько версий политического православия: политический фундаментализм, панславизм, неоевразийство, православный коммунизм и национализм» [4].

Это важно при учёте анализа политической коммуникации. РПЦ оказывает значительное влияние на политический процесс в современной России, формируя мировоззрение и социальные установки у населения, которые проявляются в политическом поведении граждан. В наше время РПЦ может легитимизировать или не легитимизировать политических субъектов, степень её политического влияния растёт.

В связи с этим изучение структуры, функций и методов использования социальных, культурных и политических мифов, а также способов их возможной дезактивации и демифологизации становится значимым для обеспечения социального консенсуса.

Противопоставить такого рода манипулятивному воздействию можно только практику рационального выбора посредством формализованных процедур и изменение институциональной среды российского общества. Институционализация, понимаемая как процесс социально-политического конструирования специфического набора норм и правил, определяющий практику деятельности и взаимодействия внутри социума, позволяет сделать социально-политическое пространство более структурированным, а следовательно, и более рационально-предсказуемым.

Список источников и литературы

1. *Васильева Т.Е.* Стереотипы в общественном сознании // Реклама: внушение и манипуляция. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2001. С. 334–366.
2. *Игнатенко А. А.* Исламские концепции социально-экономического развития: Ближний и Средний Восток. В сб.: Философия и религия на зарубежном Востоке: XX век. – М., 1985. С. 210.
3. *Карл Густав Юнг.* Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. С. 244.
4. *Митрофанова А.* Политическое православие, как создаётся новый национальный продукт // (<http://www.politjournal.ru/preview.php?acton=Articles&dirid=156&tek=4861&issue=139> 30.01.2013)

5. *Кассирер Э.* / Техника современных политических мифов // <http://virmk.narod.ru/U-DISCIPLINA/U-posob/Kassirer.htm>

Ромашов Р. А. (г. Санкт-Петербург)

Непримиримость как системный фактор российской государственности: опыт историко-правового анализа

Аннотация. В результате рассмотрения бунтов, переворотов, революций как движущих сил политико-правовой истории автор приходит к выводу о том, что в настоящий период необходимо отойти от традиционных для российской историографии попыток легитимации фактов противозаконного изменения государственной власти, которые должны рассматриваться в качестве преступления против государственной власти независимо от того, были ли они успешными или нет.

Ключевые слова: единая концепция русской истории, национальная идея, русский менталитет, бунт, революция, государственный переворот.

Irreconcilability as a systemic factor of Russian statehood: experience of historical and legal analysis

Abstract. As a result of consideration of revolts, revolutions, revolutions as driving forces of the political-right history, the author comes to a conclusion that during the present period it is necessary to depart from attempts of legitimation of the facts of an unlawful alteration of the government, traditional for the Russian historiography, which have to be considered as a crime against the government irrespective of whether there were they successful or not.

Keywords: uniform concept of the Russian history, national idea, Russian mentality, revolt, revolution, revolution.

Российская история – основа нашего национального мировоззрения, культуры в самом широком смысле этого слова, это, безусловно, источник понимания и своей идентичности, и своей цивилизационной миссии.

В.В. Путин

Я не случайно взял в качестве эпитафии одно из высказываний Президента России В.В. Путина. Действительно, история,

не только российская, но и российская тоже, представляет собой основу и национального менталитета, и национальной культуры, и национальной самоидентификации.

Не возникает сомнений в том, что не бывает историй государственных, историй «плохих и хороших», точно так же, как не бывает плохих и хороших времён и людей. Во все времена были те, кто становился героями, удачно строил карьеру, создавал счастливые семьи, в эти же периоды кому-то катастрофически не везло. Одни славили времена, другие их проклинали. Среди тех и других находились талантливые или, по меньшей мере, работоспособные интерпретаторы, ставящие своей целью создание целостных курсов мировой и национальной историй. При этом, если об объективности и единообразности мировой истории, как правило, споров не возникало, поскольку ни о какой единой мировой истории речи просто быть не может, поскольку не существует единого мира, как целостного социально культурного феномена, то вопросы, касающиеся создания единого курса национальной истории, традиционно являлись и являются предметом для жарких дискуссий.

Мы, россияне, в очередной раз живём в условиях социально-культурного перехода. Перестав быть православными русскими и коммунистическими советскими, мы с надеждой ждём, когда кто-то всевидящий и всемогущий скажет нам, кто мы «сегодняшние», осчастливит нас долгожданной национальной идеей, способной сплотить «многонациональный народ Российской Федерации» в единый всероссийский монолит с «общей судьбой на своей земле». Очевидно, что для формирования идеи «общей судьбы» необходима концепция своей «общей истории», о создании которой чётко и недвусмысленно высказался наш Президент: «...учебники (истории. – Р.Р.) должны быть рассчитаны на разные возрасты, но построены в рамках единой концепции, в рамках логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех её этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого» [1].

На мой взгляд, задача, поставленная перед солидными учёными мужами, изначально невыполнима, поскольку не возможно примирить непримиримое. История русского народа и русского/российского государства изобилует фактами, которые не могут быть объяснены и сопоставлены в рамках единого толерантного контекста. При этом объяснения наподобие тех, которые даются по поводу «тёмных пятен» отечественной истории и, как правило, сводящиеся к пресловутым аргументам

наподобие: «у других народов было так же или ещё хуже» или «советская оккупация Восточной Европы лучше фашистской, поэтому и оккупацией её называть некорректно», вряд ли что-то дают в научном плане. Россия как государство живёт не в линейной, а в циклической истории, где новый историко-государственный цикл в качестве условия и предпосылки предполагает завершение предшествующего цикла, разрушение сложившейся политико-правовой системы и как следствие отрицание ценностей и традиций, в рамках этой системы сформировавшихся. Подобная «культура отрицания» обуславливает наличие в нашей «общей истории» большого числа масштабных бунтов, государственных переворотов, революций. Будучи сходными друг с другом в своём нигилистическом отношении к традиционным (легальным) формам государства и права, эти проявления политико-правовых девиаций существенным образом отличаются как по целевым установкам, так и по движущим силам.

Прежде чем перейти к анализу места и роли перечисленных девиантных форм в исторической динамике Российской государственности, следует определиться с их пониманием. Бунт (от нем. *Bund* – соединение, союз, связка) – в Российской империи уголовно-правовой термин, обозначающий вообще насильственное посягательство на власть и существующий порядок правления. В соответствии с законом от 4 июня 1874 г. бунтом назывались: 1) восстание скопом и заговором против государя и государства, умысел ниспровергнуть правительство во всём государстве или в некоторой его части, переменить образ правления или установленный законами порядок наследия престола, составление на сей конец заговора или принятие участия в составленном уже для того заговоре или в действиях оно, со знанием о цели сих действий, или в сборе, хранении и раздаче оружия и других приготовлениях к восстанию; 2) всякая попытка ниспровергнуть существующий порядок правления в более или менее отдалённом будущем [2].

В обыденном языке бунт – это явление, связанное с массовым неповиновением установленному правопорядку, выражающееся в форме открытого насильственного противоборства бунтовщиков с представителями государственной власти и законопослушным населением. Бунт, выражая собой форму социального протеста, в своём развитии руководствуется исключительно разрушительными установками, отсюда его характеристика как «слепого и беспощадного». Основной движущей силой бунта являются протестные массы, для которых участие в бунте

представляет собой обратную реакцию на неправомерное угнетение со стороны тех социальных сил, на уничтожение которых направлен бунт.

Государственный переворот – внезапный антиконституционный захват власти, незаконная смена правящей элиты как в целом (главы государства, правительства, персонала управленческих структур), так и в лице её отдельных представителей, не вошедших в число заговорщиков. Осуществление государственного переворота, как правило, не связано с какими-либо коренными изменениями политического режима, социальных и экономических отношений и имеет своей основной целью получение административных, финансовых, военных ресурсов, обусловленных наличием властных полномочий. Разновидностью государственного переворота является путч (нем. *putsch*) – свержение или попытка свержения законной власти с помощью части армии, группы офицеров.

Революция – полномасштабная трансформация системы государства и общества, приводящая к ликвидации предшествующего общественного и политического строя и установлению новой власти, базирующейся на качественно отличных от предшествующих ценностных и политико-правовых институтах. Революции могут сопровождаться государственными переворотами и гражданскими войнами, однако вполне могут обходиться и без них. Основным признаком революционного процесса является глобальное изменение предшествующего общественного порядка. Революция меняет не только форму и содержание отношений между людьми, но и их сознание.

Как уже отмечалось, общим для всех перечисленных девиантных форм является их коллективный и противозаконный (применительно к законодательству, действующему на момент совершения бунта/переворота/революции) характер политического действия, а также стремление с помощью пропаганды легитимизировать либо, напротив, делегитимизировать эти события. Нетрудно догадаться, что легитимация имеет место в случае успешного захвата государственной власти, а делигитимация – в случае неудачи. В качестве общего для всех названных явлений признака следует также выделить ярко выраженный конфликтный характер. Причём в отличие от внешнеполитических войн бунты, революции, перевороты предполагают выражение агрессии «своих против своих», когда в качестве враждебных противоборствующих сил выступают представители одного народа,

носители единой языковой, религиозной, национально-культурной традиции.

Различает эти понятия то обстоятельство, что источником государственного переворота обычно бывает заговор, причём организованный внутри самих государственных институтов. Источником революции является наличие революционной ситуации, выражающейся в кризисе всей государственной системы – неспособности «верхов» править и нежелании «низов» жить «по-старому». Источником бунта, как правило, является массовое недовольство, доведённое до стадии отчаяния. В таком понимании бунт не что иное, как «конфликт обречённости», когда существующая система отношений воспринимается потенциальными бунтовщиками в качестве неприемлемой, без надежды на улучшение, сложившейся ситуации либо на изменение существующей системы на альтернативную.

Если провести хроникальный анализ российской истории, начиная с периода формирования централизованного Российского государства (конец XVI – начало XVII в.), то можно выделить следующие события, связанные с вышеназванными формами социально-правовых конфликтов:

Государственные перевороты и цареубийства:

1605 г. – свергнутый царь Фёдор II Годунов убит по требованию Лжедмитрия I; 1606 г. – царь «Дмитрий Иванович» (Лжедмитрий I) убит во время мятежа в Кремле; 1762 г. – свергнутый император Пётр III убит приставленными к нему приближёнными Екатерины II; 1764 г. – свергнутый император Иоанн Антонович убит в Шлиссельбургской крепости собственной стражей, согласно инструкции, при попытке его освобождения; 1801 г. – император Павел I убит заговорщиками; 1825 г. – восстание декабристов; 1881 г. – император Александр II убит террористами; 1918 г. – бывший император Николай II вместе с семьёй и приближёнными лицами расстрелян большевиками; 1964 г. – отстранён от власти Генеральный секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв; 1991 г. – попытка государственного переворота со стороны ГКЧП; 1993 г. – попытка государственного переворота со стороны вице-президента РФ А. В. Руцкого.

Народные бунты (восстания):

1606–1607 гг. – восстание И. Болотникова; 1648 г. – Соляной бунт; 1662 г. – Медный бунт; 1670–1671 гг. – восстание С. Разина; 1698 г. – Стрелецкий бунт; 1707–1708 гг. – восстание К. Булавина; 1771 г. – Чумной бунт; 1773–1775 гг. – восстание

Е. Пугачёва; 1921 г. – Кронштадский мятеж; 1920–1922 гг. – восстание А. Антонова 1962 г. – Новочеркасский расстрел.

Гражданские войны в XX в.:

1918–1921 гг. – Гражданская война; 1945 – начало 60-х гг. – националистические восстания «лесных братьев» в Прибалтийских советских республиках и «бандеровцев» на Украине; 1994–2000 гг. – 1-я и 2-я «чеченские войны».

Революции:

1917 г. – Октябрьская социалистическая революция; 1991–1992 гг. – Российская контрреволюция.

В представленных хрониках отсутствуют многочисленные внешнеполитические войны, в которых на протяжении всей своей истории участвовала Россия и которые также отнюдь не способствовали сохранению социальной стабильности и укреплению позитивной политико-правовой традиции, в основу которой, в первую очередь, положена устойчивая закономерность и положительная предсказуемость ориентированных на будущее явлений и событий. Как видим, отечественная государственная история, в буквальном смысле слова, перегружена фактами масштабных массовых беспорядков, являющихся наглядным свидетельством нигилистического отношения к государству и праву как со стороны широких народных масс, так и со стороны элитарной части российского общества.

Проведённый хроникальный анализ позволяет сделать вывод, что наиболее стабильным с точки зрения сохранения внутригосударственной стабильности в истории Российской империи был XIX в. На мой взгляд, такая стабильность обеспечивалась, прежде всего, потому, что императорская власть в этом столетии наследовалась не по «петровской», а по «павловской/классической» системе престолонаследия, в рамках которой наследование престола осуществлялось «по закону», а не по воле самодержца. XIX в. стал очередным «переходным» периодом истории Русского государства. С одной стороны – наметившаяся тенденция конституционализации государственного строительства, капитализация экономики, либерализация общественной жизни. С другой стороны – усиление революционного движения, углубление социальных противоречий, усиление конфликтности общественных отношений.

XX век стал переломным для российской государственности. Революция 1917 г. стала возможной вследствие случившегося «политического самоубийства» русской монархии, являвшейся ключевым элементом Российской империи. Отречение царя

Николая II от престола запустило механизм самоуничтожения русского православного государства, краеугольным камнем которого являлась монархическая форма правления. То, что большевики использовали свой исторический шанс и трансформировали революционную ситуацию в революцию действительно мирового масштаба, в большей степени свидетельствовало не о гениальности руководителей революционного движения, среди которых было немало посредственностей, а о бездарности политического руководства страны, не сумевшего осознать того, что уничтожение института монархии, в условиях российской действительности, равнозначно уничтожению государства. Партия большевиков лишь «подобрала власть» и воплотила её в диктатуре пролетариата, основанной на тех же самых началах, что и империя, однако гораздо более жестокой и бесчеловечной в выборе средств и методов управления.

Предопределившие распад СССР кризисные явления в идеологической и экономической сферах, по сути своей, выступали в качестве революционной ситуации, по своей направленности противоположной революционному вектору, определявшему направленность трансформационных процессов в первой четверти XX века. В таком понимании события 90-х годов прошлого века вполне могут называться российской контрреволюцией, основным результатом которой являлось появление «новой России», позиционирующей себя в качестве государства «европейского типа» – демократической республики, входящей в романно-германскую правовую семью.

Однако на практике произошло то, о чём образно сказал В. С. Черномырдин: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». К сожалению, «как всегда» применительно к России, связано не с созиданием и сплочением, а с разрушением и конфликтностью. Если в начале XX века к разрушению империи привёл отказ от института имперской монархии, то в конце XX века распад СССР стал неизбежным после принятия 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете России. По сути, страна, а точнее её политическое руководство, продекларировала выход из состава СССР Российской Федерации, а поскольку Советский Союз позиционировался в первую очередь с Советской Россией (РСФСР), то заявление о государственном суверенитете России было тождественно объявлению о денонсации союзного договора 1922 г. Последовавшие далее события, связанные с печально известными Беловежскими соглашениями 1991 г., были не причиной, а следствием сепаратистской политики, проводимой

национальными элитами союзных республик. При этом основную роль в этой политике сыграло политическое руководство Российской Федерации.

Россия на современном этапе декларирует своё право на правопреемство как относительно СССР, так и Российской империи. Но, как известно, в рамках юридической процедуры правопреемства к субъекту – правопреемнику – переходят не только полномочия, но и обязательства и обременения. Заявляя об общей с государствами-предшественниками истории, сегодняшняя Россия должна брать на себя ответственность за события прошлых лет. Необходимо признать, что далеко не все страницы отечественной истории заставляют гордиться деятельностью государства и оценивать её как правомерную. Признание исторических ошибок и их объективная оценка – это условие недопущения подобных ошибок впредь.

В рассматриваемом контексте следует, прежде всего, отойти от традиционных для российской историографии попыток легитимации фактов противозаконного изменения государственной власти. Любая попытка антиконституционного прихода к власти должна рассматриваться в качестве преступления против государственной власти не зависимо от того, была эта попытка успешной или нет. История должна учить извлекать уроки из прошлого. Основной урок российской истории – необходимость обеспечения правовой закономерности в передаче высшей государственной власти – мы, к сожалению, не усвоили до сих пор.

Список источников и литературы

1. Путин потребовал «правильного» единого учебника по истории. – URL: <http://www.newsru.com/russia/19feb2013/putindybom.html> – (дата обращения 09.01.2017)
2. См.: Бунт. – URL : <http://www.vehi.net/brokgauz/all/016/16448.shtml> – (дата обращения 09.01.2017)

Рябошанка А. И. (г. Ростов-на-Дону)

Импортозамещение как фактор обеспечения экономической безопасности России в современных условиях

Аннотация. В статье исследуются проблемы реализации импортозамещения в отраслях российской экономики, особенности осуществления программ по импортозамещению в регионах России. Обосновывается необходимость координации деятельности

органов управления федерального центра и субъектов Российской Федерации с целью обеспечения экономической безопасности страны.

Ключевые слова: импортозамещение, закрытая экономика, открытая экономика, протекционизм, национальная экономика, экономическая политика, экономическая безопасность.

Import substitution as a factor in ensuring Russia's economic security in modern conditions

Abstract. In the article the problems of realization of import substitution are investigated in industries of the Russian economy, features of realization of the programs on импортозамещению in the regions of Russia. The necessity of co-ordination of activity of organs of management of federal center and subjects of Russian Federation is grounded with the purpose of providing of economic security of country

Keywords: import substitution, closed economy, open economy, protectionism, national economy, economic politics, economic security.

В современных научных исследованиях проблемы импортозамещения прочно утвердились две основные позиции, связанные с оценкой перспектив дальнейшего использования данного инструментария в системе государственного регулирования национальной экономики. Согласно первому подходу государственная политика должна строиться на принципах последовательного, имеющего долгосрочный стратегический характер проведения импортозамещения как эффективного способа защиты национальных производителей, возрождения отечественной промышленности. Другая позиция основывается на всемерном обосновании невозможности сохранения закрытости экономики. Странники данного подхода указывают на важность развития интеграционных процессов, прежде всего, на постсоветском пространстве, движения по пути сохранения и дальнейшего завоевания конкурентных позиций на мировых рынках ресурсов, товаров и услуг, участия в цепочках добавленной стоимости.

Обе точки зрения позволяют оценить роль импортозамещения в формировании как внутренних источников роста и развития национальной экономики, так и перспектив участия страны в мировых глобальных процессах. Вместе с тем реализация импортозамещения, начатая в 2014 году, предварительные оценки итогов и достигнутых результатов за прошедшие годы

позволяют говорить о возможности разработки экономической политики, которая позволит избежать крайних позиций и найти оптимальную для страны модель позиционирования в современном мире. В этой связи актуален анализ особенностей реализации импортозамещения в российских регионах, поскольку его осуществление не может рассматриваться в отрыве от деятельности региональных элит, без учёта сложных механизмов координации и согласования действий федерального центра, отраслевых ведомств и хозяйственно-территориальных образований в принятии решений по данному вопросу.

Сущность импортозамещения заключается в способности национальной экономики развиваться на основе самостоятельного производства необходимых благ и услуг при ограничении ввоза в страну импортной продукции или достижении определённого уровня самообеспеченности. При этом важно подчеркнуть, что нижний предел самообеспеченности определяется пороговыми значениями достижения экономической безопасности страны. Как отмечалось автором в своих работах, импортозамещение следует рассматривать не только как реакцию на санкции со стороны развитых стран, но как действия государства, продиктованные необходимостью осуществления структурных перемен в экономике, формирования национальных отраслей экономики с высокой долей добавленной стоимости, способностью производить конкурентоспособную продукцию, отвечающую потребностям общества [1, с. 485]. По истечении трёхлетнего периода осуществления программ по импортозамещению, разработанных различными министерствами и ведомствами Правительства РФ, можно говорить, что создание отечественной продукции должно соответствовать задачам сохранения здоровья нации, роста благосостояния граждан России. В настоящее время, как свидетельствуют официальные данные, произошли позитивные перемены в ряде отраслей промышленного производства и сельском хозяйстве. Так, заслуживают внимания достижения в пищевой промышленности, военно-промышленном комплексе, химической промышленности, фармацевтике. Особыми достижениями в 2016 году отмечены производители сельскохозяйственной продукции, в частности в производстве зерна, мясном комплексе и птицеводстве [2]. Вместе с тем сохраняются существенные проблемы, характерные для всех секторов, включённых в реализацию программ по импортозамещению. Эти проблемы правомерно связывать с недостаточностью инвестиций, сложностями в использовании передовых технологий, ростом издержек производства по причине низкой производительности

в инфраструктурных отраслях, инфляционными процессами. Вследствие названных факторов происходит существенное повышение цен на продукцию отечественных производителей при недостаточности улучшения потребительских свойств и соответствия международным стандартам качества.

Большой интерес в контексте задач данной статьи вызывают особенности осуществления программ по импортозамещению в субъектах РФ, а также проблемы регионов страны в реализации целей импортозамещения. В этой связи следует подчеркнуть, что активизация деятельности российских производителей, в том числе и в самих регионах, по расширению объемов и номенклатуры выпускаемой продукции была обеспечена в последние годы разработкой и принятием значительного пакета законодательных документов, в состав которого вошли:

- в фармацевтической промышленности – приказ Минпромторга России от 31 марта 2015 года № 656;
- в тяжелом машиностроении – приказ Минпромторга России от 31 марта 2015 года № 654;
- в программном обеспечении – приказ Минкомсвязи России от 1 апреля 2015 года № 96;
- в авиастроении – приказ Минпромторга России от 31 марта 2015 года № 663;
- в судостроении – приказ Минпромторга России от 31 марта 2015 года № 661 и др.

Осуществление проектов в соответствии с принятыми документами позволит в самых чувствительных отраслях российской экономики, таких как станкостроение, производство программного обеспечения, сократить зависимость от импорта с текущих 88 % до 40 % к 2020 году, а реализация программы по импортозамещению потребует 159 млрд рублей бюджетных средств. Однако эти затраты, по мнению директора Департамента содействия инвестициям и инновациям ТПП РФ Алексея Вялкина, позволят в 20-летней перспективе привлечь в бюджет доходов на сумму до 2,2 трлн рублей, то есть обеспечить прирост дохода более чем в 13 раз [3].

Перспективы достижения планов потребовали активизации деятельности субъектов РФ, среди которых отмечается положительный опыт Алтайского края, Башкирии, Белгородской области, Воронежской области, Иркутской области, Калужской области, Краснодарского края, Москвы, Ростовской области, Санкт-Петербурга и Татарстана. Названные субъекты стали активными проводниками политики импортозамещения, внесли

заметный вклад в обеспечение внутреннего рынка продовольствием, продукцией машиностроения, производства строительных материалов, химической промышленности, продукции отраслей ВПК, отраслей лёгкой и пищевой промышленности с учётом специализации в хозяйственно-территориальном разделении труда.

Программа импортозамещения в регионах России реализовывалась с разной степенью интенсивности и эффективности. В ходе осуществления программ в субъектах РФ возникли проблемы, которые требуют дальнейшего разрешения в современных условиях. Так, реализация программы продовольственного импортозамещения выявила нерешённость проблемы доступа продукции отечественных производителей в систему розничной торговли. Как показал опыт организации поставок сельскохозяйственной продукции в Республике Алтай, оказались не отлаженными связи в цепочке поставок между аграриями и структурами ритейла, включающими хранение, упаковку, логистику до мест переработки и продажи на территории всей страны. Решение этого вопроса требует координации со стороны Минпромторга РФ, развитие системы биржевой торговли, активизации деловых контактов между представителями бизнес-структур в регионах, в том числе и при участии торгово-промышленных палат.

Одной из инициатив главы Республики Алтай явилась концепция «особых аграрных регионов» как территорий концентрации дополнительных ресурсов с целью реализации импортозамещения. Возможность создания специализированных территорий в осуществлении комплексного плана импортозамещения находит поддержку в регионах и среди экспертов. Руководители субъектов РФ используют различные инструменты поддержки производителей сельскохозяйственной продукции, включающие субсидирование кредитов для аграриев (в Ставропольском крае процентная ставка по кредитам снижена до 5–6%), создание социальных магазинов и отделов для реализации собственной сельскохозяйственной продукции (Алтайский край, Республика Ингушетия), использование продовольственных сертификатов на приобретение овощей по фиксированной цене (Республика Бурятия). Всё большее значение приобретает проведение выездных ярмарок в соседних регионах (Тюменская область), финансирование продвижения сельскохозяйственной продукции (Костромская область), строительство сельскохозяйственных комплексов (Республика Кабардино-Балкария),

строительство крупнейшего в Европе плодовоовощного логистического центра (Краснодарский край). По данным Национального доклада, лишь примерно четверть регионов демонстрируют пусть небольшое, но увеличение показателей производительности мяса, молока, растительной продукции [4].

Серьёзной задачей на стыке промышленности и сельского хозяйства является наращивание производства сельхозтехники и помощь аграриям в её приобретении. Регионы и предприятия, участвующие в решении данной проблемы, имеют стратегическое значение, им должно уделяться пристальное внимание.

Важным направлением достижения самообеспеченности является импортозамещение в промышленности. В данном секторе экономики деятельность российских производителей стимулируется с помощью системы государственных закупок, федеральной финансовой поддержки. Примером тому являются территория опережающего развития Дальний Восток, промышленные кластеры в Томской и Иркутской областях, производство высокотехнологичной продукции в Пермском крае (создание авиационных двигателей), функционирование автомобильного кластера (в Калужской области). Вместе с тем начиная с 2015 года объём промышленного производства в стране упал более чем на 4 %. В большинстве же субъектов страны темпы роста промышленности находятся на низком уровне и даже в стагнации.

В значительной степени спад коснулся инвестиционно ориентированных регионов (Санкт-Петербург, Калининград, ТОР Дальний Восток и др.). Глубокий кризис охватил также лёгкую промышленность. Её доля в ВВП снизилась в 30 раз. Одно из подтверждений – заметный спад индекса промышленного производства Ивановской области. Закрытие предприятий лёгкой промышленности, учитывая, что их количество в отрасли незначительно, существенным образом отражается на объёме отраслевого выпуска и валового продукта в целом. Например, упадок производства льняных тканей вызван тем, что лидирующее предприятие («Вологодский текстиль») обанкротилось в 2014 г. Лишь немногие направления лёгкой промышленности демонстрируют рост. Так, наращивается производство синтетических тканей после недавнего открытия заводов (они сразу были названы инновационными). В России химическое волокно производят лишь два завода (в Амурской и Владимирской областях). В Брянской области закрыта швейная фабрика из-за завершения контракта с Министерством обороны [4]. Возможности решения

проблем стабилизации и роста отраслей и секторов экономики связаны с синхронизацией действий федеральных и региональных властей. По этой причине глава Правительства РФ Д. А. Медведев подчёркивал необходимость обеспечения согласованности планов импортозамещения в регионах с федеральными ведомствами. Как представляется, такая координация должна осуществляться непрерывно.

Таким образом, при правильном планировании и осуществлении избранной стратегии импортозамещение может стать драйвером развития экономики и межрегиональной кооперации. В современных условиях повышается значение стратегий развития региона, которые разрабатываются в субъектах и вокруг которых должна осуществляться консолидация элит. При отсутствии стратегического реалистичного подхода импортозамещение может превратиться лишь в декларативные документы и не достичь цели обеспечения безопасности экономического развития страны.

Список источников и литературы

1. *Рябошанка А. И.* Особенности реализации политики импортозамещения в регионах России (на примере Ростовской области) // Особенности государственного регулирования внешнеторговой деятельности в современных условиях: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (17–18 ноября 2016 г.). В 2 ч. Ч. 2. Ростов н/Д: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2016. 576 с. [Электронный ресурс]. URL: http://ogr.donrta.ru/images/stories/files/conferen_id1_2016.pdf
2. Официальный сайт Министерства промышленности и торговли РФ. URL: <http://minpromtorg.gov.ru> (дата обращения 01 марта 2017 года)
3. Политика импортозамещения в России: от слов к делу. 9 июня 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/article/630000> (дата обращения 27 сентября 2016 года)
4. Импортозамещение: регионы России. 2 февраля 2016 года. Материалы Аналитического центра «Клуб регионов России». URL: <http://club-rf.ru/theme/438> (дата обращения 27 сентября 2016 года)

Сердюкова Е. В. (г. Ростов-на-Дону)

Размышления Н. О. Лосского о России и революции

Аннотация. В докладе рассматриваются взгляды известного русского философа – представителя послеоктябрьского

зарубежья Н.О. Лосского, касающиеся видения исторической судьбы России, её будущего, осмысления природы русской революции.

Ключевые слова: эмиграция, Россия, русская философия, революция, персонализм, ценность.

Reflections N.O. Lossky on Russia and the Revolution

Abstract. The report presents the views of the famous Russian philosopher – the representative of post-October abroad N.O. Lossky, concerning the vision of the historical destiny of Russia, its future, comprehension of the metaphysical nature of the Russian revolution.

Keywords: emigration, Russia, Russian philosophy, revolution, personalism, value.

Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) – один из известнейших русских философов XX века. В историю отечественной философии он вошёл как крупнейший гносеолог и создатель последовательной философской системы. Идея всепроникающего мирового единства стала для Н.О. Лосского руководящей мыслью и привела мыслителя в гносеологии к интуитивизму (основы которого изложены в работе «Обоснование интуитивизма»), в метафизике – к органическому мировоззрению (основы изложены в сочинении «Мир как органическое целое»). Согласно иерархическому персонализму Н.О. Лосского каждый народ есть социальная личность. Личность имеет определённую структуру: индивидуальную нормальную идею, вложенную Богом, конкретно-идеальное ядро личности – носителя творческой мощи, эмпирический характер личности и его проявления (поступки). Каждая личность обладает свободой и поэтому может следовать этой идее (в ней заложено идеальное назначение этой личности) или нет. Изначально эта идея заложена в подсознании личности и может проявляться как сознательно, так и бессознательно.

В своих работах «Ценность и бытие» и «Условия абсолютно добра» Н.О. Лосский разрабатывает онтологическую теорию ценностей, смысл которой состоит в том, что ценности не составляют особого царства, отдельного от бытия. Всё принадлежащее к составу мира имеет ценностной характер, все ценности объективны и общезначимы. Сверхценностью является Бог, а основой всего мира ценностей является Царство Божие. Абсолютные ценности не могут быть доказаны, т.к. они усматриваются

непосредственно, через интуицию, духовное озарение. Тема России и локализуется у Лосского преимущественно в области этики и философии ценностей, т. к. цель жизни России и её народа обнаруживается в поисках абсолютного добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием. Царство Божие является одновременно и целью существования, и абсолютной ценностью.

Лосский полагает, что существуют два основных пути развития: прогресс – правильный путь восхождения к Богу; и регресс – отпадение от Бога, сатанинский путь. Но благодаря свободе всегда сохраняется возможность изменения траектории движения и возвращения на правильный путь. По мнению философа, в истории человечества нет линейного прогресса, т. к. прогресс или регресс – это «свободно развивающаяся личная история каждого существа». В работе «Характер русского народа» Лосский прослеживает «личную историю» России через образ жизни её народа, описывает достоинства и недостатки русского характера, а в работе «История русской философии» даёт оценку мыслительной деятельности представителей этого народа.

«Конкретно-идеальное я» русского народа, его субстанциальная сущность – это религиозность и способность к высоким формам опыта, которые проявляются как в характере жизни русского народа, так и в русской мысли. Например, православная религиозность тесно связана с мистическим религиозным опытом и пользуется любовью русского народа, т. к. «в нём осуществляется переживание близости к Богу». Также у русского народа высоко развит и нравственный опыт. Русский человек обладает особенно чутким различием добра и зла. Лосский отмечает способность русского народа к эстетическому опыту и к чуткому восприятию чужих душевных состояний. Русский народ поражает многосторонностью своих способностей. Ему присуща наблюдательность, теоретический и практический ум, творческая переимчивость, изобретательность, тонкое восприятие красоты и связанная с нею артистичность. Религиозность русского человека тесно связана с поиском абсолютного добра и побуждает задумываться о смысле жизни. Не только образованные люди, но и простой народ постоянно обсуждает вопросы, лежащие в основе мировоззрения (вопросы о Боге, смерти, смысле жизни и т. п.). В результате этого, полагает Лосский, обнаруживается способность русского народа к умозрению – интеллектуальной интуиции. Если духовно-душевный уровень жизни русского народа очень высок, то материальная сторона

жизни русского народа находится на низком уровне развития. Эмпирический характер русского человека не выработан, он не стоит как направляющий и ограничивающий фактор над поступками русского человека. Изучая различные стороны жизни русского народа, проследивая «личную историю» России, Лосский приходит к мысли, что русский народ является носителем великих духовных и истинных ценностей.

К сожалению, пишет русский философ, революция 1917 года прервала здоровое развитие духовной жизни в России, а безбожный и бесчеловечный советский режим олицетворяет собой сатанинское зло. Он заменил абсолютные ценности относительными и поставил Россию на путь регресса. Совершив добровольное богоотступничество, русский народ изменил своей идее, он отошёл от Бога и встал на сатанинский путь, тем не менее она (идея) имманентно всё равно присутствует в человеке и поэтому даже революционеры ищут (правда, бессознательно) абсолютно добра. Что же необходимо для того, чтобы встать на правильный путь? Благодаря свободе душа может очиститься глубоким раскаянием, закалить волю, сформировать характер. Русский человек должен в своей жизни ориентироваться на абсолютные ценности, которые усматриваются непосредственно, духовным озарением. Реализовать свою нормальную идею русский народ может только при помощи любви – к Богу и ближнему. Интуиция – созерцание чужого бытия в подлиннике. Благодаря этому интимному проникновению во внешний мир возможна любовь к чужому индивидуальному бытию и к абсолютным ценностям. Любовь кратчайшим путём ведёт к конкретному единосущию, которое осуществимо лишь в Царстве Божиим. Таким образом, Лосский выделяет в духовном облике России: цель её существования (жизнь в Царстве Божиим), субстанциональную основу (религиозность и способность к интуиции) и путь к реализации идеального назначения России (любовь). Миссия России – соборное единение различных народов, которое предполагает возможность взаимопроникновения национальных культур.

Вообще, следует особо отметить, что Лосский не так много внимания уделял в своих работах социально-философской, правовой проблематике. Несмотря на то что годы его жизни, проведённые в России до периода эмиграции, сопрягаются с радикальными преобразованиями в стране, Лосский в отличие от многих своих современников практически не занимается политической и общественной деятельностью за редким исключением. В 1905 году в жизни Лосского наступает период общественной

активности, его избирают председателем «Союза приват-доцентов, лаборантов и ассистентов». В это же время Лосский вступает в конституционно-демократическую партию и является её членом вплоть до роспуска. На 1917 год приходится ещё один небольшой период его активности. Л. Чемберлен в своей книге «The Philosophy Steamer», посвящённой высылке из России значительной части русской интеллигенции в 1922 году и их дальнейшей судьбе, основанной на дневниках, письмах и воспоминаниях, особое внимание уделяет и Н.О. Лосскому и его семье. Автор отмечает, что Лосский, преодолев свою неприязнь к политической деятельности, не мог остаться в стороне от происходящих событий и написал манифест для партии кадетов для предвыборной кампании в 1917 году в Петрограде, а Кизеветтер сделал то же самое в Москве [1, с. 39].

Что касается работ, написанных в это время, то следует назвать брошюру-манифест «Чего хочет партия народной свободы?» (1917), статью «О социализме» в журнале «Вестник партии народной свободы». В этих работах философ отстаивает принципы демократии и правового государства, не принимает радикализм (и правый и левый), культурный нигилизм.

Н.О. Лосский в своих статьях более позднего периода («В защиту демократии», «Индустриализм, коммунизм и утрата личности», «Какой идеал противопоставить коммунизму?», «Органическое строение общества и демократия» и ряде других) подвергает резкой критике социализм и коммунизм, отмечая, что режим в СССР – это не коммунизм, а «рабовладельческий государственный капитализм», «тоталитарное полицейское государство». Социальная справедливость может быть достигнута без той ломки общественной жизни, которая требуется социализмом. Отправным документом в деле построения общественного строя для Н. Лосского является «Всеобщая декларация прав человека», которая гарантирует человеку ряд прав: свободу мысли, совести и религии (§ 18), свободу мнения, выражения его и информации (§ 19), свободу мирных собраний и ассоциаций и т.д. Реализовать эти права в действительной жизни – крайне сложная и трудная задача. Лосский задаёт вопрос: какой тип государственного строя и какая социально-экономическая система наиболее благоприятна для решения этой задачи? Русский философ возлагает надежду на демократию, «разумея под этим словом выраженное в § 21 Декларации право участия каждого гражданина

в управлении своей страны посредством представителей, свободно избранных путём всеобщего, равного и тайного голосования» [2, с. 259]. Для того чтобы формальная демократия стала истинной демократией, необходимо политическое воспитание народа. К высоко культурным демократиям Лосский относит Великобританию, США, Францию, Швецию и некоторые другие страны, которые развиваются в направлении строя, который философ обозначает как «государство благоденствия» (*Welfare State*), где каждый член общества будет защищён от нищеты и получит все средства для удовлетворения своих духовных потребностей и духовного развития. Экономическая сторона такого строя будет опираться на систему всеобщего страхования, разработанную лордом Бевериджем – английским социальным реформатором (сама модель «Welfare State» восходит к Бисмарку, создавшему систему всеобщего страхования, лорд Беверидж стал известен всему миру после доклада, сделанного в 1942 году, в котором были определены основные направления развития социальной политики в послевоенной Европе. В своих исследованиях он представил теоретические основы современного социального государства). К идее «государства благоденствия» Лосский также обращается в статье «Welfare State versus communism» и в послании к молодёжи в России, помещённом в сборнике «Старые – молодым» (1960). План Бевериджа может быть осуществлён в стране постепенно, без революционных потрясений и с сохранением всех свобод. Таким может быть путь будущей России.

Список источников и литературы

1. Lesley Chamberlain *The Philosophy Steamer. Lenin and the Exile of the Intelligentsia*. London. Atlantic Books. 2007. – 414 p.
2. Лосский Н. О. Какой идеал противопоставить коммунизму? // Новый журнал. Кн. XXXVII. – 1954. – № 37. – С. 257–265.

Сидоров В. Г. (г. Краснодар)

Этапы исторической эволюции революционной партии (к 100-летию революций 1917 г.)

Аннотация. Дана историческая характеристика основных этапов эволюции Коммунистической партии как социального феномена, сыгравшего исключительную роль в отечественной истории XX в. Показаны решающие факторы качественного

изменения партийной структуры, которые способствовали её уходу с политической арены страны.

Ключевые слова: партия, революция, бюрократизм, номенклатура, перерождение, олигархия.

«Triumph» and the «fall» of the revolutionary party (to the 100-th Anniversary of 1917 Revolution)

Abstract. The article gives characteristics of the basic stages of the Communist party evolution as a social phenomenon which played a great role in the home history of the 20th c. The article shows the decisive factors of the party structure which caused its departure from the political arena of the country.

Keywords: party, revolution, beaurocracy, nomenclature, regeneration, oligarchy.

Революционные события в России 1917 г. представляют интерес и потому, что понять современное российское общество невозможно без того, что происходило столетие назад. Это историческое прошлое исключительно ёмко по своему содержанию, однако это не исключает возможного выбора отдельных фрагментов и анализа их исторического развития. С этой точки зрения рассмотрены основные этапы эволюции такого исторического феномена, каким явилась Коммунистическая партия.

Известно, что в начале XX в. экономическая отсталость России всё полнее осознавалась общественной мыслью и свержение монархии рассматривалось как условие дальнейшего развития страны. Возникший в Европе марксизм, перенесённый в Россию, приобрел черты русского марксизма как идеологии непримиримой классовой борьбы. В марте 1898 г. проходит I съезд российских марксистов, на котором была провозглашена Российская социал-демократическая рабочая партия – РСДРП. Эта небольшая по численности партия в своей борьбе за власть ориентировалась на российский пролетариат. Члены партии того времени были людьми глубоко убеждёнными в возможности построения социализма и коммунизма в России и в этом находили силы переносить тяготы ссылки и тюрем, преодолевать отупляющую жизнь обывателя и мещанина.

Участие России в Первой мировой войне оказалось далёким от военных успехов, что способствовало свержению монархии. Но пришедшее к власти Временное правительство не считало нужным менять экономический и общественный порядок в стране, хотя возникшая в ходе Февральской революции «другая» власть – Советы – настаивала на социальных реформах. Политический кризис нарастал. В таких условиях достаточно

было хотя и малочисленной партии сделать смелый шаг, и полнота власти оказалась бы в её руках. И такой шаг в ночь на 25 октября 1917 г. сделало большевистское крыло РСДРП. Таким образом, Октябрьский переворот, который в 1934 г. по предложению И. В. Сталина стали называть Великой Октябрьской революцией, был осуществлён профессиональными революционерами. Тем самым задача, ради которой создавалась партия, была решена. И теперь выдвигалась более сложная и трудная задача – построение социалистического, а затем и коммунистического общества. Но историческая отсталость России превращала такое построение в «архитрудное» дело, тем более что «строить социализм» приходилось с «материалом» весьма «низкого качества». Да и партия была слишком малочисленной, чтобы обеспечить своими сторонниками государственные посты. Поэтому в образовавшийся «вакуум власти» хлынули представители других социальных групп, для большинства которых определяющим мотивом стал карьеризм. Начавшаяся в 1918 г. Гражданская война потребовала создания армии, которая стала не только школой начального образования десятков тысяч рабочих и крестьян, но и будущих партийных и государственных управленцев, которые после службы, как правило, на деле доказывали свою приверженность советской власти, определяя трудовые и военные победы того времени.

С другой стороны, чем прочнее становилась советская власть, тем более энергично шёл процесс, когда многочисленный тип обывателя и мещанина дореволюционной России упорно и настойчиво пробивался в партийные и государственные структуры. Так в партии наряду с коммунистами по убеждению появлялись и коммунисты по названию, которые, прикрываясь революционной фразой, шаг за шагом вытесняют «старую» большевистскую гвардию. После VII съезда 6–8 марта 1918 г. партия стала называться Российской коммунистической партией большевиков – РКП(б), а на X съезде (март 1921 г.) начинается «чистка» партии. Однако по-прежнему многие стремились стать членами партии, поскольку это давало возможность попасть в более привилегированные структуры, прежде всего в партийную бюрократию. Всё более отчётливо вырисовывалась дилемма исторической ориентации в развитии Советского государства: быть ли ему в интересах трудящихся или оно будет направлено на усиление власти привилегированной части общества.

Смерть Ленина и новая экономическая политика определили второй этап в эволюции партийной структуры. В начале 30-х годов возникают острые межличностные столкновения в высших

эшелонах партии и государства, которые переросли в действия, несопоставимые с характером этих отношений. А уровень культуры членов партии того времени порождал особое восприятие политических лидеров. Возникает культ личности И. В. Сталина, и всякое сомнение в партийных решениях расценивалось как поддержка буржуазных элементов. В такую почти религиозно-мистическую форму облекалась искренняя вера миллионов людей в светлое будущее, которая была мощным стимулом трудовых, а впоследствии и воинских подвигов. Так, партия революционеров шаг за шагом превращалась в партийно-бюрократическую структуру, которая училась скрывать действительное положение вещей. А на XVIII съезде в марте 1934 г. было провозглашено о «строительстве социализма в основном», а партия стала называться Всесоюзной коммунистической партией большевиков – ВКП(б). С точки зрения современных реалий можно видеть, что, по существу, шло «строительство» государственного капитализма, в котором властное положение занимала партийная элита, которая с суровой подозрительностью «защищала» его от многочисленных «врагов народа». Так партия революционеров, готовых на лишения во имя социалистических и коммунистических идеалов, шаг за шагом превращается в партийную номенклатуру, которая во многом несла в себе психологию мещанской России, которая марксистское учение заменила революционной фразеологией и сталинскими цитатами.

Трудно представить, к чему привела бы та политическая вакханалия, которая велась с «врагами народа», если бы не события Отечественной войны, когда амбиции партийного руководства переплелись с величием духовной силы миллионов людей. Здесь нельзя не отметить ту роль, какую сыграли первичные партийные организации, которые решали на местах многочисленные вопросы политической и хозяйственной работы, а в армии идейно сплачивали личный состав, помогали в решении боевых задач.

Отечественная война приглушила партийные распри, однако после Победы они вновь оживают. Ещё большим стал культ личности И. В. Сталина, всё дальше от ленинских принципов отходила деятельность партийных органов. Но с другой стороны, в годы войны в ВКП(б) вступило огромное число фронтовиков, что потребовало обновления административных и хозяйственных кадров государства. Это было проведено на XIX съезде партии в октябре 1952 г., на котором партия была переименована в Коммунистическую партию Советского Союза – КПСС. Но съезд не сформулировал ни перспектив экономического развития, ни пути преодоления социальной напряжённости.

Со смертью И. В. Сталина 5 марта 1953 г. начинается третий этап в политической эволюции партии. Возникают острые политические разногласия, особенно после XX съезда партии (февраль 1956 г.) Н. С. Хрущёву удалось представить себя руководителем, который заботится о повышении уровня жизни народа, однако последующие непродуманные реформы привели к его отставке. После октябрьского Пленума 1964 г. партийное руководство во главе с Генеральным секретарём партии Л. И. Брежневым, которым он стал в апреле 1966 г. на XXIII съезде партии, усиливает идеологический консерватизм. Возникает культ личности Л. И. Брежнева, который стал своеобразным символом единства номенклатуры. Регулярно каждые пять лет стали собираться партийные съезды, которые на деле оказывались тщательно подготовленным единодушным одобрением директив, выработанных руководящими органами. В 70-х годах политическое управление всё более осуществляется высокопоставленными партийными чиновниками. А принятая в 1977 г. Конституция страны решительно утвердила ведущую роль Коммунистической партии, сохраняя видимость коллективного руководства в окружении одного человека – Генерального секретаря партии. Политическая видимость стабильности брежневских времён вела к расцвету номенклатурной элиты, уверенной в себе, в своих правах и в своём будущем. Но с другой стороны, это свидетельствовало о тщетности попыток создать новый тип общественно-экономических отношений в соответствии с марксистским учением. Поэтому появление М. С. Горбачёва и его реформаторская деятельность вначале вызвали сомнения. Под лозунгами «гласности» и «перестройки» становился явным кризис в партии, не способной осуществить политические реформы. Шаг за шагом, особенно начиная с 1990 г., М. С. Горбачёв уступал власть президенту России Б. Н. Ельцину. А попытка совершить государственный переворот в августе 1991 г. не только ускорила распад СССР, но и стала поводом для приостановки деятельности КПСС, а затем и её запрета.

Так в итоге самоотверженная борьба революционеров во имя справедливого общества привела к появлению новых господствующих классов. Это не только нынешние олигархи, но и административно-государственная бюрократия, которая подчиняет себе всё и вся. Что касается Коммунистической партии, то о ней можно сказать, перефразируя известное изречение, которое любили классики марксизма: «Ты хорошо рыл историю, старый крот!»

Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. (г. Новосибирск)

Риски снижения уровня демографической безопасности Сибирско-Казахстанского приграничья

Аннотация. Депопуляция в течение длительного времени в сочетании с миграционным оттоком населения привели к сокращению численности населения на приграничных территориях Западной Сибири. Особенно сильно эти процессы затронули Алтайский край и территории приграничных административных районов Сибирско-Казахстанского приграничья.

Ключевые слова: демографическая безопасность, демографический потенциал, депопуляция, миграция, приграничье.

Risks of Demographic Security Decline in the Siberian-Kazakh Borderlands

Abstract. Depopulation for a long time combined with the migration outflow of population led to population decrease on the border areas of Western Siberia. Especially strongly these processes affected the Altai territory and the neighbouring administrative regions of the Siberian-Kazakhstan borderland.

Keywords: demographic security, demographic potential, depopulation, migration, borderland.

Особое внимание к исследованию демографической ситуации на территориях Сибирско-Казахстанского приграничья связано с остротой демографических проблем и наличием рисков снижения уровня демографической безопасности приграничья России. Актуальность выбора для исследования этой территории, кроме того, связана с необходимостью мониторинга присутствия на ней постоянного российского населения.

Оценка демографической безопасности субъектов Сибирского федерального округа (СФО), проведённая авторами с использованием разработанного ими интегрального показателя демографической безопасности*, позволяющего ранжировать остроту проблем демографической безопасности рассматриваемых

* Интегральный показатель демографической безопасности построен на основе следующих базовых показателей: естественный прирост населения; суммарный коэффициент рождаемости; ожидаемая продолжительность жизни; число прерываний беременности (абортов) на 100 родов; коэффициент демографической нагрузки (численность детей и населения старше трудоспособного возраста на 1000 человек трудоспособного возраста); коэффициент замещения (численность детей на 1000 человек старше трудоспособного возраста).

территорий, показала, что самыми неблагополучными регионами СФО с низким уровнем демографической безопасности являются приграничные территории, имеющие государственные границы с Казахстаном, Монголией и Китаем [1–3]. Эти регионы требуют повышенного внимания как со стороны исследователей проблем безопасности, так и со стороны властей федерального и регионального уровней для принятия соответствующих управленческих решений с целью обеспечения демографической и национальной безопасности.

Российско-казахстанская граница, по протяжённости являющаяся самой длинной в мире сухопутной границей, проходит по 12 субъектам РФ, из которых к Сибирско-Казахстанскому приграничью относятся Омская и Новосибирская области, а также Алтайский край и частично Республика Алтай.

Численность населения приграничных территорий является важнейшей составляющей их демографического потенциала. За период 2001–2010 гг. СФО потерял свыше 1 млн человек, сокращение населения произошло почти по всем территориям приграничья за исключением республик Алтай и Тыва. Численность населения Казахстанского приграничья сократилась на 5,3 %, что составило почти 400 тыс. человек. Самое большое сокращение населения среди всех субъектов СФО произошло в Алтайском крае – 210 тыс. человек (табл. 1).

Уменьшалась не только численность населения, но и число населённых пунктов, особенно сильно в Омской области (табл. 2). Причём на будущее заложилась очень негативная тенденция их ускоренного сокращения – число сельских населённых пунктов (СНП), которые уже вообще лишились населения, выросло, по данным переписи 2010 г. по сравнению с данными переписи 2002 г.

Таблица 1

Динамика численности населения Казахстанского приграничья СФО, 2001–2015 гг. (тыс. чел. на 1 января соответствующего года)

Регионы	2001 г.	2010 г.	Изменения за 2001-2010 гг.	2015 г.	Изменения за 2010-2015 гг.
Алтайский край	2641	2431	-210	2385	-46
Новосибирская область	2715	2662	-53	2747	85
Омская область	2117	1984	-133	1978	-6

Регионы	2001 г.	2010 г.	Изменения за 2001-2010 гг.	2015 г.	Изменения за 2010-2015 гг.
Казахстанское приграничье в целом	7473	7077	-396	7110	33
СФО	20333	19287	-1046	19312	25

Таблица 2

Сокращение числа СНП по регионам Казахстанского приграничья по результатам переписей 2002–2010 гг.

Регионы	Число СНП в 2002 г.		Число СНП в 2010 г.		Изменение числа СНП за 2002-2010 гг.
	Всего	Без населения	Всего	Без населения	
Алтайский край	1620	16	1598	25	-22
Новосибирская область	1566	43	1534	57	-32
Омская область	1524	23	1476	24	-48

С 2012 г. после длительного снижения стала расти, хоть и незначительно, численность населения округа в целом. За период 2008–2015 гг. она существенно выросла в Республике Алтай – на 5,3%. С 2009 г. растёт численность населения и в Новосибирской области. В Омской области она стабилизировалась, и только Алтайский край продолжает терять население снижающимися, но достаточно высокими темпами.

Важнейшую роль в сокращении численности населения регионов Казахстанского приграничья сыграл отрицательный естественный прирост, сформировавшийся здесь с 1992 г. Казахстанское приграничье, имея 37% населения СФО, обеспечило за период 2001–2009 гг. 46% естественной убыли населения округа – 269 тыс. человек, что составило 68% всех потерь населения Казахстанского приграничья. Даже в годы значительно сократившегося отрицательного естественного прироста (2008–2010) из всех регионов Сибирского приграничья выделялись высокими показателями отрицательного естественного прироста Алтайский край, Новосибирская и Омская области, особенно их сельская местность.

Начиная с 2006 г. на территории Сибирского федерального округа, как и по России в целом, наблюдалась положительная динамика демографических показателей, рост рождаемости и снижение смертности. Она была связана с общим

улучшением ситуации в стране в результате оживления экономики и с ростом уровня жизни населения, резко обрушенным в 1990-е гг., с повышенным вниманием, оказанным демографической и социальной сфере как со стороны федеральных, так и со стороны региональных властей, а также со структурными факторами [4].

Однако на территориях Казахстанского приграничья эта тенденция проявляется с запаздыванием и не такими темпами, как в прочих субъектах СФО, и особенно в Восточно-сибирском приграничье*, которое уже с 2006 г. вышло на положительный естественный прирост населения в целом и в 2007 г. во всех субъектах. Для сравнения, СФО добился естественного прироста населения в 2009 г., а его Казахстанское приграничье – только в 2012 г. Причём в Алтайском крае отрицательный естественный прирост продолжал сохраняться и в 2014 г. Значительная естественная убыль населения за период 2001–2011 гг. произошла во всех субъектах Казахстанского приграничья СФО, но особенно интенсивно в Алтайском крае (табл. 3).

Депопуляционные процессы в течение длительного времени сочетались с миграционным оттоком населения. В 2001 г. миграционные потери Казахстанского приграничья составляли 30 % всех потерь населения на территориях, граничащих с Казахстаном. Начиная с 2004 г. отрицательная миграционная составляющая изменения численности населения сокращалась и в положительном качестве проявилась с 2008 г. Но произошло это только за счёт одной Новосибирской области, которая с 2004 г. имеет положительный миграционный прирост населения (в 2004 г. – 0,3 тыс. чел., в 2014 г. – 13,6 тыс. чел.), что позволило ей в отличие от других регионов Казахстанского приграничья компенсировать естественную убыль населения. В Алтайском крае продолжается миграционная убыль населения, которая накладывается на депопуляционные процессы и усугубляет их.

* Восточносибирское приграничье составляют республики Алтай, Бурятия, Тыва и Забайкальский край – территории проживания коренного населения Сибири, которое отличается от русского населения более высокими показателями рождаемости, как результат – молодой возрастной структурой населения и, несмотря на высокую смертность, положительным естественным приростом.

Таблица 3

**Динамика естественного прироста (убыли) населения
Казахстанского приграничья СФО, 2001–2015 гг. (тыс. чел.)**

Регионы	2001-2011 гг.	2012-2014 гг.	2001-2014 гг.
Алтайский край	-113,4	-6,6	-120,0
Новосибирская область	-101,4	4,7	-96,7
Омская область	-69,2	8,6	-60,6
Казахстанское приграничье в целом	-284,0	6,7	-277,3
СФО	-583,3	82,1	-501,2

Положительное сальдо миграции для Казахстанского приграничья определилось благодаря увеличению миграционного прироста в обмене с другими странами, а в обмене с регионами России данные территории, кроме Новосибирской области, продолжают терять население. Таким образом, миграционный отток населения Казахстанского приграничья в другие регионы России продолжается. Одновременно растущий приток мигрантов из других стран приводил к замещению местного населения. В 2008–2014 гг. миграционные потоки из Казахстана и Средней Азии продолжали оставаться основной частью международной миграции и составили 85 % в соответствующем миграционном приросте.

Непосредственно вдоль казахстанской границы расположено 28 административных районов СФО: в Омской области – 9, в Новосибирской области – 4, в Алтайском крае – 12, в Республике Алтай – 3. По итогам переписи 2010 г. в них проживало 776 тыс. чел., т.е. 4,1 % от численности населения СФО и 10,7 % от общей численности населения Казахстанского приграничья СФО*. К началу 2015 г. эти показатели были равны соответственно 745 тыс. человек, 3,8 и 10,2 %, т.е. и в последние годы происходит абсолютное и относительное сокращение численности населения граничащих с Казахстаном административных районов Западной Сибири.

На протяжении многих лет, с конца 1980-х гг., следуя общим для России и СФО тенденциям, ухудшалась демографическая ситуация в Казахстанском приграничье, в том числе и в приграничных административных районах СФО. Но если с 2006 г. наблюдается улучшение многих показателей, характеризующих

* Здесь и далее включая Республику Алтай.

демографическую ситуацию и демографический потенциал СФО в целом, то в полосе приграничных административных районов Западной Сибири, граничащих с Казахстаном, продолжают сохраняться негативные тенденции.

За межпереписной период 2002–2010 гг. численность населения СФО уменьшилась на 4%, в Новосибирской области – на 1%, в Омской области – на 4,9%, в Алтайском крае – на 7,2%, а в Республике Алтай население увеличилось на 1,6%. За тот же период потери населения административных районов округа, непосредственно граничащих с Казахстаном, были куда более значимы – 11,2%, в том числе в Новосибирской области – 10,4%, в Омской области – 14,0%, в Алтайском крае – 11,6% и в Республике Алтай (на фоне увеличения численности населения во всей республике) – 0,05%.

После переписи 2010 г. население приграничной полосы административных районов СФО с Казахстаном продолжало сокращаться достаточно высокими темпами: всего за четыре с небольшим года, т.е. к началу 2015 г., они потеряли ещё 4,0%. Численность населения приграничных административных районов Новосибирской области по сравнению с итогами переписи 2010 г. уменьшилась на 5,9%, соответствующее сокращение по граничащим с Казахстаном территориям в Омской области составило 4,5%, в Алтайском крае – 3,6% и в Республике Алтай – 0,7%.

Приграничные административные районы рассматриваемой части СФО характеризуются небольшим преобладанием сельского населения, которое, по данным переписи 2010 г., составляло 54,5% от всего населения. При этом именно сельские поселения приграничных административных районов теряют население в большей степени, чем городские, и гораздо более высокими темпами, чем в среднем по округу. Так, если за межпереписной период 2002–2010 гг. сельское население СФО сократилось на 6,8%, в том числе по областям: в Новосибирской области – на 9,6%, в Алтайском крае – на 10,2%, в Омской области – на 13,3%, то в приграничных административных районах данных субъектов, соответственно, на 14,4, 13,5 и 18,2%. К началу 2015 г. по сравнению с данными переписи 2010 г. в целом по приграничным административным районам Западной Сибири численность сельского населения уменьшилась ещё на 5,2%, а городского – на 2,5%.

Приграничные административные районы Западной Сибири теряли и продолжают терять население в противовес

складывающимся за последние годы положительным тенденциям в демографической ситуации СФО в целом и в большинстве его регионов. Происходит это как за счёт естественной убыли, но в большей степени из-за миграционного оттока населения. Так коэффициенты миграционной убыли в административных приграничных с Казахстаном районах округа за период 2012–2014 гг. во много раз превосходили соответствующие региональные показатели.

Исходя из имеющихся данных по видам миграции можно в целом по СФО и регионам Казахстанского приграничья сделать вывод о том, что международная миграция, преимущественно со странами СНГ, в значительной, хотя и не в полной, степени восстанавливает миграционные потери из-за внутрироссийских перемещений. Большинство же приграничных административных районов Западной Сибири несут очень существенные потери именно из-за внутрироссийской миграции, которая в несколько раз превышает показатели международной миграции. Незрелость социально-бытовой инфраструктуры, отсутствие возможности трудоустройства, а значит, и содержания семьи в приграничных административных районах, высокий уровень безработицы – всё это не способствует закреплению населения в приграничных районах, порождает его отток и снижение численности постоянного населения на приграничных территориях.

Пропорционально уменьшению численности населения сокращалась в приграничных районах и его плотность в расчёте на один квадратный километр. По данным переписи 2010 г., в полосе приграничных районов Новосибирской области плотность населения в 2,4 раза меньше средних по области данных, в Омской области – в 1,8 раза, в Алтайском крае – в 1,4 раза, в Республике Алтай – в 1,7 раза, и разрыв постоянно увеличивается. Следствием низкой плотности населения является низкая экономическая плотность населения и обезлюдение приграничных территорий.

Население, которым располагают приграничные регионы Сибири, не соответствует размерам их территории, нуждающейся в освоении, охране границ, развитии поселенческой сети. Особенно это касается приграничных административных районов, расположенных вдоль государственной границы, где и в последние годы, несмотря на улучшение демографической ситуации в СФО, продолжается сокращение численности населения, особенно сельского, прежде всего за счёт

миграционного оттока. Стягивание населения к нескольким крупным центрам как в Сибири, так и за её пределами способствует обезлюдению и хозяйственному запустению уже освоенных с большим трудом и затратами территорий. Такая карта расселения не соответствует экономическим и геополитическим интересам страны и представляет собой угрозу территориальной целостности и национальной безопасности.

В связи с этим важной задачей федеральной региональной политики на приграничных территориях должно стать стимулирование их социально-экономического развития, и прежде всего в сельской местности, с целью привлечения и закрепления населения. Необходимо проводить укрепление опорной структуры поселений вдоль юго-восточных границ Российской Федерации, не допускающей нелегальной миграции со стороны соседних государств.

Список источников и литературы

1. *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. 2016. №4. С. 142–153.
2. *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Демографическая безопасность регионов Сибирского федерального округа: оценка рисков // Вестник НГУЭУ. 2016. №1. С. 10–21.
3. *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Многорегиональный анализ динамики демографических рисков на территории Сибири // Регион: экономика и социология. 2016. №3 (91). С. 76–97.
4. *Соболева С.В.* Демографическая ситуация в Сибири на фоне общероссийских тенденций // Регион: экономика и социология. 2014. №2. С. 97–115.

Сьедин Н.А. (г. Симферополь)

Перестройка как продолжение революции. Попытка сравнительного анализа двух политических процессов

Аннотация. В статье предпринята попытка сопоставить события в России начала и конца XX века и найти черты, объединяющие их. Автор выделяет, с его точки зрения, главные факторы, определившие характер происходивших процессов, и причины, которые привели к распаду государства.

Ключевые слова: революция, перестройка, государственные институты, политическая система, политические процессы, ценностные ориентиры.

Perestroika as a continuation of the revolution. An attempt to compare the two political processes

Abstract. In the article it is made an attempt to compare the events in Russia at the beginning and at the end of the XX century and find common features that unite them. The author distinguishes, from his point of view, the main factors that determined the nature of the processes that were taking place, and the reasons why they became a cause of the state disintegration.

Keywords: revolution, restructuring, state institutions, political system, political processes, values.

Название статьи взято из широко распространённого во второй половине 1980-х годов тезиса о том, что так называемая перестройка является продолжением революции 1917 г. Во времена М.С. Горбачёва он активно эксплуатировался на различных уровнях – от руководителей партии до преподавателей научного коммунизма. Хотя при этом некоторые учёные и делали оговорки, что «...сравнивая 1917 год и 1987-й, надо идти, конечно, не по пути формальных аналогий. Они всегда условны. Всё-таки задачи другие, совершенно иная эпоха, формы, методы, действия масс тоже другие. Преимущество – это действительно главное» [1, с. 38]. И тем не менее, сопоставляя произошедшие в России события начала и конца XX века, невольно обращаешь внимание на множество удивительных совпадений, делающих эти, безусловно, разные по форме и содержанию общемировые события очень напоминающими друг друга. Общее удивительным образом проявляется даже в деталях. Нельзя не обратить внимание на роль апрельских тезисов В.И. Ленина и апрельского пленума ЦК КПСС; форму общения лидеров массовых движений в 1917 и 1991 гг., избравших в качестве трибун бронетехнику; влияние жён на первых лиц государства; неудачные попытки предотвратить распад страны с помощью военного положения; драматическую судьбу тех, кто пытался ввести войска в столицы в августе 1917 г. и августе 1991 г.; предательство людей, находившихся в тот момент у власти. Этот ряд можно продолжать бесконечно, находя общие черты в событиях, процессах и даже личностях тех, кто оказался на гребне политической волны в те годы. Отчасти это связано с масштабом произошедшего, вобравшего в себя такое множество событий и лиц, что обнаружить их своеобразные повторения не составляет большого труда. В этих процессах

было задействовано столько политических фигур, что при развитии воображении нетрудно найти сходство между многими из них. Тем более нетрудно найти сходство в большом количестве событий. Но согласно закону больших чисел за множеством деталей отчётливее прослеживаются важнейшие общие закономерности. Сразу подчеркнём, что речь не идёт о прямых параллелях, попытках непосредственного сопоставления процессов, разделённых не только большим отрезком времени, но и огромными изменениями в экономике, культуре, сознании людей. По большому счёту речь идёт о процессах, изменивших мир, событиях, положивших начало двум разным эпохам. Поразному определяются их хронологические рамки. В данной статье они не ограничены лишь февралём или августом, а рассматриваются как единая цепь событий, формально завершившихся распадом прежних и созданием новых суверенных государств – СССР и Российской Федерации.

Конечно, эти события были разными не только по форме, внешним проявлениям, но и по содержанию. Даже принимая во внимание отдельные вооружённые конфликты на постсоветском пространстве, нельзя не видеть, что они не привели к полномасштабной гражданской войне. В случае с распадом СССР правящие элиты, особенно в бывших союзных республиках, сумели сохранить свою власть, удачно сменив партийные одежды на национальные. Кардинально противоположной была и экономическая основа происходившего в эти периоды. В одном случае она сводилась к национализации средств производства и фактической ликвидации частной собственности, в другом – к её полной реабилитации и разгосударствлению некогда общенародной собственности. Но как раз это, согласно тем же марксистским подходам, и есть подтверждение того, что в обоих случаях мы имеем дело именно с революционными преобразованиями, меняющими не просто политическую систему, а общественный строй, что и делает эти события чрезвычайно похожими. С этой точки зрения, наверное, вполне уместно использовать тезис о перестройке как продолжении революции. Тезис не только пропагандистский, но имеющий определённую логику. С одной стороны, он неоспорим с точки зрения причинно-следственной связи; с другой, как уже указывалось, в плане характера последовавших перемен и их последствий, приведших к распаду государств.

В связи с этим представляется чрезвычайно важным найти общие закономерности и причины того, почему эти отстоящие

достаточно далеко во времени события приобрели столь катастрофический характер. Конечно, никто не станет отрицать наличие в одном и другом случае глубоких противоречий в обществе, требующих своего разрешения, экономических сложностей, внешних факторов. Но мир и до и после этих событий переживал экономические кризисы, войны, а международные отношения никогда не отличались идиллией. Мы всегда будем сталкиваться с желанием внешних сил повлиять на внутреннюю ситуацию в стране. Тем не менее далеко не всегда это вело к разрушению государств. С другой стороны, при всех сложностях социально-экономического и международного положения и дореволюционная Россия, и Советский Союз по многим показателям выглядели вполне успешно. Во всяком случае, согласно современным исследованиям, положение в России накануне революции было не хуже, чем в других вовлечённых в мировую войну странах, а СССР к началу 1990-х гг. сохранял за собой статус одной из двух сверхдержав мира. Конечно, мы имеем дело с достаточно редким стечением обстоятельств, каждое из которых сыграло свою роль. Однако некоторые из них, на наш взгляд, имели особое значение. Одной из таких причин, общих для событий 1917 и 1991 гг., является то, что назревшие перемены сопровождались кардинальными изменениями ценностных ориентиров в обществе. Можно назвать это отказом от прежней государственной идеологии, новой парадигмой общественного развития или, как это преподносилось в 1980-х гг., новым мышлением, но в основе лежало то, что прежние ценностные установки не просто отмирали, уходили в прошлое, они замещались принципиально другими, прямо им противоположными, исключаящими прежние. Причём происходило это одновременно во всех областях – от духовной до экономической, от внутригосударственной до внешнеполитической. Прошлое не просто подвергалось ревизии, оно отторгалось вместе со всем, что составляло его основу. Основополагающие постулаты царской России – самодержавие, государственность, православие – были заменены сначала на демократию, самоуправление, материализм, а затем на диктатуру пролетариата, власть советов, воинствующий атеизм. Точно так же в конце 1980-х гг. были изменены главные ориентиры: «план» на «рынок», «общественное» на «индивидуальное», «классовое» на «общечеловеческое». Некоторые категории, как, скажем, «социализм», «интернационализм», «патриотизм» стали в один момент изгоями в политическом

лексиконе. При этом речь не идёт об оценках самих идей, о том, какие из них являлись более предпочтительными. Тем более не ставится цель обосновать необходимость их сохранения. Речь идёт лишь о том, что кардинальное, в рамках жизни одного поколения, изменение всей идеологии не может не сопровождаться острыми социальными конфликтами, как это наблюдалось в России в 1917–1920 гг. и в СССР в 1980–90-х гг. Отказ от всего, что ещё вчера казалось незыблемым, непоколебимым, не только дезориентирует широкие слои населения, но и лишает в глазах общества саму правящую элиту права осуществлять власть. Переход на другую систему ценностей неизбежно влечёт за собой острое противостояние в обществе, формирование огромного количества тектонических разломов между поколениями, различными социальными и национальными группами, неизбежно ведущих к потрясениям всех основ политической системы.

Конечно, сами по себе подобные идеологические кулбиты не способны изменить систему. Нельзя не видеть, что в отечественной и зарубежной истории основополагающие ценности рано или поздно подвергались серьёзным трансформациям. Скажем, внедрение патриархом Никоном в XVII в. византийских культурных традиций в церковную жизнь или проводимые на западный манер преобразования Петра I, безусловно, изменили систему ценностей в России. Те же столыпинские реформы, предполагавшие отказ от общины и общинной психологии крестьян, коренным образом меняли всю идеологию общества. Аналогичные процессы происходили и в советский период. Известно, каким потрясением для военного поколения стало развенчание культа личности. Идея «диктатуры пролетариата» за годы существования советской власти трансформировалась во «власть трудящихся», а затем и в идею «всенародного государства», «воинствующий атеизм» в «научный атеизм», а затем в «религиозную терпимость». Подобных примеров не счесть и в других странах. По мнению некоторых политологов, студенческие волнения во Франции в 1968 г. были своеобразной культурной революцией, изменившей систему ценностей в стране. В известной степени сегодня мы также наблюдаем во многих странах Запада смену ценностных ориентиров. Отличие заключается в том, что при всех этих переменах вполне исправно работала и работает государственная машина. Изменения хоть и являлись довольно масштабными, не затрагивали основ государственности, не ставили под сомнение существование самих

государственных институтов. В России 1917 г. и СССР 1991 г. эта смена происходила на фоне разрушения государственных институтов и внедрения новых государственных или квазигосударственных структур, которыми власть стремилась восполнить свою неспособность управлять происходящими процессами или прикрыть свои узкогрупповые интересы.

В России 1917 года таковыми были Временный комитет Государственной Думы, Временное правительство, успевшее сменить за 9 месяцев своего существования 4 (!) состава, Директория, различного рода совещания, Учредительное собрание и, наконец, Советы, взявшие на себя функции государственной власти при попустительстве, а то и покровительстве заигрывавшей с ними власти [2, с. 8–12]. То же наблюдалось и в Советском Союзе за 1985–1991 гг., когда постоянным изменениям подвергаются органы власти, в его политическую систему имплементируются новые институты. Таковым на тот момент был институт президентства, активно внедрявшийся не только на общегосударственном, но и на региональном уровне. Надуманными и недееспособными институтами оказались съезды народных депутатов СССР, превратившие государственное управление в театральное шоу. В результате этих экспериментов, как справедливо указывается в одном из учебников по новейшей истории России, советский госаппарат превратился в сложный конгломерат сотрудничающих и противоборствующих групп и кланов [3, с. 95]. По сути, была разрушена вертикаль власти, нарушен один из важнейших её принципов – единство. И если в 1917 г. в качестве второго центра власти выступали Советы, то в 1990 г. таковым по отношению к центру стал Верховный Совет России. И снова речь не идёт о необходимости консервации существующих институтов. Они, как и идеология, могут и должны подвергаться трансформациям, однако при этом необходимо соблюсти, по крайней мере, следующие условия: сохранение преемственности и управляемости, исключение двоевластия, наличие чёткого понимания, концептуальной проработки проводимых изменений в государственном управлении. Эти, казалось бы, очевидные моменты были проигнорированы в России в начале и Советском Союзе в конце XX века. Вместо продуманных управленческих решений обществу предлагались популистские, театральные меры по расширению выборности руководителей с разницей в том, что в 1917 г. это начиналось с командных позиций в армии, а в 1980-х гг. – в экономике. Но в обоих случаях их следствием была потеря управляемости

процессами, невежество и непрофессионализм, которые преподносились как живое творчество масс и реализация ленинской установки поднять «наинизшие низы к историческому творчеству» [4, с. 189].

Если в революционный период это произошло во многом стихийно, и большевики лишь перехватили уже начавшийся процесс, то в 1980-е гг. эти процессы были запущены самой властью. В той форме и в том понимании, как это преподносилось руководством страны, активность масс принимала зачастую всё более деструктивный характер и влекла за собой потерю всякой управляемости в стране. Свою роль в этом играли средства массовой информации и часть интеллигенции. Неготовность вскрывая всё несовершенство общественных отношений, справедливо критикуя власть, они зачастую не способствовали её совершенствованию, а лишь расшатывали существующие государственные институты, подыгрывая настроениям тех самых масс. Не обладая знаниями реальной обстановки, управленческим опытом, не располагая необходимыми ресурсами, они не смогли сделать ничего иного кроме разрушения государственной власти. Об этом свидетельствует судьба практически всех «властителей душ и умов» революционного времени и периода перестройки. На волне революционных событий во власть нередко приходили писатели, журналисты, учёные. Большинство из них было либо отвергнуто революционными событиями, либо завершило свой путь в забвении или эмиграции. Некоторые же коренным образом пересмотрели свои взгляды. Надо сказать, что и власть в обоих случаях вольно или невольно демонстрировала своё полное неумение слушать, понимать и тем более говорить с массами. Используя современную терминологию, информационная война ею была проиграна вчистую, поскольку были полностью проигнорированы изменения, происходящие в общественном сознании, а во власти оказалось очень мало тех, кто пользовался доверием масс и умел говорить с ними. Власть в упор не желала слушать людей, наивно полагаясь на всенародную любовь к царю или столь же мифическую всенародную поддержку пленумов ЦК. Наряду с этим она демонстрировала отсутствие политической воли, неспособность к действиям по реальному улучшению дел в экономике, проведению назревших реформ, повышению уровня жизни. В феврале 1917 г. это проявилось в остановке фабрик, росте безработицы, спекуляции, сбоях в работе транспорта, введении хлебной монополии. В конце 1980-х гг. – в проблемах горнодобывающей

и оборонной отраслей, росте инфляции, тотальном дефиците, бездумной антиалкогольной кампании. Показательна динамика валового продукта в СССР во второй половине 1980-х гг. Если в 1986 г., когда была продекларирована необходимость перестройки, рост ВВП составлял 3,3 %, то в 1990 г. впервые наблюдалось его снижение на 2 %. В апреле 1991 г. союзное правительство вынуждено было пойти на трёхкратное повышение цен. Всё это с избытком восполнялось, как уже отмечалось, непродуманными реформами в области государственного строительства, расширением политических прав, что в обстановке неудовлетворённости большинства людей своим экономическим положением вело лишь к отторжению как прежних, так и новых государственных институтов. Всенародный подъём, охвативший страну как в феврале 1917 г., так и в годы перестройки, сменился апатией, а то и откровенным недовольством масс. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что с резкой критикой власти выступали сами представители власти, представлявшие себя в роли оппозиции. Их выступления несли в себе заряд огромной разрушительной силы по существующей системе, независимо от того, с какой трибуны: думской или партийной – они произносились. Отсутствие сплочённости как в самой власти, так и в обществе являлось одним из главных обстоятельств, способствовавших тому, что Россия дважды за одно столетие подверглась столь кардинальным потрясениям, изменившим не только её облик, но и ход всей мировой истории. При этом, безусловно, ни в коей мере нельзя утверждать, что эти изменения имели однозначно отрицательные последствия. Более того, следует признать, что в значительной мере они имели объективный характер и дали многое не только нашей стране, но и всему миру. Другой вопрос, что эти изменения, какими бы благими целями они ни диктовались, не должны проводиться ценой огромных страданий целых поколений и, тем более, ценой фактического распада страны, как это дважды происходило с нашим Отечеством в XX веке. О том, что это возможно, свидетельствует опыт того же Китая, некоторых других государств, детальный анализ событий революции 1917 г. и периода так называемой перестройки. И если о событиях 100-летней давности мы знаем практически всё, то время, предшествовавшее распаду СССР, ещё требует очень тщательно и непредвзятого изучения. Но рассматривать их, безусловно, необходимо как единые звенья противоречивой и драматичной истории страны.

Список источников и литературы

1. Страницы истории КПСС: Факты, проблемы, уроки / под ред. В. И. Купцова. – М., 1988. – 704 с.
2. *Иванников И. А.* Изменение формы правления в России в начале XX века // История государства и права. 2016. № 14.
3. История России в Новейшее время. 1988–2009 гг.: учебник / отв. ред. А. Б. Безбородов. – М., 2014. – 448 с.
4. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 35.

Тажидинова И. Г. (г. Краснодар)

Краснодарские процессы 1962–1963 гг.: медиатизация в контексте внешней политики СССР

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Советские судебные процессы над военными преступниками в 1943–1991 гг.: цели, функции и эффекты избирательной медиатизации» № 16-21-08001а(м)

Аннотация. В статье рассматриваются процессы медиатизации, сопровождавшие открытые суды над военными преступниками в СССР в 1960-е гг. (на примере судов, состоявшихся в Краснодаре). Особый акцент сделан на выявление связи между этими процессами и актуальными для страны внешнеполитическими задачами. Метод исследования – контент-анализ публикаций в газетах «Советская Кубань», «Правда», «Известия».

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., изменники Родины, ответственность за преступления, Краснодарские судебные процессы 1962–1963 гг., советская периодическая печать, медиатизация.

Krasnodar Processes of 1962–1963: Mediation in the Context of Foreign Policy of the USSR

Abstract. The article examines the processes of mediatization that accompanied the open trials of war criminals in the USSR in the 1960s (on the example of the trials held in Krasnodar). A special emphasis is placed on the identification of the connection between these processes and the foreign policy tasks that were relevant for the country. The method of research is the content analysis of publications in the newspapers «Sovetskaya Kuban», «Pravda», «Izvestia».

Keywords: the Great Patriotic War of 1941–1945, traitors of the motherland, responsibility for crimes, the 1962–1963 trials in Krasnodar, soviet periodical press, mediatization.

По военным преступлениям срока давности нет. Однако мера ответственности за них может меняться, что зависит от многих факторов. В самом широком смысле эти факторы можно представить как внутрисполитические и внешнеполитические. Нами уже выявлялись предпосылки, сделавшие возможным и необходимым проведение первого открытого судебного процесса над немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в Краснодаре в июле 1943 г. [1] Исследование, проведённое методом контент-анализа публикаций в советской прессе за 1943 год, позволило сформулировать ряд выводов. Во-первых, динамика и характер соответствующих публикаций указывают на усиление пропагандистских установок в ракурсе «политики возмездия». Статьи, тематические подборки и фотографии в ведущей региональной газете «Большевик» (а также в центральной печати – «Известиях» и «Красной Звезде»), освещавшие проблематику злодеяний врага на временно оккупированных территориях СССР, раскрывают роль советских печатных СМИ в подготовке Краснодарского процесса 1943 г. Эта роль заключалась в нагнетании ненависти к врагу на эмоциональном уровне; объективным основанием для этого выступала статистика и детализация зверств гитлеровцев на освобождаемых от оккупации территориях страны. Во-вторых, динамика публикаций на данную тему стимулировалась потребностью произвести необходимый эффект в международных кругах, дать ответ на провокационные «информационные поводы» со стороны гитлеровцев [2].

Подобное исследование, но уже на материале советских газет 1960-х гг., назрело. И не только потому, что Краснодарский открытый судебный процесс 1943 г., положивший начало «Советскому Нюрнбергу», не остался единичным событием в истории региона и продолжился чередой судов в конце 1950-х – 1960-х гг.; очевидно, связи между этими мероприятиями (их обстоятельствами, ходом, решениями, социальными эффектами) должны быть проанализированы. Дело ещё и в том, что открытые судебные процессы отдалённого от войны периода изучены значительно слабее тех, что прокатились по стране в военные и первые послевоенные годы. Что касается именно Краснодарских процессов 1960-х гг., то до сих пор они не привлекли серьёзного внимания историков. Исключением можно считать работу

французской исследовательницы Ванессы Вуазен, рассмотревшей Краснодарский суд над девятью палачами из Зондеркоманды 10-а (октябрь 1963 г.) на основании такого источника, как сорокаминутный документальный фильм Л. Мазрухо (режиссёр) и Л. Гинзбурга (сценарист) «Во имя живых» [3].

К числу достоинств вышеупомянутой статьи относится учёт автором международного контекста, небезразличного тому, что в начале 1960-х гг. в СССР возобновились широко освещаемые в прессе судебные процессы против коллаборационистов [4]. Ситуация холодной войны (не остывшие ещё воспоминания о Берлинском 1961 г. и Карибском 1962 г. кризисах) поддерживала градус противостояния СССР и стран капиталистического Запада, пропагандистский накал с обеих сторон. Вуазен отмечает: «Преследование и осуждение нацистских преступников выходит на первый план в политической повестке дня, поскольку оба лагеря стремятся доказать, что верны международному праву, и отстаивают благороднейшие гуманистические принципы. В конце 1950-х гг. состоявшиеся на Западе многочисленные процессы над крупнейшими военными преступниками продемонстрировали, насколько чистки и денацификация первых послевоенных лет были выборочны и непоследовательны. <...> Советские власти, вероятно, были озабочены медлительностью западного правосудия или как минимум использовали этот аргумент для критики капиталистического лагеря». Апеллируя к материалу советских «киножурналов или даже специально снятых документальных лент» (о суде в Краснодаре в 1963 г., суде в Минеральных Водах в 1966 г., суде в Гомеле в 1967 г., более позднем процессе в Ростове в 1973 г.), Вуазен делает заключение о «целой кампании, безусловно, инициированной сверху» [5]. В настоящей статье, опирающейся на иные медийные источники, поразмышляем о том, насколько подобная кампания имела место в печатной периодике СССР 1962–1963 гг.

16–24 июля 1962 г. в Краснодаре в открытом судебном заседании были осуждены каратели из Радомской команды СС (шестеро – к смертной казни, трое – к 15 годам лишения свободы). Газета «Советская Кубань» (в недавнем прошлом – «Большевик»), являвшаяся печатным органом Краснодарского краевого комитета КПСС и краевого совета депутатов трудящихся, освещала процесс ежедневно. Все семь статей располагались на 4-й (последней) странице газеты в рубрике «Из зала суда», имели средний размер, авторство не указывалось. Это отсутствие

авторства, а также восклицательных знаков в названиях статей и особых лозунгов/призывов в их текстах, пожалуй, прибавило публикациям о процессе официальности; высокая эмоциональность подачи газетой материалов о процессе 1943 г. явно осталась в военном прошлом.

Показательны уже сами названия статей, отразившие логику судебного разбирательства и, одновременно, вектор медиатизации. Процитируем эти названия: «Палачи держат ответ», «Цепь злодеяний», «Нет, этого не скрыть», «Предатель меняет хозяев», «Убийцы изобличают друг друга», «Свидетели обвиняют», «Именем народа». Таким образом, в той или иной мере читателям были представлены все фазы «истории», завершившейся судом: перипетии поиска предателей органами госбезопасности, выдвижение против них обвинений (в основном по преступлениям в «лагерях смерти» на территории Польши), допросы подсудимых (с особым акцентом на изобличение карателями друг друга), показания свидетелей и, наконец, приговор.

В ракурсе избранной темы остановимся на значимом, – судя по отводимому ему месту, – лейтмотиве нескольких из рассмотренных публикаций. Согласно ему «фашистские наймиты» (так чаще всего именуются подсудимые) довольно быстро после войны сменили «хозяев», т. е. были завербованы американцами. Например, в статье, полностью посвящённой вине подсудимого Н. Ф. Пащенко, рисуется его биография предателя: плен и поступление на службу в гитлеровские войска «СС», преступления в Майданеке и Треблинке, служба в Русской освободительной армии Власова, бегство в американскую зону оккупации, жизнь в ФРГ, вербовка американской разведкой и, в конце концов, возвращение в родной Туапсинский район с целью шпионской деятельности [6]. Статья «Свидетели обвиняют», несмотря на своё название, на $\frac{2}{3}$ посвящена раскрытию методов вербовки американской разведкой кадров из числа нацистов и их пособников («подачки из так называемого “Толстовского фонда”, шантаж, спаивание, подкуп, убийства»). В духе холодной войны звучит резюме: «Заокеанские атомщики вновь бряцают оружием, запугивая человечество ещё более страшной войной» [7].

Важным внешнеполитическим акцентом публикаций о Краснодарском процессе 1962 г. является описание того, как преступники из числа фашистов «преспокойно живут в Федеративной Республике Германии, в других капиталистических странах, пользуются всяческой поддержкой определённых кругов». «Палачи, умерщвлявшие граждан США, находятся сейчас

на службе американской разведки, – с возмущением пишется в одной из статей. – Империалисты готовят этих головорезов к новым массовым преступлениям и убийствам» [8].

На рубеже 1962–1963 гг. Управлением комитета государственной безопасности по Краснодарскому краю в разных городах СССР были арестованы ещё девять человек. 10–24 октября 1963 г. дела по их обвинению в карательной деятельности и личном участии в уничтожении мирного населения рассматривались в г. Краснодаре Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа. Все обвиняемые служили карателями в «Зондеркоманде СС 10-а», впоследствии переименованной в «Кавказскую роту». На суде рассматривались их преступления, совершённые не только во множестве населённых пунктов Кубани, но также в Крыму, Ростовской области, Белоруссии, Польше, Югославии. Восемь обвиняемых были приговорены к смертной казни, один – к колонии строгого режима сроком на 15 лет.

На протяжении двух недель, пока шёл процесс, газета «Советская Кубань» освещала его с регулярностью раз в 2 дня, то есть, как и во время Краснодарского процесса 1962 г., всего ею было опубликовано семь статей. Они по-прежнему размещались на последней странице номера в рубрике «Из зала суда», но, что примечательно, обрели авторство, и это добавило текстам эмоциональности (в 2 из 7 случаев в заголовках даже появился восклицательный знак). Авторами выступили специальные корреспонденты газеты Р. Закиев и Ч. Шахмалиев. В то же время нельзя не заметить, что заголовки статей о процессе 1963 г. имеют сильное сходство с теми, что фигурировали в публикациях по процессу 1962 г. («Изуверы держат ответ», «Свидетели клеймят убийц»), а заключительная статья об итогах трибунала названа идентично итоговой прошлогодней – «Именем народа».

В контексте нашей темы важно, что статьи 1963 г. продолжили линию на разоблачение европейской и американской «крыши» нацистских преступников. Закиев с негодованием констатирует, что многие главарь «Зондеркоманды СС 10-а» скрылись от возмездия и «поныне здравствуют под крылышком боннских реваншистов»; речь идёт о печально известных по преступлениям на Кубани Курте Кристмане, Генрихе Герце и др. [9]. От себя добавим, что, хотя Закиев и Шахмалиев практически не делают ссылок на Краснодарский процесс двадцатилетней давности, но именно этот мотив ухода нацистов от справедливого возмездия наиболее горек. Ведь в 1943 г. работавшие на Краснодарском процессе журналисты писали

о том, как среди сидящих на скамье подсудимых коллаборационистов «незримо присутствуют» их начальники и вдохновители – Кристман, Герц и др., что в Краснодаре в июле 1943 г. уже в каком-то смысле начало вершиться международное правосудие по их преступлениям. На этой незавершённости акта правосудия, во многом обусловленной современной внешнеполитической ситуацией, фокусируется один из государственных обвинителей. Его слова приводятся в статье, подводящей итоги трибунала: «Значение настоящего процесса состоит в том, что, вскрывая конкретную вину обвиняемых и воскрешая в памяти фашистские зверства, он является новым, ещё одним судом над фашизмом, над идеологией и практикой империализма, которые нашли воплощение в гитлеровских бесчинствах. Материалы этого процесса должны ещё раз напомнить всем, что значит звериное лицо германского империализма, лицо, которое в полной мере, хотя и под новой маской, сохраняет боннский бундесвер. Суд над палачами показывает необходимость повышать бдительность против происков империалистов, быть всегда начеку, неустанно крепить мощь и обороноспособность нашей Родины и всего социалистического лагеря» [10].

Таким образом, кампанию по освещению Краснодарских процессов 1962–1963 гг. в местной периодической печати следует признать если не громкой (сравнение с масштабами и эмоциональным накалом презентации Краснодарского процесса 1943 г. совершенно невозможно), то систематической и последовательной. Что касается центральной прессы, то здесь отклик был минимальным. К примеру, «Известия» не отозвались на эти события вообще, а единичная статья в «Правде» хоть и резюмировала итоги трибунала 1963 г. с подробностями («34 тома, более 9000 страниц!»), в том числе персональными биографическими данными коллаборационистов и уколами в адрес «боннских реваншистов», но скромно расположилась на самой последней странице номера [11]. В сравнительном аспекте мы склоняемся к выводу о том, что информационный посыл Краснодарских процессов 1962–1963 гг. был в гораздо большей степени направлен к советским людям (их просвещению насчёт разницы в подходах к военным преступникам в СССР и на капиталистическом Западе, лишней раз свидетельствующей о кардинальных различиях двух систем), чем стремился воздействовать на международное сообщество. Как раз в этом видится серьёзное отличие от целевых установок медиатизации, сопровождавшей Краснодарский трибунал 1943 г.

С другой стороны, показательно, что презентация процессов 1962–1963 гг. в «Советской Кубани» всегда располагалась на последней странице газеты, львиную долю которой занимал раздел «Международная жизнь». То есть статьи о трибуналах над изменниками Советской Родины оказывались в плотном окружении информации о жизни за рубежами страны, в отдельных случаях – буквально вклинивались в неё. Проблема коллаборационизма таким достаточно изопрённым образом как бы транспортировалась «за рубеж». С учётом критики в адрес западных империалистов, присутствовавшей почти в половине статей «Советской Кубани» на тему процессов, у населения становилось всё меньше поводов воспринимать данную проблему как внутреннюю.

Список источников и литературы

1. *Тажидинова И.Г.* Советская печать как исторический источник: почему первый процесс над военными преступниками состоялся в Краснодаре в июле 1943 г.? // *Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. Сборник статей Всероссийской научно-просветительской конференции (XXX Адлерские чтения), 7–11 окт. 2016 г. Краснодар: Традиция, 2016. С. 285–293.*
2. *Tazhidinova I.G.* Dynamic lighting atrocities occupiers and their collaborators in the Soviet press in 1943: the question of the preparation of the information Krasnodar process // *Propaganda in the World and Local Conflicts. 2016. Vol. (6). Is. 2. P. 78–86.*
3. *Voisen V.* “Au nom des vivants”, de Léon Mazroukho: rencontre entre dénonciation officielle et hommage personnel // *Pozner V., Laurent N. Kinojudaica. Les représentations des Juifs dans le cinéma russe et soviétique. Paris: Nouveau Monde éditions, 2012. P. 148–169.*
4. Исследователями упоминается 24 процесса, прошедших в СССР с 1961 по 1964 г., освещавшихся в прессе (*Salomoni A.* L'Union soviétique et la Shoah. Paris: La Découverte, 2008. P. 281). Согласно В. Вуазен документальные ленты и киножурналы подтверждают ещё ряд судов, состоявшихся далее, в 1965–1967 гг.
5. *Voisen V.* “Au nom des vivants”... P. 153.
6. Предатель меняет хозяев // *Советская Кубань. № 169. 20 июля 1962. С. 4.*
7. Свидетели обвиняют // *Советская Кубань. № 171. 22 июля 1962. С. 4.*
8. Палачи держат ответ // *Советская Кубань. № 166. 17 июля 1962. С. 4.*
9. *Закиев Р.* Пошады не будет // *Советская Кубань. № 241. 11 октября 1963. С. 4.*

10. *Закиев Р.* Именем народа // Советская Кубань. №253. 26 октября 1963. С. 4.
11. *Яхневич В.* Возмездие. В Краснодаре закончился суд над эсэсовцами-карателями // Правда. №298. 25 октября 1963. С. 4.

Тихонов А. В. (г. Ростов-на-Дону)

Классическая философская мысль о феномене демократии

Classical philosophical thought about the phenomenon of democracy

В диалоге Платона «Государство» говорится, что человек, занимающийся философией сообразно своим душевным устремлениям, «родственен наивысшему благу». Платон провозглашает бытийную ценность философа: «философы – это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут». Познание «вечно тождественного самому себе» есть познание идеального бытия, поскольку «самость», «самотождественность» всегда присутствует в диалогах Платона, когда речь идёт об идеальном бытии.

Очень важным для понимания соотношения политических и философских рассуждений Платона является мысль, присутствующая во всём диалоге «Государство» и ярко выраженная в четвёртой книге этого диалога: душевное устройство человека определяется теми же принципами, какими определяется и устройство государства, принципы организации всех элементов «видимого» космоса тождественны. То есть все элементы «видимого» космоса (в том числе человек и государство) не должны в своём становлении противоречить общим принципам организации космоса, а это значит, что в своём бытии они должны отражать в себе гармонию организующих космос «начал», их сочетание, контролируемое главным «началом» – «разумом». В этом смысле можно сказать, что в философии Платона мы видим прямое отождествление души человека и государственного устройства, и что оба этих бытийных образования устроены по схеме, которая задана ещё до творения Вселенной.

Человеческая душа обладает, по Платону, тремя началами: «разумное» начало (оно наделяется Платоном главенствующим, модальным значением: это начало является необходимым условием гармоничного смешения всех начал, «разумное» начало оформляет стихийное в душе, то есть «вождедения»

и «аффекты»), «вождедеющее» начало (противоположно «разумному»), должно подвергнуться оформлению со стороны «разумного»), и «яростное» (или «аффективное») начало (смешанное начало, имеющее отношение к первым двум). Платон считает, что эти начала существуют в своём чистом виде вне зависимости от видимого космоса; эти начала существуют как «роды Вселенной», всё вторичное просто их воспроизводит, реализует их сочетание. Платон употребляет одно и то же слово «начало» и для описания того, что находится в душе, и для того, что касается «умопостигаемого» (то есть «умозрительного» космоса), который выступает, по сути, организатором видимого мира): в нём главенствует «беспредпосылочное» «начало» («Государство», 510в-510е), то есть само начало бытия.

«Видимый» космос есть мир бесконечного становления, бесконечного подтверждения своей непротиворечивости идеальной, главенствующей области бытия «по истине». Поэтому можно сказать, что диалог «Государство» посвящён проблеме основания мира, начала бытия; в нём обсуждаются вопросы нахождения основания и человеческого бытия, нахождения личной, индивидуальной соотнесённости с «умопостигаемым». В. Йегер поэтому называет основным предметом диалога «Государство» учение о душе.

Сущность идеального государства, в котором господствует «справедливость», напрямую связывается Платоном, таким образом, с внутренним миром человека, с анализом гармоничности его души. Справедливый человек – тот, кто совершил усилие «внутреннего воздействия на самого себя и на свои способности» («Государство», 443d), то есть тот, кто строит свой внутренний мир гармонично, соединяя душевные начала, и в соответствии с этим строем занимается в государстве каким-либо занятием. Справедливый человек «правильно отводит каждому из этих начал действительно то, что им свойственно; он владеет собой, приводит себя в порядок и становится сам себе другом» («Государство», 443d). В государстве тоже должна реализовываться справедливость, то есть каждый должен делать то дело, которое ближе всего к его гармоничному душевному состоянию. В нём тоже должна реализовываться эта же гармония: «стражи», «работники» и «философы» есть её компоненты. Но сама эта гармония реализуется только в том случае, если в душе руководит «разумное начало», а в государстве – «философы». Внутренний и внешний мир тождественны по своему составу: каждое из «начал», если оно

доминирует, всё равно должно быть оформлено «разумным». Гармония не есть простая смесь начал, хорошая смесь возможна только при контроле «разума». При этом мы не должны забывать неоднородность души человека: у каждого человека доминирует лишь одно «начало». Поэтому вторым условием достижения гармонии является нахождение своего «главного» «начала» (оно определяет род занятия человека), которое, в сочетании с другими, контролируется разумом. Этот принцип и является основанием идеального государства.

Восьмая книга диалога «Государство» посвящена описанию тех форм государственного устройства, которые возникают в случае нарушения соответствия гармоничного строя души Космосу. Точно так же, как человек нарушает строй своей души, так и государство, как часть бытия, уходит от гармоничного устройства, от космического образца. Здесь опять мы сталкиваемся с идеей Платона о внутреннем тождестве человека и государства – дурным формам правления соответствует дурной тип человека. Хотелось бы отметить, что несмотря на то, что тип человека рассматривается Платоном после соответствующей ему формы правления, именно душевное содержание человека является определяющим и для него самого, и для формы государства. То есть, по Платону, не сложившееся государство делает людей подобными своему устройству, а наоборот, искажения внутреннего мира человека приводят к искажению формы «общегития» людей, то есть государства. Отправной точкой для формирования тех или иных черт государства является человек (хотя Платон также допускает ситуацию «губительного» влияния неправильно устроенного государства на философа). Видов нарушения душевной гармонии четыре: «тимократический» человек «честолюбив» (то есть он без оснований претендует на недостижимое): у него «вождедеющее» и «яростное» «начала души» хотя и смешиваются с «разумным», но всё же преобладают над ним (соответственно «тимократическая» форма правления основана на господстве людей, у которых ярко выражено стремление к богатству и власти, чтобы не отставать от других); «олигархический» человек делает богатство главной целью своего существования, подчиняя только богатству остальные «вождедения» души (соответственно, «олигархическая» форма правления есть власть немногочисленного количества богатых над остальными); «демократический» человек – человек борющийся, отталкивающийся от того, что у него есть,

так же испытывающий влияние со стороны, а в результате – бессодержательный внутренний мир, опять-таки не имеющий разумного оформления своих состояний (соответственно, «демократическая» форма правления есть власть большинства, но складывающаяся на тех же принципах, что и «олигархия»); «тиранический» же человек – человек, развивающий крайнюю форму неправильного соотношения начал в душе. В этом случае человек заботится о власти; «тирания» есть закономерное следствие «демократии», как продолжение нежелания обратиться к тем принципам, на которых строится «идеальное» общество, в этом случае слабость человеческого существа берёт верх и рождает худшую форму управления.

Таким образом, можно сказать, что для Платона в ценностно-онтологическом значении тиран является крайней противоположностью философа: философ обладает властью в государстве для того, чтобы способствовать целому бытию, тиран обладает властью для того, чтобы удовлетворять инстинктивные, лишь кажущиеся «благими» желания, представляющие собой, по сути, результат искажения его внутреннего мира. Тиран не воспринимает истину бытия, так как он не заботится о душе, его разум затемнён телесными желаниями, связанными с мнимыми ценностями. Такой человек не выполняет своё предназначение: быть частью бытия; а это невыполнение, по Платону, является самым страшным для человека.

«Лучшее» не заключается в силе, оно заключается в здоровой душе. Платон показывает, что правильно говорить о «силе», «справедливости», «государстве» можно в том случае, если человек исходит из желания установить порядок в душе. Нельзя рассуждать, по Платону, об этих вещах просто так, без связи с душевным и космическим порядком.

Позиция Платона расходится с тем, что принято считать «греческим чудом» и главной заслугой античности – ценностью демократии. Так что предполагаемый некоторыми исследователями «союз» философии и политики в Греции, в Афинах – это скорее такой «союз», в котором имеет место противопоставление философской мысли и античной демократии.

Самое сосредоточение и расцвет демократии в Афинах связаны с деятельностью Перикла, который хотел объединить всю Грецию вокруг Афин; также с деятельностью прославляющего Перикла Геродота в его «Истории», который называл деда Перикла Клизфена родоначальником демократии. Политическая свобода, как главная сущностная характеристика

греческой демократии, является для её сторонников фактором общественного прогресса. Перикл, как говорит Аристотель в «Афинской политике», отнимал власть у ареопагитов, членов совета Ареопага (тоже демократического института, но, как говорит Аристотель, не до конца демократического) и передавал политические права простому народу. После его смерти во главе народа стал Клеон, который, как говорит Аристотель, кричал и ругался на трибуне; после Клеона дело стало обстоять ещё хуже: лидерами становились люди, «которые более всего хотели показать свою кичливость и угождать вкусам толпы, имея в виду только выгоды данного момента» («Афинская политика» I, X, 28 (4)). После этого наступила власть четырёхсот олигархов, правда очень ненадолго.

Плутарх свидетельствует, что Фукидид говорит о правлении Перикла, что это оно уже было скорее по своему существу аристократическим, чем демократическим. Слишком многие люди слушались одного Перикла, а случилось так потому, что Перикл раздавал казённые деньги, и поэтому, будучи совершенно простым человеком, он приобрёл огромную популярность и силу в народе.

Для Платона, стоящего рядом хронологически к Периклу (годы жизни Платона: 427–347, Перикла: 490–429; то есть, можно сказать, что Платон застал «остатки» демократии), который «желает благополучия» тирану Дионисию, лучше «перевоспитать» тирана, чем восторгаться Периклом. Это объясняется очень просто: члены совета, члены высшего органа власти в демократических Афинах, выбирающиеся по жребию, осудили на смерть Сократа; также они до этого обвинили Анаксагора (кстати, друга Перикла) и изгнали его; и, возможно, эта участь постигла и Протагора. Деметрий из Фалерона, ученик Теофраста, живший гораздо позже, говорил о том, что афинянам никогда не удавалось ладить с философами. Возможно, и сам Платон думал о том, как бы ему предстать перед властями в более «демократическом» свете, притвориться демократичным. А событие 490 года, когда сожгли молельный дом пифагорейцев, тоже никто не забывал.

Так что же случилось с демократией после Перикла, с которой философ Платон имеет дальнейшее дело? Почему демократия терпит такие изменения? Дело состоит в том, что демократия не имеет единообразной дефиниции, однозначного выраженного смысла, одинакового понимания у тех, кто на данный момент «отвечает» за данное явление и его представляет.

Вот как, например, определяет демократию Монтескье в работе «Дух законов»: двигатель демократии – добродетель. Но есть государь, которого избирает народ; народ сам издаёт законы, и демократическому обществу свойственны классы. А вот как определяет демократию Ницше в работе «По ту сторону добра и зла»: «демократическое движение Европы – процесс взаимоуподобления людей», речь идёт о «рабах, нуждающихся в господине».

Это говорит о том, что «демократия», раз она входит в философский лексикон и представляет собой явление, интересующее не только политиков, но и философов, имеет каждый раз тот смысл, которым её наделяет тот или иной мыслитель. Любой философский термин, в том числе и «демократия», приобретает своё значение только в контексте того или иного учения.

Трут В. П. (г. Ростов-на-Дону)

Специфика итогов Февральской революции на территориях казачьих областей

Аннотация. В статье рассматриваются итоги Февральской революции на территориях казачьих областей страны. Анализируются их специфические особенности. Характеризуется сложившаяся здесь своеобразная система власти и управления. Показываются взаимоотношения представителей органов власти Временного правительства и органов казачьего самоуправления.

Ключевые слова: Февральская революция, казачество, казаки, казачьи области, комиссары, казачьи органы власти.

The specifics of the outcome of the February revolution on the territories of the Cossack regions

Abstract. The article discusses the results of the February revolution on the territories of the Cossack regions of the country. Analyzes their specific features. Characterized by the peculiar system of power and control. Shows the relationship between the authorities of the Provisional government and bodies of Cossack self-government.

Keywords: February revolution, the Cossacks, the Cossacks, Cossack region, the commissioners, the Cossack authorities.

Итоги Февральской революции в казачьих областях страны в силу целого ряда объективных и субъективных факторов

имели свои значительные особенности. Наиболее существенные изменения здесь происходят в системе органов местной власти. Она включала в себя довольно значительное число различных властно-управленческих структур: аппарат власти Временного правительства (областной, отдельные (окружные), станичные, сельские исполнительные комитеты, областной и отдельные (окружные) комиссары), органы власти казачества (отдельские (окружные), станичные, хуторские правления во главе с атаманами, а позже и высшие органы казачьего управления – круги, рады, съезды, войсковые атаманы и войсковые правительства), Советы разных уровней, органы городского самоуправления [1]. Но при этом и в данном плане практически в каждом казачьем войске страны имелась своя специфика как в плане наличия или отсутствия тех или иных властных органов, их названий, так и в плане обладания ими реальных властных полномочий и исполнительных функций.

Сложившееся на территориях казачьих областей внутривластное положение А.И. Деникин назвал неким троевластием (атаман с правительством, комиссар (Временного правительства. – *В.Т.*), Советы) [2]. При этом он, по нашему мнению, значительно переоценил роль и общее значение советов, которые здесь образовывались главным образом в городах, и их реальные властные функции.

Общепризнанным, по сути, является факт, что Февральская революция в казачьих областях на первых порах не принесла значительных видимых изменений. Она протекала здесь мирно и достаточно спокойно по сравнению с другими районами страны. Причём воздействие революционных событий на казачьи станицы и хутора не было значительным. Во многих из них ни жители, ни даже властные структуры не испытывали какого-либо существенного влияния происшедшей революции.

Официально на территориях казачьих войск, также как и в других регионах страны, власть Временного правительства стала осуществляться как посредством сформированных на местах исполнительных властных органов, так и направленных сюда специальных правительственных представителей – комиссаров, назначаемых из числа членов Государственной Думы. Существовавшие в городах гражданские исполнительные комитеты не получили распространения в казачьих станицах. Назначая комиссаров в казачьи области, правительство стремилось учитывать по возможности и их близость к казачеству. Так, в Донскую область был послан кадет-казак В.М. Воронков,

в Кубанскую – кадет-казак К. Л. Бардиж, в Терскую – кадет-казак М. А. Караулов [3]. Причём два последних играли довольно заметную роль в среде местных казачьих руководящих кругов.

8 марта комиссаром в Степной край назначается И. П. Лаптев, на Дальний Восток – А. Н. Русанов, в Забайкальскую и Иркутскую губернии – уполномоченный «Земгора» П. В. Преображенский [4], в Сибирь – А. С. Суханов и член Государственного Совета Е. Л. Зубашев [5]. Комиссаром в Амурской области стал Кожевников [6], в Семиречье уже позже, в июне, – чиновник Переселенческого управления Шканский и один из лидеров алашордынцев Тынышпаев [7]. В казачьих войсках комиссары отделов (округов) назначались непосредственно самими областными комиссарами.

В казачьих областях непосредственно на местах реальная власть сосредоточилась в руках казачьих властных структур – станичных и хуторских правлений во главе с их атаманами. В редких случаях в станицах действительной властью обладали исполкомы. Но и тогда они действовали в одном русле с казачьими органами [8]. Что касается Советов, то они в казачьих регионах не получили такого развития, как в целом по стране. В некоторых районах казачьих областей, где казаки непосредственно соприкасались с крестьянами и рабочими, иногда создавались Советы рабочих, крестьянских, казачьих и солдатских депутатов [9]. Советы же только казачьих депутатов на территориях казачьих войск возникали крайне редко. Даже в войсках Востока страны, где демократические настроения в казачьей среде были более значительными, Советы казачьих депутатов возникали весьма и весьма нечасто. Можно отметить, что во всей Западной Сибири они сформировались буквально только в нескольких станицах (Атбасарской, Кашкаралинской, Елизаветинской и в двух станицах бывшей Бийской линии – Чарышской и Змеиногорской) [10].

На территориях отдельных казачьих войск в процессе становления новых высших органов местной власти наблюдалась своя специфика. В Астраханской губернии, например, она выразилась в том, что здесь во главе их оказались казачьи генералы, которые, по сути, поставили под свой контроль не только Астраханское войско, но и всю губернию. Председателем образованного 4 марта Временного губернского исполнительного комитета стал казачий генерал-майор Ляхов. В этот же день большая группа казачьих офицеров выступила с заявлением в адрес данного комитета, в котором от имени астраханского казачества,

1-го Войскового круга Астраханского казачьего войска,* заявила о признании казаками Временного правительства и его органов власти. Наказной атаман Астраханского казачьего войска и губернатор Астраханской губернии генерал Соколовский был отстранён от занимаемых должностей. Временным губернатором был назначен также казачий генерал И. А. Бирюков, а пост атамана занял казачий полковник Соколов [11].

Специфическая внутривластная обстановка складывалась на территории Терского казачьего войска. Во многом это обуславливалось сильным влиянием на происходившие там политические процессы местного этнического фактора. Буквально в один день, 5 марта, в столице войска г. Владикавказе образуется сразу два политических центра: Терский областной гражданский комитет и «Союз объединённых горцев». Во временный центральный комитет последнего под председательством Б. Шаханова вошли также Т. Чермоев, князя Р. Капланов, Т. Пензулаев и ряд других видных горских деятелей. Дворянских и буржуазных лидеров различных горских народов объединил ярый национальный курс. Основной функцией временного ЦК «Союза объединённых горцев» стала громкая национальная пропагандистская кампания по подготовке съезда горских народов Кавказа [12]. Она проходила под откровенными антирусскими и антиказачьими лозунгами, обострявшими межнациональные отношения в крае.

Таким образом, сложившееся в стране двоевластие в казачьих станицах и хуторах практически не существовало. В некоторых случаях, и то с определённой оговоркой, можно говорить об особенной, своеобразной форме двоевластия в казачьих областях – правительственных комиссаров и местных исполкомов и казачьих органов управления. На Тереке к ним добавляется национальный «Союз объединённых горцев» и оформляется некое троевластие.

На смену государственной власти казачье население в общем и целом реагировало спокойно. Правящие структуры старого режима стремились сохранить такую ситуацию для разрешения вопроса о власти на местах без эксцессов и какого-либо стихийного движения широких слоёв населения,

* 1-й Войсковой круг Астраханского казачьего войска являлся, по сути, не представительным органом казачества, а самостоятельно организованным собранием местного офицерства, провозгласившим себя кругом. – В. Т.

способного дестабилизировать ситуацию. Так, в предписании временного генерал-губернатора Терской области и наказного атамана Терского войска атаманам отделов, начальникам округов и полицмейстерам от 5 марта 1917 г. говорилось о необходимости всеми средствами поддерживать среди жителей области спокойствие и не допускать никаких поступков, способных вызвать их раздражение [13].

Всё же среди казачества чувствовалась определённая растерянность, вызванная как отзвуками столичных политических бурь, так и неясностью дальнейшего развития событий на местах. К тому же в происходивших событиях они разбирались несильно.

Оценивая реакцию основной массы и станичного, и фронтового казачества, тогдашние казачьи лидеры практически единодушно и достаточно точно говорили о господстве в его среде в то время чувств растерянности, замешательства, неуверенности, непонимания сущности происходивших событий. Так, характеризуя позицию оренбургских казаков, бывший полковник дутовской армии И. Г. Акулинин позже отмечал, что в первое время после Февральской революции «оренбургские казаки как в станицах, так и на фронте, не отдавали себе отчёта о происходящих событиях и не знали, как их воспринимать» [14]. Аналогично реакцию казачества на революционные события в стране позже, в эмиграции, охарактеризовал ставший первым после революции войсковым атаманом Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант А. П. Филимонов: «Февральский переворот застал казачье население врасплох. Сущность и значение политических событий усваивались с трудом и вселяли в умы наиболее домовитых казаков большие тревоги» [15]. Настоятельность казачества по отношению к новой власти была вполне объяснима. Оно опасалось, что крушение старой государственной власти может повлечь за собой и изменение сложившихся порядков и установлений. Прежде всего казаки беспокоились за свои права на войсковые земли. По словам генерала П. Н. Краснова, командовавшего в то время 1-й Кубанской казачьей дивизией, казаков «больше всего интересовали вопросы «данного политического момента» и, «конечно, земля, земля, земля...» [16]. Их тревоги возрастали под влиянием усиливавшихся требований коренного и особенно иногороднего крестьянства о разделе казачьих земель. В скором времени после Февральской революции

аграрный вопрос стал выходить на первый план в Донском, Астраханском, Уральском (Яицком) и Сибирском войсках. На их территориях начались массовые самовольные захваты казачьих земель крестьянами, а в Уральском и Сибирском войсках ещё и местными казаками. Складывавшаяся довольно напряжённая ситуация между казаками и крестьянами не помешала, однако, их совместным выступлениям весной 1917 г. в некоторых войсках против местных помещиков. Это имело место, в частности, на Дону и Кубани [17]. В Забайкалье казаки вместе с крестьянами добивались передачи им кабинетских земель. А в Сибири казаки требовали отчуждения всех частновладельческих земель в войсковой запас без всякого выкупа [18]. Как видим, сама аграрная проблема и пути её разрешения в различных войсках представлялись по-разному, с учётом своеобразия местных условий, настроений основной массы казачества, его взаимоотношений с крестьянством.

Февральская революция, в отличие от других регионов страны, не привела к коренным преобразованиям в казачьих областях. Властные органы местного казачьего самоуправления не только не претерпевали каких-либо радикальных изменений, но фактически даже сосредоточили в своих руках реальные властно-управленческие функции. На местах, в станицах и хуторах, двоевластия практически не существовало. На высшем уровне, в масштабах войсковых организаций, сложилась ситуация, которую с определённой оговоркой и известной долей условности можно охарактеризовать как особенную, своеобразную форму двоевластия в казачьих областях: комиссаров Временного правительства, областных исполкомов и казачьих органов управления. Революция оказала значительное воздействие на сознание казачества, трансформацию его традиционных социально-политических взглядов и настроений.

Список источников и литературы

1. *Сергеев В. Н.* Советы Дона в 1917 году. Борьба партий в Советах между двумя революциями. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1987. – С. 47; *Он же.* Политические партии в южных казачьих областях России. 1917–1920 годы. – В 3-х ч. – Ч. I. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 1994. – С. 90.
2. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. – Т. 1. – Вып. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1992. – С. 121.

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
4. *Сидоренко С.А.* Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической (Март-апрель 1917 г.). – Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1970. – С. 81.
5. *Бабикова Е.Н.* Временное правительство и создание органов диктатуры буржуазии в Сибири в 1917 году // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Конец XIX в. – 1918 г. – Томск: Изд-во Томского гос ун-та, 1976. – С. 111–112.
6. *Мальшиев В.П.* Борьба за власть Советов на Амуре. – Благовещенск: Дальневост. книжн. изд-во, 1961. – С. 52.
7. *Покровский С.Н.* Борьба Советской власти в Семиречье. – Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1961. – С. 58.
8. *Сергеев В.Н.* Банкротство мелкобуржуазных партий на Дону. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1979. – С. 27.
9. *Кириенко Ю.К.* Революция и Донское казачество. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1988. – С. 39.
10. *Назимок В.Н.* Борьба Советов против буржуазных органов самоуправления на Дальнем Востоке. – Томск: Изд-во Томского Гос. ун-та, 1968. – С. 96; *Хвостов Н.А.* Борьба большевиков за трудовое казачество на Востоке страны. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991. – С. 24.
11. *Верейн Л.Е.* – Астрахань: Изд-во газеты «Волга», 1957. – С. 21–22.
12. Победа Советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма. – Орджоникидзе: Ир, 1983. – С. 35–36.
13. Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ГА РСО –А). Ф. 20. Оп. 1. Д. 3350. Л. 18. – 18 об.
14. *Акулинин И.Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920 гг. – Шанхай: Б.и., 1937. – С. 25.
15. *Филимонов П.А.* Кубанцы // Белое дело. Летопись белой борьбы. – II – Берлин: Медный всадник, 1927. – С. 63.
16. *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. – Т. I. – В 22-х т. – Под ред. И.В. Гессена. – Т. I. – Берлин: Медный всадник, 1922. – С. 101.
17. См.: *Мицц И.И.* История Великого Октября. – В 3-х т. – Т. 1. – М.: Наука, 1977. – С. 847.
18. *Шулдяков В.А.* К вопросу о гибели Сибирского казачьего войска в 1917–1922 гг. // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. – Сб. ст. – Томск: Изд-во

Узлов Ю. А. (г. Краснодар)

Традиции и инновации в контексте государственного регулирования: исторический экскурс

Аннотация. Целью настоящей статьи является изучение социокультурных факторов государственного управления как объектов выбора интерпретации и актуализации российской модернизации.

Ключевые слова: традиции, инновации, социальные акторы, модернизация.

Traditions and innovations in the context of state regulation: historical digression

Abstract. The purpose of this article is the study of social and cultural factors of public administration as objects of choice of interpretation and actualization of Russia's modernization.

Keywords: tradition, innovation, social actors, modernization.

Государственное управление переживает сегодня исторический период обновления и реформирования, однако стремление в этом поиске не утратить свою самобытную идентичность зачастую приводит к коллизиям в политике, экономике, культуре. Это происходит потому, что образ жизни и духовный склад россиян, укоренившиеся за десятилетия и столетия, несмотря на радикальные перемены, вносят существенные коррективы в способы достижения демократии и рыночной экономики, полноценности индивидуальной человеческой жизни. Из чего следует, что недооценка традиционных национально-нравственных ценностей общества может вновь привести к утрате системной целостности и подлинной соборности.

Перед нами стоит задача изучения традиций и инноваций как объектов выбора интерпретации и актуализации государственного управления, когда индивиды и социальные акторы выбирают не только своё настоящее, будущее, но и прошлое.

Традиции и инновации в государственном управлении могут реально выражаться, обсуждаться, выбираться, а также действовать по схеме фундаментализма, как шаблон истины безотносительно к их последствиям. Первый считается современным, т. к. он ведёт к диалогу традиций, второй относится к категории архаики [1, с. 22].

Традиции составляют важный элемент коллективной памяти и являются объектом выбора культурных образцов недавнего

и далёкого прошлого, находящихся в их распоряжении. Набор данных образцов не бесконечен и выбор осуществляется в рамках хотя и широкого, но ограниченного диапазона. В любом обществе существует определённый набор культурных образцов, которые обозначаются как коллективное сознание. Иллюстрацией такого набора является полуторовековая полемика западников и славянофилов, при этом обязательным условием по всей проблематике российской модернизации оставалось отношение к «европейскому прогрессу» и целесообразность его адаптации на российской почве.

В программных установках российских либералов XIX в. большое внимание отводилось государственному управлению и крестьянскому вопросу. Как известно, крестьянство после отмены крепостного права в большей степени, чем другие слои населения страдало от политического бесправия, административных пут и экономического гнёта, связанного с их малоземельем. Поэтому вполне очевидно, что проблемы реформирования государственного управления, формирования единого гражданского общества, построение правового государства напрямую связывались с решением социальных вопросов, крестьянского землепользования и землевладения.

Реформа 1861 г. сохранила в России общинное владение землёй, законодательно укрепив общину как социальный институт. Община стала выступать в качестве юридического лица при покупке земли, она наделялась широкими полномочиями в отношении прав собственности её членов. Начиная с 80-х гг. XIX в. на страницах либеральных журналов появились статьи о необходимости создания в волостях земских органов самоуправления. Журнал «Вестник Европы» писал: «Сделайте волюсть учреждением сословным, чтобы плательщиками было всё местное население, имеющее землю или какое-либо имущество, без различия сословий – только тогда, трудолюбивые хозяйственные крестьяне будут полезны своему обществу, только тогда они смогут поднять производительность своей земли» [2].

Значительную часть либеральных проектов занимала социальная проблематика, в которой приоритетным направлением было переустройство крестьянской жизни, которое предполагало реформирование как общинного землевладения, так и сословных крестьянских учреждений, всей системы государственного управления на местах. Цель предлагаемых мероприятий заключалась в необходимости преодоления разрыва между

социальной городской и сельской культурами, сложившимися ещё в феодальном обществе и продолжавшими существовать в новых буржуазных условиях российской действительности второй половины XIX в.

Немецкие исследователи Ульрих Бек и Энтони Гидденс отмечают, что современность разрушает традицию, при этом Бек обосновывает это фактом исчезновения традиционных форм классового деления, их замены индивидуализации социального неравенства, как легитимирующей силы современного общества [3, с. 103–146].

Энтони Гидденс полагает, что при всём многообразии различных категорий «модерн» и «традиции» между ними нет разграничительных линий, скорее всего, сохраняется связь и взаимовлияние [4, р. 91–93]. Таким образом, традиции не исчезают, они сохраняются в отношениях и контекстах и в изменённом виде продолжают составлять один из элементов общества.

Французский философ Бруно Латур в книге «Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии» утверждает, что идея идентичного повторения прошлого и идея радикального разрыва с прошлым являются симметричными результатами одной и той же концепции времени. Мы не можем вернуться к прошлому, к традиции, к повторению, потому что эти большие неподвижные области представляют собой искажённую картину земли, которая нам сегодня больше не обещана: прогресса, перманентной революции, модернизации, полёт вперёд [5, р. 76].

Государственное управление России начиная с XVIII в. носило преимущественно имперский характер, оно реализовывалось как в виде субкультурных заимствований, так и в форме вынужденной адаптации тех или иных сторон социальной жизни к актуальным задачам государственного строительства. Причисляя себя к западникам, национальная элита переносила на русскую почву семена модерна без должного учёта национальных особенностей.

При всей очевидности интереса национальной элиты ко всему западному Российское государство на протяжении всей своей истории ограничивало свои связи с внешней социальной, религиозной и культурной средой, что неизбежно приводило к замедлению культурной и социальной динамики российского общества. Консервативные традиции, их доминирование над инновацией, имеющей часто экзогенное происхождение, в течение длительного времени определяли цивилизационное развитие

России и не приводили к изменению повседневности социума [6, с. 524].

Философские письма П. Чаадаева раскрывают суть происходившего: «Мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. В России всё исчезает, всё течёт, не оставляя следов ни вовне, ни в нас. В домах наших мы как будто в лагере, в семье имеем вид пришельцев, в городах вид кочевников. У нас нет идеи долга, справедливости, права, порядка, царит лишь бессмысленность жизни без опыта и предвидения...» [7, с. 15].

К. Касьянова находит объяснение такого отношения к западным ценностям в особенностях русского архетипа. Исследователь исходит из наличия двух основных принципов, характерных для любого общества и культуры. Это изменение и приспособление окружающей среды или сохранение и приспособление себя к ней. Первый принцип характерен для западноевропейской и производной от неё культур, а второй на уровне социальных архетипов реализуется на русской почве и в русской культуре [8, с. 64].

История России XVIII–XX вв. – период тесных контактов с европейскими странами, когда имперская и либеральная модели модернизации реализовывались параллельно; стремление завершить трансформацию наиболее архаичных общественных институтов соседствовало с негативным восприятием передового опыта; желание государства сохранить достоинства национальной культуры с теми или иными особенностями социокультурной структуры входило в противоречие с процессом преобразований. Наряду с прогрессивными идеями на русскую почву были занесены семена эрозии ментальных оснований социума и управляемый хаос.

Революции и войны первой половины XX века произошли из-за слишком долгого и упорного стремления сохранить историческую, политическую, экономическую и культурную самобытность. Социокультурная динамика в рамках западной цивилизации требовала стремительной реакции. Слишком долго власть и общество пытались найти рецепты ответа в традициях прошлого, использовать старые механизмы и социальные институты. То, что в Европе вызревало в течение столетий, в России делалось быстро, в течение пяти–пятнадцати лет. Когда

правительство, вместо того чтобы вести народ путём постепенных улучшений, останавливает всякое движение и подавляет всякую свободу, оно неизбежно приводит к необходимости крутого перелома. Приходится разом навёрстывать потерянное время [9, с. 509].

На советском этапе государственное управление вновь возродило империю на принципиально новой идеологической основе – марксизм-ленинизм стал наследником царской империи.

Советская власть предполагала победу самого динамичного и современного на тот исторический момент западного экономического и общественно-политического учения – марксизма, который в условиях российской действительности столкнулся с пластом архаической жизни, тысячелетней культурой крестьянства, сохранившего в своих обычаях и преданиях нечто от незапамятных времён.

Такая политическая система смогла возникнуть и укрепиться именно потому, что выражала объективные потребности общества. В общественном сознании была потребность в «собирании русских земель», в прекращении распада государственности и усилении центральной власти.

Имперская идея представляет собой именно ту скрепу, которая может соединить вместе «красных» и «белых» патриотов. «Советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же – во имя великой и единой России при всём бесконечном различии идеологий, практический путь – един...» [10, с. 402].

Советский Союз во многом повторял опыт государственного управления Российской империи XVIII в.: тот же высокий уровень абсолютизма, где каждое прямое указание или полускрытое пожелание вождя не подлежит обсуждению, а выполнению; бесправие подданных, мобилизационный принцип централизованной концентрации ресурсов на выбранных направлениях. Импорт передовых технологий сопровождался жесточайшей фильтрацией сопутствующих технологиям инокультурных элементов.

Государственное управление советского периода было примечательно ещё и тем, что это была относительно удачная политика в рамках имперской системы, в смысле решения тактических задач текущего исторического момента. Задачи эти состояли в том, чтобы успешно противостоять Западу в военно-политическом соперничестве.

После И. В. Сталина руководство страны стало перед выбором перехода к либеральной модели государственного управления или продолжения осуществления имперского проекта. Период правления Н. С. Хрущёва не стал исключением. С одной стороны, разоблачение культа личности и репрессий, с другой – подавление венгерской революции 1956 года. Однако отдельные элементы либеральной модели модернизации имели место в Советском Союзе в послевоенные годы. В период правления от Хрущёва до Горбачёва ситуация принципиально не изменилась по причине доминирования имперской модели развития.

Спустя десятилетия после бурной эпохи Б. Н. Ельцина мы признаем, что за годы советской власти были решены важнейшие задачи, стоявшие перед государством: в кратчайшие сроки были осуществлены индустриализация, урбанизация, невероятный прогресс в обеспечении всеобщей грамотности, медицине, социальной сфере.

В конце XX века закончилась советская эпоха. Поражение в холодной войне ознаменовало конец противостояния различных социальных систем, что означало конец соперничества либеральной и имперской моделей. Радикальное ускорение исторической и социокультурной динамики вызвало всё возрастающую неопределённость, увеличивая возможную вариативность развития цивилизации как в целом, так и отдельных культурно-исторических ареалов. Возникло «определённое социально-психологическое состояние нации, народности, народа, граждан, запечатлевшее в себе результаты длительного и устойчивого воздействия этнических, естественно-географических и социально-экономических условий проживания субъекта менталитета» [11, с. 94].

В постсоветской России сформировалось поколение граждан, первичная социализация которых прошла в условиях относительной свободы. Это поколение преимущественно ориентировано на включение в формирующееся глобальное мировое сообщество, институциональная среда и в меньшей мере ценностно-нормативная система которого генеалогически восходят к западной цивилизации.

Сегодня власть предлагает обществу идеологию, которая была связана с героическим прошлым того времени, когда у нас была «великая эпоха». Эффективное управление способно гармонизировать отношения между государством и обществом.

Любые реформы и национальные проекты будут обречены на провал, если не будут созданы реальные условия для развития

государственного управления как основы гражданского общества. В российской истории многие известные реформы в прошлом заканчивались неудачей потому, что не могли опереться на силу самодеятельного гражданского общества.

Список источников и литературы

1. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамика. Под. ред. А.Б. Гофмана. М.: Росспэн, 2008.
2. Вестник Европы. 1894. № 8. С. 435.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Giddens A. Living in a Post-Traditional Society // Beck U., Giddens A. and Lash S. Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press, 1994.
5. Latour B. We Have Never Been Modern. London; New York, etc.: Prentice Hall, 1993.
6. Касьянов В.В., Шаповалов С.Н. Современная российская бизнес-элита: социологический портрет. Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Ростов н/Д, 2013.
7. Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989.
8. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.
9. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000.
10. Устрялов Н.В. В борьбе за Россию // Литература русского зарубежья. Антология. 1920–1925 гг. М., 1990. Т. 1. Кн. 1.
11. Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996, № 5.

Худобородов А.Л., Яшина М.А. (г. Челябинск)

События революции 1917 г. и Гражданской войны в трудах казаков-эмигрантов

Аннотация. В статье исследуется освещение проблем революции 1917 г. и Гражданской войны в работах казаков-эмигрантов в 1920-х – 1930-х гг. Показаны особенности таких жанров литературы, как историческая публицистика и мемуары, дискуссионный характер многих публикаций казачьих авторов, причины принципиальных разногласий в оценке важнейших событий Гражданской войны и места казачества в Белом движении.

Ключевые слова: Гражданская война, Белое движение, казачья эмиграция, мемуары, казачий сепаратизм, вольно-казачье движение.

The events of the Revolution of 1917 and the Civil War in the works of the Cossacks-emigrants

Abstract. In the article the problems of coverage of the 1917 Revolution, the Civil War and in the works of emigre Cossacks in the 1920s – 1930s. The features of these genres of literature as historical essays and memoirs, controversial nature of many publications Cossack,s authors, causes fundamental differences in the assessment of the most important events of the Civil War and Cossacks place in the white movement.

Keywords: civil war, the White movement, Cossack emigration, memoirs, Cossack separatism loosely-Cossack movement.

В публицистике и мемуарной литературе русского зарубежья особое место занимало освещение проблем истории революции 1917 года и Гражданской войны в России. И это было не случайно, так как непосредственные участники этой Гражданской войны стремились запечатлеть на страницах книг и журналов увиденное и пережитое, осмыслить причины революционных событий, братоубийственной войны, а также причины поражения Белого движения. К тому же различная трактовка событий недавнего прошлого служила весомым аргументом в политической и идейной борьбе в рядах русской эмиграции.

История событий 1917–1920 годов в России и особенно в казачьих краях подробно освещалась и в казачьей эмигрантской прессе. Практически не было ни одного казачьего журнала, который не публиковал бы воспоминания, документы, очерки или статьи по этой проблеме. В то же время нужно отметить, что многие публикации казачьих авторов по истории революции и Гражданской войны находили живой отклик не только в зарубежных станицах и хуторах, но и в широких слоях всей русской эмиграции. Связано это с тем, что, во-первых, авторами воспоминаний, статей были известные и для многих в белой эмиграции авторитетные казачьи деятели, например войсковые атаманы П. Н. Краснов [1; 2], А. П. Богаевский [3, с. 69–92], А. П. Филимонов [4; 5], Г. М. Семёнов [6], председатель Кубанской краевой Рады Д. Е. Скобцов [7], оренбургские казачьи генералы И. Г. Акулинин [8; 9] и А. В. Зуев [10], оренбургский полковник Г. В. Енборисов [11; 12] и другие. Во-вторых, исследования

казацких авторов нередко публиковались в таких популярных среди русского читателя за границей изданиях, как «Архив русской революции» И. В. Гессена [13, с. 45–57], выходил в Берлине в 1921–1937 годах, всего вышло 22 книги (тома), а также «Белое дело. Летопись белой борьбы» под редакцией А. А. фон Лампе, издание выходило в Берлине в 1920–1933 годах, вышло 7 книг. В-третьих, в работах казацких лидеров нередко велась полемика с А. И. Деникиным и П. Н. Врангелем по вопросу о сущности Белого движения и роли в нём казачества, что также вызывало повышенный интерес в рядах белой эмиграции.

Достоинством отмеченных выше работ является, прежде всего, достоверность богатого фактического материала при освещении многих событий, боевых действий, сражений в период Первого Кубанского (Ледяного) похода в феврале–марте 1918 года (А. П. Богаевский, А. П. Филимонов), жизнь Донского войска летом–осенью 1918 года (П. Н. Краснов), столкновение целей и задач Кубанской Рады и командования Добровольческой армии осенью 1919 года (А. П. Филимонов, Д. Е. Скобцов), борьбы оренбургского белого казачества во главе с А. И. Дутовым против советской власти в 1917–1919 годах (И. Г. Акулинин). Правда, в мемуарах П. Н. Краснова «Всевеликое войско Донское» есть фактические неточности, связанные с ошибочной информацией войсковой контрразведки о вооружённых формированиях Красной армии, на что обратили внимание современные издатели многотомника «Белое дело» [14, с. 405–406].

Несмотря на определённый субъективизм и пристрастность, свойственный вообще мемуарам как жанру литературы, отмеченные выше авторы делают нередко очень верные и объективные наблюдения и оценки. Так, П. Н. Краснов справедливо отметил антимонархические настроения крестьян и казаков Дона в 1918 году [14, с. 134], верно он же подчеркнул негибкость политики А. И. Деникина в национальном вопросе, излишнюю жёсткость в борьбе с сепаратизмом окраин: «План Деникина состоял в покорении окраин, в этом Деникин видел обеспечение своего тыла. Сначала Кавказ, потом Крым, далее Украина» [14, с. 143]. Прямолинейно идя к «единой и неделимой России», Деникин «создавал себе ещё новых врагов, не справившись и со старыми. Деникин не признавал гетмана Скоропадского, потребовал подчинения ему Крыма, ссорился с Грузией, был в холодных отношениях с Кубанской Радой...» [14, с. 143].

И. Г. Акулинин достаточно объективно показал влияние аграрной политики большевиков конца 1917 г. – начала 1918 г.

на настроение оренбургского казачества, причины поражения Южной армии колчаковцев осенью 1919 года [9, с. 36–66, 83, 144–146].

Кубанский атаман А. П. Филимонов верно отобразил истоки и сущность противоречий Кубанского казачества с командованием Добровольческой армии, надуманный характер «опасности казачьей самостийности» в 1918–1919 годах. Интересно отметить, что в эмиграции ряд лидеров казачьих организаций, демократических по своим взглядам и принципам, также решительно осуждали этот «жупел» казачьей самостийности и сепаратизма в годы войны. Так, в ноябре 1924 года, обсуждая доклад П. Н. Милюкова в Праге о Белом движении, В. А. Харламов заявил: «Нельзя отказать казачеству в том, что оно было демократическим и государственным. Казачья борьба не была борьбой за свою хату, за свой избыток. Казачество боролось за воссоздание русской государственности, казачий же сепаратизм был сочинён. Борьба с этим выдуманым сепаратизмом ослабляла белое движение, вносила в него развал и довела до Новороссийска» [15].

Разная политическая ориентация авторов мемуаров неизбежно приводила к тому, что по одним и тем же проблемам Гражданской войны высказывались и защищались казаками-эмигрантами противоположные точки зрения, например о месте казачества в Белом движении. По мнению монархиста Г. В. Енборисова, казачество было основой Белого движения. «Прежде всего, русские люди не должны забывать, – писал он, – что вооружённая борьба с большевиками началась в казачьих областях ни в каких других местах России. Не будь казачьих земель – не было бы и белого движения... В Воронежской губернии могла возникнуть «Антоновщина», на Украине «Махновщина», по Черноморскому побережью «зеленое движение», но для белого дела не было почвы, оно было возможно только на казачьей земле» [16, с. 47].

Совершенно иную позицию по этому вопросу занимал член ЦК Союза возрождения казачества Г. Ф. Фальчиков. 1 ноября 1924 года во время дискуссии в Праге о Белом движении он признал себя противником Белого движения и далее заявил, что «белое движение сводилось к тому, что остатки классов старой монархической России объединились для преодоления революции и восстановления монархии. Рядом с ним и совершенно независимо от него существовало сложное народное движение. Эти два движения в конце концов столкнулись. В частности,

казацье движение установило свое взаимоотношение с Белым на основе военных договоров, которые не соблюдались. Казачья территория была оккупирована, казачество преследовалось и было обмануто руководителями Белого движения. Вообще Белое движение не было мечтой, оно было реальной попыткой осуществить реставрацию. Наше отношение – непримиримая борьба...» [15].

В то же время надо прямо признать, что к исторической публицистике и мемуарам казаков на чужбине нужно подходить критически. В них много можно встретить отступления от правдивого и объективного освещения событий Гражданской войны. Это связано с разными причинами: политическая тенденциозность авторов, односторонняя ориентация на политику того или иного государства (прогерманская позиция у П. Н. Краснова и прояпонская у Г. М. Семёнова), попытка преувеличить свои личные заслуги в Белом движении, а на других свалить ответственность за поражение белых в Гражданской войне, примитивное изображение главного политического врага – большевиков.

Так, причины успеха большевиков в 1917 году А. П. Богавский объясняет так: «Благодаря сентиментальности господ Керенских и К^о, своевременно не расстрелявших Ленина и всю сволочь, которую немцы преподнесли нам в запечатанном вагоне, погибла Россия, пролилися реки крови и напрасно погибли десятки миллионов людей, замученных большевиками и погибших от голода. А ведь что стоило тому же Керенскому послать в своё время только одну роту надёжных солдат к дворцу Кшесинской и тут же, на Троицкой площади [...] подвесить бы всю эту теплую компанию, которая совершенно безнаказанно, открыто призывала солдат к измене» [17, с. 26]. Тут же очевидна явно упрощённая оценка причин гибели старой России.

П. Н. Краснов без всяких аргументов и доказательств заявляет о германской ориентации рядовых донских казаков в 1918 году [14, с. 30–31], явно в оскорбительном тоне изображает кубанское казачество и его лидеров: «Атаман Филимонов всем был обязан генералу Деникину, но для казаков он был ничто. Война выдвинула своих героев, кумиров народной толпы. Жадный до наживы кубанский казак боготворил тех вождей, которые добычей считали не только оружие и снаряды, но и имущество магазинов и кооперативных лавок занятых городов и сёл, которые налагали на жителей контрибуции, взыскивали их и делились полученными деньгами с казаками. Такими вождями были генералы Покровский и Шкуро» [14, с. 108].

В мемуарах Г. С. Енборисова явно тенденциозно освещена деятельность Верхнеуральского станичного атамана Д. И. Каширина и его сыновей Николая и Ивана, воевавших на стороне советской власти. Вызывают большие сомнения утверждения автора о его участии в заседании Петроградского Совета летом 1917 года и успешной полемике с В. И. Лениным [11, с. 13–16]. В документах Петроградского Совета нет никаких упоминаний о полемике В. И. Ленина с оренбургским войсковым старшиной Г. В. Енборисовым.

Довольно своеобразно, хоть и очень искажённо освещали Гражданскую войну самостийники на страницах своих журналов. Они представляли Гражданскую войну в России не как внутреннюю, а как внешнюю казацко-русскую войну, в ходе которой тамбовские и рязанские Иваны оккупировали казацый край. Журнал «Вольное казачество» осуждал союз атаманов с Добровольческой армией и считал, что нужно было не воевать с Украиной, а заключить с ней союз против Московии. Интересно отметить, что такое изображение Гражданской войны, в плане противопоставления «Россия–Дон», нашло отражение в творчестве отдельных поэтов-сторонников вольно-казацкого движения. Например, в стихах казацкого поэта Николая Келина есть такие строки:

«Вот она, Русь бесталанная,
Вот она, мать окаянная,
Господи Иисусе Христе –
Дон наш распят на кресте»;
«Этим людям, что к нам приходят,
Меж лопаток всадил бы нож» [18, с. 16–17].

Несмотря на перечисленные выше недостатки, публицистика и мемуары казацкого зарубежья являются ценным и интереснейшим источником по истории Гражданской войны в России, они содержат не только богатый фактический материал, но и очень ярко передают атмосферу, настроения и взгляды участников Белого движения в этот трагический период отечественной истории.

Список источников и литературы:

1. *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. – Т. 1. – Берлин, 1921. 312 с.
2. *Краснов П. Н.* Всевеликое войско Донское // Архив русской революции. – Т. 5. – Берлин, 1922. 362 с.

3. *Богаевский А. П.* Воспоминания (Поездка на Дон с фронта). Донская летопись (Белград). – 1923. – № 1 – С. 69–92.
4. *Филимонов А. П.* Кубанцы // Белое дело. – Кн. 2. – Берлин, 1927. 236 с.
5. *Филимонов А. П.* Разгром Кубанской Рады // Архив русской революции. – Т. 5. – Берлин, 1922. 362 с.
6. *Семёнов Г. М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. – Харбин, 1938. 304 с.
7. *Скобцов Д. Б.* Драма Кубани (ноябрь 1919 г.) // Голос минувшего на чужой стороне. – Кн. 14. – Париж, 1926. 304 с.
8. *Акулинин И. Г.* Уральское Войско в борьбе с большевиками // Белое дело. – Кн. 2. – Берлин, 1927. 236 с.
9. *Акулинин И. Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920. – Шанхай, 1937. 97 с.
10. *Зуев А. В.* Оренбургские казаки в борьбе с большевиками. 1918–1922 гг.: Очерки. – Харбин, 1937. 67 с.
11. *Енборисов Г. В.* От Урала до Харбина (Памятка о пережитом). – Шанхай, 1932. 288 с.
12. *Енборисов Г. В.* Правда о казаках. – Харбин, 1937. 308 с.
13. Подробнее о данном издании см.: *Голубева М. И.* «Архив русской революции» Гессена как исторический источник // Вестник Московского университета. Серия История. – 1995. – № 3. – С. 45–57.
14. Белое дело. – Кн. 3. – М., 1992. 236 с.
15. П. Н. Милоков в Праге (Прения по докладу о «белом движении») // Последние новости (Париж). – 1924. – 14 ноября.
16. *Апрелков А. В., Попов Л. А.* Судьба казачьего полковника Г. В. Енборисова // Оренбургское казачье войско: Военная служба и общественная жизнь. Сб. науч. трудов. – Челябинск, 1997.
17. Белое дело. – Кн. 2. – М., 1993. 236 с.
18. Казачий голос (Париж). – 1937. – № 1. – С. 16–17.

Чёрный В. И. (г. Краснодар)

Особенности партизанской борьбы на Кубани в годы Великой Отечественной войны (1942–1943)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности партизанского движения на Кубани в годы Великой Отечественной войны и в её важнейшем сражении – битве за Кавказ в 1942–1943 гг. Показано, как сложно происходило создание отрядов, организация партизанской борьбы. Уделяется внимание ошибкам, допущенным руководством Южного штаба партизанского движения, и анализируются причины. Дается

оценка руководства партизанскими кустами и анализируются причины провалов и упущений. Кроме того, показывается вклад партизан в разгром захватчиков на Кубани.

Ключевые слова: Кубань, Северный Кавказ, партизанское движение, П. В. Селезнёв, Южный штаб партизанского движения, крайком ВКП(б), НКВД, диверсии, вклад партизан в разгром врага, мужество и героизм.

Features of the guerrilla struggle in the Kuban during the Great Patriotic War of 1942–1943

Abstract. The article examines the peculiarities of the Partisan movement in the Kuban during the Great Patriotic War and its most important battle – the battle for the Caucasus in 1942–43. It is shown how the creation of detachments and the organization of guerrilla warfare was complex. Attention is paid to errors committed by the leadership of the Southern Headquarters of the partisan movement and the reasons are analyzed. An assessment of the leadership of partisan bushes is given and the causes of failures and omissions are analyzed. In addition, the partisan's contribution to the defeat of the invaders in the Kuban

Keywords: Kuban, Northern Caucasus, partisan movement, P. I. Seleznev, the southern headquarters of the partisan movement, the extreme VKP (b), the NKVD, sabotage, the contribution of the partisans to defeating the enemy, courage and heroism.

В этом году исполняется 75 лет начала битвы за Кавказ – крупнейшего сражения войны. У нас на Кавказе в истории войны сражение с захватчиками не имело такой оценки, как под Москвой, Сталинградом или на Курской дуге. Но если сравнивать её последствия и итоги с названными сражениями, то битва за Кавказ такая же грандиозная, как и перечисленные сражения. Это и взаимные численные потери в людях и технике, территориальные, стратегические и моральные утраты, и примеров мужества и героизма тоже не меньше. На юге России 3 города получили звания города-героя, 8 удостоены звания города воинской славы. Здесь, у нас на Кавказе, РККА остановила немцев на пути к нефти, разбила на перевалах ГКХ, остановила на Черноморском побережье, в Закавказье и Персии, взяла господство в небе, взломала «Голову Гота» – «Голубую линию». Здесь наиболее активно развернулось всенародное сопротивление захватчикам.

Особый рассказ – о партизанской борьбе с захватчиками в годы войны. История последних столетий свидетельствует, что

одержать победу над народом, который поднялся на борьбу с захватчиками, практически невозможно. Об этом свидетельствует и послевоенный, современный опыт Кореи, Вьетнама, Афганистана, Ирака, Курдистана, Донбасса и других мест борьбы за свободу.

О размахе партизанской борьбы на Кубани рассказал в своих научных трудах известный российский историк доктор исторических наук профессор Гавриил Петрович Иванов [1]. О вкладе кубанских партизан в победу над оккупантами сказано и другими кубанскими историками: В. Ф. Трунтовым, С. Н. Якаевым, Е. М. Малышевой, К. Г. Ачмизом, А. В. Жинкиным... Казалось бы, и добавить нечего, но мне хочется отметить особенности партизанского движения на Кубани, остановиться на некоторых недостатках и упущениях в деятельности и руководстве им в период военных событий на Кавказе. Кстати, аналогичные недостатки были не только на Кубани.

Созданным Краснодарским краевым, а впоследствии и Южным штабом партизанского движения руководил П. В. Селезнёв, первый секретарь Краснодарского краевого комитета ВКП(б). В республиках, краях и областях Северного Кавказа для борьбы с врагом было образовано 226 (2) партизанских отрядов, из них на Кубани – 85. Именно партизанские отряды края внесли, на мой взгляд, наибольший вклад в разгром захватчиков на Кубани.

Начну с того, что проблемой формирования отрядов «народных мстителей» изначально и под секретом занимались партийные комитеты и органы НКВД. В ноябре 1941, когда немцы захватили Ростов, повсеместно на Кубани в срочном порядке стали создавать базы и формировать личный состав отрядов. Работа проводилась быстро, но не совсем организованно. Исполнительные комитеты крайкома при активном участии Управления НКВД начали закладку баз в места дислокации отрядов. Вместе с созданием баз шло формирование численного состава. В списках были в основном коммунисты, комсомольцы и немного беспартийных, проверенных людей из актива.

Но созданные базы и сформированные отряды к своей деятельности не приступили. Красная армия осенью 1941 года освободила Ростов и отогнала фашистов на запад. Появилась уверенность, что наступлению врага пришёл конец, тем более она укрепилась после разгрома немцев под Москвой.

И тут была допущена большая ошибка: с многих списков партизан и мест дислокации сняли гриф строгой секретности, как и дислокации партизанских баз.

Следует отметить, что северные и центральные районы края не имели нормальных условий для ведения партизанской войны. Было мало мест для удобной дислокации. А многие места, где были заложены базы, вскоре после оккупации были раскрыты врагом, не без помощи предателей из местного населения. Возникла и другая проблема – места расположения партизанских отрядов оказались в тылу Красной армии, которая непрерывно отступала. Такое положение приводило к дополнительным потерям. Им для выполнения задания в тылу врага приходилось переходить передовые линии: и нашу, и вражескую. Особенно большие потери несли партизаны после выполнения задания и возвращения на базу. Они преследовались вражеской погоней и часто обстреливались на нашей передовой линии. Таким положением пользовалось и командование советских частей – они поручали партизанам часто несвойственные им функции и ведение фронтовой разведки. Лишь после вмешательства Ставки положение изменилось. Партизанами армейские чины активно командовать перестали.

Надо сказать, что командование фронта допускало и другое превышение своих прав. Лишь вмешательство руководства союзного НКВД прекратило использование войск этого подразделения в несвойственных им боевых операциях, которые должны были выполнять общевойсковые подразделения.

Да, войска НКВД были хорошо вооружены, по существу отборные части, сформированные из опытных бойцов и командиров. С их участием осуществлялись самые важные операции на Кавказе, в том числе карательные. Уже тогда, в период сражений за Кавказ, вынашивались планы депортации некоторых народов Кавказа.

В ходе битвы были приняты дополнительные меры по обеспечению баз. Так, предусматривалось использование местных, районных ресурсов в случае дислокации там отрядов. В том числе говорилось об использовании продукции местного населения. Заложенные в тайники продовольствие, обмундирование и продукты жизнеобеспечения были использованы для «текущих нужд» [3].

Когда летом 1942 года ситуация на Кубани кардинально поменялась и враг оказался у северных границ края, крайком ВКП(б) принимает постановление о непосредственном

руководстве «партизанскими отрядами и развитии партизанского движения на оккупированных территориях» и создании Южного штаба партизанского движения [4]. В постановлении было записано:

1. Принять постановление ГКО к неуклонному исполнению.

2. Довести до сведения городских и районных комитетов партии о том, что для непосредственного руководства партизанскими отрядами создать при военном совете фронта штаб партизанского движения, основной задачей которого является «Дезорганизация вражеского тыла» [5].

В постановлении были определены направления деятельности партизанских отрядов:

а) разрушение коммуникационных линий противника, подрыв мостов, порча железнодорожных путей, устройство крушения поездов, нападение на автомобильный и гужевой транспорт;

б) разрушать линии связи (телефон, телеграф, радиостанции);

в) уничтожать склады боеприпасов, снаряжения, ГСМ и продовольствия;

г) нападать на штабы, воинские учреждения в тылу противника;

д) сообщать частям Красной Армии о расположении, численности и продвижении войск противника [6].

Задача была поставлена, но её выполнение сопровождалось многими трудностями. И главными из них было отсутствие опыта, не было устойчивой связи, мало было современного подрывного оружия, неумение маскировки и т. п.

Нельзя обрасывать со счёта и психологические факторы, в том числе внезапность создавшейся ситуации, растерянность. Кстати о вооружении партизан. Автоматы партизанам вначале не выделялись. И какое же было удивление И. И. Позднякова, когда в отрядах обнаружили более 50 автоматов. Выяснили. Произошёл простой «продуктообмен». Автоматы партизаны выменяли у солдат и командиров Красной армии. На спирт. Оружие, правда, выменивали и на другие партизанские товары.

В докладе Позднякова высказывалась озабоченность, что «не все отряды зарегистрировались на период проверки в краевом штабе. Некоторые отряды так скрываются от врага, что даже мы не можем их найти, где-то прячутся. Но, полагаю, когда всё съедят и выпьют – обнаружатся сами» [7].

Имели место факты трусости, дезертирства, даже предательства. Известен случай, когда в результате предательства бывшего сторожа горисполкома Ейска фашисты арестовали и повесили

сразу после оккупации около 100 человек, почти всех неэвакуированных работников городской исполнительной власти.

В результате всех этих недостатков – серьёзные потери как партизан, так и гражданского населения. Фашисты, чтобы запугать население, сломить волю к сопротивлению, подвергали ещё не оккупированные территории края массовой бомбардировке, сбрасывали с самолётов листовки, фальшивые газеты и т. п.

В апреле 1942 года над Ахтарями (Приморско-Ахтарск) немцы с самолётов разбросали листовки со стихами: «...Не пеките пироги, не месите теста, 25 числа не найдёте места». Налёт был совершён на Ахтарский рыбзавод в воскресенье – день Пасхи. Но для советской власти Пасха не была праздником. В море шёл нерест и рабочие были на заводе [8].

В середине августа 1942 года руководитель Краснодарского куста И. И. Поздняков писал П. В. Селезнёву о положении дел в партизанских отрядах:

1. Почти полное отсутствие воинской дисциплины.
2. Никакой организации питания и норм выдачи продуктов.
3. Ни один из отрядов не принял «Клятву партизана».
4. В отрядах не проводится организованная политическая работа.
5. Партизаны не проводят никакой разведки: ни местной, ни за фронтом.
6. В отрядах не проводится обучение военной подготовки, владения автоматом, гранатой и т. п.
7. Пренебрежительное отношение к организации быта партизан [9].

Осенью 1942 года в Южный штаб на имя П. В. Селезнёва поступило ещё несколько докладных (на территории края было создано 7 партизанских соединений или кустов), в которых давалась также критическая оценка положения дел. В них говорилось о случаях пьянства и даже аморального поведения, недисциплинированности, неисполнения приказов. Причина виделась и в том, что руководители зачислили в отряды своих жён, родственников и детей. Претензии к руководителям отрядов сразу натыкались на вопрос: а кто их защитит от немцев и полицаев на оккупированной территории? На самом деле при формировании отрядов не все руководители позаботились об эвакуации семей партизан в тыл. (Многие, если не все, родственники партизан как командиров и политработников были уничтожены или взяты в заложники по наводке изменников.)

Надо также отметить и то, что почти треть партизан рассматривали отряды как временное убежище на период оккупации края.

Очень скоро после начала сражений с оккупантами у партизан закончились продукты питания, износилась одежда, требовалась новая утварь и т. п. Централизованных поставок не было. Партизаны обращались за помощью продуктами к местному населению. Насильственная реквизиция вела не только к противодействию населения и жалобам, но и к отказу сотрудничать с партизанами и даже к фактам предательства.

В отсутствие чёткого руководства со стороны штаба в некоторых кустах заговорили о необходимости отказа от «кустовой» структуры, предлагали «уходить в тыл Красной Армии, под руководство армейских штабов».

В конце 1980-х – начале 90-х годов в крае (Северский район) была опубликована серия статей о преступном поведении по отношению к населению партизан на Кубани. Она вызвала острейшую дискуссию. Да, подобные факты напряжённых отношений партизан и населения имели место. Причин тут было немало. Ситуация обострялась там, где партизаны не очень активно боролись с врагом, формировались не из местного населения или утратили базы. В отрядах оказалось немало тех, кто, спасаясь от фашистов, находил приют в партизанских отрядах и мечтал об иной доле.

Оккупационная политика захватчиков, их жестокий «новый порядок» не могли не вызвать массового сопротивления со стороны населения. Активно сражались с захватчиками все 85 отрядов, в состав которых входило более 6000 партизан. Объектами их деятельности были гарнизоны врага, комендатуры, полицейские участки, коммуникации. Партизаны вели «минную войну», взрывали путепроводы и мосты, выводили из строя линии связи, осуществляли разведку. Т.е. делали всё, что им поставил в повестку дня Штаб партизанского движения. Кроме того, партизаны уничтожали предателей и пособников врага, распространяли сводки Совинформбюро, поддерживали и укрепляли моральный дух людей, их уверенность в победе.

Борьба с оккупантами велась постоянно. К примеру, только в течение сентября 1942 г. зафиксировано более 100 случаев столкновения партизан с противником. Как уже говорилось, многие партизанские отряды на вооружении имели только винтовки, гранаты и мины. Автоматов, пулемётов и миномётов имелось очень мало, в основном они были добыты в боях с оккупантами или получены от нашей армии.

Партизанская война на Кубани знает немало примеров успешных действий. Только в том же сентябре 1942 г. было проведено несколько удачных операций. Партизанский отряд Нефтегорского района разгромил немецкий гарнизон числом до 300 человек. Бой продолжался полтора часа. Было уничтожено 80 и ранили более 100 немцев, захвачено 2 миномёта, 3 пулемёта, 85 винтовок [10].

Другую успешную операцию провели партизаны Апшеронского района, напав на немецкий гарнизон в посёлке Конобоз. Налёт был осуществлён на рассвете 27 сентября силами 64 партизан. Фашисты потеряли около полусотни человек. И таких примеров было немало [11].

За героизм и мужество, проявленные при проведении диверсии на железнодорожном перегоне, звания Героя Советского Союза посмертно были удостоены два партизана, братья Евгений и Геннадий Игнатовы. Такую высокую награду на Кавказе партизаны получили впервые. Здесь следует отметить, что некоторые кубанские исследователи сомневаются в самом факте этого подвига, объясняя разночтением в документах и отсутствием информации об этой диверсии в немецких архивах. Но был сам факт гибели партизан, а немецким источникам слепо доверять не стоит. Они тоже преувеличивали, искажали факты и события войны.

Другим важным направлением деятельности партизан была борьба с пособниками немецкой администрации, полицией, предателями и карателями. Именно с их помощью оккупантам удавалось обнаруживать и уничтожать партизанские базы и схроны оружия. Сотни кубанцев были схвачены по доносам и замучены в застенках гестапо. В Ейске в первые дни оккупации по доносу только одного предателя, бывшего сторожа горисполкома, было арестовано и повешено около 100 человек. И таких примеров, к сожалению, было немало.

Потери партизан в период немецкой оккупации были тоже немалыми – 1088 человек. Подвиг партизан получил высокую оценку руководства страны: ордена им вручались 119 раз, а медали – 817, два партизана удостоены звания Героя Советского Союза. Вклад партизан в разгром врага на Кубани – неоспорим.

Список источников и литературы

1. *Иванов Г.П.* Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник культуры России. Написал работы о партизанах Кубани:

- Боевая доблесть кубанцев; В годы суровых испытаний; В тылу при-
фронтовом; и др.
2. Подсчитано автором.
 3. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1. Доп. Д. 27. Л. 144–160.
 4. ЦДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–40.
 5. Там же. Д. 18. Л. 50–54.
 6. Там же. Л. 53–55.
 7. Там же.
 8. Из воспоминаний жителя Приморско-Ахтарска К. Демешко.
 9. ЦДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 25. Л. 35–39.
 10. *Иванов Г. П.* Боевая доблесть кубанцев. С. 84.

Шендрикова С. П. (г. Симферополь)

Ф. И. Шаляпин и революция (по материалам крымской периодики)

Аннотация. В данной научной публикации на основе массива крымской периодики и краеведческой литературы дан анализ одному из переломных периодов в судьбе великого русского оперного певца Фёдора Ивановича Шаляпина на фоне революционных перемен в России.

Ключевые слова: Шаляпин, творчество, сцена, «Замок искусств», благотворительность, репертуар, революция, безвластие.

Shalyapin and the revolution (based on the materials of the Crimean periodicals)

Abstract. In this scientific publication, an analysis of one of the crucial periods in the fate of the great Russian opera singer Feodor Ivanovich Shalyapin against the backdrop of revolutionary changes in Russia is given on the basis of an array of Crimean periodicals and local lore literature.

Keywords: Shalyapin, creativity, stage, «Castle of Arts», welfare, repertoire, revolution, anarchy.

Фёдор Иванович Шаляпин – великий артист русской оперы конца XIX – первой половины XX в., первый, кому удалось соединить вокальное и драматическое искусство на оперной сцене воедино. Первый из деятелей искусств, удостоенный звания народного артиста в молодой и новой России (1918).

С 1896 г. Ф. Шаляпин жил в Москве и работал в Солодовниковском театре [1, с. 137]. Там артист познакомился

с С. Рахманиновым. Их творческий союз укрепила первая гастрольная поездка в Крым, которая состоялась в сентябре 1898 г. [2, с. 302]. Следующая поездка певца на полуостров состоялась в начале XX в. На сей раз Шаляпин, уже известный по всей России оперный певец, любимец публики, в Крыму побывал с частным визитом у своих друзей. 7 апреля 1902 г. он приехал в гости к А. М. Горькому на дачу «Нюра» в Нижний Мисхор [3].

Очередная поездка Ф. И. Шаляпина в Крым выпала на курортный сезон 1916 г.

История, которая имела место в жизни Ф. Шаляпина летом 1916 г., в период, когда он со своей семьёй отдыхал в Гурзуфе в имении «Суук-Су» («Орлиное гнездо»), оставила о себе «живой памятник природы» – скалу Шаляпина. И сегодня, проезжая мимо этого места, бойкие экскурсоводы рассказывают об этом в разных интерпретациях. Мы же поведаем эту историю из первых уст. «Лето 1916 года, – рассказывает дочь певца, Ирина Шаляпина, – мы всей семьёй проводили в Крыму, на даче<...> «Орлиное гнездо» в имении «Суук-Су» [4]. Именем «Суук-Су» на тот момент владела молодая вдова московского купца Ольга Михайловна Соловьёва, большая поклонница таланта певца и подруга жены. Гостя в имении, Шаляпин восхищался гурзуфской бухтой, особенно ему нравились виды с возвышений над морем. «Шаляпин от этой чудо-природы приходил в неописуемый восторг» [5]. Одна из ночных прогулок Шаляпина, его родных и близких по южному берегу обернулась незабываемым концертом. После этого импровизированного ночного концерта Шаляпин обратился к хозяйке имения с просьбой о продаже скалы: «Есть в Крыму, в Суук-Су, скала у моря<...> На ней я решил построить замок искусств. Именно замок. Я говорил себе: были замки у королей и рыцарей, отчего не быть замку у артистов?..» [6]. Уже через несколько месяцев началось активное строительство моста с берега на скалу.

Приехав в следующий раз в Крым, весной 1917 г., Ф. Шаляпин сам осматривал объект, однако революционные события в России не дали осуществиться мечте певца. Лето 1917 г., несмотря на политические перемены в стране, по традиции семья Шаляпиных провела в Крыму. Несмотря на смутное время, это лето и в судьбе Ф. Шаляпина, и в истории Крыма оставило неизгладимый след. «На севастопольском рейде, – писал В. Дмитриевский, – в ту пору стояло много военных кораблей, в том числе легендарный крейсер «Алмаз», известный своими

революционными традициями» [7, с. 174]. Это обстоятельство натолкнуло известного театрального режиссёра В.И. Никулина на мысль о большом концерте силами военных моряков с сольным пением Ф. Шаляпина. Режиссёр, отдохавший тогда в Севастополе, приехал на Южный берег к певцу с этой идеей и уговорил его [8, с. 120]. По задумке организаторов концерт планировался в благотворительных целях: «Сбор предназначен в пользу раненых на фронтах и жертв революции» [9, с. 174].

В течение двух недель Шаляпин сам объезжал военные корабли, собирая хор моряков для предстоящего концерта. Концерт состоялось на Приморском бульваре 11 июля 1917 г. В нём участвовало более трёхсот черноморцев. Шаляпин исполнил свои лучшие песни [10]. Зрителей на этот грандиозный концерт собралось бесчисленное множество. Казалось, что не только весь город, а всё Крымское побережье сосредоточилось на Приморском бульваре Севастополя. В память об этом событии моряки подарили Шаляпину бескозырку и тельняшку» [8, с. 120].

Шаляпиным в это революционное лето был дан ещё один концерт в зале севастопольского городского театра: «Концерт прошёл с большим успехом. В конце концерта Шаляпин, желая «выжать» из местных богачей как можно больше на солдатские нужды, снял с руки золотое кольцо и объявил аукцион. Оно было продано за баснословную сумму...» [10].

Надо сказать, и на сегодняшний день расхожи мнения по поводу отношения Шаляпина к революции. И это не случайно. Долгие годы многим не давал покоя факт эмиграции певца за границу. Однако летом 1917 г. в Форосе, беседуя с приятелем, Ф. Шаляпин говорил: «Ну вот, как думаете, надолго всё это? И когда кончат митинговать? За триста лет хотят наговориться<...> Вы не подумайте, что я против. Я в Петербургский совет приезжал, один из первых приехал, когда царя сбросили. На кой чёрт он нам нужен? Я сам себе царь. Я, крестьянский сын, перед кем только шапку не ломал! Кому-кому, а мне это не надо<...> Ну ладно. Сбросили – хорошо. Но порядка же нету! – Нету порядка! В Мариинском театре одни собрания, ничего знать не хотят, полный разброд! Спектакли идут чёрт знает как!.. Хватит! Пока не кончится, буду здесь жить. Одно плохо: скоро жара начнётся. Но осень здесь славная, к осени, я думаю, всё наладится» [8, с. 121].

На этом крымские страницы жизни Ф.И. Шаляпина заканчиваются. Ему не суждено было больше вернуться на так полюбившийся полуостров. Однако планы касательно строительства Замка искусств на Южном берегу в своё время

обязывали разместить в одном из местных банков достаточно серьёзные материальные средства, которые в свою очередь были экспроприированы «совдепом г. Ялты... в размере 148.536 рублей» [11].

Шалапин, так много помогавший «делу революции», возмущённый этим фактом, обратился к Зиновьеву: «Товарищ Зиновьев, Совет солдатских и матросских депутатов Ялты снял с моего текущего счёта... около 200 000 рублей. Не можете ли вы... похлопотать, чтобы мне вернули эти деньги ввиду производственного, денежного и даже трудового кризиса?» [12, с. 186]. Оставшись без ответа на свою устную просьбу, артист вынужден был обнародовать сложившуюся ситуацию и сделать публичное заявление в Петроградскую трудовую коммуну. «Я нахожу эту реквизицию, – писал Шалапин, – несправедливой и оскорбляющей как моё достоинство артиста, так и достоинство власти. Деньги, взятые у меня, я нажил не путем эксплуатации чужого труда, а путём упорной работы, тяжесть которой едва ли понятна людям, не знакомым с её условиями; я нажил эти деньги тратой моего таланта, силами моего духа...» [13].

Ф.И. Шалапин со своей семьёй до 1922 г. жил в Москве. Он по-прежнему выступал, давал благотворительные концерты, много ездил. Но что-то оборвалось внутри певца, с чем-то он никак не мог смириться. 29 июня 1922 г. он даёт бесплатный дневной концерт в Большом зале филармонии для питерских рабочих. Как потом оказалось, это был его последний концерт в России. Вечером этого же дня великий русский певец Ф.И. Шалапин «...отплывает из Петрограда за границу на лечение, отдых и гастроли на германском пассажирском пароходе «Обер-бюргермейстер Гакен» [14, с. 173]. Умер Ф.И. Шалапин 12 апреля 1938 г. в Париже. Был похоронен на кладбище Батиньоль. На его могиле начертана эпитафия: «Здесь покоится великий сын земли русской, Фёдор Иванович Шалапин». В 1984 г. его сын Фёдор Шалапин-младший добился перезахоронения его праха в Москве на Новодевичьем кладбище [15, стб. 273].

В заключение данного материала хочется привести слова близкого друга и соратника Шалапина М. Горького: «Такие люди, каков он, являются для того, чтобы напомнить всем нам: вот как силён, красив, талантлив русский народ! Вот плоть от плоти его, человек, своими силами прошедший сквозь терния и теснины жизни, чтобы гордо встать в ряд с лучшими людьми мира, чтобы петь всем людям о России!» [16].

Список источников и литературы

1. *Шалапин Ф. И.* Страницы из моей жизни: Повести / Сост., вступ. статья, коммент. Е. Дмитриевской, В. Дмитриевского. – М.: Кн. палата, 1990. – 464 с.: ил. – (Попул. б-ка).
2. Фёдор Иванович Шалапин. Т. 3. Статьи и высказывания. Приложение. Москва: Искусство, 1979. – 392 с.
3. *Староскольцев К.* Гениальный сын земли русской // Крымская правда №37 (17852), 13 февраля 1983 (К 110-летию со дня рождения Ф. И. Шалапина). – 3 стр.
4. Ирина Шалапина «Скала Шалапина» // Курортная газета, №122 (3218), 20 июня 1954. – 3 стр.
5. Григорий Пятков. Замок искусств // Крымская газета №97 (1203), 29 мая 1997. – 3 стр.
6. *Богданова Н.* Скала Шалапина (Экскурсия для читателей) // Крымская газета №8, 20 октября 1992. – 2 стр.
7. *Дмитриевский В.* Великий артист. 1873. Документальная повесть о жизни и творчестве Ф. И. Шалапина. 1973. Издательство «Музыка», Ленинград. отделение, 1973. – 216 с.
8. *Никулин Л.* Фёдор Шалапин. Очерк жизни и творчества. М.: Гос. издательство «Искусство», 1954. – 192 с.
9. *Федотов Н.* На добрую память земляку... (К 120-летию со дня рождения Ф. И. Шалапина) // Крымские известия, №28 (287), 12 февраля, 1993. – 4 стр.
10. *Марета А.* Матрос Фёдор Шалапин прибыл! (Малоизвестная севастопольская страничка биографии знаменитого певца) // Слава Севастополя №43 (18754), 11 марта 1992. – 3 стр.
11. Москва. Жизнь и песня // Курортный Крым №93 (13788), 18 мая 1991. – 3 стр.
12. *Шалапин Ф. И.* Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. В/о «Союзтеатр» СТД СССР. М.: Гл. редакция театральной литературы. 1990. – 318 с.
13. Фёдор Иванович Шалапин. Т. 1. Литературное наследие. Письма. М.: Искусство, 1976. – 675 с.
14. Летопись жизни и творчества Ф. И. Шалапина: В 2-х кн. Кн. 2/ Сост. Ю. Котляров, В. Гармаш. – Л.: Музыка, 1985. – 312 с.
15. Музыкальная энциклопедия / под ред. Ю. В. Келдыш. Т. 6. ХЕЙНУЕ – ЯШУГИН. М.: Из-во «Сов. энциклопедия», 1982. – 1002 стб.
16. *Пермяков В.* Шалапин и Чехов (к 90-летию со дня рождения великого русского артиста) // Курортная газета №31 (5440), 13 февраля 1964. – 4 стр.

Штомпель О. М. (г. Ростов-на-Дону)

Социальный порядок в современной России: прецедентные тексты культуры в восприятии студентов вузов

Аннотация. На основе авторских социологических опросов студентов вузов определяется уровень их культурной компетентности, связанной со степенью освоения прецедентных текстов культуры, являющихся одной из основ сохранения социального порядка.

Ключевые слова: студенчество, социальный порядок, прецедентные тексты культуры.

Social order in modern Russia: the precedent texts of culture in the perception of university students

Abstract. Based on the author's sociological surveys of university students, the level of their cultural competence is determined. The level of student's cultural competence is related to the degree of mastering the precedent texts of culture, which are one of the foundations for preserving the social order.

Keywords: students, social order, precedent texts of culture.

Важнейшей качественной составляющей, определяющей социальную стабильность, уровень культурной грамотности и культурной компетентности, объединяющей наше общество, является степень освоения индивидом прецедентных текстов культуры как важнейших элементов семиосферы.

Наш анализ основан на результатах социологических исследований, проведённых в Ростовской области в 2014 и 2015 гг. и посвящённых характеру культурной компетентности в контексте восприятия студенческой молодёжью базовых общекультурных ценностей – знаний и ценностных предпочтений как «само собой разумеющихся», представлений, которые выходят за рамки контекста конкретного акта социокультурной коммуникации между студентами, студентами и преподавателями, студентами и СМИ и т. д., но которые будут неизбежно актуализированы в любой критический момент истории.

В языковой практике показателем уровня культурной грамотности и культурной компетентности личности являются знание и понимание так называемых прецедентных текстов, значимых как в эмоциональном, так и в гносеологическом планах и для индивида, и для его социального окружения. Прецедентные тексты регулярно «всплывают» в языковом дискурсе и являются социокультурными маркерами принадлежности

индивида к национальной культуре, демографической группе [1]. Прецедентные тексты «встроены» в систему текстов культуры, в её семиосферу. В данном случае мы опираемся на идеи Ю. М. Лотмана:

«Культура в целом может рассматриваться как текст. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в тексте» и образующий сложные переплетения текстов» [2, с. 72]. Сам массив прецедентных текстов культуры формируется прежде всего в системе образования, а также благодаря СМИ, Интернету, литературе и киноискусству. В нашем социологическом опросе особое внимание уделялось исследованию феноменов, вошедших в когнитивно-эмоциональную сферу культурной памяти российских студентов о наиболее значимых событиях российской истории.

В основе существования корпуса «прецедентных единиц» лежит знание наиболее важных фактов, событий, художественных трактовок, представлений об исторических личностях той эпохи, сведений из семейного архива. В ходе общения часто используются различного рода символы, благодаря которым сообщения «спрессовываются» и, одновременно, поддаются расшифровке.

Так, «...при восприятии названия произведения, цитаты из него, имени персонажа или имени автора актуализируется так или иначе весь прецедентный текст, т. е. приводится в состояние готовности... для использования в дискурсе по разным своим параметрам» [1, с. 218]. Последние могут носить самый разнообразный характер, связанный с той или иной ситуацией: либо в качестве образца действия, либо как критерий оценки, либо в виде источника эстетических или эмоциональных переживаний. Каков же уровень культурной компетентности и культурной грамотности российских студентов, рассмотренный с точки зрения освоения ими важнейших прецедентных текстов отечественной культуры?

Следует подчеркнуть, что формальное восприятие прецедентных текстов культуры (например, знание дат тех или иных важнейших для данного социума событий и персоналий), не сопряжённое с личной заинтересованностью учащихся, с их эмоциональными и эстетическими переживаниями, ведёт к формированию корпуса так называемых «насильственных прецедентных» текстов [3, с. 40]. Примером такого рода текстов может послужить трилогия Л. И. Брежнева «Малая Земля», «Возрождение» и «Целина», изучавшаяся в советское время на всех уровнях системы образования, но никак не повлиявшая

ни на «культурную грамотность» россиян, ни на их культурно-историческую память.

Формализованное знание прецедентных текстов культуры, отсутствие интереса к их глубокому изучению фиксируется в ответах абитуриентов и первокурсников 2014 г. на вопрос о том, кто стоял во главе Временного правительства в России в 1917 году. Правильно вспомнить А. Ф. Керенского смогли только чуть больше половины опрошенных абитуриентов и студентов первого курса – 53,9%. Треть молодых людей, принявших участие в опросе (33,3%), сочли, что должность Председателя Временного правительства в 1917 году занимал В.И. Ленин. Ещё 7,1% не смогли дать ответа, а 5,7% «назначили» на эту должность И. В. Сталина.

Вероятнее всего, такое положение дел можно объяснить тем, что 1917 год ассоциируется у молодёжи исключительно с революционными событиями, а все остальные социальные и политические изменения остаются для них «в тени». В том числе и тот факт, что Временное правительство было свергнуто как раз под руководством В.И. Ленина. В итоге каждый третий опрошенный считает, что именно Ленин был Председателем государственного органа, членов которого сам же приказал арестовать.

Отношение к Великой Отечественной войне выступает важнейшим индикатором чувства патриотизма и знания важнейших для россиян прецедентных текстов культуры. Социологический опрос студентов вузов Ростовской области показал необходимость сохранения празднования Дня Победы как поистине всенародного праздника: это положение практически никем не оспаривается, являясь важным контекстуальным моментом коммуникативных актов, связанных с оценкой наиболее важных событий отечественной истории XX века (только 2% респондентов считают праздник 9 Мая «неактуальным» или «ненужным»). Однако эта общая установка преломляется противоречивым образом на уровне «культурной грамотности» – удивительно, но 30% респондентов ухитрилось неправильно назвать дату начала Великой Отечественной войны (или вообще её не указать).

Знание и эмоционально-чувственное восприятие прецедентных текстов культуры, раскрывающих художественно-образными средствами великий подвиг советского народа, различается у представителей различных социально-демографических групп россиян. К примеру, какие песни времён Великой Отечественной войны знают и поют студенты Ростовской области? Безусловными лидерами здесь оказались такие песни времён войны, как «Катюша» (60,9%), «Священная война» (21,4%), «Тёмная

ночь» (15,6%). Эти песни действительно были очень популярны в то время, и они оказались встроенными в историко-культурную память молодых россиян. Но многое оказалось забыто: только 0,4% назвали некогда популярную песню «22 июня, ровно в 4 часа»; только 0,5% назвали «Едут по Берлину наши казаки», «Первым делом самолёты» – назвали 0,3% респондентов (что, между прочим, означает: мало кто из студентов видел знаковый каждому представителю военного и послевоенного поколения кинофильм «Небесный тихоход»). Интересно отметить, что сама фраза «Первым делом самолёты, ну а девушки – потом» известна большинству студентов и используется в их языковом дискурсе в качестве поговорки.

Тем не менее прецедентные тексты культуры, имеющие важнейшее мировоззренческое значение для подавляющего большинства россиян как старшего, так и молодого поколения, связаны с Великой Отечественной войной. Однако жизненный, в том числе эмоциональный опыт людей, участвовавших в ВОВ, нельзя «заучить», передать другими – нехудожественными – чисто информационными средствами, а ведь он играет основную роль в воспитании чувств, в том числе и чувства патриотизма. Роль искусства в этом плане незаменима, и, к сожалению, современная культурная политика здесь далеко не совершенна. Например, 50,7% студентов считают, что наиболее часто встречаются примеры искажений, фальсификаций фактов, событий ВОВ в передачах и сериалах ТВ, 35,5% – в кинематографе. В основном студенты знакомы с классикой советского кино, посвящённого ВОВ – только 7% респондентов не видели ничего из 13 наиболее известных фильмов советского кинематографа (2-я половина XX века), которые неоднократно транслируются по ТВ, существуют в оцифрованном виде в Рунете. Пальма первенства здесь принадлежит таким кинофильмам, как «А зори здесь тихие» – его видели 76,5% студентов (при этом 22,5% посчитали его лучшим из виденных фильмов советского кинематографа, 16,2% – самым правдивым) и «В бой идут одни старики» – его видели 82,2% (наилучшим его признали 28,7%, самым правдивым – 15,2% респондентов). Примечательно, что кинофильм «Баллада о солдате», с успехом прошедший по всему миру и получивший 101 зарубежную премию (в частности, эта картина была отмечена призом «За лучший фильм для молодёжи» и призом «За высокий гуманизм и исключительные художественные качества» в Каннах), отмечен лишь 2,6% видевших его студентов. Фильм «Живые и мёртвые», снятый по первой части одноимённого романа К.Симонова и получивший главную премию на Международном кинофестивале в Карловых Варах

(1964), премию на Международном кинофестивале в Акапулько (1964), главную премию и приз за актёрскую работу (А. Папанов) на первом ВКФ в Ленинграде (1964), герои которого имели реальных прототипов, отметили лишь 1,2% видевших его респондентов.

Однако оценки респондентами качества советских фильмов доперестроечного периода носят противоречивый характер: 12,1% студентов не смогли выбрать наилучший, отвечающий их вкусу фильм советского кинематографа о ВОВ; 27,4% не нашли правдивого среди наиболее признанных и любимых советских народом кинофильмов 60–80-х гг. Примечательно, что этот относительный негативизм части нашей молодёжи по отношению к советскому киноискусству парадоксальным образом снимается общим доброжелательным отношением к нему: 79% респондентов так и не смогли выбрать среди этих 13 кинокартин о Великой Отечественной войне худшую.

Можно отметить следующую закономерность: изменение в настоящее время каналов трансляции прецедентных текстов и исторической памяти россиян. Если для послевоенного поколения главными источниками представлений о ВОВ были родители, непосредственные участники войны, то сейчас наиболее важными источниками знаний о ВОВ являются школа (59,1%) и документальные фильмы (55,8%), а рассказы родителей и знакомство с семейными «архивами» – только для 32,6% (из предложенных в анкете 14 вариантов ответов на данный вопрос можно было выбрать четыре ответа). Если семья является механизмом формирования преимущественно традиций, то система образования – прежде всего знаний и, как модно сейчас говорить, компетенций.

Это означает, что визуальные прецедентные тексты культуры, зафиксированные в советском кино, в кинематографе доперестроечного периода, для молодёжи уже не являются таковыми, что приводит к культурной дисгармонии, дисбалансу в коммуникационных межпоколенческих процессах.

При этом зафиксирована тенденция снижения идейного и духовного авторитета современного российского кино о Великой Отечественной войне по сравнению с фильмами, посвящёнными той же тематике, советского периода. Немалую роль здесь играет то, что советские фильмы о войне снимались режиссёрами, прошедшими войну или принадлежащими непосредственно послевоенному поколению, – они выглядят более правдивыми, если можно так выразиться, «документальными» и там не встречаются голливудские штампы-«стрелялки» и акробатические трюки. Историческая достоверность (не только обмундирования

и технической оснащённости, но прежде всего – смысла тех событий и нравственных качеств, духа людей той эпохи) должна быть ключевым принципом при создании фильмов о Великой Отечественной войне.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам.

Радикальные изменения, происходившие во всех областях жизни российского общества, накладывают существенный отпечаток на массовое восприятие событий прошлого, культурную грамотность населения. Следовательно, в решении задач формирования культурной компетентности студентов необходимо искать новые подходы, соответствующие нынешним реалиям.

Основные элементы культурной грамотности (знания и способы интерпретации тех или иных явлений социальной жизни) формируются через освоение базовых текстов культуры (вербальных и невербальных) в школе и вузе.

Материалы опроса свидетельствуют о том, что представления студентов о прошлом России противоречивы, наблюдается формальное знание важнейших прецедентных текстов культуры, непонимание сущности исторических процессов. Молодёжь недостаточно хорошо знает историю своей страны, а если и знает, то в большей степени по современным кинофильмам, а не по учебникам и книгам, поэтому историческая картина представляется как разрозненная мозаика фактов. Недостаточный уровень знания прецедентных текстов культуры не даёт студентам возможности в полной мере оценить достижения страны и её проблемы. Особую озабоченность вызывает формальное оперирование прецедентными текстами культуры (датами, персоналиями, отдельными фактами и т. д.) вместо их содержательного освоения, связанного с личностными интенциями обучающихся. Необходимо не механическое заучивание прецедентных феноменов истории и культуры (на что ориентировано обучение, основанное на тестировании), а формирование личностного знания, связанного с творческой, эмоционально-образной интерпретацией прецедентных текстов, для чего и существуют творческие виды заданий (сочинения, эссе, реконструкции и т. п.) и проективная форма организации учебного процесса.

Список источников и литературы

1. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
2. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв // Ю. М. Лотман. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. – С. 12–148.
3. *Слышкин Г. Г., Ефремова М. А.* Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.

Юрченко В. М. (г. Краснодар)

Идеология центризма и национальная безопасность современной России

Аннотация. В статье обосновываются основные положения современной центристской идеологии и направления обеспечения национальной безопасности России. Обосновывается роль центристской идеологии в процессе согласования интересов и ценностей в многосоставном полиэтническом обществе, что может способствовать нейтрализации угроз суверенитету страны.

Ключевые слова: угрозы национальной безопасности, многосоставное общество, центризм, полиархия, плюрализм, суверенитет государства, политические ценности, патриотические идеи.

Ideology of centrism and national security of modern Russia

Abstract. Basic provisions of modern centrist ideology and the direction of ensuring national security of Russia are proved in article. The role of centrist ideology in the course of coordination of interests and values is proved in polysynthetic multiethnic society that can promote neutralization of threats to sovereignty of the country.

Keywords: threats of a homeland security, polysynthetic society, centrism, poliarkhiya, pluralism, sovereignty of the state, political values, patriotic ideas.

Мировые политические процессы в XXI веке характеризуются серьёзными вызовами и угрозами национальной безопасности РФ, так как после распада СССР Россия оказалась в центре геополитических изменений, социально-политических трансформаций и информационного противоборства влиятельных игроков в публичном пространстве.

Формирующаяся модель современного мироустройства состоит в том, как считают отдельные эксперты, чтобы обеспечить равную возможность договариваться всем без исключения субъектам политического процесса, не деля мир по критериям идеологическо-ценностной «полноценности», экономической или демократической состоятельности. Ценности и принципы должны быть универсальными, а не геополитически детерминированными (по К. Косачеву) [2].

Эта задача наиболее полно соответствует принципам центристской идеологии и политики, которые заключаются в том,

чтобы примирить и объединить самые разнообразные, в том числе и противоположные модели видения социального устройства, разнообразные представления о правовом порядке в единое целое в интересах сохранения целостности системы, территориальной целостности суверенного государства, его эффективности, но не на основе идеи монополизма, а на основе полиархии, социального и этнического плюрализма и экономической многоукладности. Российское переходное общество в постсоветский период переживало состояние аномии, что равносильно хаосу в социально-политической и экономической сферах. Один из основных идейный постулатов центризма заключается в признании относительности порядка и спонтанности процессов самоорганизации, возникающих естественным путём. По сути, центризм не может абсолютизировать какие-либо крайности: будь то монополия или плюрализм. В процессе определения механизмов обеспечения национальной безопасности России в трансформирующемся глобальном мире появились идеи суверенной демократии и социального консерватизма. В этих проектах в большей мере, чем в других акцентируется внимание на стратегии национальной безопасности и суверенитета, в условиях активизации разнонаправленных идеологических дискурсов.

Угрозы распада политической общности заставили активизироваться конструктивные силы в России для того, чтобы не допустить негативных для целостности государства процессов. Политический центризм в этом контексте осуществляет консолидирующую функцию, он актуализируется в государственном управлении, так как именно государство, стремясь к социальной стабильности и правопорядку, пытается объединить общество на основе всеми разделяемых ценностей общегражданской идентичности. Идеям социальных потрясений и революционных технологий центризм противопоставляет эволюционность политического развития и консолидацию российского многонационального, полиэтнического общества. Такой программы действий придерживаются политическая партия «Единая Россия» и её многочисленные сторонники.

Центристская идеология – это своеобразный интеллектуальный поиск основных контуров новой российской патриотической идеи, эффективных согласительных практик и политических проектов, ориентирующихся на ценности национальной безопасности, государственного суверенитета и защиту личных прав граждан. Устойчивое социально-экономическое и политическое развитие общества является доминантной мотивацией социально ответственной элиты. Однако оформление института партии парламентского большинства сделало «Единую Россию» очень

привлекательной нишей для так называемой «рутинизации харизмы» той части активной общественности, которая стремится любой ценой обеспечить себе карьерный рост или сохранить свою власть любой ценой, даже если она неэффективна, а порой и коррумпирована. Естественно, эта тенденция сама по себе становится серьёзной угрозой для национальной безопасности РФ. Необходимо упреждать эти угрозы, в первую очередь на основе критического анализа деятельности региональных элит и бюрократического центра, опираясь на принципы демократизма и политической ответственности, разрабатывая эффективные механизмы социально-политической и экономической безопасности Российского государства, так как именно этого требуют ментальные факторы развития российского социума.

Таким образом, политический центризм стал наиболее активным защитником «государственно-центристской модели мира», государственного суверенитета. А поскольку социально-политическим институтом, обеспечивающим безопасность личности и общества должно быть именно государство, защищая государство от распада, конструктивные политические акторы защищают мир от разрушительного хаоса. Ответственные общественно-политические силы в стране, заинтересованные в последовательном устойчивом развитии и безопасности государства, разрабатывают стратегию возрождения России как значимого субъекта глобальной политики. В результате удалось остановить набравшие силу процессы деградации общества, разрушения правоохранительных органов, других силовых структур, в стране был восстановлен конституционный порядок, заново отстроена вертикаль исполнительной власти, наметилась тенденция конструктивного взаимодействия её ветвей. И хотя политическое пространство и конкретная политическая деятельность всегда имеет и конфликтный, и интеграционный потенциалы, возможность дифференциации которых обеспечивает перераспределение центров власти и управление конфронтационными процессами в обществе, есть ресурсы мобилизации и консолидации общества.

Как известно, Россия – ресурсно самодостаточная страна. Но угрозы ограничения её суверенитета связаны в основном с финансовой и научно-технической зависимостью ряда отраслей от внешних структур. Не менее значимыми являются угрозы внутренних расколов, которые могут быть спровоцированы противоречиями внутри элит, а это в свою очередь опасно внутриполитической дезинтеграцией. Слабым местом является неустойчивая легитимность региональной и местной бюрократии. Опасность периферийного положения России в экономическом

и научно-техническом отношении требует оперативного изменения экономической политики, структурной перестройки экономики на основе нового технологического уклада, «введения системы мер по прекращению вывоза капитала, дедолларизации и деофшоризации экономики» (по С. Глазьеву, С. Батчикову, А. Кобякову) [1, с. 17], сокращения уязвимости России в сфере финансовой инфраструктуры и международной экономической кооперации. Для единой государственности российского полиэтничного социума особенно опасен кризис идентичности, возникающий тогда, когда этнические и конфессиональные различия становятся преградой на пути общенационального объединения и идентификации на более высоком уровне гражданской идентичности в рамках единой политической системы. Именно тогда, когда в политической риторике правящего класса появились оценки социальной трансформации России, отличные от западного сценария развития, в межгосударственных отношениях с Западом наметились линии размежевания и противостояния, которые в нынешней ситуации проявляются как информационная и санкционная война. Поскольку бессмысленно придерживаться идеи «догоняющей» модернизации, которая себя не оправдала в предыдущие годы (по Ю. Лужкову) [3, с. 5–30], потребовалась новая парадигма развития российского общества в интересах безопасности личности, общества и государства на основе политики государственного суверенитета и центристской идеологии. В этом политическом тренде подчёркивается значимость способности управлять своим будущим и выстраивать конкурентоспособную стратегию развития, обеспечивая себе прочные позиции в глобальном мире. Но учитывая внутреннюю неравномерность и неоднородность развития российских регионов, необходим ситуационный анализ и дифференцированный подход к разработке региональных моделей безопасности как основы для общенациональной безопасности. В. Никонов в монографии «Российская матрица» справедливо утверждает, что на Россию всё больше смотрят не как на проблему, а как на возможность. Возможность взаимовыгодного сотрудничества в экономике, культуре, возможность, укрепляя глобальную безопасность, решать совместно региональные проблемы и разрешать конфликты, не доводя их до крайней фазы. Российская цивилизация, считает он, всегда была, есть и будет не воспоминанием о прошлом, а мечтой о будущем (по В. А. Никонову) [4, с. 922–923].

По оценкам исследователей ИСЭГИ ЮНЦ РАН, в условиях ярко выраженной информационной агрессии против России со стороны Запада формируется образ нашей страны как

государства-агрессора, стремящегося расширить сферу своего влияния как территориально, так и ментально. Фальсификация прошлого синтезируется с новыми мифами об исторической вине России за преднамеренную жестокость к народам, проживающим на Кавказе. Создание новых зон нестабильности, этнический сепаратизм – рассматриваются нашими оппонентами как средство борьбы в области экономики и как способ отвлечения ресурсов России от решения насущных проблем (по И. В. Юрченко, М. В. Донцовой) [5, с. 80].

Во многом негативный образ России формируется зарубежными и некоторыми российскими СМИ согласно существующим стереотипам периода холодной войны, а в ряде случаев СМИ выполняют определённый политический заказ. Всё это в значительной степени влияет на восприятие РФ населением стран Запада. Как отмечает И. Глинская, Россия по-прежнему часто и во многих сферах воспринимается как вызов или угроза стабильности в Европе и во всём мире. Освещение нашей страны через западноевропейские СМИ носит в основном негативный характер. Часто повторяется такое клише, как «возрождение имперских, амбиций». Автор подчёркивает, что по мере интеграции России в мировое сообщество будут нарастать усилия по дискредитации России (в том числе и российского бизнеса), что является следствием конкурентной борьбы. И в этой ситуации российское общество остро нуждается в системе «информационной защиты», для чего необходима комплексная стратегия, которая включает в себя, в том числе, собственную работу с иностранными СМИ, развитие положительного образа России за счёт переговоров и договорённостей с другими странами.

Общее информационное пространство, в котором циркулирующие группы интересов превращают регион в поле конфликтов и взаимодействуют как различные ценностно-смысловые системы, – это важнейшая организационно-управленческая проблема обеспечения национальной и региональной безопасности. В этой связи представляется необходимым разработать специализированную для каждой местности комплексную организационно-управленческую программу развития региона как полиэтничного, с ориентацией на формирование общероссийской гражданской идентичности, считают исследователи ЮИЦ РАН (по И. В. Юрченко, М. В. Донцовой) [7, с. 38–39]. С помощью соответствующих индикаторов (по И. В. Юрченко) [6, с. 380–383] можно исследовать степень конфликтности, сплочённости или разобщённости, социального доверия или недоверия, которые проявляются в ощущении коллективной и индивидуальной

опасности или безопасности, терпимости или нетерпимости и готовности принятия в социальном пространстве носителей других субкультур, непосредственно влияющих на характер политических процессов в регионе.

Таким образом, отношения в социально-политической сфере, складывающиеся в постсоветский период, имея универсальные проявления и специфические особенности, характерные для российской ментальности, предполагают ориентацию на центристскую идеологию, консолидирующую социальные общности, что является важнейшим условием обеспечения национальной безопасности современной России.

Список источников и литературы

1. *Глазьев С., Батчиков С., Кобяков А.* Встать в полный рост // Холодная война 2.0. Стратегия русской победы. – М., 2015. – С. 17.
2. *Косачев К.* Необходимо обеспечить переход к новой модели мироустройства // Российская газета. № 6800 (229) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/10/11/epocha-site.html>.
3. *Лужков Ю.* Россия и Запад // Стратегия России. № 8. 2006. С. 5–30.
4. *Никонов В. А.* Российская матрица. – М., 2014. – С. 922–923.
5. *Юрченко И. В., Донцова М. В.* Деструктивные информационные воздействия как фактор этнополитической напряжённости (на примере Краснодарского края и Адыгеи) // Вестник Южного научного центра РАН. Т. 11. № 1. 2015. С. 80.
6. *Юрченко И. В.* Коммуникативно-синергичная парадигма исследования информационного пространства юга России // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв.: уроки и вызовы современности. Краснодар, 2011. С. 380–383.
7. *Юрченко И. В., Донцова М. В.* Конфликтологическая экспертиза проблем региональной безопасности в новом электоральном цикле (на примере Краснодарского края) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. № 6. Ч. 1. 2016. С. 38–39.

Наши авторы

Авксентьев Виктор Анатольевич, заведующий отделом политологии и конфликтологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (ИСЭГИ ЮНЦ РАН), доктор философских наук, профессор (г. Ростов-на-Дону)

Алмазов Исса Геннадьевич, старший научный сотрудник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева (г. Назрань)

Аничкин Евгений Сергеевич, заведующий кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, доцент (г. Барнаул)

Анчев Стефан Иванов, преподаватель Великотырновского университета (ВТУ) Святых Кирилла и Мефодия, кандидат исторических наук, доцент (Республика Болгария, г. Велико Тырново)

Астапов Сергей Николаевич, профессор кафедры философии религии и религиоведения Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, доктор философских наук, профессор (г. Ростов-на-Дону)

Баранов Андрей Владимирович, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор (г. Краснодар)

Баранов Николай Алексеевич, профессор кафедры глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д.Ф. Устинова, доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)

Бойко Павел Евгеньевич, заведующий кафедрой философии Кубанского государственного университета, доктор философских наук, профессор (г. Краснодар)

Бухович Евгений Викторович, аспирант кафедры философии Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

Ващенко Александр Владимирович, декан факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Краснодар)

Говорукина Карине Александровна, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, кандидат политических наук (г. Краснодар)

Горюшина Евгения Михайловна, научный сотрудник отдела стратегических исследований ЮНЦ РАН, помощник директора ИСЭГИ ЮНЦ РАН по международным вопросам (г. Ростов-на-Дону)

Громов Владимир Прокофьевич, заместитель председателя комитета по военным вопросам, воспитанию допризывной молодежи и делам казачества Законодательного Собрания Краснодарского края, кандидат исторических наук, доцент (г. Краснодар)

Грузков Владимир Николаевич, профессор, заведующий лабораторией Ставропольского государственного педагогического института, Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук, профессор (г. Ставрополь)

Губина Екатерина Николаевна, старший преподаватель кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва» (Самарский университет) (г. Самара)

Данилов Андрей Геннадьевич, профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор исторических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону)

Денисов Николай Григорьевич, председатель комитета по вопросам промышленности, строительства и жилищно-коммунального хозяйства Законодательного Собрания Краснодарского края, доктор философских наук, профессор (г. Краснодар)

Донцова Мария Владимировна, научный сотрудник ИСЭГИ ЮНЦ РАН, кандидат социологических наук (г. Краснодар)

Егиазарян Наталья Викторовна, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин филиала СПб ИВЭСЭП в г. Ереване, доцент (Республика Армения, г. Ереван)

Еремеева Анна Натановна, главный научный сотрудник Южного филиала НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар)

Записная Татьяна Валерьевна, доцент кафедры публично-правовых дисциплин Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М.И. Платова, кандидат юридических наук, доцент (г. Новочеркасск)

Злотникова Лидия Михайловна, доцент Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, кандидат экономических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Гомель)

Змихновский Сергей Игоревич, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета, кандидат философских наук, доцент (г. Краснодар)

Иванова Светлана Юрьевна, заведующая лабораторией политико-идеологических исследований ЮНЦ РАН, доктор философских наук, профессор (г. Ростов-на-Дону)

Канашина Ольга Александровна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва» (Самарский университет), кандидат юридических наук, доцент (г. Самара)

Касьянов Валерий Васильевич, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор (г. Краснодар)

Кислицын Сергей Алексеевич, профессор Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор исторических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону)

Костылев Алексей Николаевич, главный редактор информационно-аналитического агентства «Ясно» (г. Краснодар)

Кудрявцев Александр Абакарович, профессор Северо-Кавказского федерального университета, директор научно-образовательного центра «Культурное и природное наследие Северного Кавказа», доктор исторических наук, профессор (г. Ставрополь)

Кузина Светлана Ивановна, профессор кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор политических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону)

Лагунов Алексей Александрович, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук, профессор (г. Ставрополь)

Маркова-Мурашова Светлана Александровна, профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар)

Матвеев Владимир Александрович, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, доктор исторических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

Матвеев Олег Владимирович, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар)

Матюшенко Павел Петрович, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Краснодар)

Минчев Минчо Петров, профессор Великотырновского университета, доктор философских наук, профессор (Республика Болгария, г. София)

Мичурина Зоя Владимировна, аспирант кафедры философии Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

Муликова Наталья Анатольевна, доцент кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, кандидат философских наук, доцент (г. Ставрополь)

Нижников Сергей Анатольевич, профессор Российского университета дружбы народов (РУДН), доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Нюшков Валентин Александрович, старший научный сотрудник, заместитель директора по научной работе Абхазского государственного музея, кандидат исторических наук (Республика Абхазия, г. Сухум)

Очкасова Ирина Валериановна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва» (Самарский университет) (г. Самара)

Панарин Андрей Анатольевич, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор (г. Армавир)

Писаренков Александр Анатольевич, доцент кафедры иностранных языков Кубанского государственного университета, кандидат философских наук, доцент (г. Краснодар)

Подхомутникова Марина Викторовна, преподаватель кафедры истории России Кубанского государственного университета, кандидат политических наук (г. Краснодар)

Пушкарева Наталья Львовна, заведующая подразделением (сектор этногендерных исследований) Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

Ратушняк Валерий Николаевич, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (г. Краснодар)

Рогочая Галина Петровна, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, кандидат философских наук (г. Краснодар)

Ромашов Роман Анатольевич, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)

Рябошапка Асия Измайловна, доцент кафедры экономической теории и международных экономических отношений Ростовского филиала Российской таможенной академии, кандидат экономических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

Сердюкова Елена Владимировна, заместитель декана факультета философии и культурологии по научной работе Южного федерального университета, кандидат философских наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

Сидоров Валерий Григорьевич, профессор кафедры философии Кубанского государственного университета, доктор философских наук, профессор (г. Краснодар)

Смирнова Наталья Евстафьевна, научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск)

Соболева Светлана Владимировна, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, доктор экономических наук, профессор (г. Новосибирск)

Съедин Николай Александрович, доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, кандидат политических наук, доцент (г. Симферополь)

Тажидинова Ирина Геннадьевна, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Краснодар)

Терентьева Марина Сергеевна, аспирант кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Ростов-на-Дону)

Тихонов Андрей Владимирович, доцент кафедры истории философии института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Трут Владимир Петрович, профессор кафедры отечественной истории Новейшего времени Южного федерального университета, доктор исторических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону)

Узлов Юрий Андреевич, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Краснодар)

Худобородов Александр Леонидович, заведующий кафедрой истории, культурологии, социологии и права Челябинского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)

Чёрный Владимир Иванович, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук, профессор (г. Краснодар)

Чудаева Ольга Владимировна, научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск)

Шендрикова Снежана Павловна, профессор кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории Гуманитарно-педагогической академии (филиал) в г. Ялта Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, доктор исторических наук, профессор (г. Симферополь)

Штомпель Олег Михайлович, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета, доктор исторических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону)

Юрченко Виктор Михайлович, советник ректора Кубанского государственного университета, заведующий кафедрой политологии и политического управления, доктор политических наук, профессор (г. Краснодар)

Яшина Марина Анатольевна, старший преподаватель Челябинского государственного педагогического университета (г. Челябинск)

Содержание

<i>Предисловие</i>	5	Баранов А. В. (г. Краснодар)	Этнополитические процессы
<i>Introduction</i>	7		в Краснодарском крае:
Авксентьев В. А. (Ростов-на-Дону)			мониторинг и менеджмент
Политика идентичности		Baranov A. V. (Krasnodar)	Ethnopolitical processes
в современной России			in the Krasnodar Territory:
и манипулятивные практики			monitoring and management.....
деконструкции			42
Avksentiev V. A. (Rostov-on-Don)		Баранов Н. А. (г. Санкт-Петербург)	Информационная политика России
The identity policy in modern Russia			в контексте секьюритизации
and the manipulative practices		Baranov N. A. (Saint-Petersburg)	Information policy of Russia
of deconstruction	9		in the context of securitization.....
Алмазов И. Г. (г. Назрань)			51
Особенности национально-		Бойко П. Е., Бухович Е. В. (г. Краснодар)	Идея всемирной истории
государственной политики			в философии Ф. В. Й. Шеллинга
Добровольческой армии Юга России			Boiko P. E., Bukhovich E. V. (Krasnodar)
в Ингушетии в 1919–1920 гг.			The idea of world history in
Almazov I. G. (Nazran)			the philosophy of F.V.I. Schelling... 59
Features of the national-state policy		Ващенко А. В. (г. Краснодар)	Импортозамещающая
of the Volunteer Army			индустриализация: исторический
of the South of Russia in Ingushetia			опыт и современность
in 1919–1920	14	Vashchenko A. V. (Krasnodar)	Import-replacing industrialization:
Аничкин Е. С. (г. Барнаул)			historical experience
Оценка правовых последствий			and modernity
нормативных правовых актов			66
в Российской Федерации		Говорухина К. А. (г. Краснодар)	Практики применения пропаганды
(на примере сферы образования)			и PR в современном политико-
Anichkin E. S. (Barnaul)			информационном пространстве
Assessment of legal effects of laws			России
and regulations in the Russian		Govorukhina K. A. (Krasnodar)	Practices of applying propaganda
Federation (through the example			and PR in the modern political
of the sphere of education).....	23		and information space of Russia... 69
Анчев С. И. (Республика Болгария,		Горюшина Е. М. (г. Ростов-на-Дону)	Политическая нестабильность
г. Велико Тырново)			Центральной Азии как
Политика Запада на Балканах			основная угроза Евразийскому
и против России в войне за ресурсы			экономическому союзу
Anchev S. I. (Bulgaria, Veliko-Tarnovo)		Goryushina E. M. (Rostov-on-Don)	Political instability of Central Asia
Western policy in the Balkans			as the main threat to the Eurasian
and against Russia in the war			Economic Union
for resources	28		74
Астанов С. Н. (г. Ростов-на-Дону)			
Значение религиоведческой			
экспертизы для обеспечения			
межконфессионального мира			
Astapov S. N. (Rostov-on-Don)			
The value of religious studies			
for ensuring interfaith peace	36		

- Громов В. П. (г. Краснодар)**
Кубанская казачья эмиграция
в XX столетии
Gromov V.P. (Krasnodar)
Kuban Cossack emigration
in the XX century 81
- Грузков В. Н. (г. Ставрополь)**
Этнический экстремизм в контексте
конфликтологического анализа
Gruzkov V.N. (Stavropol)
Ethnic extremism in the context
of conflict analysis 90
- Губина Е. Н., Очкасова И. В. (г. Самара)**
Влияние Великой Октябрьской
социалистической революции
на становление современного
международного права
Gubina E.N., Ochkasova I.V. (Samara)
The Influence of the Great October
Socialist Revolution on the formation
of Modern International Law..... 97
- Данилов А. Г. (г. Ростов-на-Дону)**
Кризис «низов» и кризис «верхов»
накануне Февральской революции –
миф или реальность?
Danilov A. G. (Rostov-on-Don)
The «lower classes» and the «upper
classes» crisis on the eve of the
February revolution – myth
or reality?104
- Денисов Н. Г. (г. Краснодар)**
Государственная идеология как
фактор национальной безопасности
России
Denisov N. G. (Krasnodar)
State ideology as a factor of national
security of Russia 111
- Донцова М. В. (г. Краснодар)**
Конфликтотенные факторы
развития этнополитической
ситуации в Краснодарском крае
и Республике Адыгея
Dontsova M. V. (Krasnodar)
Conflictogenic factors of the
development of the ethno-political
situation in the Krasnodar Territory
and the Republic of Adygea 118
- Егиазарян Н. В. (Республика Армения,
г. Ереван)**
Могут ли СМИ стать проводниками
духовности и традиционных
ценностей?
Yeghiazaryan N. V. (Armenia, Yerevan)
Can mass media become a vehicle
of spiritual and traditional
values?.....124
- Еремеева А. Н. (г. Краснодар)**
Воздействие событий 1917 года
на ситуацию в высшей школе
Eremeeva A.N. (Krasnodar)
The impact of the events
of 1917 on the situation
in higher education.....130
- Записная Т. В. (г. Ростов-на-Дону)**
Правовое оформление политики
Российской Федерации в сфере
информационной безопасности
Zapishnaya T. V. (Rostov-on-Don)
Legal registration of the policy
of the Russian Federation in the field
of information security136
- Злотникова Л. М. (Республика
Беларусь, г. Гомель)**
Некоторые теоретические
положения о закономерности
Великой Октябрьской революции
Zlotnikova L.M. (Belarus, Gomel)
Some theoretical statements
on the regularities
of the Great October Revolution...143
- Змихновский С. И. (г. Краснодар)**
Конец истории или новый мировой
порядок? Парадоксы теорети-
ческого объяснения глобальных
социально-политических процессов
Zmikhnovsky S. I. (Krasnodar)
End of history or a new world
order? Paradoxes of the theoretical
explanation of global socio-political
processes.....150
- Иванова С. Ю. (г. Ставрополь)**
Культура межнационального
общения как условие
цивилизованного диалога
между народами

- Ivanova S. Yu. (Stavropol)**
Culture of interethnic communication as a condition for a civilized dialogue between peoples..... 159
- Канашина О. А. (г. Самара)**
Роль средств массовой информации в устранении проблем национальной безопасности
- Kanashina O. A. (Samara)**
The role of the media in addressing national security issues 165
- Касьянов В. В. (г. Краснодар)**
Великая российская революция 1917 г. и русское зарубежье (попытка историко-социологического обобщения)
- Kasyanov V. V. (Krasnodar)**
The Great Russian Revolution of 1917 and the Russian Abroad (an attempt at a historical-sociological generalization) 172
- Кислицын С. А., Терентьева М. А. (г. Ростов-на-Дону)**
Великая российская февральско-октябрьская революция 1917 г. и «цветная революция» на Украине 2014 г.: общее и особенное
- Kislitsyn S. A., Terentyeva M. A. (Rostov-on-Don)**
The Great Russian February-October Revolution of 1917 and the «color revolution» in Ukraine in 2014: general and special 179
- Костылев А. Н. (г. Краснодар)**
Массмедиа в современной России и их влияние на общество
- Kostylev A. N. (Krasnodar)**
Mass Media in Modern Russia and Their Impact on Society 184
- Кудрявцев А. А. (г. Ставрополь)**
Исторический опыт национально-государственного строительства на Северном Кавказе в период 1917–2017 гг.
- Kudryavtsev A. A. (Stavropol)**
Historical experience of national-state construction in the North Caucasus in the period 1917–2017 188
- Кузина С. И. (г. Ростов-на-Дону)**
Государственный суверенитет России в условиях поствестфальской системы
- Kuzina S. I. (Rostov-on-Don)**
State sovereignty of Russia in conditions of post-Westphalian system 195
- Лагунов А. А. (г. Ставрополь)**
Трансформации российского общественного сознания: 1917–2017
- Lagunov A. A. (Stavropol)**
Transformations of the Russian public consciousness: 1917–2017... 201
- Маркова-Мурашова С. А. (г. Краснодар)**
Исторический контекст и особенности определения современного понятия «революция»
- Markova-Murashova S. A. (Krasnodar)**
The historical context and features of the definition of the modern concept of «revolution» 207
- Матвеев В. А. (г. Ростов-на-Дону)**
Угрозы российской государственности и развитие исторических сведений о Северном Кавказе в условиях революции и Гражданской войны (1917–1920)
- Matveyev V. A. (Rostov-on-Don)**
Threats of the Russian statehood and the development of historical information about the North Caucasus in the conditions of the revolution and the Civil War (1917–1920)..... 213
- Матвеев О. В. (г. Краснодар)**
Войны и рукописи генерала Рыбальченко
- Matveyev O. V. (Krasnodar)**
Wars and manuscripts of General Rybalchenko 220
- Минчев М. П. (Республика Болгария, г. София)**
Государство и нация в Европе
- Minchev M. P. (Bulgaria, Sofia)**
State and nation in Europe 228

- Мицурин З. В. (г. Краснодар)**
Проблема антиномичности и идентичности русского духа в философии Н. А. Бердяева
Michurina Z. V. (Krasnodar)
The problem of the antinomy and identity of the Russian spirit in N.A. Berdyayev235
- Муликова Н. А. (г. Ставрополь)**
Современный цивилизационный кризис: смена мировоззренческих координат
Mulikova N.A. (Stavropol)
The modern civilizational crisis. Worldview coordinates changes ...242
- Нижников С. А. (г. Москва)**
Г. Федотов и Ф. Степун о феврале 1917 г.
Nizhnikov S.A. (Moscow)
Fedotov G. & Stepun F. about February 1917246
- Нюшков В. А.**
(Республика Абхазия, г. Сухум)
Абхазия в Февральской революции 1917 года
Nyushkov V.A. (Abkhazia, Sukhum)
Abkhazia in the February Revolution of 1917.....253
- Панарин А. А. (г. Армавир)**
Октябрьская революция 1917 г. в контексте марксистской теории социалистической революции
Panarin A. A. (Armavir)
The October Revolution of 1917 in the context of the Marxist theory of socialist revolution258
- Писаренков А. А. (г. Краснодар)**
Революция и право на революцию в политических трудах И. Канта
Pisarenkov A. A. (Krasnodar)
Revolution and the right to revolution in the political works of I. Kant . 264
- Подхомутикова М. В. (г. Краснодар)**
Крестьянские вооружённые восстания против большевиков в Советской России в 1917–1922 гг. (историография проблемы)
Podhomutnikova M. V. (Krasnodar)
Peasant armed uprising against the Bolsheviks in Soviet Russia in 1917–1922 (historiography of the problem).....270
- Пушкарёва Н. Л. (г. Москва)**
Российская женская история начала XX века в отечественной историографии (1917–2017)
Pushkareva N. L. (Moscow)
Russian Women's History of the early 20th c. in Russian Scholarship (1917–2017).....277
- Ратушняк В. Н., Матющенко П. П. (г. Краснодар)**
Социально-экономическое положение сельского населения Кубани в период революционных потрясений 1917 г.
Ratushnyak V.N., Matyushchenko P. P. (Krasnodar)
Social and economic situation of the Kuban rural population during the period of revolutionary upheavals in 1917..... 283
- Рогочая Г. П. (г. Краснодар)**
Массовая культура и современная публичная политика: на пути конструирования политических мифов
Rogochay G. P. (Krasnodar)
Mass culture and modern public policy: on the way of constructing political myths..... 289
- Ромашов П. А. (г. Санкт-Петербург)**
Непримиримость как системный фактор российской государственности: опыт историко-правового анализа
Romashov P.A. (Saint-Petersburg)
Irreconcilability as a systemic factor of Russian statehood: experience of historical and legal analysis... 295
- Рябошанка А. И. (г. Ростов-на-Дону)**
Импортозамещение как фактор обеспечения экономической безопасности России в современных условиях

- Рябoshapka A.I. (Rostov-on-Don)**
Import substitution as a factor in ensuring Russia's economic security in modern conditions302
- Сердюкова Е. В. (г. Ростов-на-Дону)**
Размышления Н. О. Лосского о России и революции
- Serdyukova E. V. (Rostov-on-Don)**
Reflections N.O. Lossky on Russia and the Revolution 308
- Сидоров В. Г. (г. Краснодар)**
Этапы исторической эволюции революционной партии (к 100-летию революций 1917 г.)
- Sidorov V. G. (Krasnodar)**
«Triumph» and the «fall» of the revolutionary party (to the 100-th Anniversary of 1917 Revolution)..... 313
- Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. (г. Новосибирск)**
Риски снижения уровня демографической безопасности Сибирско-Казахстанского приграничья
- Soboleva S. V., Smirnova N. E., Chudaeva O. V. (Novosibirsk)**
Risks of Demographic Security Decline in the Siberian-Kazakh Borderlands318
- Сьедин Н. А. (г. Симферополь)**
Перестройка как продолжение революции. Попытка сравнительного анализа двух политических процессов
- Šedin N. A. (Simferopol)**
Perestroika as a continuation of the revolution. An attempt to compare the two political processes325
- Тажидинова И. Г. (г. Краснодар)**
Краснодарские процессы 1962–1963 гг.: медиатизация в контексте внешней политики СССР
- Tazhidinova I. G. (Krasnodar)**
Krasnodar Processes of 1962–1963: Mediation in the Context of Foreign Policy of the USSR 333
- Тихонов А. В. (г. Ростов-на-Дону)**
Классическая философская мысль о феномене демократии
- Tikhonov A. V. (Rostov-on-Don)**
Classical philosophical thought about the phenomenon of democracy 340
- Трут В. П. (г. Ростов-на-Дону)**
Специфика итогов Февральской революции на территориях казачьих областей
- Trut V. P. (Rostov-on-Don)**
The specifics of the outcome of the February revolution on the territories of the Cossack regions.....345
- Узлов Ю. А. (г. Краснодар)**
Традиции и инновации в контексте государственного регулирования: исторический экскурс
- Uzlov Yu. A. (Krasnodar)**
Traditions and innovations in the context of state regulation: historical digression 352
- Худобородов А. Л., Яшина М. А. (г. Челябинск)**
События революции 1917 г. и Гражданской войны в трудах казаков-эмигрантов
- Khudoborodov A. L., Yashina M. A. (Chelyabinsk)**
The events of the Revolution of 1917 and the Civil War in the works of the Cossacks-emigrants358
- Чёрный В. И. (г. Краснодар)**
Особенности партизанской борьбы на Кубани в годы Великой Отечественной войны (1942–1943)
- Cherny V. I. (Krasnodar)**
Features of the guerrilla struggle in the Kuban during the Great Patriotic War of 1942–1943. 364
- Шендрикова С. П. (г. Симферополь)**
Ф. И. Шалапин и революция (по материалам крымской периодики)
- Shendrikova S. P. (Simferopol)**
Shalyapin and the revolution (based on the materials of the Crimean periodicals)..... 372

Штомпель О. М.**(г. Ростов-на-Дону)**

Социальный порядок в современной России: прецедентные тексты культуры в восприятии студентов вузов

Shtompel O. M. (Rostov-on-Don)

Social order in modern Russia: the precedent texts of culture in the perception of university

students.377

Юрченко В. М.**(г. Краснодар)**

Идеология центризма и национальная безопасность современной России

Yurchenko V. M.**(Krasnodar)**

Ideology of centrism and national security of modern Russia

383

Наши авторы 389

**ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ:
УРОКИ ИСТОРИИ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

К 100-летию ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

31 АДЛЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ

**СБОРНИК СТАТЕЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

26–30 МАЯ 2017 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРАДИЦИЯ»

Главный редактор *Е.В. Сидорова*
Корректор *И.Б. Бородина*
Вёрстка *К.П. Мятчин*

Издательство «Традиция»
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9
Тел.: (861) 277-65-32, 274-08-38
e-mail: id.tradition2006@gmail.com
www.idtrd.ru

*Оригинал-макет подготовлен к печати в соответствии
с материалами, предоставленными составителями сборника.*

Подписано в печать 00.00.2017 г.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура SchoolBook.
Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 00. Заказ № 000.
Тираж 000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Экоинвест»
350080, г. Краснодар, ул. Тюляева, 4/1
Тел./факс (861) 298-01-07
E-mail: ecoinvest@publishprint.ru
<http://publishprint.ru>